ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
DEC 14 1959
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

1959

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

БАКЛАНОВА И. А. **Рабочие-судостроители России в XIX веке.** Состав, положение и борьба рабочих адмиралтейств и заводов морского ведомства. М.-Л. Изд-во АН СССР. Ленинградское отд-ние. 1959. 237 стр. 1 800 экз. 9 р. 10 к.

ВАРТАНЯН С. **Победа Советской власти в Армении.** Ереван. Айпетрат. 1959. 223 стр. 3 000 экз. 7 р. 50 к.

ВОЛКОВ С. И. **Крестьяне дворцовых владений Подмосковья в середине XVIII в. (30—70-е гг.).** М. Изд-во АН СССР. 1959. 263 стр. 1 800 экз. 9 р. 40 к.

ВОРОВСКИЙ В. В. **Статьи и материалы по вопросам внешней политики (1903—1923).** М. Соцэкгиз. 1959. 254 стр. 20 000 экз. 4 р. 50 к.

ГЕРЦЕН А. И. **Собрание сочинений. В 30 томах. Т. 17.** Статьи из «Колокола» и другие произведения 1863 года. М. Изд-во АН СССР. 1959. 541 стр. 21 500 экз. 15 руб.

ГОЛИКОВ Г. Н. **Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции.** М. Госполитиздат. 1959. 435 стр. 50 000 экз. 7 р. 60 к.

ЗЕВЕЛЕВ А. И. **Из истории гражданской войны в Узбекистане.** Ташкент. Госиздат УзССР. 1959. 607 стр. 5 000 экз. 9 р. 65 к.

Исторические записки. Т. 65. М. Изд-во АН СССР. 1959. 316 стр. 2 000 экз. 17 р. 70 к.

КАРЕЛИНА М. Л. **Партия большевиков в революции 1905—1907 годов.** М. 1959. 52 стр. 10 000 экз. 90 коп.

КИКВИДЗЕ А. Я. **История Грузии XIX—XX вв. Т. 2. 1861—1921 гг.** Тбилиси. Изд-во Тбилисского ун-та. 1959. 417 стр. 15 000 экз. 19 р. 70 к. На грузинском языке.

Краткие сообщения. Вып. 31. М. Изд-во АН СССР. 1959. 88 стр. 1 400 экз. 4 р. 35 к.

Материалы по истории СССР. Т. 6. Вып. 4. Документы по истории монополистического капитализма в России. М. Изд-во АН СССР. 1959. 800 стр. 2 000 экз. 31 р. 30 к

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. Советская Россия. 1959. 235 стр. 2 000 экз. 15 р. 80 к.

ПЕТРОВ С. М. **Борьба за создание марксистской партии в России (1894—1904 гг.).** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 151 стр. 80 000 экз. 2 р. 60 к.

ПОГРЕБИНСКИЙ А. П. **Государственно-монополистический капитализм в России.** Очерк истории. М. Соцэкгиз. 1959. 266 стр. 5 000 экз. 6 р. 70 к.

Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сборник документов. Изд-во восточной литературы. 1959. 352 стр. 2 000 экз. 19 руб.

Сорокалетие обороны Луганска от белогвардейцев в 1919 году. (Сборник статей). Луганск. Обл. изд-во. 1959. 63 стр. 15 000 экз. 2 р. 35 к.

СОРОКИН Г. М. **Семилетний план — новый этап строительства коммунизма в СССР.** М. Соцэкгиз. 1959. 68 стр. 75 000 экз. 85 коп.

Хрестоматия по истории Украинской ССР (в 3 томах). Пособие для учителей. Т. 1. С древнейших времен до конца 50-х гг. XIX в. Киев. Рад. школа. 1959. 747 стр. 5 700 экз. 15 р. 75 к. На украинском языке.

Всеобщая история

АКАТОВА Т. Н. **Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка (1925—1926).** М. Изд-во восточной литературы. 1959. 151 стр. 1 500 экз. 4 р. 80 к.

БОЖЕНКО А. **Американская агрессия на Дальнем Востоке.** М. Воениздат. 1959. 72 стр. 1 р. 15 к. Об оккупации Тайваня вооруженными силами США.

Византийский временник. Т. 15. М. Изд-во АН СССР. 1959. 307 стр. 1 600 экз. 18 р. 50 к.

ГУБАР М. **Ахмед-шах — основатель афганского государства.** Перевод с персидского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 387 стр. 8 р. 70 к.

История современной китайской революции. Перевод с китайского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 711 стр. 13 р. 30 к. Книга охватывает период 1919—1956 гг.

КУРБАТОВ Г. Л. **Византия в VI столетии.** Популярный очерк. Л. Учпедгиз. Ленинградское отд-ние. 1959. 136 стр. 17 000 экз. 1 р. 60 к.

МАЙСКИЙ И. М. **Монголия накануне революции.** 2-е переработ. издание. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 310 стр. 1 500 экз. 15 руб.

ПОПОВ В. А. **Земельная реформа и аграрные отношения в Японии после второй мировой войны.** М. Соцэкгиз. 1959. 211 стр. 3 000 экз. 4 р. 45 к.

Последние колонии в Азии. (Сборник статей). М. Изд-во восточной литературы. 1959. 171 стр. 1 200 экз. 5 р. 20 к. На английском языке.

Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны. Материалы Международной научно-экономической конференции в Берлине (1—4 октября 1958 г.). М. Соцэкгиз. 1959. 631 стр. 15 000 экз. 13 р. 40 к.

15 лет народной Болгарии. (Сборник статей). М. Изд-во ИМО. 1959. 7 р. 05 к.

Рабочий класс Японии. Под ред. Кадзуо Окоти и Микио Сумия. Перевод с японского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 519 стр. 18 руб.

РОТШТЕЙН Ф. А. **Захват и закабаление Египта.** Издание 2-е. М. Изд-во восточной литературы. 1959. 367 стр. 3 000 экз. 16 руб.

САЕНС В. **Проблемы межокеанских путей Американского континента.** Перевод с испанского. М. Изд-во иностранной литературы. 1959. 204 стр. 7 р. 45 к.

Съезд 1957 года Коммунистической партии Германии. Перевод с немецкого. М. Госполитиздат. 1959. 135 стр. 3 р. 75 к. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 11 НОЯБРЬ 1959 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Отто Гротеволь, Председатель Совета Министров ГДР — 10 лет Германской Демократической Республики 3

Г. Д. Обичкин — Возрастание руководящей роли партии в период развернутого строительства коммунизма 25

С. Л. Шатхина — Участие московских рабочих в крутом подъеме сельского хозяйства (1953—1957 гг.) 40

Академик И. И. Минц — Революционная борьба пролетариата России в 1914—1916 годах 57

Чан Синь-минь (КНР) — Успехи КНР в области разрешения национального вопроса 70

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. В. Кузнецов — О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма в России 79

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. З. Дробижев, Т. А. Игнатенко — Некоторые итоги изучения истории совнархозов 1917—1932 годов 93

Г. Аптекер (США) — К вопросу о современных течениях в буржуазной историографии США 109

Н. К. Чеканов — Восстание няньцзюней 1853—1868 годов 113

СООБЩЕНИЯ

А. А. Зимин — Из истории поместного землевладения на Руси . . . 130

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ СССР

Л. А. Гольденберг — Краткий обзор картографических источников XVIII в. по истории Северной войны (1700—1721 гг.) 143

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

П. М. Калениченко (Киев), **И. Д. Кундюба** (Киев) — «История Польши». В трех томах. Т. III 152

К. Б. Виноградов (Ленинград), **А. С. Корнеев** (Ленинград), **М. Н. Кузьмин** (Ленинград), **С. М. Стецкевич** (Ленинград) — «Новая история». Том второй. 1789—1870 162

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Н. Я. Мерперт — Семилетний план работы Института археологии АН СССР 172

П. А. Бровцинов — План научно-исследовательских работ Института востоковедения АН СССР на 1959—1965 годы 179

Л. П. Борисов — Обсуждение перспективного плана работы редакции журнала «Вопросы истории» на 1959—1965 годы 182

О работе исторических факультетов государственных университетов 185

В. С. Байков, О. В. Вадеев — Новые книги Госполитиздата по вопросам внешней политики СССР и международных отношений . . 195

В. Б. Иванов — «Советская историческая энциклопедия» 197

И. Д. Анашкин — Рукописные собрания Государственного архива Калининской области 199

Хроникальные заметки 201

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Йозеф Мацек, член-корреспондент Чехословацкой Академии наук, директор Института истории Чехословацкой АН — Обзор работ чехословацких историков за 1958 год 204

Йозеф Фасс (Чехословакия) — Изучение истории Китая в Чехословакии 216

Б. Н. Занегин, Н. К. Константинов — XII Международная конференция по проблемам китаеведения 217

Хроникальные заметки : 220

О конкурсе на соискание премии Академии наук СССР имени Н. Н. Миклухо-Маклая в 1960 году 222

СТАТЬИ

10 ЛЕТ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ *

Отто Гротеволь
Председатель Совета Министров ГДР

Строительство основ социализма в Германской Демократической Республике

Переход к плановому построению основ социализма в Германской Демократической Республике хотя и был необходим в соответствии с уровнем экономического и политического развития, но степень сознательности и организованности рабочего класса не позволяла еще в тяжелых условиях раскола Германии немедленно поставить на повестку дня вопрос о построении социализма.

Клеветническая кампания и деятельность агентов германского империализма принимали все более откровенные формы. Всеми средствами они пытались, да пытаются еще и сейчас, идеологически «размягчить» Германскую Демократическую Республику изнутри. Они отрицали факт существования двух германских государств, пытались ставить вопрос о воссоединении, не принимая во внимание коренные различия в социально-политическом развитии ГДР и ФРГ, требовали «освобождения» ГДР и «включения» ее в Федеративную Республику Германии.

Многие немцы не имели еще в то время достаточно ясного представления о различиях в классовом характере двух германских государств. Принимая это во внимание, каждое мероприятие, проводимое в ГДР, должно было взвешиваться особенно тщательно. Империалистической реакции нельзя было давать возможность внести раскол между СЕПГ, молодым государственным аппаратом, рабочим классом, трудовым крестьянством и другими слоями трудящихся.

Но прежде всего необходимо было всесторонне и убедительно доказать превосходство социального строя ГДР, которая осуществляет великое строительство без «помощи» империалистов. В то же время нужно было разоблачить перед всем немецким народом враждебный, антинациональный характер боннского правительства и показать трудящимся, что политика Западной Германии определяется исключительно империалистическими интересами, а отнюдь не потребностями народа. В результате большой воспитательной работы СЕПГ население ГДР начало осознавать необходимость построения социализма, понимать, что только таким путем оно сможет действенно выступить против милитаризации Западной Германии и сорвать вынашиваемые империалистами планы нападения на первое германское рабоче-крестьянское государство.

Перспективы социалистического строительства в ГДР были намечены в решениях III съезда СЕПГ, состоявшегося в июне 1950 года. Важнейшим решением съезда был проект первого пятилетнего плана развития народного хозяйства ГДР на 1951—1955 годы. План предусматривал рост выпуска промышленной продукции по сравнению с уровнем 1950 г. до 190%. В 1955 г. валовая продукция промышленно-

---

* Окончание. Начало см. «Вопросы истории», 1959, № 10.

сти ГДР по сравнению с довоенным уровнем должна была увеличиться вдвое. Необходимо было превзойти темпы развития капиталистических стран и повысить производительность труда по меньшей мере на 60%. Увеличение народного дохода предусматривалось также на 60%. Перед всеми отраслями хозяйства, науки и культуры были поставлены трудные, но реальные задачи. Центральной задачей в области промышленности явилось расширение металлургической базы для нашего высокоразвитого машиностроения.

В результате раскола Германии ГДР оказалась отрезанной от многих промышленных центров, в том числе от Рурской области. В связи с этим мы были вынуждены заново создавать различные отрасли тяжелой промышленности. Исключительное значение имела при этом помощь Советского Союза и стран народной демократии, тем более, что нам приходилось осуществлять реконструкцию и расширять нашу промышленность в условиях экономической блокады, организованной империалистами. Крупные вложения в тяжелую промышленность требовали больших жертв со стороны трудящихся. Но это было необходимо для дальнейшего строительства всего нашего народного хозяйства.

Пятилетний план выдвинул перед трудящимися ГДР задачу строительства новых промышленных комбинатов. В 1950—1951 гг. началось сооружение таких гигантов, как металлургический комбинат на Одере, металлургический завод «West» в Кольбе, завод в Лаухгаммере по производству кокса из бурого угля, верфи для строительства океанских судов.

Во многих отраслях промышленности выпуск продукции достиг к 1951 г. довоенного уровня. Урожай в стране был собран в таком же количестве, как до войны. Поэтому в течение 1951 г. стало возможно отменить нормирование некоторых продуктов питания и товаров широкого потребления и снизить на них цены. Население почувствовало во всех областях жизни, что политика партии рабочего класса и правительства ГДР была правильной. Разруха и нужда первых послевоенных лет были окончательно преодолены.

Трудящиеся ясно видели благородные цели пятилетнего плана и с энтузиазмом и воодушевлением принялись за его осуществление. Они питали доверие к политике СЕПГ и правительства ГДР, так как убедились, что поставленные партией и правительством задачи неуклонно выполняются и республике будет обеспечено счастливое будущее.

В 1952 г. были созданы все предпосылки для того, чтобы обнародовать программу строительства основ социализма. На 2-й партийной конференции в июле 1952 г. СЕПГ приняла решение, в котором говорилось: «Политические и экономические условия, а также сознание рабочего класса и большинства трудящихся развились настолько, что строительство социализма стало в ГДР основной задачей. Немецкий народ, из среды которого вышли такие величайшие ученые, как основоположники научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс, претворит в жизнь под руководством рабочего класса великие идеи социализма».

Партийная конференция наметила и обсудила мероприятия для осуществления величественной задачи — построить социализм в стране, которая была высокоразвитой в промышленном отношении еще в условиях капитализма, и доказать превосходство социалистической системы над капиталистической. В решении конференции содержалось и требование о реорганизации государственного аппарата, как главного инструмента социалистического строительства, с тем, чтобы методы его работы были приведены в соответствие с новыми задачами и новой экономической структурой. В организации и методах работы нашей государственной власти должны были быть найдены новые формы для обеспечения широкого участия трудящихся в государственной деятельности. Правительство и Национальный фронт демократической Германии приветствовали

программу, выдвинутую 2-й партийной конференцией, и приняли необходимые меры для ее реализации.

По инициативе партийной конференции и в соответствии с предложениями правительства Народная палата ГДР в июле 1952 г. приняла закон о дальнейшей демократизации структуры и методов работы государственных органов в землях ГДР. Существовавшие до этого правительства пяти земель были распущены, а их функции переданы органам вновь созданных 14 областей и 217 округов. Новая структура соответствовала экономическим требованиям и способствовала более широкому вовлечению трудящихся в управление государством, совершенствованию стиля в работе и преодолению старых, формально-бюрократических методов.

Строительство основ социализма в промышленности началось практически уже с первых лет осуществления пятилетки. Не так было в сельском хозяйстве. Социалистическое преобразование сельского хозяйства стало одной из самых основных задач. Новые формы товарищеского сотрудничества и взаимной помощи на народных предприятиях оказали воздействие также и на деревню. Часть крестьян вплотную занялась проблемой внедрения новых, коллективных методов труда в сельское хозяйство. Многие годы существовал «Союз взаимопомощи крестьян». Но сейчас, когда речь шла о социалистическом производстве в деревне, эта организация оказалась недостаточной.

Партия поддерживала стремления трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих к созданию сельскохозяйственных производственных кооперативов (СХПК). Она призвала рабочих помочь в этом трудящимся крестьянам и руководить ими. При этом с самого начала придавалось большое значение соблюдению принципа добровольности. По предложению СЕПГ Совет Министров принял решение о предоставлении льгот для вновь образующихся СХПК, чтобы заинтересовать трудящихся крестьян и помочь им в преодолении трудностей. Создавались СХПК трех типов с тем, чтобы облегчить вступление в них крестьянам, придерживавшимся различных идеологических и политических взглядов. Эти кооперативы отличаются друг от друга по размерам обобществляемой собственности и распределению доходов. К концу 1952 г. насчитывалось уже около 2 тыс. СХПК, а в течение первой пятилетки свыше 77 тыс. индивидуальных хозяйств объединились в 6 047 кооперативов. Они обрабатывали около 20% полезной сельскохозяйственной площади ГДР. Несмотря на первоначальные трудности, эти кооперативы сумели повысить урожайность с гектара и по ряду сельскохозяйственных продуктов за короткое время превзойти результаты единоличников. Чтобы поддержать развитие новых, социалистических производственных отношений в деревне, правительство расширило сеть МТС и улучшило оснащение их новейшими сельскохозяйственными машинами.

Социалистические преобразования привели к значительному политическому и культурному подъему в стране. Германская Демократическая Республика окрепла. Заметно поднялось самосознание всего населения.

Решения 2-й партийной конференции и первые результаты их претворения в жизнь нашли широкий отклик и среди трудящихся Западной Германии. В то время как ГДР вступила на путь социалистического строительства, боннские правители включили Западную Германию в лагерь международной реакции. На основе «общего договора» и договора о «Европейском оборонительном сообществе» (ЕОС), подписанных Аденауэром в мае 1952 г., в Западной Германии началось формирование новой агрессивной армии для нападения на ГДР с целью «присоединения» ее к империалистическому и милитаристскому боннскому государству.

Успешное развитие Германской Демократической Республики укрепило волю западногерманского населения к сопротивлению агрессивно-

му курсу боннского правительства и стало серьезным препятствием в осуществлении милитаристских планов. В результате политики рабоче-крестьянского правительства в ГДР был разоблачен антинародный характер боннского правительства. В то время как социалистическое развитие в ГДР неразрывно связано с борьбой за сохранение и упрочение мира, руководящие боннские политики являются выразителями агрессивных сил и реваншистских устремлений империализма и милитаризма, возродившихся в Западной Германии.

Дальнейшее успешное строительство в ГДР было тесно связано с повышением производительности труда. Новое отношение к труду развивалось не автоматически. Потребовалось немало лет, чтобы массы трудящихся осознали свои новые права и обязанности в условиях социализма. Важнейшую роль при этом сыграло движение передовиков производства, которое начиная с 1948—1949 гг. развертывалось все шире. Оно вызвало перелом в сознании людей. Однако в большинстве случаев речь шла тогда об отдельных примерах трудовых подвигов, а не о массовом движении.

Для построения социализма, для мощного подъема производства старые формы и методы труда уже не годились. Назрела необходимость пробудить творческую инициативу каждого отдельного рабочего и рабочих коллективов в целом, для чего требовалось внедрить в производство методы взаимной помощи и поддержки, чтобы изменить производственный процесс в духе социализма. Этому послужило социалистическое соревнование между народными предприятиями, цехами и отдельными рабочими, организованное СЕПГ. Принцип «от каждого по способностям, каждому по труду» помог привести в соответствие личные и общественные интересы.

Организация социалистического соревнования была увязана с систематической разъяснительной работой среди трудящихся и с отвечающей социалистическим задачам политикой заработной платы. Социалистическое соревнование давало возможность использовать внутризаводские резервы, экономить важнейшее сырье и в каждом случае приводило к значительному повышению производительности труда. Но новое, социалистическое отношение к труду развивалось медленно, так как сказывалось еще влияние капиталистических пережитков в сознании людей. Производственные совещания трудящихся, технической интеллигенции и руководства предприятиями помогали преодолевать эти недостатки и укреплять рабочие коллективы. Так постепенно и последовательно был проложен путь от личного к общественному.

Расширение и развитие социалистической промышленности дало возможность осуществить широкие мероприятия по улучшению жизненного положения трудящихся. Рост заработной платы, снижение цен, уменьшение налогов, отмена карточной системы на некоторые продукты питания и предметы широкого потребления повышали жизненный уровень населения. С 1950 по 1955 г. национальный доход увеличился более чем на 70%. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих во всех областях хозяйства повысилась за этот период с 256 до 354 марок. Это улучшение материального положения явилось результатом напряженных усилий трудящихся, сумевших с 1949 по 1953 г. поднять выпуск валовой продукции вдвое, а к 1955 г. увеличить его более чем в 2,5 раза.

Социалистическое строительство развертывалось успешно во всех отраслях народного хозяйства. Существенной поддержкой при этом были ценные советы и помощь трудящимся ГДР со стороны КПСС и правительства СССР. Советский Союз укрепил нашу экономику, передав правительству ГДР бывшие предприятия советских акционерных обществ, снизив репарационные платежи и оккупационные расходы. С самого начала Советский Союз стал основным партнером ГДР и в об-

ласти внешней торговли. Развивались наши экономические связи и с другими странами. К концу первой пятилетки ГДР поддерживала торговые отношения уже почти со 100 государствами.

Экономические успехи ГДР в социалистическом строительстве, внутриполитическое укрепление рабоче-крестьянской власти и возрастающий международный интерес к миролюбивому и демократическому государству в Германии вызывали острую ненависть западногерманских империалистов и их пособников за рубежом к нашему народно-демократическому строю.

Издавна готовя нападение на ГДР, империалистические поджигатели войны в начале июня 1953 г. решили, что настал подходящий момент для выступления против нашей молодой республики. Они мобилизовали все милитаристско-фашистские элементы и 17 июня 1953 г. попытались развязать путч с целью свержения социалистического строя в ГДР. Совместно с расположенной в ГДР группой советских войск трудящиеся и вооруженные органы ГДР под руководством СЕПГ быстро ликвидировали эту контрреволюционную провокацию.

Партия и правительство разъяснили массам характер фашистского замысла и изгнали из своих рядов оппортунистические элементы и капитулянтов, изменивших в этот тяжелый момент делу партии, рабоче-крестьянской власти. Намерение западногерманского империализма насильно включить ГДР, путем фашистского путча, в свою сферу господства провалилось. Наше молодое рабоче-крестьянское государство вышло из этой империалистической авантюры окрепшим, и трудящиеся с еще большей решимостью и единодушием продолжали строительство социализма, бдительно охраняя свои социалистические достижения.

Программа 2-й партийной конференции СЕПГ по построению основ социализма прочно завоевала умы и сердца трудящихся людей. Лозунг «Как мы сегодня работаем, так завтра и будем жить» стал лейтмотивом в деле повышения производительности труда. Построение основ социализма превратилось в кровное дело масс, подхваченное и претворяемое в жизнь всеми слоями народа.

В центре внимания IV съезда СЕПГ, проходившего в марте—апреле 1954 г., стоял вопрос об угрозе, нависшей над немецким народом и миром в Европе в результате агрессивной политики возродившегося в Западной Германии милитаризма. Съезд ориентировал немецкий народ на решительную борьбу против подготовки войны империалистами и на успешное разрешение жизненных проблем немецкой нации. Тесное сплочение всех сил, готовых к защите мира в Европе, становилось все более настоятельным. В документе «Путь к решению вопроса о существовании немецкой нации» IV съезд выдвинул перед немецким народом ясную программу национального возрождения Германии как миролюбивого и демократического государства.

После того, как планы создания «Европейского оборонительного сообщества» с участием германского империализма разбились о сопротивление народов, милитаристы начали подготавливать вступление Федеративной республики в Западноевропейский союз и в НАТО. В результате осуществления этой цели позиции реакционных кругов в Западной Германии усилились, а угроза войны в Европе еще более возросла.

Народы стран социалистического лагеря ответили на провокационную деятельность поджигателей войны принятием ряда мер. По инициативе Советского Союза состоялись конференции в Москве и Варшаве, завершившиеся подписанием Варшавского договора о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве. ГДР является западной крепостью этого социалистического содружества народов. Вступление ГДР на равных правах в оборонительную организацию стран — участниц Варшавского договора свидетельствовало о глубоком доверии других социалистических государств к ее мирной политике.

Большой подъем в социалистическом развитии ГДР произошел в период подготовки и проведения выборов в Народную палату и в окружные собрания депутатов в октябре 1954 года. Впервые в истории Германии выборы происходили в условиях социалистической демократии. Население ГДР единодушно проголосовало за кандидатов Национального фронта демократической Германии, а тем самым и за дальнейшие социалистические преобразования.

В противоположность нашей Народной палате, в которой классы и слои общества представлены в соответствии с их политическим и экономическим значением и положением в государстве, буржуазный парламент в Бонне является представительством господствующих империалистических кругов, управляемым ими и не подчиняющимся контролю народа. Из 500 парламентариев западногерманского бундестага свыше 250 — директора концернов, предприниматели, чиновники и офицеры, крупные землевладельцы и кулаки. Более двухсот депутатов — политиканы из буржуазных партий, находящиеся на жалованье у империалистов. В этом «народном» представительстве едва можно насчитать с десяток трудящихся. Однако вопреки этому факту боннские правители именуют свою систему «представительной демократией».

В то же время в Народной палате ГДР из 466 депутатов более половины по своему социальному положению являются рабочими. Остальные депутаты — крестьяне сельскохозяйственных кооперативов, трудящиеся единоличные крестьяне, служащие, представители средних городских слоев и интеллигенции. Облеченные доверием избирателей и подотчетные им, они защищают интересы народа и мира. Демократия в ГДР — это действительное господство народа.

Советский Союз всемерно поддерживает мирное социалистическое развитие ГДР. 25 марта 1954 г. Советское правительство заявило, что СССР устанавливает с ГДР такие же отношения, как и с другими суверенными государствами, и признает за ней свободу самостоятельно решать свои внутренние и внешние дела, включая и вопрос о взаимоотношениях с Федеративной Республикой Германии. 20 сентября 1955 г. в Москве был подписан договор об отношениях между ГДР и СССР. Обе договаривающиеся стороны подтвердили, что их отношения строятся на полном равноправии, взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела друг друга.

В 1955 г. ГДР успешно завершила свой первый план социалистического строительства. С выполнением и перевыполнением первого пятилетнего плана были заложены экономические основы для дальнейшего построения социализма. Народно-демократический строй выдержал многие испытания. Создание социалистических производственных отношений в деревне привело к дальнейшему изменению классовой структуры общества. Крестьянство, охваченное кооперацией, превратилось у нас в самостоятельный класс. Также и среди интеллигенции начались качественные изменения. В ее ряды влились представители рабочего класса и трудящегося крестьянства. Серьезные изменения произошли и в сознании части старой буржуазной интеллигенции.

Период между 2-й партийной конференцией и успешным завершением первого пятилетнего плана характеризовался внутриполитическим укреплением ГДР в результате больших экономических успехов и прочного включения республики в социалистический лагерь.

Дальнейшее упрочение народно-демократического строя

Успехи Германской Демократической Республики в области развития народного хозяйства во многом способствовали изменению сознания трудящихся. Люди начинали понимать, что удовлетворение их личных нужд неразрывно связано с успешным социалистическим строитель-

ством. Таким образом, строительство социализма стало кровным делом всех слоев трудящегося населения, которому они готовы отдать все свои силы.

3-я партийная конференция СЕПГ, состоявшаяся в марте 1956 г., отметила, что все население охвачено новой массовой инициативой. Учитывая это, конференция приняла директиву о разработке второго пятилетнего плана развития народного хозяйства в ГДР (1956—1960 гг.) и предложила ряд мероприятий по дальнейшему развертыванию демократии в республике.

Промышленная продукция в стране за время с 1950 по 1955 г. увеличилась на 90%, превысив тем самым более чем в два раза уровень 1936 года. Целью второго пятилетнего плана было увеличение валовой промышленной продукции не менее чем на 55% по сравнению с 1955 годом. При этом производство средств производства должно было возрасти на 60% и товаров народного потребления — на 40%.

Осуществление этих задач требовало решительного повышения технического уровня производства во всех отраслях хозяйства. При дальнейшем оснащении нашей экономики новейшими машинами нужно было исходить из задачи механизации и автоматизации всего производственного процесса в будущем. Строительство важнейших запланированных промышленных объектов требовалось закончить ускоренными темпами, чтобы во всех областях хозяйства и техники достичь наиболее высокого уровня развития. Для выполнения этой задачи предусматривалась всеобъемлющая реконструкция промышленности в течение ближайших семи лет.

В развитии некоторых отраслей промышленности мы достигли значительных результатов. Это относится прежде всего к строительству Центрального института ядерной физики и атомных станций, нашей молодой авиационной промышленности, эксплуатации таких предприятий, которые имеют значение для осуществления автоматизации производственных процессов, и т. д.

Главной задачей в области сельского хозяйства являлся дальнейший рост его производства, повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.

Основная цель развития народного хозяйства — быстрый подъем уровня материальной и культурной жизни населения. Поэтому в плане было записано: дальнейший рост выпуска высококачественной промышленной продукции и товаров широкого потребления, введение до 1960 г. в определенных отраслях промышленности 7-часового рабочего дня или 40-часовой рабочей недели.

Задачи, выдвинутые вторым пятилетним планом, рост сознательности трудящихся потребовали дальнейшего развертывания социалистической демократии и улучшения деятельности государственного и хозяйственного аппаратов. 3-я партийная конференция предложила ряд мероприятий, направленных на повышение роли местных народных представительств. Их осуществление позволяло изменить структуру и методы работы местных органов государственной власти в соответствии с новыми задачами и требованиями и более широко вовлечь трудящихся в государственную деятельность.

Некоторые организационные формы политического и государственного управления отставали от бурного развития производства. Так, все еще продолжала существовать возникшая в 1946 г. система общинного самоуправления. Она отвечала демократическим требованиям своего времени, но не соответствовала нынешнему процессу социалистического развития. В законодательстве существовал ряд устаревших положений, неприменимых в новых общественных условиях и подлежавших изменению или отмене. Строго централизованное руководство со стороны высших органов, необходимое в первые годы становления рабоче-крестьян-

ской власти, при развертывании творческих сил народных масс в некоторых отношениях начало тормозить местную инициативу. Все более широкое участие трудящихся в государственной деятельности, рост квалифицированных, преданных народу функционеров дали возможность передать ряд важных полномочий и обязанностей местным государственным и хозяйственным органам. Таким образом было обеспечено свободное развертывание активности масс.

Подготовка и осуществление рекомендованных 3-й партийной конференцией мероприятий по укреплению социалистической демократии превратились в широкое массовое движение, невиданное еще в Германии до того времени. Национальный совет Национального фронта демократической Германии передал на всенародное обсуждение в апреле 1956 г. основные положения, предложенные партией. В тысячах собраний приняло участие свыше 2,5 млн. граждан, внесших 10 тыс. предложений по улучшению работы государственного аппарата. Голос народа, инициатива и творческая активность трудящихся показательны для нашей демократии. После обсуждений в Народной палате и ее комиссиях высшее народное представительство приняло 17 января 1957 г. «Закон о местных органах государственной власти», определявший структуру, задачи, права, организацию работы этих органов, а также «Закон о правах и обязанностях Народной палаты по отношению к местным народным представительствам».

Эти законы, предоставляющие народным представительствам и Советам бо́льшие права, чем они имели до тех пор, и повышающие их авторитет во всех областях, значительно укрепили наш социалистический строй.

Оба закона способствуют более широкому вовлечению населения в деятельность государственных органов. Они являются незыблемой юридической основой для дальнейшего развития социалистической демократии в ГДР. Перед государственными органами они выдвигают задачу выполнения всех функций диктатуры пролетариата в переходный от капитализма к социализму период. С момента создания ГДР эти законы являются важнейшими после Конституции законодательными положениями.

Борьба за новые, социалистические методы работы государственного управления явилась тем свежим ветром, который вымел бюрократизм из многих наших учреждений.

В то же время это была борьба за завоевание все большего числа трудящихся для участия в деятельности государственных органов, в комиссиях Национального фронта демократической Германии, в партиях и массовых организациях. Только в тесной связи государственного руководства с самой жизнью мы могли оказаться на высоте стоящих перед нами задач. Такое положение было достигнуто в результате осуществления предложений, выдвинутых 3-й партийной конференцией. Поэтому принятые в то время законы нельзя ставить на одну доску с многочисленными другими мероприятиями по борьбе с бюрократизмом. Они являлись достижением нового качества в деятельности нашего рабоче-крестьянского государства, поворотом в борьбе за развертывание социалистической демократии.

В цифровом выражении мы имеем примерно следующую картину участия трудящихся в порядке общественной работы в управлении и руководстве государством: в народных представительствах (депутаты и их заместители) — 270 тыс. трудящихся; в постоянных комиссиях народных представительств — 220 тыс.; в 17 тыс. комиссий Национального фронта демократической Германии — 230 тыс.; в качестве домовых и квартальных уполномоченных — 300 тыс.; в областных, окружных и городских судах (народные заседатели) — 48 500; в родительских советах — 113 тыс.; в родительском активе по классам — около 250 тыс.; в 16 тыс. комиссий

торговых кооперативов — 130 тыс.; в свыше 7 800 консультациях при коммерческих торговых организациях — 24 тыс.; в 10 тыс. контрольных постов Союза свободной немецкой молодежи — 30 тыс. трудящихся.

Сотни тысяч трудящихся работают в жилищных комиссиях, в советах МТС и т. д. Только в октябре 1958 г. была проведена 31 тыс. производственных совещаний с участием 720 тыс. трудящихся.

Действие упомянутых выше законов, улучшение работы местных государственных органов, повышение квалификации депутатов и функционеров и их тесная связь с населением обеспечили также дальнейшие изменения в работе центрального государственного аппарата и упрощение структуры и методов государственного руководства. Проведение в жизнь закона об усовершенствовании и упрощении работы государственного аппарата ГДР от 11 февраля 1958 г. дало возможность ликвидировать ряд министерств и передать их функции вновь созданным Объединениям народных предприятий, экономическим советам округов, Государственной плановой комиссии и другим органам. Такая децентрализация способствовала более оперативному руководству отдельными отраслями хозяйства и местными хозяйственными органами. Управление хозяйством стало более гибким, могло скорее и лучше откликаться на нужды населения и потребности социалистического строительства. Большое значение этого закона заключается не только в организационном упрощении и совершенствовании руководства, но прежде всего в решительном улучшении социалистического стиля работы всего государственного аппарата.

Растущая инициатива трудящихся масс дала возможность повысить производительность труда, снизить себестоимость выпускаемой продукции и в широком масштабе осуществить экономию государственных средств. В результате этого мы смогли раньше, чем это было предусмотрено планом, улучшить положение трудящихся. Постановление об увеличении пенсий вступило в силу уже в декабре 1956 года. В конце 1957 г. в социалистической промышленности, а также на транспорте и в органах связи была введена 45-часовая рабочая неделя без ущерба для дальнейшего развития производства.

Для гарантии платежных средств в ГДР 13 октября 1957 г. был проведен разовый обмен банкнот, что вызвало одобрение населения, и сотни тысяч граждан добровольно приняли участие в осуществлении этого мероприятия. Эта кампания явилась тяжелым ударом по шпионским и агентурным центрам, а также по организациям спекулянтов в Западном Берлине и Западной Германии, у которых были изъяты денежные суммы, исчислявшиеся миллионами марок и предназначавшиеся на подрывную работу против нашего социалистического государства.

Решительное улучшение жизненных условий трудящихся позволило в июне 1958 г. полностью отменить карточную систему на продовольственные товары. Одновременно с этим была введена единая структура цен, что значительно повысило покупательную способность трудящихся и благотворно сказалось на деятельности торгующих и управленческих организаций. Связанные с этим мероприятием повышение заработной платы, введение различного рода надбавок к ней, повышение стипендий и т. п. увеличили денежные доходы рабочих и служащих на 2,426 млрд. марок в год.

В то время как трудящиеся ГДР работают во имя мирного и счастливого будущего, в Западной Германии идет бешеная гонка вооружений, усиливается подрывная работа против нашего государства и всего социалистического лагеря. Об этом свидетельствует весь ход развития ФРГ за последние годы, особенно с момента вступления ее в агрессивные, империалистические военные пакты. 25 июля 1956 г. в ФРГ была введена всеобщая воинская повинность, рассчитанная на то, чтобы за короткое время сформировать агрессивную армию численностью в 500 тыс.

человек. В том же году была запрещена Коммунистическая партия Германии. Многие ее функционеры и рядовые члены подверглись преследованию и заключению в тюрьмы. Клерикально-милитаристская система в Западной Германии превратилась в главную угрозу войны в Европе. Агрессивные и шовинистические выступления боннских политиков стали более откровенными и наглыми.

В ответ на ускорение темпов создания в Западной Германии агрессивной военной машины после вступления в силу Парижских соглашений правительство ГДР вынуждено было предпринять шаги для обеспечения защиты социалистического строя и усиления оборонной мощи ГДР. Народная полиция и вооруженные боевые группы рабочего класса, формировавшиеся с 1954 г., были недостаточны для обеспечения безопасности республики. Поэтому в январе 1956 г. Народная палата приняла решение о создании Национальной народной армии для обороны ГДР. В результате впервые в истории Германии возникла армия, стоящая на страже интересов своего народа, сохранения и упрочения дела мира.

Руководствуясь волей к сохранению мира, правительство ГДР последовало примеру других социалистических государств и спустя 5 месяцев, в июне 1956 г., уменьшило численность Национальной народной армии со 120 до 90 тыс. человек. Но империалистические государства отнюдь не изъявили готовности последовать примеру стран лагеря социализма, что, несомненно, привело бы к разрядке международной напряженности. Напротив, они усилили гонку вооружений и превратили Западную Германию в основную базу подготовки атомной войны в Европе. В то же время они начали разжигать пожар войны на Ближнем Востоке, а осенью 1956 г. организовали фашистский путч в Венгрии.

Несмотря на чреватое опасностями развитие событий в Западной Германии и во всем мире, некоторые ведущие функционеры СЕПГ закрывали глаза на подобные факты. Они были готовы ответить уступками на провокацию войны и контрреволюционные выступления реакции. Фракционная группа Ширдевана — Вольвебера не верила в силы народных масс. Она хотела замедлить строительство социализма в ГДР, а в вопросе воссоединения Германии готова была пойти на оппортунистический компромисс. Эта группа пыталась затормозить инициативу масс по повышению плановых заданий, по развертыванию и укреплению кооперативного сектора в деревне и отрицала тот факт, что именно успешное социалистическое строительство укрепляет позиции немецкого народа в борьбе за воссоединение Германии.

Планы оппортунистической группы разбились о сплоченность СЕПГ и ее руководства. Единство партии и морально-политическое единство всего населения лишили оппортунистические элементы возможности расширить поле их деятельности. Лишь непродолжительное время смогли они оказывать тормозящее воздействие на наше развитие, но вскоре были разоблачены и изолированы. Партия сняла участников группы Ширдевана — Вольвебера с занимаемых ими постов и продолжала успешно вести страну по пути социалистического строительства. Открытые дискуссии в партии привели к полному выявлению и осуждению ошибок, допущенных этой группой. Застой в развитии социалистических производственных отношений в деревне, возникший в результате неправильных взглядов тов. Эльснера и антипартийных теорий Фивега, был преодолен, и кооперативное движение вновь стало расти.

Партия вела также борьбу в форме дискуссий с проявлениями деляческого практицизма у ряда руководящих хозяйственных работников. Этот разъяснительный процесс во многом способствовал укреплению сотрудничества между руководящими хозяйственными работниками и трудящимися. Руководитель предприятия должен стремиться быть в первую очередь хорошим руководителем социалистического производ-

ственного коллектива. Так же, как и децентрализация хозяйственного управления, такие дискуссии привели, кроме того, к укреплению коллективности в руководстве нашими социалистическими промышленными предприятиями при одновременном повышении ответственности каждого трудящегося в отдельности.

Глубокие изменения в общественной жизни ГДР, вызванные успешным строительством социализма, оказали решающее влияние и на деятельность массовых организаций. Объединение свободных немецких профсоюзов, Союз свободной немецкой молодежи, Демократический женский союз Германии, кооперативные товарищества и другие организации активно включились в работу по осуществлению революционно-демократических преобразований. Самая сознательная часть членов этих организаций стремилась изменить в социалистическом духе их характер и программные установки. Эти организации, понимая свою высокую ответственность за строительство социализма в ГДР, считали себя призванными также и воспитывать своих членов в социалистическом духе.

Объединение свободных немецких профсоюзов обсудило на своем IV съезде в июне 1955 г. вопрос о роли профсоюзов при переходе от капитализма к социализму и включило соответствующие параграфы в новый устав. Центральный совет Союза свободной немецкой молодежи обсудил в апреле 1957 г. вопрос о развитии Союза в социалистическую организацию и наметил своей основной задачей социалистическое воспитание всей молодежи. Аналогичный процесс происходил и в других общественных организациях.

По сравнению с успехами в социалистическом преобразовании промышленности и сельского хозяйства в других областях жизни ГДР наблюдалось известное отставание. Прежде всего это относилось к вопросам социалистического воспитания, начиная с общеобразовательных школ и кончая университетами и другими высшими учебными заведениями, культуры и дальнейшего вовлечения интеллигенции и средних слоев в строительство социализма. Вопросы воспитания и культуры имеют огромное значение в деле выработки социалистического сознания.

Морально-политическое единство населения ГДР является бельмом на глазу у реакционных сил Западной Германии. Они стремятся всеми средствами «размягчить» это единство. Наряду с клеветническими радио- и телепередачами они ведут подрывную деятельность также и с помощью некоторых церковников, использующих свое положение для кампании клеветы против нашего социалистического строя. Трудящиеся, среди них и христиане, все яснее распознают реакционные намерения этих служителей церкви и с возмущением отворачиваются от них.

Чтобы нагнать упущенное в развитии культуры и в социалистическом воспитании, СЕПГ провела ряд конференций, на которых обсуждались задачи партии в этой области. Особое значение имела конференция по вопросам культуры, проведенная ЦК СЕПГ в октябре 1957 года. Было развернуто идеологическое наступление с тем, чтобы у всех работников культуры создать ясное представление об исторической роли нашего рабоче-крестьянского государства и великих перспективах социализма. Только таким путем наша литература и искусство могут способствовать становлению и развитию социалистической морали и сделать своим содержанием изображение новых, социалистических отношений между людьми. Конференция по вопросам культуры во многом способствовала укреплению нашей социалистической политики в области культуры и помогла преградить путь проникающему с Запада буржуазно-декадентскому влиянию.

Другим решающим участком борьбы на идеологическом фронте явилась перестройка общеобразовательной школы и высших учебных заведений применительно к требованиям и нуждам социалистического

строительства. Проведение в жизнь демократической школьной реформы устранило монополию буржуазных кругов в области образования, и дети рабочих и крестьян получили все возможности для своего развития. Успешное построение социализма требует от университетов и других высших учебных заведений выпуска не только хороших специалистов, но и сознательных, высококвалифицированных социалистических кадров. Это требование в такой же мере относится и к начальной и средней школе. Хотя она и воспитывает детей в социалистическом духе, но еще недостаточно заботится о том, чтобы дети уже со школьной скамьи готовились к решению больших практических и политических задач социалистического строительства.

3-я конференция по вопросам высшей школы, проведенная СЕПГ в феврале 1958 г., выдвинула требование скорейшего развития социалистических высших учебных заведений. Высшая школа должна стать подлинным очагом образования и научных исследований; ее участие в социалистическом строительстве должно соответствовать высокому назначению науки, техники и культуры; она должна готовить новую, преданную рабочему классу, народу и социализму интеллигенцию. В основу всего процесса обучения, исследовательской и прежде всего преподавательской деятельности должен быть положен научный социализм. В целях укрепления связи теории с практикой условием для поступления в высшее учебное заведение является наличие по меньшей мере годичного стажа работы в социалистической промышленности или сельском хозяйстве.

Воспитание социалистического человека начинается уже в общеобразовательных школах. Технический прогресс требует от каждого рабочего все больших знаний. Поэтому 8-летняя народная школа и 10-летняя средняя школа постепенно будут заменяться 10-летней политехнической школой. Решения конференции СЕПГ по вопросам общеобразовательной школы (апрель 1958 г.) и 4-го пленума ЦК СЕПГ (январь 1959 г.) наметили путь воспитания, тесно связанный с практической жизнью. Разумеется, в настоящее время в этой области встречаются еще трудности. Не хватает преподавателей, школьных помещений, тормозом в деле социалистического воспитания детей являются отсталые воззрения многих родителей. Тесная связь между школой, пионерской организацией и семьей поможет быстрее преодолеть эти затруднения. Движение, охватившее всю страну и направленное на использование местных резервов в каждой деревне, в каждом городе, пробуждающее творческую инициативу миллионов трудящихся, добровольно работающих под лозунгом «Каждый должен внести посильный вклад в наше общее социалистическое дело», поможет нам построить новые школьные помещения. Лучшие молодые рабочие и работницы привлекаются для получения профессии учителя. Таким образом, в ГДР будет подрастать новое поколение, освоившее марксизм-ленинизм и последние достижения техники.

Необходимость и закономерность социалистического строительства все более осознается средними слоями нашего общества. Уже 3-я партийная конференция СЕПГ поддержала предложения ремесленников об организации ремесленных производственных кооперативов, а также предложения частных капиталистических предпринимателей об участии государства в частных промышленных предприятиях. В результате кооперирования мелких товарных производителей и государственного участия (50%) в частнокапиталистических предприятиях возникает новая форма перехода от капиталистической собственности к социалистической. Частнокапиталистические предприятия постепенно преобразуются в социалистические. Их владельцы хотя и являются собственниками средств производства, но разделяют их с государством. Тем самым создаются благоприятные предпосылки для перехода этих предприятий в дальнейшем в собственность народа. В области торговли на основе заключения

комиссионных договоров между государственными торговыми организациями и частными торговцами также намечаются новые пути для вовлечения последних в процесс социалистического преобразования. Так развиваются и крепнут новые производственные отношения во всех областях.

V съезд СЕПГ, состоявшийся в июле 1958 г. в Берлине, указал, что на основе развертывания творческих способностей рабочего класса, трудящихся крестьян, интеллигенции, ремесленников и других слоев населения, благодаря товарищескому сотрудничеству партий, массовых организаций и Национального фронта демократической Германии великие задачи создания основ социализма в ГДР в основном выполнены.

Наша страна стала на путь мощного подъема. Выпуск валовой промышленной продукции ко времени V съезда партии распределялся по секторам следующим образом:

	1950 г.	1957 г.
Народные предприятия	74,9%	84,4%
Кооперативные предприятия	1,6%	4,3%
Социалистические предприятия в целом	76,5%	88,7%
Полугосударственные предприятия	—	1,2%
Капиталистические предприятия	23,5%	10.1%

В период после V съезда партии доля кооперативных и полугосударственных предприятий в народном хозяйстве систематически возрастала. В конце 1957 г. имелось 295 ремесленных производственных кооперативов с числом членов в 8 тысяч. А в конце 1958 г. их насчитывалось уже 2 тыс. с числом членов около 62 тысяч. В конце 1957 г. с государственным участием работало 516, то есть 4,3% всех капиталистических предприятий. В конце же 1958 г. их было уже 1 744, или свыше 14%.

Социалистическое соревнование, развернутое трудящимися в честь V съезда партии, привело к новым успехам в развитии промышленности. Валовая промышленная продукция в конце 1958 г. по сравнению с 1949 г. возросла до 305%.

Преодоление ошибочных взглядов, оказывавших тормозящее действие в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, привело к большому подъему кооперативного движения в деревне.

В 1952 г. 1 906 сельскохозяйственных производственных кооперативов обрабатывали 3,3% полезной сельскохозяйственной площади всей ГДР, в 1955 г.— 6 047 СХПК (19,7%), в 1957 г.— 6 691 (25,2%), в 1958 г.— 9 523 (38%).

Социалистический сектор в сельском хозяйстве (СХПК и народные имения), исчисляемый по использованию полезной сельскохозяйственной площади, вырос с 5,7% в 1950 г. до 46% в 1958 г., в то время как доля капиталистических предприятий за то же время упала с 24,4% до 9,9%. После преодоления начальных трудностей развития хозяйственная мощь СХПК стала быстро возрастать. Сейчас уже по сбору всех видов зерновых они превосходят крестьян-единоличников. В области развития мясного животноводства у СХПК также более быстрые темпы, чем у единоличных хозяйств.

Опираясь на достигнутые победы, V съезд СЕПГ принял решение, в котором в качестве основной экономической задачи на ближайший отрезок времени было записано: «Развить народное хозяйство в течение нескольких лет в такой степени, чтобы доказать всестороннее превосходство социалистического общественного строя над капиталистическим. Поэтому необходимо, чтобы уровень потребления на душу трудящегося населения ГДР по всем важнейшим видам продовольствия и промышленных товаров превысил уровень потребления на душу населения в Западной Германии» [1].

Решение нашей основной экономической задачи имеет исключитель-

[1] «V съезд Социалистической единой партии Германии». М. 1959, стр. 650.

но важное значение для обеспечения успеха социалистического строя в его соревновании с капитализмом. В Германии обе системы непосредственно противостоят друг другу. Любая форма укрепления ГДР — это укрепление мира, укрепление патриотических сил во всей Германии, укрепление всего лагеря социализма. Основная экономическая задача ГДР имеет поэтому глубокое политическое и социальное содержание. Она полностью соответствует политическим, экономическим и социальным интересам трудящихся нашей страны.

Для достижения поставленной V съездом СЕПГ цели необходим быстрый рост производительности труда. При этом прежде всего мы должны усилить борьбу за технический прогресс, за более широкое развертывание социалистического соревнования и ударничества, за дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений.

В решении основной экономической задачи центральное место отводится программе развития химической промышленности, успешному выполнению которой способствует тесное сотрудничество с Советским Союзом.

Большое значение имеет также растущее экономическое сотрудничество между социалистическими странами, кооперирование целых отраслей хозяйства и связанное с этим общее планирование. Тем самым облегчается решение всех экономических проблем для отдельных стран, и мы быстрее продвигаемся вперед. Социалистические государства оказывают друг другу братскую помощь. Это отвечает духу пролетарского интернационализма. Только на такой основе мы сможем перегнать капиталистические государства во всех отношениях и только таким путем ГДР будет в состоянии успешно разрешить основную экономическую задачу.

Новые большие задачи и растущее сотрудничество со странами социалистического лагеря выдвинули настоятельную необходимость разработки семилетнего плана развития народного хозяйства ГДР на 1959—1965 годы. Центральное место в этом плане занимает программа развития химической промышленности, обеспечения народного хозяйства необходимым количеством электроэнергии и реконструкции нашей промышленности.

V съезд СЕПГ и его решения во многом способствовали развитию социалистического сознания всего населения. Новое отношение к общенародной собственности и труду на народных предприятиях, развертывание социалистического соревнования, рост кооперативных объединений в деревне и новые, товарищеские отношения между большой частью интеллигенции и рабочим классом являются исходным пунктом для распространения социалистических отношений на все области жизни. Наряду с трудовыми подвигами на производстве трудящиеся все настойчивее борются за новые, социалистические нормы общежития, за тесную связь между социалистическим трудом и другими областями общественной жизни.

Воодушевленная указаниями партии рабочего класса, молодежная бригада имени Николая Мамая на народном предприятии «Электрохимический комбинат Виттерфельд» приняла решение о создании бригады социалистического труда. Молодежь поняла, что научно-технический прогресс предъявляет к ней большие требования. Она борется на производстве за внедрение научно-технических методов, за облегчение физического труда, снижение себестоимости и повышение производительности труда. Она стремится ликвидировать простои и еще лучше, чем до сих пор, осуществлять социалистический принцип труда. Цели молодежи — учиться по-социалистически, повышая свою квалификацию и осваивая принципы марксизма-ленинизма; жить по-социалистически, когда вся бригада несет ответственность за каждого в отдельности, а каждый — за всю бригаду. Молодежная бригада комбината Виттерфельд обратилась

с призывом ко всем бригадам республики включиться в соревнование в честь 10-летия ГДР за почетное звание бригады социалистического труда. Это обращение встретило широкий отклик среди трудящихся, и движение за новые, социалистические формы работы и жизни приняло массовый характер.

Деревня также шагнула в своем развитии далеко вперед. В результате успешного социалистического строительства мы имеем уже значительное число полностью кооперированных деревень. VI конференция председателей и актива СХПК, состоявшаяся в феврале 1959 г., приняла по рекомендации СЕПГ решение о слиянии бригад МТС с кооперативами, в первую очередь в деревнях со сплошной кооперацией. Перевод работников МТС в сельскохозяйственные производственные кооперативы будет способствовать дальнейшему укреплению последних и обеспечению единого руководства социалистическим сектором в сельском хозяйстве.

Социалистические отношения внедряются и совершенствуются сейчас повсюду: в городе и в деревне, на производстве и в быту; они формируют и развивают нового человека, преданного идеям социализма, верного духу взаимной помощи и сотрудничества, делу дружбы народов и мира, готового отдать все свои силы строительству мирного и счастливого будущего человечества.

Сейчас, в десятую годовщину ГДР, первое немецкое рабоче-крестьянское государство может подвести итоги своим достижениям. В 1949 г. мы выполнили исторические задачи первого этапа народно-демократической революции. А 10 лет спустя уже стоим на твердой почве успешного социалистического строительства и уверенно идем к победе социализма.

Германская Демократическая Республика достигла больших экономических успехов. Рост валовой продукции всего народного хозяйства с 1950 до конца 1958 г. равен 224,2%, а национальный доход, исчисленный в сопоставимых ценах, увеличился за это же время до 210,8%. Социалистический сектор ныне господствует во всех отраслях народного хозяйства. В связи с этим существенно изменились соотношение форм собственности и социально-политическая структура общества.

Десять лет тому назад в деревне не было ни одного социалистического кооператива. В настоящее время их насчитывается уже 9 529, и вместе с народными имениями в сельском хозяйстве они обрабатывают 46% полезной площади. Уже в течение нескольких лет успешно развиваются новые формы социалистического преобразования ремесла, кустарного труда и капиталистических предприятий. Десять лет тому назад государственные торговые организации делали первые робкие шаги, а сейчас вместе с кооперативами они играют основную роль в снабжении населения.

Впервые в немецкой истории государственная власть безгранично осуществляется народом. Десять лет тому назад многие пассивно стояли в стороне, а сейчас в управлении принимают непосредственное участие миллионы трудящихся, неся личную ответственность за дальнейшее развитие государства.

В 1949 г. начали прокладывать себе путь новое отношение к труду и движение передовиков производства. В настоящее время борьба за внедрение социалистических методов на производстве стала массовым движением, охватывающим все население.

Десять лет тому назад мы вели в ГДР борьбу против антисоветских настроений и разъясняли населению действительное положение в СССР. А теперь Германскую Демократическую Республику и Советский Союз связывает тесная дружба, укрепление которой стало кровным делом наших трудящихся.

Исключительное значение имеет развитие Социалистической единой

партии Германии. Она превратилась в марксистско-ленинскую боевую партию, которая, став единым, сплоченным и умудренным опытом руководящим центром, возглавляет социалистическое строительство и ведет ГДР к победе социализма.

Путь к социализму, которым мы идем,— это путь к торжеству гуманизма, к благосостоянию и счастью всех трудящихся. Нашему рабоче-крестьянскому государству чужды эксплуатация и угнетение, нищета и безработица. Широко осуществляются права на труд, отдых и всестороннее образование трудящихся. Улучшение условий жизни трудящихся является целью всех социально-экономических мероприятий, проводимых нашим государством. Об этом свидетельствует тот факт, что средняя месячная заработная плата рабочих и служащих увеличилась с 256 марок в 1950 г. до 412 марок в 1959 году. Средняя месячная пенсия повысилась с 89 марок в 1952 г. до 137 марок в 1958 году. Налоги на заработную плату только за последние пять лет снизились на 3,76 млрд. марок. В результате семнадцатикратного снижения цен и распродажи уцененных товаров за истекшие 10 лет трудящиеся экономили ежегодно около одного миллиарда марок. За то же время товарооборот возрос более чем на 221%. Эти цифры говорят сами за себя.

Все задачи, которые мы поставили перед собой 10 лет тому назад, ныне успешно разрешены. Исключение составляет задача достижения единства Германии. Ее решение неразрывно связано с дальнейшим укреплением мощи ГДР, со строительством социализма в нашей стране. Национальное возрождение Германии как миролюбивого, демократического государства является прежде всего задачей самого немецкого рабочего класса в союзе со всеми другими патриотическими силами народа. Рост могущества первого немецкого рабоче-крестьянского государства содействует укреплению позиций всех сил, борющихся за воссоединение Германии.

Политика ГДР в разрешении германского вопроса

Основной вопрос политики Социалистической единой партии Германии и правительства Германской Демократической Республики — борьба за мирное демократическое воссоединение страны и мирный договор с Германией. Решение этого вопроса имеет жизненное значение для немецкой нации. До настоящего времени ГДР внесла более 100 предложений в этом направлении. Обе проблемы тесно связаны одна с другой. Германский вопрос не может быть урегулирован без учета безопасности европейских народов, дважды подвергавшихся нападению немецкого милитаризма. Решение германской проблемы означает поэтому устранение опасного германского милитаризма и превращение всей Германии в государство мира и демократии. Без учета социально-политического содержания национального вопроса в Германии не могут быть удовлетворены жизненные интересы нашего народа.

В своей политике ГДР исходит из этой установки и из реальной оценки положения в стране. Она признает наличие двух немецких государств, так как это является основой для исследования возможностей мирного и демократического объединения обеих частей страны. В результате политики раскола, проводимой западными державами и их партнером в лице западногерманского империализма, в 1949 г. на территории бывшей германской империи возникли два немецких государства с двумя противоположными общественными системами. В ГДР установлен социалистический строй, что ни в коей мере не противоречит духу Потсдамского соглашения, в то время как в Федеративной Республике Германии вопреки потсдамским постановлениям возрождаются германский империализм и милитаризм. Объединение может произойти лишь путем постепенного сближения обоих германских государств. В ходе та-

кого сближения в Западной Германии должны быть подавлены шовинистические, реваншистские и агрессивные милитаристские элементы и обеспечена свободная политическая деятельность всем демократическим, патриотическим силам. Только таким путем может возникнуть единое германское государство, отвечающее интересам нации и делу международной безопасности и соответствующее справедливым требованиям и чаяниям других народов.

Правящие круги Федеративной Республики Германии отрицают политическую и историческую ответственность немецкого народа за воссоединение и закрывают глаза на тот факт, что существуют два германских государства. Они пытаются утверждать, «что существовало, существует и будет существовать только одно германское государство и что только лишь органы Федеративной Республики Германии могут представлять никогда не меркнувшее германское государство». Это мнение, высказанное боннским канцлером Аденауэром 27 апреля 1954 г. в бундестаге, исходит исключительно из интересов и устремлений господствующих империалистических и милитаристских кругов ФРГ и международного монополистического капитала. Они пытаются отрицать существование ГДР как суверенного государства, чтобы оправдать свою политику «освобождения восточной зоны». Необоснованное утверждение, что федеральное правительство является единственным законным германским правительством, препятствует сближению обоих ныне существующих германских государств и преодолению раскола страны.

Империалисты, превратившие Западную Германию в плацдарм агрессии против социалистического лагеря, хотели бы решить германский вопрос силой, вовлечь ГДР в сферу своего господства и превратить всю Германию в базу НАТО. Несмотря на образование ГДР, ее развитие по социалистическому пути и ее все растущее признание и авторитет, боннское правительство продолжает отрицать государственное существование нашей рабоче-крестьянской власти и претендовать на исключительное представительство интересов немецкого народа, что находит поддержку со стороны империалистических западных держав.

ГДР защищает право немецкого народа на национальное самоопределение и подчеркивает, что вопрос воссоединения Германии является кровным делом самих немцев и может быть осуществлен только ими.

Боннское же правительство утверждает, что бывшие оккупационные власти якобы раскололи Германию, причем самым клеветническим образом пытается приписать вину в этом Советскому Союзу, и делает вывод, что ответственность за воссоединение Германии несут великие державы. На основании этой концепции боннские политики вновь говорят о необходимости переговоров с Советским Союзом о воссоединении Германии с целью «договориться о цене», за которую Советский Союз «уступит» оккупированную якобы им германскую территорию. Такое сознательное искажение подлинного положения в Германии обостряет обстановку и создает международную напряженность.

Германская Демократическая Республика является суверенным и равноправным государством. Советский Союз и народно-демократические страны установили с ГДР нормальные отношения, как с любым другим государством. Они неоднократно повторяли, что полностью поддерживают мнение правительства ГДР, что воссоединение страны является делом самих немцев. Они заявили, что прочно стоят на стороне союзной с ними ГДР и любое нападение на территорию ГДР будут рассматривать как нападение на весь социалистический лагерь. Политика боннского правительства, направленная на насильственное включение ГДР в сферу империалистического господства, связанная с участием Федеративной Республики Германии в военных империалистических пактах, порождает опасность атомной войны. Опасность войны в Германии

и Европе обусловливается единственно политикой западногерманского правительства, в то время как политика правительства ГДР направлена на мирное демократическое воссоединение Германии и на сохранение мира в Европе. С момента своего основания ГДР стремится к мирным переговорам и контактам, основанным на взаимном понимании. Во всех наших попытках ведения переговоров с западногерманским государством мы руководствуемся всегда одним принципом: вести переговоры лучше, чем стрелять!

Правительство ГДР всегда стремилось и стремится как можно скорее преодолеть государственный раскол Германии. Вильгельм Пик в своем выступлении по случаю его избрания президентом ГДР 11 октября 1949 г., касаясь германского вопроса, сказал следующее: речь идет о том, чтобы «вести борьбу за единство Германии, мирный договор и за национальную самостоятельность немецкого народа. Если это будет сделано западногерманским федеральным правительством и западногерманским бундестагом, то тогда мы приблизимся друг к другу, устраним в конце концов раскол нашей родины и создадим единую Германию...» [2].

Правительство ГДР использовало всякую возможность, чтобы добиться этой цели. В согласии с миролюбивыми силами в Европе правительство ГДР заявило о своей готовности участвовать в создании Общегерманского учредительного совета. Этот совет должен был взять на себя подготовку условий для проведения выборов в Национальное собрание. Образование совета создало бы предпосылки для проведения незамедлительных совещаний по вопросу о мирном договоре с Германией. В то же время он должен был подготовить формирование суверенного демократического и миролюбивого Временного общегерманского правительства.

Федеральное правительство отклонило эти рекомендации и сконцентрировало свое внимание на милитаризации Федеративной республики. В связи с опасностью, порождаемой милитаристскими устремлениями Западной Германии, правительство ГДР заявило 30 января 1951 года: «Пусть знают на западе Германии, что мы готовы еще до осуществления единства Германии обсудить вопрос о численном составе полиции, ее характере и вооружении на востоке и, разумеется, также и на западе Германии».

Это предложение и другие рекомендации ГДР были отклонены представителями возрождающегося германского империализма в Федеративной республике и скрыты от широкой общественности Западной Германии. Растущая опасность войны, возникшая в результате милитаризации Западной Германии, сделала мирное и демократическое воссоединение Германии самой серьезной и первоочередной проблемой.

Народная палата и правительство ГДР неоднократно обращались к бундестагу и западногерманскому правительству с предложениями созыва общегерманских совещаний для обсуждения вопроса о проведении общегерманских свободных выборов в Национальное собрание с целью создания единой демократической миролюбивой Германии и ускорения заключения мирного договора. Политике боннского правительства, направленной на раскол Германии, и его болтовне о целостности Европы, призванным замаскировать агрессивные планы западногерманского империализма, правительство ГДР противопоставило ясное требование: «Немцы за один стол». В заявлении от 30 января 1951 г. оно констатировало: «В то время как г-н Аденауэр рассматривает выборы как дело оккупационных держав, мы придерживаемся мнения, что подготовка и проведение общегерманских свободных, тайных выборов является собственным делом нашего народа».

---

[2] Вильгельм Пик. Избранные произведения. М. 1956, стр. 290.

Аденауэр и его правительство, довольно часто и охотно заявляющие в демагогических целях о свободных выборах в Германии, не хотели и не хотят ничего знать о переговорах между немцами, а требуют безоговорочного присоединения ГДР к Федеративной республике.

Но правительство ГДР, несмотря на это, не отказывается от попыток осуществить сближение обоих германских государств. Оно выработало проект общегерманского избирательного закона и представило его народу на обсуждение. В феврале 1952 г. в ответ на эти честные усилия по мирному воссоединению боннский бундестаг уполномочил Аденауэра на ведение дальнейших переговоров о заключении так называемого общего договора между западными державами и Федеративной республикой и включении Западной Германии в «Европейское оборонительное сообщество».

В этот тяжелый момент, когда боннское правительство принесло национальные интересы в жертву планам германского империализма, Советский Союз поддержал борьбу нашего народа за жизненные интересы, выдвинув 10 марта 1952 г. проект Основ мирного договора с Германией.

Но правительство Аденауэра предприняло в дальнейшем все, чтобы воспрепятствовать мирному сближению обоих германских государств и заключению мирного договора. После того, как создание «Европейского оборонительного сообщества» потерпело крушение, разбившись о сопротивление народов, боннское правительство старалось включить Западную Германию в НАТО и в Западноевропейский союз. СССР и правительство ГДР в ходе Берлинской конференции министров иностранных дел в январе — феврале 1954 г. указывали на опасность, возникающую для Европы и Германии из факта участия Западной Германии в империалистических военных пактах. Аденауэр провокационно заявил, что и воссоединенная Германия должна будет оставаться в системе западных военных пактов.

В интересах национального воссоединения и сохранения мира в Европе Народная палата и правительство ГДР вновь внесли предложение о переговорах представительств обоих государств. Боннский бундестаг отвел протянутую руку и ответил ратификацией 27 февраля 1955 г. Парижских военных соглашений о вовлечении Федеративной республики в НАТО и Западноевропейский союз. Тем самым в результате боннской политики ремилитаризации и включения Западной Германии в империалистическую систему военных пактов раскол Германии еще более углубился, а воссоединение стало длительным и сложным процессом.

Внутреннее и внешнеполитическое развитие Федеративной Республики Германии сделало невозможным воссоединение Германии путем выборов. Империалистическое западногерманское государство, вовлеченное в западные военные пакты, не может объединиться с нашей социалистической республикой путем голосования на выборах. Различие во внутри- и внешнеполитических условиях двух государств стало еще большим. Существенную роль при этом играет отношение Федеративной республики к трем великим западным державам. С согласия последних Федеративная республика получила формальные суверенные права. В действительности же иностранные войска империалистов и поныне выполняют в Западной Германии функции оккупантов, ибо в результате «общего договора» и Парижских военных соглашений западные державы выговорили себе многочисленные особые полномочия вплоть до права объявлять военное положение в стране. Но самым постыдным для боннского правительства являются оговорки западных держав в вопросе воссоединения, разрешение которого оно поставило в зависимость от их согласия.

Отношения же Советского Союза с ГДР, напротив, всегда были и остаются такими же, как и между другими суверенными государствами. Германская Демократическая Республика полностью независима в сво-

ей политике, включая и отношения с Федеративной Республикой Германии. Советский Союз принял во внимание реальную обстановку в Германии и установил дипломатические отношения с обоими германскими государствами. Советское правительство отстаивает правильную точку зрения, что с момента передачи ГДР всех суверенных прав оно не может более вести какие-либо переговоры по вопросу о воссоединении, не нарушая при этом права немецкого народа на самоопределение. Западные державы, напротив, все еще продолжают отрицать существование ГДР и пытаются, как и прежде, пренебрегать правом немецкого народа на самоопределение. Вопрос воссоединения — дело немецкого народа и может быть разрешен только самими немцами.

Права и обязанности государств, одержавших победу над фашистской Германией, ограничиваются в отношении немецкого народа заключением мирного договора с Германией, представляемой в настоящее время двумя германскими государствами. Мирный договор должен способствовать тому, чтобы было прекращено возрождение германского милитаризма в Западной Германии. Таким путем державы-победительницы смогут выполнить принятые на себя обязательства по демократизации всей Германии и оказать поддержку мирному демократическому воссоединению страны. По мирному договору Германии должно быть запрещено производство и испытание атомного и ядерного оружия и других средств массового уничтожения. Тем самым был бы сделан существенный вклад в дело сохранения мира в Европе, и Западная Германия вместе с ГДР и соседними с ними государствами могла бы создать безатомную зону в Центральной Европе. За это бывшие оккупационные державы несут большую ответственность. Ведь заключение мирного договора позволило бы выполнить важную задачу сохранения мира, не ущемляя права на самоопределение немецкого народа.

Сближение государств с противоположными общественными системами — задача очень трудная, не имеющая примера в истории. 30-й пленум ЦК СЕПГ указал в январе 1957 г. конкретный путь к воссоединению Германии — объединение двух германских государств на основе конфедерации и создание на паритетных началах Общегерманского совета, состоящего из представителей обоих государств. Правительство ГДР сделало 26 июля 1957 г. программное заявление о сохранении мира в Европе и о воссоединении Германии, сохраняющее свою силу и на сегодняшний день.

Создание конфедерации позволило бы достигнуть мирного демократического объединения двух германских государств. При этом в Западной Германии могли бы быть устранены милитаристско-фашистские элементы, вновь поднявшие головы, и ее развитие приняло бы такой демократический характер, что из Западной Германии не исходила бы более угроза жизненным интересам нашего и других народов. Конфедерация подобного рода исключает всякое господство одного германского государства над другим. Общегерманский совет мог бы на этой основе рекомендовать и принять решение о проведении мероприятий, которые послужили бы делу постепенного сближения обоих германских государств.

В первую очередь следовало бы прийти к соглашению по следующим жизненно важным вопросам: о выходе ФРГ из НАТО и выходе ГДР из организации Варшавского договора, об отмене всеобщей воинской повинности в Федеративной Республике Германии, о численности войск, о заключении мирного договора и постепенном выводе в ближайшее время всех иностранных войск с германской территории. Остальные вопросы могли бы быть решены впоследствии.

Предложение о создании конфедерации встретило в Западной Германии широкий отклик. Во всех слоях населения ФРГ растет сопротивление политике правящих кругов, отвергающих переговоры с ГДР и од-

носторонне стремящихся к атомному вооружению Федеративной Республики Германии.

Реакционное большинство боннского бундестага приняло 25 марта 1958 г. решение об оснащении западногерманской армии атомным оружием. Такое мероприятие является серьезной угрозой социалистическому строительству в ГДР и подвергает опасности мир в Европе. В то время как народы ведут борьбу за разоружение и создание безатомной зоны в Центральной Европе, правительство Аденауэра, форсируя атомное вооружение, намерено воспрепятствовать разрядке напряженности и сделать невозможным мирное демократическое воссоединение Германии. Требование немецкого народа о проведении плебисцита против атомного вооружения игнорируется боннским правительством, и проведение всенародного опроса запрещается. В таких условиях, при наличии угрозы существованию немецкой нации и сохранению мира, усилия ГДР по созданию конфедерации приобретают огромное историческое, национальное и международное значение.

Заключение мирного договора с Германией означало бы решающий поворот в ее истории. Поэтому V съезд СЕПГ в июле 1958 г. поставил требование о заключении мирного договора с Германией в центр борьбы за воссоединение Германии. К важнейшим принципам мирного договора, осуществление которых создало бы стабильную основу для германской конфедерации, относятся: широкая демократизация общественно-политической жизни во всей Германии; отказ обоих германских государств от производства, приобретения и испытания ядерного оружия; вывод всех иностранных войск с территории Германии и ликвидация иностранных военных баз на германской территории; выход ФРГ из НАТО и выход ГДР из организации Варшавского договора, а также отказ от участия в военных союзах. Тем самым в равной мере были бы учтены интересы как немецкого народа, так и его соседей.

И в этой обстановке Советский Союз вновь поддержал борьбу прогрессивных сил Германии, представив 10 января 1959 г. заинтересованным государствам проект мирного договора. Заключение мирного договора является кратчайшим и быстрейшим путем для сохранения мира и поможет немецкому народу своими силами и с сознанием своей ответственности осуществить объединение Германии. Такой ход развития пугает империалистические круги Западной Германии и других империалистических держав, ибо он нарушает их военные планы. Рабоче-крестьянской власти в ГДР и демократическим силам во всей Германии мирный договор, напротив, принес бы только пользу.

Интересам немецкого народа отвечают также и предложения Советского Союза по мирному решению вопроса о Западном Берлине. То обстоятельство, что Западный Берлин, находящийся в центре ГДР, все более превращается в плацдарм «холодной войны» и форпост нападения на миролюбивые государства Восточной Европы, противоречит не только интересам нашего рабоче-крестьянского государства, но и интересам европейских народов, делу сохранения мира. Поэтому предложение превратить Западный Берлин в демилитаризованный свободный город вполне справедливо и отвечает стремлению немецкого народа к миру.

В результате заключения мирного договора с Германией и этот вопрос смог бы получить реальное решение. ГДР осознает ту ответственность, которую несет она в решении всех этих вопросов, и преодолеет все трудности, чтобы удовлетворить интересы немецкого народа и способствовать сохранению мира в Европе.

Десятая годовщина ГДР является для нас днем принятия обязательства не щадить сил и в союзе с прогрессивными, миролюбивыми и патриотически настроенными людьми в Западной Германии создать новое, мирное, демократическое объединенное германское отечество.

Такая Германия была бы залогом сохранения мира в Европе. Такая Германия служила бы более высокому развитию человечества своим большим экономическим, научно-техническим и культурным прогрессом. Такая Германия вложила бы огромный вклад в дело приведения всех государств Европы к мирному, счастливому будущему.

Мы хотим создать именно такую Германию, и миролюбивые, патриотические силы нашего народа с большим воодушевлением, не щадя сил, борются за это. Целенаправленность всей нашей политики в ГДР — создание мирной демократической Германии. Поэтому мы так настойчиво боремся за заключение мирного договора с Германией, за создание конфедерации двух германских государств, за победу над капитализмом на фронте нашего мирного хозяйства, за укрепление ГДР, олицетворяющей своей политикой мира и благосостояния будущее Германии.

Мы хотим, чтобы по всей Германии все силы были направлены на мирное развитие, чтобы разрешить большие, прекрасные задачи будущего, в котором люди смогут преобразовать мир по своему желанию. Люди сдвинут горы. Не останется более пустынь. Одним нажимом рычага человек сможет по своему желанию привести в движение целые отрасли промышленности. Люди будут исследовать на благо человечества тайны, лежащие за пределами земного шара. Жизнь станет изобильной, мирной и счастливой.

Трудящиеся ГДР исполнены твердой решимости идти по этому пути. Правда, мы находимся еще в начале этого развития. Но наши задачи на ближайшие семь лет дают представление о величии наших перспектив. Осуществление этих задач мы увязываем с успешным решением жизненных вопросов немецкой нации, с тем, чтобы перед всем немецким народом открылись светлые пути нового, мирного и счастливого будущего.

ВОЗРАСТАНИЕ РУКОВОДЯЩЕЙ РОЛИ ПАРТИИ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА

Г. Д. Обичкин

История подтвердила правильность учения основоположников научного коммунизма о пролетарской партии как руководящей силе рабочего класса в его борьбе за завоевание политической власти и построение коммунистического общества. «Весь сорокалетний опыт Советского государства учит,— говорил Н. С. Хрущев,— что без партии, единой и монолитной, как скала, без партии, вооруженной знанием законов общественного развития, без партии, верной великим принципам марксизма-ленинизма, рабочий класс, трудовое крестьянство, весь наш народ не могли бы завоевать власть, разгромить своих врагов, построить социалистическое общество и успешно осуществлять постепенный переход к коммунизму» [1].

Если до победы пролетарской революции задача большевистской партии состояла в том, чтобы поднять народные массы на борьбу за свержение власти помещиков и капиталистов, то после завоевания власти рабочим классом основным содержанием деятельности партии стала организаторская, идейно-воспитательная работа, направленная на построение социализма. Так партия из силы разрушения эксплуататорского строя превратилась в могучего созидателя нового общества. Правильная, научно обоснованная политика, верность марксизму-ленинизму, непримиримая борьба против антипартийных групп и течений, беззаветная поддержка со стороны народа — все это дало возможность Коммунистической партии добиться великих побед.

Основатель и вождь нашей партии В. И. Ленин в своих произведениях глубоко обосновал роль марксистской пролетарской партии как руководителя и организатора масс в их борьбе за строительство социализма и коммунизма. В разработке этого учения, создании и воспитании боевой марксистской партии нового типа — всемирно-историческая заслуга В. И. Ленина не только перед российским пролетариатом, но и перед мировым рабочим движением, ибо большевистская партия явилась образцом для всех других коммунистических партий. Уже с момента своего рождения она решительно противостояла оппортунистическим партиям II Интернационала.

Исторический опыт показал, какую опасность для пролетариата представляют реформистские партии, развращающие рабочий класс буржуазной идеологией, разоружающие его идейно и организационно, вносящие раскол в рабочее движение. В. И. Ленин неоднократно указывал на эту опасность, разоблачал оппортунистическую сущность партий II Интернационала. «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней нет революционной партии,— писал Владимир Ильич.— Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Гендерсонов, Веббов и К°, или лакей-

---

[1] Н. С. Хрущев. Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. М. 1957, стр. 34.

ских душ вроде Каутского. Нет партии революционной» [2]. Рабочий класс, широчайшие массы трудящихся всего мира испытали немало бедствий в результате предательств руководящей верхушки европейской и американской социал-демократии.

По пути своих предшественников идут и современные ревизионисты. Ренегаты всевозможных мастей и оттенков ополчились ныне против коммунистических и рабочих партий, построенных на марксистско-ленинских принципах, против их революционной политики и деятельности. Сознательно или несознательно, но они выполняют социальный заказ империалистической буржуазии, которая стремится обезоружить рабочий класс, лишить его организующей и руководящей силы. Ревизионисты особенно рьяно нападают на ленинский принцип демократического централизма, представляющий незыблемую основу организационного строения пролетарских партий. Особенно изощряются в попытках очернить этот принцип американские ревизионисты Робертсон и Гейтс, канадский — Сольсберг, английские — Хилл и Кадоган, итальянский — Джолитти и другие. Но дело этим не ограничивается. Ревизионисты доходят до отрицания необходимости марксистско-ленинских партий вообще. Например, ренегат Гейтс выступал за ликвидацию Коммунистической партии США и создание вместо нее некой «Ассоциации политического действия». Это было предательское, откровенно ликвидаторское предложение, которое полностью отвечало интересам американского империализма. Отрицание партии В. И. Ленин считал равносильным «полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии» [3].

Другие ревизионисты выступают против ленинского понимания партии как руководящей и направляющей силы в строительстве социализма и коммунизма. Руководство партии хозяйством страны, государственными учреждениями и общественными организациями они изображают как ее бюрократизацию, как якобы подмену этих организаций. Ревизионистские элементы подобного типа противопоставляют развитие демократии руководящей роли партии, отождествляя ее с органами принуждения. По их мнению, чем больше развита демократия, тем меньше будто бы необходимости в партии. Таким образом, они извращают ее природу и назначение. Подобные взгляды в корне противоречат марксизму-ленинизму и могут причинить лишь вред революционной борьбе рабочего класса, делу коммунистического строительства.

Как известно, в истории КПСС были неоднократные попытки со стороны всякого рода оппортунистов разрушить партию, подорвать ее руководящую роль в системе Советского государства. Напомним ту борьбу, которую пришлось вести партии во главе с В. И. Лениным против анархо-синдикалистского уклона в 20-х годах, в лице так называемой «рабочей оппозиции». Ее представители выступали против партии как руководящей силы советского общества. Это было крайне опасно.

Разоблачая антипартийную суть взглядов анархо-синдикалистов и объединившихся с ними троцкистов, В. И. Ленин всесторонне обосновал руководящую роль партии в системе Советского государства, в руководстве социалистическим строительством. «Чтобы управлять,— говорил он,— надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией» [4].

Позднее, уже после смерти В. И. Ленина, большевикам во главе с ЦК партии вновь пришлось отстаивать единство своих рядов в борьбе с троцкистами, правыми капитулянтами и буржуазными националистами. Идейный и организационный разгром оппортунистических, антипартийных групп и течений явился одним из основных условий дальнейшего

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 93.
[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 26.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 41.

сплочения и укрепления Коммунистической партии, усиления ее руководящей роли.

В наши дни по стопам разгромленных антиленинских течений пошла антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шепилова. Эта группа не только ополчилась против политического курса, принятого XX съездом КПСС, не только применяла низкие методы раскольнической, дезорганизаторской деятельности, но и выступала против руководящей роли партии. Разоблачение и разгром этой антипартийной группы еще более укрепили единство партийных рядов, теснее сплотили массы вокруг партии и ее ленинского ЦК.

Коммунистическая партия, ее ленинский Центральный Комитет неустанно борются за укрепление единства партийных рядов, как зеницу ока оберегают их сплоченность и монолитность. Партия выступает перед лицом трудящихся как их признанный коллективный вождь и руководитель, сильный единством воли и действий.

Переход человечества от капитализма к социализму составляет основное содержание нашей эпохи. Ныне под руководством марксистско-ленинских партий по пути строительства социализма и коммунизма идут народы многих стран, составляющих мировой социалистический лагерь с населением около миллиарда человек. Эти партии, так же как и КПСС, последовательно проводят в своей внешней политике ленинский принцип мирного сосуществования стран с различными социально-политическими системами, отстаивают дело сохранения и упрочения мира во всем мире. В этих условиях исключительное значение приобретает обобщение опыта деятельности нашей партии — признанного авангарда международного коммунистического и рабочего движения.

КПСС и ее Центральный Комитет в ходе выполнения грандиозных практических задач коммунистического строительства выдвигают и решают важнейшие теоретические проблемы. Творческое развитие марксистско-ленинской теории на основе обобщения гигантского опыта масс идейно вооружает партию и народ в великом деле строительства коммунизма.

В решениях XXI съезда КПСС, в докладе товарища Н. С. Хрущева нашли глубокое освещение коренные вопросы коммунистического строительства на нынешнем этапе: о двух фазах коммунистического общества и закономерностях перерастания социализма в коммунизм; о материально-технической базе коммунизма; о распределении материальных благ в условиях социализма и коммунизма; о путях развития и сближения колхозной и общенародной форм социалистической собственности; о политической организации общества в период развернутого строительства коммунизма; о полной и окончательной победе социализма; о развитии мировой социалистической системы и другие.

Теоретические положения, выдвинутые на съезде, являются крупным вкладом в марксистско-ленинскую науку, они освещают путь к великой цели — коммунизму, являются идейной основой всей организаторской и воспитательной работы партии.

XXI съезд развил дальше учение о партии, сделав вывод о возрастании ее роли на современном этапе. Этот вывод является обобщением борьбы советского народа под руководством КПСС за социализм и коммунизм, а также опыта строительства социализма в странах народной демократии. В докладе на съезде Н. С. Хрущев говорил: «Весь опыт борьбы за победу социализма и коммунизма в нашей стране и в других социалистических странах подтверждает правильность одного из важнейших положений ленинизма о том, что в процессе строительства коммунистического общества роль партии должна возрастать, а не ослабляться, как это утверждают современные ревизионисты» [5]. Это положение доклада вошло в резолюцию съезда.

[5] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Ч. 1. М. 1959, стр. 117.

Данная статья имеет своей целью осветить два вопроса: во-первых, чем вызывается усиление руководящей роли партии в период развернутого строительства коммунизма, и, во-вторых, в чем и как проявляется возрастание руководящей роли КПСС.

★

Марксизм-ленинизм исходит из того, что при социализме возникают и действуют новые общественные закономерности. Стихийность, характерная для капиталистического общества, уступает место планомерному развитию; необычайно возрастает роль субъективного фактора, сознательной деятельности людей.

Отличительная особенность действия объективных законов общественного развития при социализме состоит в том, что они познаются и сознательно используются партией, государством, в то время как в докоммунистических формациях они проявляются стихийно. При социализме с особой силой раскрывается роль народных масс как подлинных творцов истории, сознательно строящих новую жизнь под руководством партии.

Переход от социализма к коммунизму — это закономерный, объективный естественноисторический процесс. Но это не значит, что он совершается автоматически, без активной деятельности миллионов людей, без сознательного использования партией и государством объективных закономерностей общественного развития. Сроки и темпы перерастания социализма в коммунизм не могут быть намечены и определены произвольно, без учета реальных возможностей. Нельзя торопиться и вводить то, что еще не созрело. Но, как отмечал Н. С. Хрущев на XXI съезде, не следует и запаздывать с использованием всех возможностей для быстрого движения вперед. Это привело бы к застою, к задержке развития общества.

Наши враги обычно упрекают Коммунистическую партию Советского Союза в волюнтаризме, когда она подчеркивает роль субъективного фактора, роль сознательной деятельности людей. Но эта критика не по адресу. К волюнтаризму скатываются те, кто объективные законы подменяет субъективными стремлениями. Наша же партия, изучая объективные процессы, использует их закономерности, опирается на них в своей деятельности. Действуя в направлении этих закономерностей, она ускоряет ход общественной жизни.

Партия исходит из того, что процесс перехода от низшей к высшей фазе коммунизма может быть ускорен, так как в нашей стране, где уже достигнут высокий уровень развития материального производства, созданы для этого необходимые предпосылки. Поэтому постепенность перерастания социализма в коммунизм нельзя рассматривать как замедленное движение. Наоборот, это быстрый процесс, предполагающий высокие темпы развития нашего общества во всех областях жизни. «...Только с социализма,— говорил В. И. Ленин,— начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» [6].

Развитие советского общества идет такими быстрыми темпами, каких не знал ни один строй в прошлом и не знает ныне ни одна капиталистическая страна. Но наши темпы не являются предельными. Ускорить движение по пути к коммунизму — такую задачу ставит партия перед советским народом, и она решается успешно. Ускорение темпов движения нашей страны к коммунизму невозможно без усиления руководящей роли партии, мобилизующей и направляющей силы народа на решение стоящих перед страной задач.

В ходе строительства коммунизма будет продолжаться совершенст-

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 443.

вование производственных отношений. Этот процесс органически связан с руководящей деятельностью КПСС. В том и состоит мудрость и дальновидность политики нашей партии, что она своевременно подмечает назревшие потребности развития советского общества и разрешает их посредством крупных мероприятий хозяйственного, организационного и политического характера. Так, Коммунистическая партия и Советское государство, опираясь на объективные законы, устраняют несоответствие, которое возникает между непрерывно развивающимися производительными силами и теми или иными устаревающими сторонами производственных отношений. Примером этому служит проведенная по инициативе партии реорганизация МТС и продажа сельскохозяйственной техники колхозам. Те же цели преследовало и такое важнейшее мероприятие, проведенное партией и государством, как реорганизация управления промышленностью и строительством, образование экономических районов, создание совнархозов. Эти преобразования в огромной мере содействовали ускорению движения нашего общества к коммунизму.

Современные ревизионисты пытаются обвинить КПСС в практицизме, хулят ее за то, что она руководит всеми сторонами жизни советского общества. Они подсмеиваются над тем, что КПСС, как и коммунистические и рабочие партии в странах народной демократии, намечает планы увеличения посевных площадей под те или иные культуры, планы расширения производства определенного вида продукции. В этих барски-высокомерных рассуждениях наглядно выявляется отход ревизионистов от марксистско-ленинского учения о партии, отрицание ее направляющей роли в строительстве социализма и коммунизма.

Тот факт, что коммунистические партии, вооруженные знанием законов общественного развития, определяют направление развития экономической и политической жизни страны, намечают перспективы хозяйственного строительства, ставят задачи и определяют пути их решения, говорит о том, что они с честью выполняют свою историческую миссию, подтверждает их великие заслуги. Без этого дело строительства коммунизма было бы пущено на самотек, а значит, обречено на провал.

Современные ревизионисты игнорируют вопросы руководства экономикой, утверждая, что сфера деятельности партии лежит в области какой абстрактной политики и культурно-просветительной деятельности. Подобные «теории» представляют явный отход от ленинизма.

КПСС во всей своей деятельности руководствуется указанием В. И. Ленина о том, что заниматься хозяйственным делом — «это самая для нас интересная политика» [7]. Партия определяет политическую линию развития всей страны. Правильность этой линии является важнейшим условием всех наших успехов. Но КПСС не ограничивается выработкой политической линии: она обеспечивает ее реализацию своим конкретным, оперативным руководством всеми сторонами жизни нашего общества. Сила политики партии неизмеримо увеличивается потому, что советский народ считает ее своим кровным делом.

Повышение руководящей роли партии в настоящее время вызывается вступлением СССР в новый этап — период развернутого строительства коммунистического общества, когда перед нашим народом встали поистине гигантские задачи. В резолюции XXI съезда КПСС по докладу Н. С. Хрущева указывается: «Намечаемая программа коммунистического строительства в Советском Союзе, программа нового мощного подъема экономики, культуры и материального благосостояния народа, по своим грандиозным масштабам не имеет себе равных в истории» [8].

---

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 407.

[8] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. II, стр. 429.

За семилетие предстоит сделать решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма, в обеспечении победы СССР в мирном экономическом соревновании с наиболее развитыми капиталистическими странами, в значительном повышении жизненного уровня народа. Решение экономических задач связано с крупными преобразованиями и мероприятиями в других областях жизни: политической, идеологической, международных отношений. Все это ведет к возрастанию роли партии как руководящей силы советского народа, строящего коммунизм.

Теперь, когда страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества, от всех парторганизаций требуется дальнейшая активизация деятельности, совершенствование методов и форм руководства, целеустремленность и в то же время гибкость в работе. Необходимо более глубокое и конкретное знание дела, понимание сущности совершающихся грандиозных исторических событий и процессов. Ответственность партийных организаций за успешную работу всех звеньев громадного хозяйства страны, ее экономики и культуры неизмеримо повышается, а роль их усиливается.

Одной из основных причин, вызывающих возрастание роли партии в период развернутого строительства коммунистического общества, является усиление активности советских тружеников. В наши дни, как никогда, сбываются известные слова В. И. Ленина: «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, тем больше число людей, которое в этих действиях участвует, и, наоборот, чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов» [9]. Именно теперь мы переживаем такой исторический период, когда происходят глубочайшие преобразования, в свершении которых участвуют многие миллионы людей, и возникает потребность в привлечении новых миллионов. Партия — это руководитель, организатор и воспитатель масс. В этом ее историческое назначение и призвание. Естественно, что с ростом активности и числа трудящихся, участвующих в сознательном историческом творчестве, возрастает и роль их руководителя.

В докладе Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда КПСС получил освещение и вопрос о взаимоотношениях партии в современных условиях с государственными и общественными организациями.

Марксизм-ленинизм учит, что при коммунизме государство отомрет, функции государственного управления утратят свой политический характер, наступит эпоха непосредственного народного управления делами общества. Многие функции, выполняемые государством, будут постепенно переходить к общественным организациям. Этот переход мы наблюдаем уже теперь на практике. Отдельные вопросы культурного обслуживания, здравоохранения, физкультурного движения, обеспечения общественного порядка частью уже переходят и будут в дальнейшем все больше переходить в ведение общественных организаций.

В то же время следует иметь в виду, что этот переход не означает ослабления роли социалистического государства в строительстве коммунизма. Политическая основа социалистического общества будет расширяться и укрепляться, так как будет возрастать непосредственное участие трудящихся в руководстве хозяйственным и культурным строительством, а советская социалистическая демократия получит дальнейшее развитие.

Поскольку отдельные функции переходят от государственных органов к общественным организациям, роль последних, и прежде всего профсоюзов, комсомола, будет усиливаться. Мы видим, как уже сейчас

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 467.

возросла роль профсоюзов, в рядах которых состоит более 50 млн. членов, какие ответственные задачи они решают.

«В период развернутого строительства коммунизма,— говорится в приветствии ЦК КПСС XII съезду профессиональных союзов СССР,— неизмеримо возрастает роль и значение профсоюзов, как школы управления и хозяйствования, школы коммунизма» [10]. Главная, самая насущная задача профсоюзов в настоящее время, указывается в приветствии, состоит в том, чтобы мобилизовать усилия широких масс на выполнение исторических решений XXI съезда партии. Важнейшим делом профсоюзных организаций является также руководство соревнованием, содействие развитию движения бригад и ударников коммунистического труда.

Громадную и постоянно усиливающуюся деятельность развертывает почти 20-миллионная комсомольская организация, этот верный помощник и резерв КПСС. Постоянно проявляя свою инициативу, комсомол активно помогает партии в претворении в жизнь ее решений. Комсомольцы идут на самые сложные и трудные участки работы — на целину, на строительство шахт и заводов,— увлекая своим энтузиазмом всю советскую молодежь.

С повышением роли всех общественных организаций неизбежно возрастает и роль партии как высшей формы общественной организации.

Повышение руководящей роли партии в значительной мере определяется ростом ее рядов. В КПСС ныне состоит 8 239 тыс. членов и кандидатов. Число вступающих в партию из года в год возрастает. Если за три с лишним года, между XIX и XX съездами, было принято 736 тыс., то за период между XX и XXI съездами, то есть менее чем за три года,— 1 023 тыс. человек. Только за 1958 г. в партию принято более 483 тыс. человек. Это по преимуществу рабочие и колхозники. В результате увеличивается число коммунистов, непосредственно занятых в сфере материального производства, что содействует улучшению партийной работы в промышленности и сельском хозяйстве, техническому прогрессу и повышению производительности труда, ибо коммунисты повсюду являются носителями передовых методов работы.

Таким образом, возрастание руководящей роли партии в период развернутого строительства коммунистического общества определяется закономерностями перерастания социализма в коммунизм, грандиозностью задач, которые решает в этот период советский народ, повышением производственной и политической активности масс и необходимостью направить эту активность на дело строительства коммунизма, возрастанием роли всех общественных организаций и, следовательно, партии как руководящего ядра и высшей формы общественных организаций.

Возрастание руководящей роли партии — это закономерный процесс общественного развития в период развернутого строительства коммунизма. В то же время усиление руководящей роли партии, улучшение ее руководства всеми сторонами жизни советского общества являются одним из важнейших условий успешного решения задач коммунистического строительства, ускорения нашего движения к коммунизму.

Следует добавить, что в связи с реорганизацией управления промышленностью и созданием экономических районов формы административных связей между областями и республиками существенно меняются. В этих условиях особую важность приобретают указания В. И. Ленина о роли партии в объединении усилий всех хозяйственных органов на решение общегосударственных задач. «Надо иметь в виду,— отмечал Владимир Ильич в письме XII съезду партии,— что дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом,

[10] «Правда», 24 марта 1959 года.

если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью...» [11].

Наша партия всесторонне подготовлена к тому, чтобы с честью выполнить новые задачи, связанные с повышением ее руководящей роли. Она накопила громадный опыт по руководству массами, хозяйственным и культурным строительством. Партия сплочена и едина, как никогда. Неизмеримо вырос ее авторитет. Коммунистическая партия Советского Союза пользуется безграничным доверием народа, тесно связана с ним и эти связи все время укрепляются. Ликвидировав последствия культа личности, при котором роль партии в известной мере принижалась, восстановив ленинские нормы партийной жизни и принципы партийного руководства, Центральный Комитет провел огромную организаторскую политическую работу. Широкое развитие получила внутрипартийная демократия, поднялась активность коммунистов, развернулись критика и самокритика в партийных организациях. Ленинский ЦК и его Президиум с исключительной энергией и последовательностью ведут борьбу за претворение в жизнь крупнейших мероприятий, направленных на осуществление исторических решений XX и XXI съездов КПСС.

Годы между XX и XXI съездами были таким периодом в истории КПСС, когда ее руководящее воздействие на все стороны нашей жизни необычайно возросло. Это создало условия для дальнейшего усиления ее роли на современном этапе.

Повышение роли нашей партии в период развернутого строительства коммунистического общества выражается в усилении ее организаторской и идейно-воспитательной работы. Эти две стороны деятельности КПСС неразрывно связаны между собой.

Для претворения в жизнь решений XXI съезда КПСС нужна огромная систематическая и умелая организаторская работа партийных организаций. «Партийные организации,— говорится в резолюции съезда,— должны обеспечить ритмичную работу всех предприятий, чтобы государственные планы изо дня в день, из месяца в месяц выполнялись и перевыполнялись по всем количественным и качественным показателям. Необходимо полнее вскрывать внутренние резервы и возможности предприятий для увеличения выпуска продукции на существующих мощностях, постоянно совершенствовать технологию и организацию производства, улучшать использование оборудования, сырья и материалов» [12].

Ярким примером неуклонного повышения организаторской роли партии в жизни нашей страны является деятельность ЦК КПСС. Центральный Комитет, олицетворяющий собой коллективный разум партии, направляет борьбу советских людей на быстрейшее построение коммунистического общества. Проявляя неиссякаемую инициативу и энергию, всемерно поддерживая и развивая творческий почин масс, ЦК во главе с первым секретарем Н. С. Хрущевым обеспечивает успешное решение грандиозных задач, выдвигаемых перед советским народом ходом коммунистического строительства.

Меры по крутому подъему сельского хозяйства, совершенствованию управления промышленностью и строительством, форсированное развитие химической промышленности, борьба за технический прогресс, совершенствование системы образования и приближение школы к жизни, всемерное развитие социалистической демократии, усиление борьбы за мир и за разрядку международной напряженности — таков далеко не полный перечень мероприятий выдающегося исторического значения, осуще-

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 558.

[12] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. II стр. 436.

ствленных за последние годы по инициативе и под руководством ЦК КПСС. Говоря о роли Центрального Комитета, нельзя пройти мимо громадного значения, которое имеют его пленумы в определении конкретных путей и методов созидания коммунистического общества.

Усиление организаторской деятельности партии предполагает улучшение работы партийных организаций во всех звеньях нашего государства, на каждом заводе, фабрике, в колхозе, совхозе, во всех учреждениях. КПСС учит, что умелое использование материальных ресурсов — это главное. На любом участке работы есть недостатки, устранение которых может дать большие результаты. Везде у нас есть громадные резервы, которые нужно привести в действие. И партийные организации стремятся найти, использовать их. Но это невозможно сделать без организаторской работы в массах. Следовательно, повышение роли партии предполагает усиление ее связей и дальнейшее сближение с самыми широкими слоями трудящихся.

Партия всегда крепко связана с народом — в этом источник ее силы. Укрепление связей КПСС с массами является одной из основных закономерностей ее развития. Партия неизменно опиралась и опирается на коллективный опыт и разум народа. За последние годы усиление связей партии с трудящимися особенно ярко проявляется в том, что она все чаще советуется с народом, прежде чем провести в жизнь то или иное крупное мероприятие. Так, в обсуждении вопросов реорганизации управления промышленностью и строительством приняло участие свыше 40 млн. человек [13], дальнейшего развития колхозного строя и реорганизации МТС — почти 50 млн. человек [14], контрольных цифр на семилетие—более 70 млн. (при этом выступило на собраниях более 4,5 млн. человек). Кроме того, в редакции газет и журналов поступило свыше 650 тыс. писем и статей, многие из которых содержали ценные практические предложения [15].

Центральный Комитет КПСС провел большое число отраслевых совещаний. То, что делает ЦК в масштабе всей страны, проводится партийными организациями в каждой республике, области, крае, районе, городе и предприятии при подготовке на местах крупных мероприятий. Уместно напомнить, что разработка контрольных цифр народного хозяйства началась на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах под руководством партийных организаций.

Все это свидетельствует о том, какую громадную организаторскую работу проводит партия, каким ключом бьет у нас производственная и политическая активность народа. В наши дни с особой силой подтверждаются слова В. И. Ленина о том, что в народе таятся гигантские творческие силы и колоссальная энергия, что в нем заключен неиссякаемый родник инициативы.

В решениях XXI съезда исключительное внимание уделяется роли первичных партийных организаций, значение которых в выполнении задач коммунистического строительства в современных условиях необычайно возросло. «Успех семилетнего плана, — говорил Н. С. Хрущев на съезде, — будет решаться непосредственно на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях. В связи с этим еще больше повышается роль местных партийных органов, первичных партийных организаций. Они обязаны добиваться, чтобы на каждом предприятии,

---

[13] Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Доклад на VII сессии Верховного Совета СССР. Госполитиздат. 1957, стр. 3.

[14] Н. С. Хрущев. О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. Доклад и заключительное слово на первой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 27 и 31 марта 1958 г. Госполитиздат. 1958, стр. 4.

[15] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. 1, стр. 21—22.

в каждом колхозе и учреждении была создана атмосфера творческого труда и производственного подъема»[16].

В свете этих задач Центральный Комитет КПСС разработал специальную систему мероприятий, имеющих своей целью расширение и обеспечение контролирующих функций первичных партийных организаций в вопросах производственной деятельности промышленных и торговых предприятий. Партия стремится не просто усилить свой контроль за работой хозяйственников, а придать ему такие организационные формы, которые бы способствовали успешному решению новых задач, выдвинутых XXI съездом, и обеспечивали привлечение к этому контролю широких партийных сил.

Партия требует, чтобы деятельность каждой ее организации была проникнута конкретностью и целеустремленностью. Основное внимание рабочих, служащих, колхозников КПСС направляет именно на решение практических задач, которые стоят перед данным предприятием, колхозом, совхозом, учреждением. Любая партийная организация должна брать, по образному выражению Н. С. Хрущева, свои рубежи, связывать работу данного предприятия или колхоза с выполнением общегосударственных задач.

Каждый труженик советского общества вносит свой вклад в общее великое дело; из усилий каждого и совокупного труда всех и вырастает величественное здание коммунизма. «Коммунизм, — говорил Н. С. Хрущев в своем выступлении при награждении орденом Ленина Рязанской области, — строится трудом ученого в его кабинете или лаборатории, рабочего на заводе, трудом доярки на ферме и тракториста в поле. Каждый советский человек на своем участке должен доблестно выполнять порученное дело и тем самым ускорять продвижение нашей страны к коммунизму»[17].

Главное ныне состоит в том, учит партия, чтобы каждый трудящийся знал, что и как ему нужно делать, чтобы партийные организации не упускали из поля своего зрения ни одного члена коллектива, чтобы в своей организаторской и воспитательной работе доходили до каждого советского человека. Сейчас наступило то время, которое предвидел В. И. Ленин. «Коммунизм,— говорил он,— должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело»[18].

Не абстрактные призывы о выполнении плана, повышении производительности труда, а мобилизация людей на решение конкретных дел — вот что должно составлять главное содержание деятельности первичных партийных организаций. Отсюда ясно, какие огромные задачи стоят перед каждой из них, как высоко поднимается их роль в решении проблем коммунистического строительства, в выполнении семилетнего плана.

За последние годы повысилась активность, жизнедеятельность и боеспособность партийных организаций и всех коммунистов. О развертывании внутрипартийной демократии говорит, в частности, такой факт, что в первичных организациях в руководящие органы избирается примерно $^1/_6$ часть членов КПСС. Партийные организации стали глубже вникать в работу предприятий, учреждений, конкретнее и оперативнее руководить хозяйством и различными сторонами культурной жизни, непрерывно совершенствуя методы и формы руководства. Выше поднялась требовательность, шире развернулась критика и самокритика. Именно идя в этом направлении, партийные организации и дальше будут повышать свою руководящую роль.

Намечая конкретные задачи в свете решений XXI съезда, каждая партийная организация ставит своей целью не только обеспечить выполнение планов, программ, заданий, стоящих перед тем или иным кол-

[16] Там же, стр. 113.
[17] «Правда», 14 февраля 1959 года.
[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 347.

лективом, но и перевыполнить их, внести в свою работу что-то новое, вытекающее из существа и духа решений съезда. В нашей печати приводится много ярких фактов, раскрывающих кипучую, полнокровную жизнь, которой живут первичные организации, возрастание их руководящей роли.

После XXI съезда КПСС во всех республиках, областях, городах, на предприятиях, в совхозах и колхозах обсуждались планы хозяйственного развития и принимались обязательства по перевыполнению заданий семилетки; обязательства взяты на всех предприятиях, в каждой отрасли промышленности.

В этом проявляется повышение активности масс и ответственности партийных организаций, возглавляющих борьбу народа за досрочное выполнение задач, поставленных перед страной XXI съездом КПСС. Выполнение повышенных обязательств потребует от партийных организаций еще большей организаторской и идейно-воспитательной работы.

Новые, огромные задачи выдвинул перед партийными организациями Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в июне 1959 года. Подчеркнув, что осуществление технического прогресса — дело всего народа, Пленум потребовал от партийных организаций возглавить борьбу трудящихся за технический прогресс, усилить научно-техническую пропаганду, улучшить руководство совнархозами и контроль за их деятельностью, решительно бороться с проявлением косности, пренебрежительным отношением к новой технике и опыту новаторов.

Июньский Пленум наметил широкую программу технического прогресса в СССР. Эта программа имеет не только народнохозяйственное, но и огромное социальное значение. Ее осуществление облегчит и улучшит условия труда, резко повысит его производительность, еще более ускорит темпы развития производства, приведет к дальнейшему укреплению экономического могущества и обороноспособности нашей Родины, к повышению жизненного уровня советского народа. «Только на пути технического прогресса, на основе лучших достижений науки и техники, передового опыта,— говорил на Пленуме Н. С. Хрущев,— можно обеспечить быстрый и неуклонный рост производительности труда, высокие темпы развития народного хозяйства. Это весьма важно нам для того, чтобы выиграть время в мирном соревновании с наиболее развитыми капиталистическими странами»[19].

Июньский Пленум ЦК КПСС с новой силой подчеркнул значение организаторской работы партийных организаций как решающего условия выполнения производственных планов.

Одной из форм усиления руководящей деятельности партии является улучшение работы с кадрами, правильная их расстановка, повышение их политического уровня и деловой квалификации, вооружение их марксистско-ленинской теорией.

За время после XX съезда КПСС многое сделано по выдвижению и перестановке кадров, например, путем перевода их из министерств и ведомств в экономические районы, в совнархозы. Большое число работников было направлено на новостройки, в сельское хозяйство.

Центральный Комитет партии, как это указывалось в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде, считает, что нужно привлекать к руководящей работе новые кадры, особенно молодые. Партия учит, что необходимо ценить дельных и знающих людей, своевременно выдвигать их, давать дорогу молодым силам, обеспечивая правильное сочетание старых и молодых работников, заменять не справляющихся с делом способными организаторами.

Особое внимание партия уделяет укреплению квалифицированными кадрами отстающих предприятий совхозов, колхозов, районов. Как по

---

[19] «Правда», 2 июля 1959 года.

казывает опыт, это имеет решающее значение для успешной работы любого предприятия. Сколько наглядных, разительных примеров было за последнее время, когда, например, отстающий колхоз буквально преображался уже через год — два, если во главе его становился опытный, инициативный и знающий руководитель!

Об огромной роли умелого руководства в деле повышения производительности труда и улучшения экономических показателей предприятий говорит движение, развернувшееся в нашей стране по почину бригадира Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Валентины Гагановой, которая перешла из своей передовой бригады в отстающую и вывела ее в число передовых. Этому благородному примеру уже последовали тысячи передовиков.

Партия требует от всех государственного, партийного подхода к порученной работе. Борьба против ведомственности и местнических тенденций, за соблюдение общегосударственных интересов является одним из основных требований, предъявляемых ко всем работникам, особенно в настоящее время, когда организованы экономические районы и местам предоставлены самые широкие права и полномочия. ЦК КПСС повседневно воспитывает кадры в духе высокой принципиальности, ленинской идейности, отстаивания государственных интересов.

Возрастание руководящей роли партии предполагает улучшение деятельности всех звеньев ее аппарата. Жизнь, практика выдвигает новые задачи и порождает новые методы и формы работы. Умение вовремя подхватить их, использовать творческий опыт масс является и будет постоянно являться одной из важнейших задач партийных организаций.

У нас есть еще кое-где люди, которые односторонне понимают партийную работу, ведут ее в отрыве от производственной жизни, от практических задач. Действительная сущность партийной работы состоит в мобилизации людей на высокопроизводительный труд во имя строительства коммунизма, чему должна быть подчинена вся деятельность партийных организаций. Нельзя признать их работу полноценной, если коллектив не выполняет своих задач, если на предприятии допускается брак, срываются плановые задания. Чтобы победил коммунизм, мы должны всемерно развивать производство. Именно на достижение этой цели, в конечном итоге, направляется партийная работа, этой цели подчиняется деятельность парторганизаций по воспитанию трудящихся в духе коммунистической сознательности.

Строительство коммунизма — это разносторонняя творческая деятельность многомиллионных масс, многочисленных коллективов предприятий и строек, колхозов и совхозов, учреждений и организаций во всех отраслях народного хозяйства, науки и культуры. Коммунистическая партия придает деятельности миллионов целеустремленность, ставит перед трудящимися научно обоснованные задачи, указывает пути их решения, вдохновляет и мобилизует народ на героический труд.

Повышение организаторской роли партии ни в коей мере не означает подмены ею государственных, хозяйственных или общественных организаций. Речь идет об усилении политического руководства этими организациями, об усилении руководства массами, входящими в эти организации, о руководстве творческой, созидательной деятельностью всего народа.

В огромной степени возрастает идейно-воспитательная роль партии. XXI съезд указал, что «осуществление грандиозного плана коммунистического строительства требует от партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций дальнейшего улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания общественного долга, в духе социалистического интерна-

ционализма и патриотизма, неуклонного соблюдения высоких принципов коммунистической морали»[20].

Коммунистическое воспитание трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей, особенно воспитание подрастающего поколения, партия считает важнейшей задачей партийных, государственных и всех общественных организаций. В материалах и решениях XXI съезда КПСС намечена развернутая программа и сформулированы основные направления идеологической, массово-политической воспитательной работы. В то же время партия требует систематической борьбы с враждебной буржуазной идеологией, а также против ревизионизма.

Идейно-воспитательная, массово-политическая работа партийных организаций сейчас приобретает колоссальный размах. Центральный Комитет принимает все меры к тому, чтобы она соответствовала задачам переживаемого периода, отвечала требованиям, которые предъявляются к ней жизнью. ЦК КПСС принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области»[21]. Оно обобщает опыт многих областных партийных организаций и имеет общепартийное значение. Отмечая положительные стороны и раскрывая недостатки в политической пропаганде и агитации Сталинской областной партийной организации, постановление дает широкую программу для всех партийных организаций в развертывании массово-политической работы. Оно определяет как содержание, так и формы работы, направленной на разъяснение решений XXI съезда и мобилизацию всех сил народа на их осуществление. Это постановление — проявление конкретного руководства ЦК КПСС пропагандой и агитацией в массах.

Не случайно партия связывает создание материально-технической базы коммунизма и воспитание трудящихся в духе коммунизма. Строительство коммунизма — это единый процесс, охватывающий и область материального производства и духовную культуру. «Для перехода к коммунизму необходима не только развитая материально-техническая база, но и высокий уровень сознательности всех граждан общества»[22]. В процессе производства материальных благ и повышения благосостояния советских людей происходит рост их сознательности, что, в свою очередь, способствует успешному решению задач в области экономики.

Коммунистическая партия, руководствуясь указанием В. И. Ленина о том, что производительность труда — это самое главное для победы нового общественного строя, в идейно-воспитательной работе уделяет большое внимание освещению опыта борьбы в этой области. В повышении производительности труда первостепенную роль играет принцип материальной заинтересованности, который партия последовательно проводит в жизнь. Вместе с тем партия настойчиво воспитывает у советских людей коммунистическое отношение к труду. А коммунистический труд в подлинном смысле слова означает труд без оплаты, на пользу и в интересах общества. Таким труд будет при коммунизме, но элементы его уже имеются сейчас. Наряду с принципом материальной заинтересованности у нас все большее значение получают моральные стимулы повышения производительности труда и улучшения работы.

Ярким примером нового отношения к труду служит добровольный отъезд десятков и сотен тысяч юношей и девушек на освоение целинных и залежных земель, на стройки Сибири и Дальнего Востока. Горячее стремление отдать свои силы на благо всего общества — вот единственный мотив, который двигал ими в этом благородном деле.

---

[20] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. II, стр. 442.

[21] «Партийная жизнь», 1959, № 6, стр. 23—32.

[22] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. I, стр. 55.

В нашей стране выросли новые люди с высокими моральными принципами тружеников социалистического общества. У нас давно ликвидированы последние элементы капитализма в экономике, но в сознании отдельных людей пережитки капитализма еще живут. Они особенно живучи там, где партийные и общественные организации не проявляют должной заботы о воспитательной, политической работе в массах.

Огромную роль в коммунистическом воспитании подрастающего поколения сыграет перестройка народного образования в нашей стране, осуществляемая по инициативе Центрального Комитета КПСС. Тесная связь школы и высших учебных заведений с жизнью, с производством, соединение обучения с производительным трудом являются новым крупнейшим шагом в коммунистическом воспитании советской молодежи.

Считая важнейшей задачей предстоящего семилетия дальнейшее повышение культурного уровня советского общества, рост интеллектуального развития людей, повышение их коммунистической сознательности, XXI съезд КПСС указал, что для достижения этих целей необходимо широко использовать науку, литературу, искусство, печать, кино, радио, телевидение и т. д., шире развернуть культурно-просветительную работу среди всех слоев населения.

Исключительное значение партия придает деятельности творческих организаций советской интеллигенции — писателей, композиторов, художников, мастеров театрального искусства. Они призваны поднять еще выше идейно-художественный уровень своего творчества, быть активными помощниками партии и государства в коммунистическом воспитании трудящихся, в пропаганде коммунистической морали, в развитии многонациональной социалистической культуры.

В приветствии ЦК КПСС Третьему съезду писателей отмечается: «В благородном деле коммунистического воспитания трудящихся весьма важная роль принадлежит литературе и искусству. Перед советскими писателями стоит почетная задача активно участвовать в формировании духовного облика человека будущего, строителя новой жизни. Они призваны воодушевлять людей на борьбу за коммунизм, воспитывать их в духе коммунистической идейности, прививать им высокие нравственные качества, нетерпимость к буржуазной идеологии и морали»[23].

Большие задачи XXI съезд поставил перед советской наукой. Отметив ее огромные достижения во всех отраслях знаний, особенно в области ядерной физики, атомной энергетики, реактивной авиации и ракетной техники, съезд призвал ученых добиваться еще более быстрого развития всех отраслей науки, осуществления важных теоретических исследований, обеспечивающих дальнейший научно-технический прогресс, творчески обобщать опыт хозяйственного и культурного строительства. Съезд обратил особое внимание на укрепление связи науки с жизнью, с производством. Перед общественными науками поставлена задача — создать фундаментальные труды, исследующие и обобщающие закономерности перехода от социализма к коммунизму.

Особое место среди общественных наук занимает героическая история нашей партии. Она является одним из важнейших источников коммунистического воспитания советских людей, особенно молодого поколения. В свете решений XXI съезда КПСС перед историками встали огромные задачи по научной разработке истории партии, особенно послеоктябрьского, и в первую очередь послевоенного периода.

Великое значение для дела коммунистического строительства имеет тот факт, что в нашей стране расцвела в национальных формах советская социалистическая культура. Советские люди воспитываются в духе патриотизма и пролетарского интернационализма. Наш народ на деле доказал, что советский патриотизм — беспредельная любовь к своей со-

---

[23] «Литературная газета», 23 мая 1959 года.

циалистической Родине — включает в себя дружеское отношение к другим народам и верность делу международной солидарности трудящихся. Задача партийных организаций состоит в том, чтобы и впредь крепить дружбу между народами СССР, утверждать идеи пролетарского интернационализма.

Таким образом, возрастает роль партии в руководстве не только хозяйственной деятельностью, но и культурной, идеологической, воспитательной работой. Руководство партии обеспечивает правильное направление в развитии всех отраслей культуры, всех видов искусства и науки, создает условия для их дальнейшего расцвета.

★

Коммунистическая партия является могучей политической силой. Необычайно вырос ее авторитет среди советского народа, в глазах трудящихся всего мира, всего прогрессивного человечества. Она побеждала и побеждает верностью марксизму-ленинизму, неустанной борьбой за чистоту революционной теории, заботой о дальнейшем ее развитии и претворении в жизнь великих заветов своего основателя и учителя В. И. Ленина. Партия сильна единством и сплоченностью своих рядов. Она руководствуется во всей своей деятельности ленинскими нормами и принципами партийной жизни. XXI съезд КПСС явился яркой демонстрацией небывалой мощи партии, ее монолитного единства, ее связи с народом.

Деятельность нашей партии основывалась и основывается на творческом применении марксистско-ленинской теории в решении задач коммунистического строительства, на глубоком изучении опыта масс, на постоянной связи с народом. Партия мобилизует массы на большие исторические свершения, смело идет вперед, отбрасывая со своей дороги все отжившее и устаревшее, все, что мешает нашему неуклонному, поступательному движению.

КПСС является вдохновителем и организатором борьбы Советского Союза за разрядку международной напряженности, за всеобщее и полное разоружение. Новые предложения, внесенные по этому вопросу 18 сентября 1959 г. в Организацию Объединенных Наций Н. С. Хрущевым от имени Советского правительства, нашли горячий отклик в сердцах простых людей всего мира.

КПСС является одним из передовых отрядов мирового коммунистического движения. Ее деятельность — воодушевляющий пример для других братских коммунистических и рабочих партий. Авангардная роль КПСС в мировом коммунистическом движении определяется тем, что она первая проложила путь к социализму и ныне прокладывает путь к коммунизму. Всей своей деятельностью она учит последовательному соблюдению принципов пролетарского интернационализма. «Коммунистическая партия,— говорится в обращении июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС, — пользуясь компасом марксистско-ленинского учения, уверенно ведет советский корабль сквозь все бури и препятствия — к желанным берегам коммунизма» [24].

---

[24] «Правда», 1 июля 1959 года.

УЧАСТИЕ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ В КРУТОМ ПОДЪЕМЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (1953—1957 гг.)

С. Л. Шатхина

Семилетний план развития народного хозяйства СССР поставил перед социалистическим сельским хозяйством нашей страны задачу достичь такого уровня производства, который позволит полностью удовлетворить потребности населения в продовольствии, а промышленности в сырье и обеспечить все другие нужды государства в сельскохозяйственной продукции [1]. Объем валовой продукции сельского хозяйства в 1965 г. увеличится в 1,7 раза по сравнению с 1958 годом [2]. Такие быстрые темпы роста сельского хозяйства стали возможны благодаря замечательным успехам в его развитии, достигнутым за последние годы.

Известно, что в период, предшествовавший сентябрьскому (1953 г.) Пленуму ЦК, в руководстве сельским хозяйством были допущены серьезные недостатки и ошибки. В результате этого в течение ряда лет многие колхозы оставались экономически слабыми, рост сельскохозяйственного производства затормозился, сложилось положение, опасное для всего дела коммунистического строительства в стране.

На сентябрьском (1953 г.) и последующих пленумах ЦК, на XX съезде КПСС партия смело и открыто подвергла резкой критике ошибки в руководстве сельским хозяйством, разработала программу крутого подъема всех отраслей сельскохозяйственного производства.

На XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: «Для преодоления отставания сельского хозяйства и его дальнейшего развития потребовались большие усилия партии, рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Партия развернула огромную организаторскую и политическую работу в массах, были решены многие важнейшие экономические вопросы развития социалистического сельского хозяйства...» [3].

Во всей политической и организационной работе партии по крутому подъему сельского хозяйства исключительная роль принадлежит рабочему классу, проделавшему огромную работу по дальнейшему оснащению совхозов и колхозов передовой техникой, укреплению их квалифицированными кадрами, расширению производственно-технической и хозяйственной базы колхозов, поднятию культуры и сознательности крестьянских масс.

Несмотря на огромное теоретическое и практическое значение изучения роли рабочего класса в развитии на современном этапе колхозного строя, эта проблема в литературе освещена недостаточно. Кроме ряда газетных и журнальных статей, имеется несколько популярных брошюр [4],

---

[1] См. «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Ч. I. Госполитиздат. 1959, стр. 34.

[2] См. там же. Ч. II, стр. 493.

[3] Там же. Ч. I, стр. 15.

[4] Л. Басов. Шефская помощь промышленных предприятий колхозам. Сталино. 1955; «Всенародное дело». Сборник статей об опыте шефской работы. Харьков. 1955; В. Д. Загребаев. Город колхозной деревне. Из опыта Октябрьского района г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону. 1956; Л. Золотарев, Н. Федорков. Наше родное дело (из опыта шефской помощи города). Одесса. 1954; И. Д. Стефаненко. Сор-

рассказывающих об опыте шефства отдельных промышленных предприятий и учреждений над МТС и колхозами. М. Э. Ривлиным защищена диссертация, в которой освещена деятельность партийной организации и рабочих Ленинграда по оказанию помощи колхозному крестьянству в подъеме артельного хозяйства [5]. На эту же тему им написаны статья и брошюра [6].

В данной статье на примере Москвы и области сделана попытка осветить роль рабочего класса в развитии общественного хозяйства колхозов на новом этапе колхозного строительства.

★

В годы, предшествовавшие сентябрьскому Пленуму ЦК КПСС, в состоянии сельского хозяйства Московской области, особенно в животноводстве, сложилось тяжелое положение. Поголовье крупного рогатого скота за 1952 г. сократилось на 15,7 тыс. голов, свиней — на 17,4 тыс. голов. Ни по одному виду план прироста поголовья скота не выполнялся. Средний надой молока на одну корову за этот год снизился до 1 627 кг против 1 926 кг в 1940 году [7]. Серьезный урон несли колхозы от падежа скота, особенно молодняка [8]. В 1953 г. план развития животноводства в колхозах области также не был выполнен, поголовье скота и его продуктивность продолжали падать. В этом году количество крупного рогатого скота было на 30,7 тыс. голов, а овец — на 45,1 тыс. голов меньше, чем в 1952 году [9].

Неблагополучно обстояло дело с производством картофеля и овощей и с завозом их в Москву. В плановом порядке на душу населения завозилось в столицу: картофеля в 1940 г.— 114 кг, в 1952 г.— 72 кг, овощей соответственно — 79 и 48 килограммов. Урожайность картофеля и овощей была низкой. В 1953 г. картофеля было собрано 52 ц с гектара, овощей — 57 ц, то есть меньше, чем в 1952 году [10]. Основная задача сельского хозяйства области — снабжение Москвы и городов Подмосковья мясом, молоком, картофелем и овощами — выполнялась неудовлетворительно.

Серьезные недостатки имелись также в производстве зерновых, технических и масличных культур. Урожайность их оставалась низкой. В итоге доходы колхозов росли медленно и стоимость трудодня во многих артелях была невысокой. Если в 1952 г. в передовых колхозах общие доходы на трудодень составляли 20—25 руб., то в среднем по области на трудодень выдавалось: зерна — 865 г, картофеля — 1 800, овощей — 500, фуража — 400 г и т. д. [11].

Обсудив решения сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК, пленум Московского Комитета партии отметил, что «критика недостатков в сельском хозяйстве, данная Центральным Комитетом КПСС, имеет прямое отношение к Московской области» [12]. Пленум МК разработал конкретные мero-

мовичи шефствуют над селом. М. 1956; «Шефская работа на селе. Из опыта шефской работы промышленных предприятий в колхозах и МТС Тульской области». Сборник статей. Тула. 1954; В. В. Заборский, А. С. Коновалов. Город помогает селу (из опыта шефской работы краснодарских предприятий). Краснодар. 1958; В. И. Окороков. Помощь трудящихся Омска сельскому хозяйству (1953—1957 гг.). Омск. 1958.

[5] М. Э. Ривлин. КПСС — организатор помощи рабочего класса колхозному крестьянству в крутом подъеме сельского хозяйства (1953—1955). Л. 1957 (рукопись диссертации).

[6] М. Э. Ривлин. Помощь ленинградских рабочих колхозному крестьянству в крутом подъеме сельского хозяйства. «Вестник Ленинградского университета». 1957, № 2. Серия языка и литературы. Вып. I; его же. Ленинградские рабочие сельскому хозяйству. Л. 1958.

[7] Московский партийный архив (МПА), ф. 3, оп. 149, ед. хр. 32, л. 7.

[8] Там же, л. 8.

[9] Там же, ед. хр. 36, л. 5.

[10] Там же, ед. хр. 32, л. 13.

[11] Там же, л. 30.

[12] Там же, ед. хр. 31, л. 5.

приятия по улучшению работы машинно-тракторных станций и более производительному использованию сельскохозяйственной техники, повышению урожайности зерновых, картофеля и овощей, ликвидации отставания в развитии животноводства, созданию во всех колхозах и совхозах прочной кормовой базы.

Для выполнения этих ответственных задач надо было решительно улучшить руководство сельским хозяйством, поднять материальную заинтересованность колхозов и колхозников в результатах своего труда, укрепить МТС и колхозы опытными, квалифицированными кадрами, развернуть на селе широкое производственное строительство.

По решению бюро МК [13], итоги сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и задачи партийных организаций обсуждались на пленумах, активах и партийных собраниях не только в селах, но и в городах. Так, пленум Первомайского РК КПСС Москвы постановил: «Считать важнейшей задачей районной партийной организации мобилизацию коммунистов, комсомольцев и всех трудящихся района на активное участие в осуществлении постановления Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» [14]. Подобные решения принимались и другими партийными комитетами.

Московская партийная организация мобилизовала тружеников города и деревни на быстрейшее претворение в жизнь исторических решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

★

Ведущая роль в развитии колхозного производства принадлежит социалистической индустрии, вооружающей сельское хозяйство современной техникой. Вот почему Коммунистическая партия, решая задачи крутого подъема сельского хозяйства, обратила особое внимание на усиление его производственно-технической базы.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул перед промышленностью страны задачу: с 1954 г. по 1 мая 1957 г. поставить сельскому хозяйству не менее 500 тыс. тракторов общего назначения в 15-сильном исчислении и 250 тыс. физических пропашных тракторов, а также много других сельскохозяйственных машин и оборудования [15]. В решении этой задачи большая роль принадлежала московским рабочим.

Воодушевленные решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК, Московская партийная организация и коллективы промышленных предприятий активно боролись за обеспечение сельского хозяйства передовой техникой. По инициативе партийных и профсоюзных организаций Люберецкого завода сельскохозяйственных машин, Сталиногорского и Воскресенского химических комбинатов развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение заказов сельского хозяйства [16]. 26 сентября 1953 г. XII пленум Московского областного совета профессиональных союзов одобрил патриотическую инициативу этих коллективов и обязал профсоюзные организации всех промышленных предприятий развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение заказов для сельского хозяйства [17].

В результате соревнования коренным образом изменилось отношение к изготовлению сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним. Многие предприятия, отстававшие и затягивавшие выполнение планов

---

[13] Там же, ед. хр. 50, л. 94.

[14] Там же, ф. 79, оп. 26, ед. хр. 8, л. 42.

[15] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. III. Госполитиздат. 1954, стр. 641.

[16] Многотиражные газеты: «Заводская правда», 22 сентября 1953 г.; «Куйбышевец», 17 сентября 1953 г.; «Сталинец», 31 декабря 1953 года.

[17] МОСПС, оп 2, арх. № 171, св. 14, л. 8.

(завод имени Буденного [18], «Динамо» [19], 2-й Государственный подшипниковый завод [20], «Красный пролетарий» [21] и др.), преодолели имевшееся в 1953 г. отставание, досрочно выполнили задания по производству машин, оборудования и запасных частей и стали не только выполнять план, но и производить сверхплановую продукцию.

Московский Комитет партии направлял внимание коллективов промышленных предприятий на внедрение новой техники, освоение новых, высокопроизводительных сельскохозяйственных машин и снижение себестоимости продукции, выпускаемой для сельского хозяйства [22]. Инициатива московских рабочих в решении этих задач получала всемерную поддержку. Так, бюро МК КПСС одобрило почин Краличкина, токаря завода имени Буденного, работать по личным планам повышения производительности труда и ряд других начинаний. Все они получили широкое распространение [23]. Только в 1954—1955 гг. машиностроители Москвы и области изготовили сверх плана 1 915 сельскохозяйственных машин и много другой техники [24].

В результате героических усилий рабочего класса, в том числе московских рабочих, сельское хозяйство СССР в короткий срок получило сотни тысяч тракторов, комбайнов, автомобилей и других различных сельскохозяйственных машин и орудий.

В МТС Московской области с 1953 по 1955 г. поступило 3 954 новых трактора в 15-сильном исчислении, или 40% к их наличию в 1953 г. [25], 1 745 зерновых комбайнов, 1 571 картофелепосадочная машина, 2 350 культиваторов для междурядной обработки пропашных культур, 580 силосоуборочных комбайнов и много других машин [26]. Возросло количество машин и в собственности колхозов. К концу 1957 г. в колхозах Московской области имелось 4 670 собственных автомашин по сравнению с 2 911 в 1953 г. [27], 200 тракторов, 3 тыс. сенокосилок, 3 500 зерноочистительных машин, около 9 тыс. электромоторов и много другой техники общей стоимостью в 200 млн. рублей [28].

На новом этапе развития колхозного строя резко возросла роль рабочего класса в оснащении деревни современной техникой, повышающей производительность труда колхозников.

В борьбе за крутой подъем сельского хозяйства одна из наиболее ответственных задач состояла в том, чтобы укрепить МТС, колхозы и совхозы квалифицированными кадрами. Особое внимание этому вопросу уделил в своем докладе Первый секретарь ЦК Н. С. Хрущев на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Московская партийная организация внесла большой вклад в решение проблемы кадров для сельского хозяйства. Под руководством МК КПСС была перестроена работа районного партийного звена, укреплены колхозные партийные и комсомольские организации. Пленум МК постановил: «Отобрать и направить на укрепление партийного и советского руководства районов лучших работников из Московской партийной орга-

[18] МПА, ф. 79, оп. 27, ед. хр. 15, лл. 64, 108; ед. хр. 1, лл. 11, 64, 65.

[19] «Кировец», 6 ноября 1953 года.

[20] «Стахановский труд», 16 октября, 20 ноября и 4 декабря 1953 г.; «За советский подшипник», 7 октября 1955 года.

[21] «Двигатель», 16 и 28 сентября, 14 и 17 октября 1953 года.

[22] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 19, л. 19; ед. хр. 17, л. 43; оп. 163, ед. хр. 1, л. 22.

[23] Там же, ф. 79, оп. 27, ед. хр. 1, л. 65.

[24] Там же, ф. 3, оп. 163, ед. хр. 1, л. 78.

[25] Там же, ед. хр. 14, л. 111.

[26] Журнал «Партийная жизнь», 1956, № 8, стр. 32.

[27] Архив Московского областного управления сельским хозяйством (МОУСХ). Сводный годовой отчет колхозов Московской области за 1953 год.

[28] «Ленинское знамя», 11 марта 1958 года.

низации»[29]. На основе этого постановления в конце 1953 и начале 1954 г. из аппарата областного, городского и районных комитетов партии Москвы было рекомендовано в качестве секретарей сельских горкомов и райкомов партии 33 человека[30]. После XX съезда КПСС на пост секретарей райкомов и горкомов партии Московской области было выдвинуто еще 40 товарищей, положительно проявивших себя на практической работе[31].

В период, предшествовавший сентябрьскому (1953 г.) Пленуму ЦК КПСС, колхозы и МТС испытывали острую нужду в механизаторских кадрах. На призыв партии, обращенный к рабочему классу и советской интеллигенции, перейти на работу в сельское хозяйство откликнулись тысячи коммунистов, комсомольцев, беспартийных, люди разных профессий. У многих из них был большой опыт общественной деятельности и практической работы.

17 сентября 1953 г. в Московский Комитет КПСС поступило заявление группы работников московских предприятий (шофера Г. Шашунова, бригадира Механического завода треста «Строитель» И. Плахова, слесаря трамвайного депо имени Баумана Е. Петренко и других) с просьбой направить их на работу в сельское хозяйство[32].

Сталевар завода «Серп и молот» молодой коммунист Василий Фетисов, имя которого неоднократно заносилось на доску почета, и его жена Фаина Фетисова, фрезеровщица этого же предприятия, изъявили согласие поехать на работу в деревню[33]. Они были направлены в подмосковный колхоз. Вскоре В. Фетисов был избран его председателем. С завода «Серп и молот» выехали на работу в деревню механики Мерзляков, Шмачков, формовщики Чумаков, Ерохин, с автозавода имени Лихачева — наладчик коммунист Виктор Манаенков и его жена конструктор Клавдия Манаенкова и многие другие[34].

Комсомольские организации Москвы и области активно участвовали в укреплении МТС квалифицированными кадрами. Более 5 тысяч юношей и девушек в 1953—1954 гг. пошли на работу в МТС Московской и других областей[35]. Из промышленности в МТС Московской области возвратилось более тысячи человек, имеющих специальности трактористов, комбайнеров и другие[36]. Механизаторы, возвращавшиеся на работу в МТС, по постановлению бюро МК КПСС и исполкома Мособлсовета прошли переподготовку на курсах и затем были направлены преимущественно в подшефные МТС[37]. Всего в штаты постоянных работников МТС Московской области было зачислено 15 тыс. механизаторов.

По постановлению бюро МК КПСС[38] индивидуальный отбор специалистов для использования их в сельском хозяйстве осуществляли местные партийные организации и руководители предприятий. Для этой цели создавались авторитетные комиссии во главе с секретарями городских или районных комитетов партии с последующим утверждением кандидатов на бюро РК и ГК КПСС[39]. Московский Комитет партии установил персональную ответственность руководителей предприятий и учреждений за специалистов, отбираемых для направления на село[40].

С сентября 1953 по октябрь 1955 г. на работу в МТС и колхозы Подмосковья было направлено 5 729 специалистов, в том числе более 2 тыс.

---

[29] МПА, ф. 3, оп. 149, ед. хр. 31, л. 25.
[30] Там же, оп. 156, ед. хр. 23, л. 27.
[31] «Ленинское знамя», 17 октября 1958 года.
[32] «Правда», 18 сентября 1953 года.
[33] Многотиражная газета «Мартеновка», 22 октября 1953 года.
[34] «Сталинец», 30 октября 1953 года.
[35] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 1, л. 135.
[36] Там же, ед. хр. 9, л. 42.
[37] Там же, оп. 149, ед. хр. 52, л. 121.
[38] Там же, ед. хр. 50, л. 111.
[39] Там же, ед. хр. 9, л. 42.
[40] Там же, оп. 159, ед. хр. 15, л. 99.

агрономов, инженеров-механиков, зоотехников и ветеринарных врачей[41]. В результате этого резко улучшился качественный состав руководителей МТС и колхозов. В Московской области до сентябрьского Пленума ЦК партии, по данным 118 МТС, с высшим образованием было: директоров — 55, главных инженеров — 14, главных агрономов — 58, заведующих машинно-тракторными мастерскими — 9. К июлю 1954 г. уже имелось с высшим образованием: директоров — 100, главных инженеров — 115, главных агрономов — 90 и заведующих мастерскими — 80[42].

Москва и индустриальное Подмосковье помогали укреплению инженерно-техническими кадрами сельского хозяйства и других областей. По решению бюро МК КПСС[43] городские и районные комитеты партии направили около двух тысяч инженеров и техников в Смоленскую, Орловскую, Тамбовскую, Калининскую, Рязанскую, Курскую и бывшую Великолукскую области[44].

Посланцы московских предприятий использовали в МТС опыт передовых промышленных предприятий. Секретарь партийного бюро Знаменской МТС, Орловской области, писал коллективу завода «Динамо», что их посланец инженер Безлюдов, назначенный заведующим ремонтной мастерской, с первых же дней проявил инициативу в работе, ввел более прогрессивный метод ремонта тракторов, значительно повысивший производительность труда. В результате многие рабочие стали выполнять дневные нормы на 150—200%[45].

Партийные организации, направлявшие коммунистов для работы в сельском хозяйстве, поддерживали с ними постоянную связь, оказывали помощь. Через своих посланцев партийные организации и коллективы промышленных предприятий укрепляли связь города с деревней.

Отсталость хозяйства некоторых колхозов до 1953 г. объяснялась тем, что у их руководства нередко оказывались случайные люди, часто сменялись председатели. Так, в 1953 г. в Московской области было заменено 464 председателя, или одна треть. Из 1 414 председателей колхозов с высшим образованием тогда было только 101 и специальным средним — 323[46].

Большую роль в укреплении руководящих кадров колхозов сыграло постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 25 марта 1955 г. о посылке из города на работу в отстающие колхозы 30 тыс. человек[47]. Из Москвы и области изъявили желание поехать на работу в колхозы 6 650 партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных работников, специалистов, рабочих и служащих[48]. Кандидатуры «тридцатитысячников» обсуждались на общих собраниях с последующим персональным утверждением на бюро МК КПСС.

МК и МГК партии отобрали и рекомендовали председателями колхозов из числа «тридцатитысячников» 979 человек[49], из которых 580 — председателями колхозов Московской области[50]. По постановлению бюро МК КПСС и Исполкома Мособлсовета были проведены трехнедельные курсы по подготовке председателей колхозов и их двухмесячная стажировка в передовых колхозах области[51].

Многие посланцы рабочего класса, избранные председателями, су-

---

41 Журнал «Московский пропагандист», 1958, № 3, стр. 24, 25.
42 МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 28, л. 23.
43 Там же, оп. 149, ед. хр. 52, л. 2.
44 Текущий архив Управления кадров Министерства сельского хозяйства РСФСР.
45 «Кировец», 13 января 1954 года.
46 МПА, ф. 3, оп. 149, ед. хр. 1, л. 180.
47 «Правда», 5 апреля 1955 года.
48 «Московский пропагандист», 1955, № 5, стр. 57.
49 Там же.
50 «Ленинское знамя», 11 марта 1958 года.
51 МПА, ф. 3, оп. 159, ед. хр. 16, л. 85; ед. хр. 17, л. 13.

мели в короткие сроки изменить положение дел в отстающих артелях и добиться значительных успехов.

Например, «тридцатитысячник» П. Д. Девяткин, избранный председателем отстающего колхоза «Путь Ильича», Егорьевского района, опираясь на парторганизацию и колхозный актив, добился коренного изменения в состоянии артельного хозяйства. При активном участии колхозников был составлен перспективный план ускоренного развития колхозного производства, разработана система дополнительной оплаты труда, введено ежемесячное авансирование.

Вся массово-политическая работа была направлена на выполнение намеченного плана. Регулярно проводились открытые партийные собрания, заслушивались отчеты правления колхоза и руководителей отдельных участков производства. Молодым, неопытным работникам оказывалась повседневная практическая помощь. В результате этих мер за один год неузнаваемо изменилась экономика колхоза. Если в 1955 г. его доходы не превышали 270 тыс. руб., урожайность зерновых составляла 3 ц с га, надои молока на одну фуражную корову — 870 кг, мяса производилось очень мало, урожайность картофеля и овощей оставалась низкой, то в 1956 г. денежные доходы артели составили 1 565 тыс. руб., надои на одну фуражную корову возросли до 3 697 кг, производство мяса увеличилось в 2,5 раза, свинины — в 3 раза, овощей — в 5 раз, зерна — в 2 раза, картофеля — в 3 с лишним раза. Все планы по заготовкам и закупкам сельскохозяйственной продукции были значительно перевыполнены. Колхоз расплатился с долгами, накопившимися за ряд лет. На трудодень колхозникам было выдано: 5 рублей, 2 кг хлеба, 3 кг овощей и картофеля, 3 кг грубых кормов. Возросли отчисления в неделимый фонд колхоза, развернулось производственное и культурное строительство [52].

Постепенно в село стали возвращаться бывшие колхозники. Они вливались в строительные, овощеводческие и другие бригады.

После укрепления колхозов Подольского района «тридцатитысячниками» (16 из 30 председателей колхозов — посланцы предприятий города и района) ранее отстававший район стал одним из передовых по развитию земледелия и животноводства. В колхозах резко выросла урожайность зерновых культур, надои молока увеличились почти в 2,5 раза, а денежные доходы возросли с 11 835 тыс. руб. в 1953 г. до 45 232,7 тыс. руб. в 1957 г., то есть более чем в 3,8 раза [53].

Февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС выдвинул задачу увеличения производства зерна в стране за счет освоения целинных и залежных земель.

Этот призыв Центрального Комитета партии встретил горячий отклик со стороны трудящихся Москвы и области. За несколько дней в партийные и комсомольские организации автозавода имени Лихачева, завода малолитражных автомобилей, строительства МГУ, завода «Калибр» и многих других предприятий поступили сотни заявлений от трудящихся, в том числе от комсомольцев и молодежи, с просьбой послать их на освоение новых земель. Всего от московских комсомольцев и молодежи поступило более 50 тыс. таких заявлений [54].

Обсудив 22 февраля 1954 г. вопрос «О письмах трудящихся, изъявивших желание выехать в районы освоения целинных и залежных земель», бюро МК КПСС отметило огромное значение этой патриотической инициативы, обязало местные партийные организации всемерно ее поддержать и обратило внимание на необходимость направлять на

---

[52] Там же, оп. 163, ед. хр. 26, лл. 58—60.

[53] Сводные годовые отчеты колхозов Подольского района за 1953 и 1957 годы. Текущий архив райисполкома.

[54] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 18, л. 78.

освоение целины инженеров, агрономов, трактористов, бригадиров тракторных бригад, шоферов, слесарей, токарей, сварщиков[55].

МК партии и Мособлисполком развернули большую работу по отбору и направлению на целинные земли квалифицированных кадров. На 10 июня 1954 г. из Московской области было послано 9 362 механизатора и специалиста, в том числе 1 590 трактористов, 95 бригадиров тракторных бригад, 846 шоферов, 5 026 ремонтных рабочих, 201 инженер, 75 агрономов[56].

Всего в 1954—1955 гг. было направлено в районы целинных земель 40 тыс. молодых москвичей. Из них полностью были укомплектованы штаты 25 вновь организованных совхозов на целинных землях Алтая и Казахстана. Большинство москвичей стало работать трактористами, участковыми механиками, комбайнерами и другими специалистами. Многие совхозы получили названия московских районов — Бауманский, Краснопресненский, Ленинградский и т. д.[57].

На новом этапе развития колхозного строя партия осуществила передвижку квалифицированных кадров в больших масштабах. Посланцы рабочего класса несли с собой дисциплину, организованность, культуру труда индустриальных предприятий и сознание глубокой ответственности за порученное им дело, за состояние общественного хозяйства колхозов.

Решая задачи крутого подъема сельского хозяйства, Коммунистическая партия мобилизовала рабочий класс на оказание помощи колхозам в укреплении их общественного хозяйства. В Московской области в соответствии с постановлениями сентябрьского Пленума ЦК намечалось строительство большого числа машинно-тракторных мастерских, гаражей, навесов для хранения машин, жилых домов для работников МТС, силосных сооружений, животноводческих помещений и др.

Для осуществления работ такого масштаба Московская партийная организация привлекла в помощь колхозам промышленные и строительные предприятия. Были использованы испытанные формы связи рабочего класса и колхозного крестьянства — шефство промышленных предприятий над колхозами и МТС. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС оно развернулось по всей стране в невиданных масштабах и приняло характер широкого, всенародного движения. Инициаторами новых форм шефства выступили московские рабочие. Только в Москве в шефской работе приняли участие более 1 600 предприятий и учреждений[58].

Распределением сил шефов руководили горкомы и райкомы партии. Предприятия Пролетарского района Москвы, например, взяли шефство над 3 МТС и 37 колхозами Наро-Фоминского и Клинского районов[59]. Коллективы 92 организаций Железнодорожного района (в том числе 20 строительных и 50 производственных) установили шефство над 3 МТС и 26 колхозами Верейского района[60]. Крупные предприятия шефствовали над отдельными МТС и несколькими колхозами. Так, автозавод имени Лихачева взял шефство над 1-й Наро-Фоминской МТС и группой колхозов, завод «Динамо» имени Кирова — над МТС и 3 колхозами. Среди этих коллективов развернулось социалистическое соревнование за оказание всесторонней помощи селу. Меньшие по размеру предприятия или их группы стали шефами отдельных колхозов.

---

[55] Там же, ед. хр. 29, л. 131.
[56] Текущий архив управления кадров Министерства сельского хозяйства РСФСР.
[57] МПА, ф. 3, оп. 163, ед. хр. 1, л. 91.
[58] Архив МГСПС, оп. 1, арх. № 400, св. 21, л. 24.
[59] МПА, ф. 4, оп. 85, ед. хр. 328, л. 22.
[60] Там же, ф. 66, оп. 34, ед. хр. 2, л. 135.

Партийные организации проделали большую работу, чтобы сделать шефство массовым и действенным. Вопросы шефства над селом обсуждались на пленумах горкомов и райкомов, на партийных собраниях; они стали составной частью работы городских организаций КПСС.

Представители шефствующих предприятий вместе с руководителями МТС и колхозов при активном участии колхозников, механизаторов и других специалистов сельского хозяйства определяли неотложные производственные нужды МТС и артелей, размеры помощи, которую им надо было оказать. Планы шефской работы и ее ход широко обсуждались на собраниях производственных коллективов.

В рассматриваемый период рост сельскохозяйственного производства зависел прежде всего от улучшения деятельности МТС. Однако не все машинно-тракторные станции справлялись со своими задачами. В 1952 г. из 115 МТС Московской области 97 не выполнили плана тракторных работ[61]. Одной из причин этого являлось плохое использование техники и отставание ремонтной базы. Во многих МТС не было ремонтных мастерских, гаражей, не хватало оборудования.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР по всей стране развернулось широкое строительство мастерских и других производственных и бытовых построек МТС. Шефствующие заводы и строительные организации Москвы в числе первых включились в эту работу и развернули социалистическое соревнование за досрочное сооружение порученных им производственных и культурно-бытовых построек.

Московский Комитет партии неослабно контролировал ход строительных работ в МТС, своевременное обеспечение их всеми необходимыми материалами и механизмами, помогал в развертывании соревнования за досрочное строительство намеченных объектов. 15 апреля 1954 г. бюро МК КПСС одобрило инициативу коллектива «Главвысотстроя», взявшего обязательство досрочно, к 7 ноября, выполнить годовой план строительства в семи машинно-тракторных станциях области и построить за это же время сверх годового плана три ремонтные мастерские, контору и общежитие, предусмотренные вводом в действие в 1955 году[62].

Решением Мособлисполкома и президиума Мособлпрофсоюза 24 апреля 1954 г. были утверждены условия социалистического соревнования коллективов промышленных предприятий и строительных организаций, участвовавших в сооружении производственных построек МТС.

Партийные и профсоюзные организации уделяли большое внимание строительным участкам, созданным для ведения работ в машинно-тракторных станциях. На строительном участке автозавода имени Лихачева в 1-й Наро-Фоминской МТС были закреплены до полного окончания работ кадры строителей, организовано общественное питание, улучшены бытовые условия, развернута культурно-воспитательная работа. В результате строительный участок в короткий срок соорудил ряд важных для МТС объектов, за что был удостоен переходящего Красного знамени. Подобную работу проводили и другие шефы. Особенно отличились коллективы Строительно-монтажного треста № 109 Главмосстроя, Ступинского металлургического завода, Треста № 16 Минстроя, Обуховской фабрики имени Ленина[63].

На капитальное строительство в МТС Московской области за 1953—1955 гг. было израсходовано 167,1 млн. рублей. Были построены и сданы в эксплуатацию 52 ремонтные мастерские, 100 гаражей и са-

---

[61] Архив МОСПС, оп. 2, арх. № 171, св. 14, л. 24.

[62] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 31, л. 2.

[63] Текущий архив МОСПС. Стенограмма профсоюзного актива Москвы и Московской области от 10 марта 1955 года.

раев для тракторов и сельскохозяйственных машин, ряд других производственных и хозяйственных помещений. Для механизаторов были построены дома с общей жилой площадью в 21 тыс. кв. метров [64].

Наряду с новым строительством была выдвинута задача покончить с кустарщиной, широко внедрить в мастерских МТС передовую технологию и прогрессивные методы индустриального труда. Ценную инициативу проявили коллективы крупнейших шефствующих предприятий — автозавода имени Лихачева, Мытищинского и Химкинского машиностроительных предприятий, Коломенского завода тяжелого станкостроения, а также 1-й Наро-Фоминской, Мытищинской, Кировской и Крюковской МТС. Шефы решили помочь машинно-тракторным станциям в улучшении использования оборудования, внедрении передовой технологии на ремонте тракторов, комбайнов и других машин, в подготовке и повышении квалификации кадров, широком совмещении профессий механизаторов, усилении среди них культурно-массовой работы. Работники МТС обязались провести все сельскохозяйственные работы в сжатые агротехнические сроки и получить в 1954 г. высокие урожаи в обслуживаемых ими колхозах [65].

Бюро Московского Комитета КПСС одобрило эту инициативу и предложило райкомам, горкомам, партийным организациям развернуть широкое социалистическое соревнование коллективов шефствующих предприятий и работников МТС за внедрение в их работу передовой производственной культуры [66].

В январе 1954 г. были выработаны взаимные социалистические обязательства автозавода имени Лихачева и отстававшей длительное время 1-й Наро-Фоминской МТС. Коллектив предприятия обязался превратить подшефную МТС в образцовую. Ее мастерская оснащалась более совершенным оборудованием, вводилась новая технология ремонта сельскохозяйственных машин. Было изготовлено до 200 самых различных приспособлений, облегчавших труд людей и повышавших качество ремонта [67]. В результате тесного содружества работников завода и механизаторов 1-я Наро-Фоминская МТС стала в области передовой. В 1954 г. она выполнила план тракторных работ на 126% [68], проведя их организованно и качественно. В колхозах стали внедряться передовые приемы агротехники.

После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС значительно расширились производственное и культурно-бытовое строительство в деревне, электрификация и механизация трудоемких работ в полеводстве и животноводстве. Государство оказывало большую помощь колхозам. Из года в год росли долгосрочные государственные кредиты на колхозное строительство [69].

Но одних финансовых средств было недостаточно. Нужны были строительные материалы, механизмы и квалифицированные кадры. Однако всем этим колхозы располагали в недостаточном количестве. В связи с экономическим отставанием в прошлом ряда колхозов объем строительных работ был ограниченным, число строительных бригад сократилось. Например, в Московской области в 1950 г. имелось 776 бригад, насчитывавших 4 200 колхозников, а в 1954 г.— 289 бригад с 1 590 колхозниками [70].

---

[64] «Московский пропагандист», 1956, № 1, стр. 11.
[65] «Московская правда», 8 января 1954 года.
[66] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 29, л. 10.
[67] Архив МГСПС, оп. 1, арх. № 411, св. 22, л. 18.
[68] «Сталинец» (орган Наро-Фоминского ГК КПСС), 12 января 1955 года.
[69] Московская областная контора Сельхозбанка. Справка о выполнении планов кредитования колхозов за 1952—1957 годы.
[70] МПА, ф. 3, оп. 159, ед. хр. 3, л. 85.

Неоценимую помощь в строительстве оказали колхозам шефствующие предприятия. Руководствуясь решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС, постановлением Совета Министров Союза ССР «О концентрации посевов и механизации возделывания овощных культур в Московской области», около 300 колхозов развернули строительство теплично-парниковых комбинатов, каждый из которых представлял собой комплекс сооружений. 245 крупнейших предприятий и строительных организаций Москвы и Подмосковья на основе хозяйственных договоров с колхозами оказывали им помощь в этих работах.

Под руководством партийных организаций развернулось социалистическое соревнование за высококачественное и досрочное окончание строительства. На заседаниях бюро МК, горкомов и райкомов КПСС, партийных комитетов неоднократно обсуждались вопросы о ходе строительства парников и теплиц промышленными предприятиями и строительными организациями [71].

10 августа 1953 г. на объединенном заседании МОСПС и МГСПС были утверждены условия социалистического соревнования [72], учреждено переходящее Красное знамя и введено награждение почетными грамотами за досрочное и высококачественное выполнение заданий. Ценную инициативу проявил коллектив Кунцевского металлозавода. В подшефном колхозе он построил и сдал в эксплуатацию три теплицы со всеми подсобными службами и оборудованием, а также помещение для изготовления торфоперегнойных горшочков. Завод занял первое место в социалистическом соревновании [73].

Коллектив Первого государственного подшипникового завода в подшефном колхозе имени Сталина, Луховицкого района, в сжатые сроки построил стеллажную теплицу на 333 квадратных метра, парники на тысячу рам. Государственная комиссия признала качество работ отличным. Первый ГПЗ вышел победителем в соревновании и был награжден МГСПС почетной грамотой [74].

Большую помощь колхозам в развитии овощеводства закрытого грунта оказывали комсомольцы. Так, комсомольцы Ногинска своими силами выполнили почти все земляные работы на строительстве парников и теплиц в колхозах Ногинского района [75].

Московский Комитет партии и Мособлисполком систематически руководили строительством парников и теплиц. Они добивались своевременного составления смет и финансирования, обеспечения строительными материалами и оборудованием, хорошего выполнения работ и их досрочного окончания, правильной эксплуатации парниково-тепличного хозяйства [76].

План строительства парников и теплиц в 1953—1955 гг. по Московской области был успешно выполнен. Только за 5 месяцев 1953 г. их было построено больше, чем за предшествовавшие 10 лет. Если до 1953 г. в колхозах имелось 28,4 тыс. кв. м теплиц и 480 тыс. парниковых рам, то за 1953—1955 гг. было сооружено 84 442 кв. м теплиц и 345 086 рам [77]. В 1955 г. область перевыполнила план закупок и заготовок овощей [78].

Парниково-тепличное хозяйство не только расширялось, но и улучшалось. Сооружались долговременные постройки с применением железобетонных конструкций. Для обогрева использовалось отработанное тепло

---

[71] Там же. Протоколы заседаний бюро МК, МГК, Пролетарского, Ногинского, Подольского и других ГК и РК КПСС за 1953—1955 годы.

[72] Архив МОСПС, оп. 2, арх. № 163, св. 15, лл. 294—295.

[73] «Московская правда», 14 ноября 1953 года.

[74] Архив МГСПС, оп. 1, арх. № 400, св. 21, л. 27.

[75] МПА, ф. 3, оп. 149, ед. хр. 32, л. 90.

[76] Там же, ед. хр. 50, лл. 126—127; ед. хр. 32, л. 17; оп. 156, ед. хр. 19, л. 19; ед. хр. 22, л. 9; оп. 159, ед. хр. 14, л. 4.

[77] Текущий архив МОУСХ. Справка о строительстве в колхозах.

[78] МПА, ф. 3, оп. 163, ед. хр. 14, л. 3.

промышленных предприятий [79]. В теплицах вводилось электроподсвечивание, механизировались процессы труда.

Участие рабочих в создании капитальных сооружений для развития сельскохозяйственного производства вдохновляло колхозников на новые трудовые подвиги. Так, колхозники артели «Новый путь», Наро-Фоминского района, принимая в 1954 г. первые теплицы, построенные рабочими завода «Динамо», взяли перед шефами обязательство немедленно приступить к их освоению и вырастить высокий урожай ранних овощей для населения столицы. Свое слово колхозники сдержали. Валовой сбор огурцов в двух теплицах составил 3 244 кг против 1 950 кг по плану, урожай ранней капусты — 300 ц с га при плане в 180 центнеров. Строительство парников и теплиц способствовало росту неделимых фондов колхозов и доходов от овощеводства.

Одной из причин отставания животноводства в Московской области, сдерживавшего рост поголовья скота и его продуктивности, были отсутствие необходимой кормовой базы, благоустроенных животноводческих помещений и низкий уровень механизации трудоемких работ на фермах.

25 ноября 1953 г. Пленум МК КПСС обсудил вопрос «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в Московской области» и разработал ряд конкретных мер по созданию прочной кормовой базы и полному обеспечению скота в ближайшие 2—3 года благоустроенными животноводческими помещениями.

В колхозах области с помощью шефов развернулось строительство животноводческих помещений. В 1954 г. их было построено 683 на 77 тыс. голов скота, в том числе шефствующие предприятия и строительные организации построили 180 животноводческих помещений [80].

Выполняя постановления январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС, Московский Комитет партии и Мособлисполком разработали целую систему новых мероприятий по дальнейшему развитию животноводства. Строительство животноводческих помещений приняло еще более широкие размеры. По призыву Центрального Комитета партии шефы усилили помощь колхозам.

По постановлению бюро МК двадцать строительных организаций и промышленных предприятий, в том числе «Машиностроитель» Воскресенского района, Московский электромашиностроительный завод, щелковская фабрика «Технотканъ» и др., осуществляли строительство животноводческих помещений из сборных железобетонных деталей [81].

Московский Комитет партии и Мособлисполком неоднократно обсуждали вопрос о ходе строительства и ремонте животноводческих помещений, добивались выполнения намеченных планов, правильного использования с этой целью шефской помощи, усиления контроля горкомов и райкомов за работой промышленных предприятий, осуществлявших строительство в колхозах, создания постоянных колхозных строительных бригад [82].

Всего за пять лет (1954—1958) в области было построено 3 300 животноводческих помещений на 420 тыс. мест и птичники на 1 млн. голов. Резко улучшилось качество строительства. Более 85% животноводческих помещений сооружено по типовым проектам из огнестойких и долговечных строительных материалов (кирпич, бутовый камень, шлакоблоки и др.); на многих стройках применялся сборный железобетон. 80% продуктивного скота сейчас размещается в капитальных помещениях со значительной механизацией важнейших процессов [83].

---

[79] Там же, оп. 56, ед. хр. 23, л. 9; см. также «Московский пропагандист», 1956, № 7, стр. 68—69.

[80] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 3, л. 84.

[81] Там же, оп. 159, ед. хр. 19, лл. 213—214.

[82] Там же, л. 214.

[83] «Правда», 18 декабря 1958 года.

Особенно ценной была помощь шефов в строительстве силосных сооружений.

МК КПСС и Мособлисполком вменили в обязанность шефам оказывать всемерную помощь колхозам в строительстве капитальных силосных сооружений с обязательной оплатой колхозами всех затрат, произведенных предприятиями и организациями [84].

На предприятиях, участвовавших в строительстве, проводились партийные собрания, были созданы бригады рабочих во главе с бригадирами-коммунистами. В колхозы направлялись автомашины, самосвалы, экскаваторы, завозились кирпич, железобетон. Работы велись полным ходом. Развернулось социалистическое соревнование за досрочное окончание строительства. Многие рабочие брали обязательство закончить его к 20 июля 1955 года [85].

Ценную инициативу проявили колхозники, механизаторы Реутовской МТС и коллективы шефствующих предприятий Балашихинского района. Они взяли обязательство досрочно выполнить план и построить сверх плана сооружения емкостью в 3 100 т, используя местные материалы, силы и средства колхозов. 27 мая 1955 г. бюро МК КПСС одобрило эту инициативу и рекомендовало горкомам и райкомам партии широко распространить ее [86].

В результате улучшения руководства строительством силосных сооружений со стороны Московского и районных комитетов партии планы строительства были перевыполнены. В 1955 г. были построены силосные сооружения емкостью в 716,5 тыс. т, или 102,2% к плану, в том числе капитально облицованных на 579,1 тыс. т, или 115,8% к плану. Это в 11 раз больше построенного в 1953 г. и в 3 раза больше, чем в 1954 году. Достигнутые успехи давали возможность закладывать в среднем по области 8 т силоса на корову, а в ряде районов — 10 т и более [87]. В 1956 г. было заложено силоса — 6 196,4 тыс. ц против 400,2 тыс. ц в 1954 г. [88], или более чем в 15 раз.

Колхозники высоко оценивали помощь, оказанную шефами. Председатель колхоза «40 лет Октября» в письме к автозаводцам писал: «В большом и важном деле подъема сельского хозяйства неоценимую помощь оказывают нам шефы — работники московского автозавода... Наши колхозники горячо благодарят автозаводцев за оказанную помощь» [89].

Секретарь Лотошинского РК партии, выступая на XIV конференции Первомайского РК КПСС Москвы 25 ноября 1955 г., так характеризовал помощь шефствующих предприятий: «Можно прямо сказать, что без вашей помощи мы не смогли бы справиться с уборкой льна, зерновых культур, картофеля, а также со строительством» [90].

Непосредственное участие коллективов заводов и строительных организаций в строительстве, механизации и электрификации колхозов способствовало расширению их материально-производственной базы, повышению культуры колхозного строительства до уровня индустриальной. Однако эти формы хозяйственной помощи рабочих колхозному крестьянству в 1953—1956 гг. были обусловлены экономическим отставанием колхозов и носили временный характер.

В соответствии с постановлениями январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС в колхозах стали создаваться строительные бригады и меж-

---

[84] МПА, ф. 3, оп. 159, ед. хр. 16, л. 76.
[85] Там же, оп. 156, ед. хр. 22, л. 63.
[86] Там же, оп. 159, ед. хр. 17, лл. 80—82.
[87] Текущий архив МОУСХ. Справка о выполнении плана строительства в колхозах.
[88] Там же. Сводные годовые отчеты колхозов за 1954 и 1956 годы.
[89] «Сталинец», 9 июля 1954 года.
[90] МПА, ф. 79, оп. 28, ед. хр. 1, л. 107.

колхозные строительные предприятия. Участие рабочих коллективов в производственном строительстве колхозов с 1956 г. стало резко сокращаться, а затем почти полностью прекратилось. На 1 июля 1957 г. в области было создано 783 колхозных и 6 межколхозных строительных бригад, а также 3 межколхозных строительных предприятия, организована подготовка из колхозников кадров строителей и рабочих по производству стройматериалов [91]. Опыт строительства, принесенный в колхозы шефами, ныне используется колхозниками.

Значительную роль в развитии общественного хозяйства играла помощь тружеников города в посеве, выращивании и особенно в уборке урожая. В отдельные периоды она достигала больших размеров. Так, в 1953 г. на уборку картофеля в колхозы области было послано из Москвы и городов области 70 тыс. человек [92]. В 1954 г. более 40 тыс. человек участвовало в сенокосе и силосовании кормов [93]. Шефы активно помогали в посеве и выращивании ценной, но новой для Московской области культуры — кукурузы. Весной 1955 г. в колхозах Верейского района около 2 тыс. рабочих с шефствующих предприятий помогали в посеве и выращивании кукурузы. В течение нескольких суток Механическим заводом Метрополитена и предприятием «Металлорукав» было изготовлено и направлено в подшефные колхозы 100 кукурузосажалок. Верейский район одним из первых закончил весенний сев [94].

По мере хозяйственно-организационного укрепления колхозов, роста механизации, усиления материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда и повышения их трудовой активности непосредственное участие рабочих и служащих городов в сельскохозяйственных работах во многих колхозах резко сократилось.

Партийные, профсоюзные и комсомольские организации Москвы и городов области проводили в подшефных МТС и колхозах большую массово-политическую и культурно-просветительную работу. Они разъясняли колхозникам и работникам МТС постановления пленумов ЦК и XX съезда КПСС, помогали развертывать социалистическое соревнование за получение высоких урожаев всех сельскохозяйственных культур и повышение продуктивности животноводства; направляли в колхозы лучших лекторов и докладчиков; помогали в выпуске газет, «боевых листков»; организовали пропаганду передового опыта. В колхозы и МТС шефы направляли агитаторов и бригады художественной самодеятельности, оказывали помощь в оборудовании сельских клубов, красных уголков на животноводческих фермах, в комплектовании колхозных библиотек.

21 октября 1953 г. бюро Московского городского комитета партии обсудило вопрос «Об оказании помощи партийным организациям сельских районов Московской области в проведении политико-массовой и культурно-просветительной работы». Эта работа была признана одной из важнейших задач Московской городской партийной организации. Бюро МГК КПСС утвердило план мероприятий, разработанный райкомами партии и культурно-просветительными учреждениями Москвы.

Только с сентября 1953 по апрель 1954 г. московскими партийными организациями было послано на село 1 200 агитаторов. О решениях

---

[91] Текущий архив МОУСХ. Справка о строительстве в колхозах Московской области за 1949—1957 годы.
[92] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 32, л. 90.
[93] Там же, ед. хр. 19, л. 20.
[94] Там же, ед. хр. 3, л. 75.

сентябрьского и февральско-мартовского пленумов ЦК лекторами Москвы и городов Подмосковья было прочитано свыше 9 тыс. лекций и докладов в колхозах, МТС и совхозах. В сельские библиотеки области в 1953 г. поступило 140 тыс. книг, собранных московскими трудящимися [95]. Силами творческих коллективов и театров Москвы в порядке шефства за четыре месяца 1954 г. было показано около 300 спектаклей и организовано свыше 700 концертов [96], проведено более тысячи концертов и выступлений коллективов художественной самодеятельности.

После январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС шефы усилили массово-политическую и культурно-воспитательную работу на селе. 14 марта 1955 г. бюро МК партии одобрило план проведения этой работы, представленный райкомами Москвы, горкомами области, партийными организациями учреждений культуры Москвы и городов области.

План предусматривал организацию лекционной пропаганды решений январского Пленума ЦК КПСС, создание агитбригад, оказание помощи колхозам и МТС в организации наглядной агитации, оборудование сельских клубов, библиотек, красных уголков, укрепление сельских очагов культуры опытными кадрами, улучшение художественного обслуживания работников сельского хозяйства выездными спектаклями, концертами и т. д. [97]. В соответствии с этим планом лекторами и докладчиками городских партийных организаций было прочитано в колхозах области более 4 тыс. лекций и докладов [98]. Некоторые шефствующие партийные организации организовали циклы лекций в колхозах и МТС [99]. До 2 тыс. московских активистов выезжали на село для оказания практической помощи сельской художественной самодеятельности. В колхозах, совхозах и МТС было создано около тысячи драматических, хоровых, танцевальных и других художественных коллективов.

Значительная помощь была оказана шефами в оборудовании и улучшении работы сельских очагов культуры. При активном участии партийных и профсоюзных организаций Ленинского райкома Москвы почти во всех колхозах подшефного Можайского района были организованы красные уголки и библиотеки, прочитано более 500 лекций, в том числе на различные сельскохозяйственные темы, собрано и передано колхозам 40 тыс. книг [100].

Чтобы повысить уровень сельских очагов культуры, Московский областной комитет комсомола отобрал и направил туда на работу более 160 комсомольцев, имевших специальную подготовку [101].

Проводимая шефами массово-политическая и культурно-просветительная работа укрепила связь сельских партийных организаций с городскими, подняла культуру колхозного села.

Широкая производственная и культурно-просветительная помощь города селу положительно сказалась на росте и укреплении колхозных партийных организаций области. В 1954 г. они насчитывали 14 тыс. коммунистов, а к началу 1958 г.— 19 тысяч [102]. Значительно улучшилась организационная и политическая работа партийных организаций на селе. Больше внимания они стали уделять правильной расстановке партийных

---

[95] Там же, ед. хр. 18, лл. 27, 94; ф. 4, оп. 84, ед. хр. 44, л. 57; оп. 90, ед. хр. 466, л. 22.

[96] Архив МГСПС, оп. 1, арх. № 411, св. 22, л. 29.

[97] МПА, ф. 3, оп. 159, ед. хр. 14, лл. 11, 79.

[98] Там же, оп. 163, ед. хр. 1, л. 241.

[99] «Московский пропагандист», 1955, № 1, стр. 49.

[100] МПА, ф. 3, оп. 156, ед. хр. 13, л. 55.

[101] Там же, ед. хр. 26, л. 15.

[102] «Ленинское знамя», 25 марта 1958 года.

кадров и усилению роли коммунистов в развитии колхозного производства. Вместе с тем партийные организации стали активнее привлекать внимание тружеников деревни к вопросам экономики, добиваясь снижения затрат труда на единицу сельскохозяйственной продукции.

Выполняя решения XX съезда партии, Ленинский РК КПСС Московской области совместно с руководителями МТС, колхозов и совхозов при активном участии колхозников, механизаторов и специалистов сельского хозяйства вскрыл неблагополучное положение с нормированием, учетом и начислением трудодней в колхозах. На пленуме райкома и на специальных экономических конференциях колхозного актива были разработаны конкретные меры по ликвидации штатных излишеств, улучшению организации и оплаты труда доярок, свинарок, птичниц, работников полеводческих бригад. Осуществление этих мероприятий позволило в 1956 г. значительно уменьшить затраты трудодней на производство единицы сельскохозяйственной продукции. В целом по району расходы трудодней в полеводстве и животноводстве сократились на 35—40% [103]. В колхозах Кунцевского района по инициативе ГК КПСС стали создаваться комплексные бригады, на фермах вводилось двукратное доение. Осуществление этих прогрессивных начинаний позволило во многих колхозах упразднить должности бригадиров садово-парниковых хозяйств, заведующих животноводческими фермами, учетчиков, кладовщиков, а их функции передать бригадиру комплексной бригады [104]. Например, в колхозе имени Сталина освободился 41 человек, в том числе 8 бригадиров садово-парниковых бригад, 11 учетчиков и кладовщиков, более 20 работников животноводческих ферм. За один год колхоз сэкономил на этом 19 тыс. трудодней [105]. В целом по району трудовые затраты были сокращены примерно на 25%.

Бюро МК одобрило работу Ленинского РК и Кунцевского ГК КПСС, направленную на снижение затрат труда на единицу сельскохозяйственной продукции, предложило партийным и советским органам широко использовать этот опыт во всех колхозах и совхозах [106]. Движение за сокращение трудовых затрат охватило почти все районы области. В течение 2—3 месяцев 1956 г. по области было высвобождено и направлено для использования непосредственно в сельскохозяйственном производстве 15 тыс. человек — это примерно равно всему количеству работающих в 6—7 средних сельскохозяйственных районах области [107].

Труженики деревни Московской области, опираясь на широкую и всестороннюю помощь социалистического города, добились значительных успехов в развитии сельского хозяйства. В свою очередь, с ростом колхозного производства крестьянство более полно стало удовлетворять потребности городского населения в продуктах питания, а легкой и пищевой промышленности — в сырье. Колхозники стали успешно бороться за выполнение повышенных социалистических обязательств по продаже государству зерна, мяса, молока, яиц, картофеля, овощей и других сельскохозяйственных продуктов. На этой основе расширились экономические связи города и деревни.

За 1953—1957 гг. колхозы Московской области увеличили валовое производство молока в 2,2 раза, надой молока на одну корову возрос в два с лишним раза и составил в 1957 г. в среднем по области 3 163 кг, увеличились поголовье скота и продажа мяса государству, возросли производство овощей и валовой сбор картофеля. Денежные доходы в 1957 г. по сравнению с 1953 г. увеличились в 2,5 раза и составили 1,5 млрд. руб-

---

[103] МПА, ф. 3, оп. 163, ед. хр. 31, л. 7.
[104] Там же, л. 10.
[105] «Московский пропагандист», 1956, № 2, стр. 24.
[106] МПА, ф. 3, оп. 163, ед. хр. 31, лл. 6—10.
[107] Там же, ед. хр. 14, л. 108.

лей [108]. В общественной собственности колхозов имеется значительное количество добротных сооружений и построек, сельскохозяйственных машин и оборудования. В 1956 г. в колхозы области принято новых членов в 5 раз больше, чем в 1953 году. Возросла выработка трудодней на одного трудоспособного [109].

Период 1953—1957 гг. характерен тем, что укрупненные колхозы стали экономически более крепкими, многоотраслевыми, технически оснащенными, располагающими многочисленными квалифицированными кадрами; возросли доходы колхозов, повысилось материальное благосостояние колхозников. На этой основе партия осуществила реорганизацию машинно-тракторных станций, разработала и провела в жизнь новый порядок заготовок сельскохозяйственных продуктов. Эти меры имеют важнейшее значение для дальнейшего развития колхозного строя.

Мероприятия Коммунистической партии по крутому подъему сельского хозяйства были с горячим одобрением встречены всеми трудящимися нашей страны. Рабочие, колхозники, агрономы, зоотехники и другие представители советской интеллигенции не покладая рук трудились над их выполнением. Только антипартийная группа Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шепилова не хотела понять исторического значения мероприятий партии. Партия и советский народ единодушно осудили этих фракционеров, пытавшихся сорвать осуществление решений сентябрьского и последующих пленумов ЦК и XX съезда КПСС.

Воодушевленные решениями XXI съезда КПСС, труженики сельского хозяйства развернули социалистическое соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана. Они полны решимости в ближайшие годы обогнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Повышенные обязательства по производству продуктов животноводства и полеводства приняли на себя работники колхозов и совхозов Подмосковья. Только за один 1959 г. они обязались продать государству мяса в два раза и молока на 100 тыс. т больше, чем в 1958 году.

Широко развертывается в колхозной деревне движение за повышение производительности труда и снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции. Огромное значение в решении этой задачи имеет всемерное расширение механизации и электрификации сельскохозяйственного производства, дальнейшее оснащение колхозов и совхозов передовой техникой. За семилетие намечается произвести для сельского хозяйства более 1 млн. тракторов, около 400 тыс. зерновых комбайнов и большое количество других машин и оборудования. Потребление электроэнергии возрастет примерно в 4 раза [110].

Осуществление намеченных XXI съездом в области сельского хозяйства грандиозных задач неизбежно приведет к расширению связей рабочего класса и колхозного крестьянства в разнообразных формах, будет способствовать построению коммунистического общества в нашей стране.

---

[108] «Ленинское знамя», 30 марта 1958 года.

[109] МОУСХ. Сводные годовые отчеты колхозов по Московской области за 1953—1956 годы.

[110] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Ч. II, стр. 497.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА РОССИИ в 1914—1916 годах

Академик И. И. Минц

Говоря о причинах Февральской революции 1917 г. в России, В. И. Ленин отмечал роль мировой войны как «всесильного «режиссера», «могучего ускорителя» [1]. Война ускорила созревание объективных предпосылок революции, усилив развитие монополистического капитализма и превращение его в государственно-монополистический капитализм. Вместе с тем мировая война усилила зависимость царизма и российской буржуазии от иностранного империализма, поставила Россию перед угрозой потери самостоятельности и возложила на пролетариат дело спасения независимости страны.

Эта сторона проблемы уже нашла свое освещение, особенно в литературе, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Но имеется и другая сторона. Война создала кризис во всех областях жизни общества. Она принесла неисчислимые бедствия народу и поставила трудящихся перед необходимостью вручить руководство борьбой за свободу са́мому революционному классу — пролетариату. Война заставила народ выступить с оружием в руках против царского самодержавия. Во время войны закалилась в испытаниях и окрепла в классовых боях партия большевиков, возглавившая революционную борьбу масс, показавшая свою готовность и умение повести их на штурм старого строя. Эта сторона проблемы менее разработана в литературе.

Темой настоящей статьи является история революционной борьбы пролетариата в годы первой мировой войны. Литература по этому вопросу, как документальная, так и исследовательская, довольно значительна [2]. Однако большая часть ее издана давно. Между тем за последнее время в научный обиход вовлечен новый документальный материал, касающийся истории рабочего движения на местах.

★

Предпринимая войну, царское правительство надеялось подавить революционное движение народных масс. Власти отдавали себе отчет в том, что пролетариат и его партию нелегко будет сломить. Поэтому

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 293.

[2] См. «Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917». Сборник документов местных большевистских организаций. М. 1939; «Рабочее движение в годы войны». М. 1925; «Материалы по статистике труда». Вып. 8. М. 1920; «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914—1917 гг.». Сборник материалов и документов. Л. 1939; М. Г. Флеер. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. Л. 1926; Б. Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 — февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.-Л. 1926; М. И. Мительман, Д. Д. Глебов и А. Г. Ульянский. История Путиловского завода. 1789—1917. М.-Л. 1941; Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 — февраль 1917). Исторический очерк. М. 1949; К. Ф. Сидоров. Рабочее движение в годы империалистической войны. «Очерки по истории Октябрьской революции». Т. 1. М.-Л. 1927.

царское правительство приняло меры, чтобы провести мобилизацию как можно организованнее и не допустить никаких выступлений против властей. Предвидя «беспорядки» среди запасных, царские власти мобилизовали полицейские части и привели в боевую готовность войска.

Официальная печать уверяла, что мобилизация прошла спокойно. Буржуазная пресса писала о «единении царя с народом», об «энтузиазме» масс, о «патриотических» манифестациях. По словам бывшего председателя IV Государственной думы М. Родзянко, с началом войны «как волшебством сметено было революционное волнение в столице» [3]. Меньшевики, вторя своим хозяевам, с умилением уверяли, будто после начала войны вчерашние «забастовщики, воевавшие с полицией, превращаются в самых восторженных патриотов» [4].

В действительности дело обстояло иначе. Рабочий класс и крестьянская беднота встретили войну массовыми антиправительственными выступлениями.

Рабочие Петрограда по призыву большевиков, выпустивших несколько антивоенных листовок в первые дни мобилизации, объявили 19 июля забастовку. По сведениям охранки, прекратило работу 21 предприятие с 27 тыс. рабочих [5]. В это число не вошли предприятия, где рабочие бастовали не целый день или прекратили работу, но не покинули территории завода. На фабриках прошли митинги, на которых большевики выступали против войны. На заводе «Айваз» по поручению Петербургского Комитета выступил М. И. Калинин. Состоялось несколько демонстраций в центре города и в районах. 19 июля антивоенные демонстрации организовали рабочие заводов «Новый Лесснер» и «Эриксон». На Большом Сампсоньевском проспекте они слились с многотысячной демонстрацией других заводов. Среди рабочих находилось около 4 тыс. призывников. Увидев партию запасных под конвоем полиции, демонстранты встретили ее криками «Долой войну!» и пением «Марсельезы». Полицейские были забросаны камнями [6].

В Москве трудящиеся вышли на улицы с протестом против войны и пытались устроить революционную демонстрацию у памятника Скобелеву [7]. И здесь рабочие встречали «патриотические» манифестации криками «Долой войну!». Большевики Москвы, несмотря на репрессии, сумели выпустить в конце июля антивоенную листовку. В ней говорилось: «В России и Германии, в Англии и Франции, в Австрии и Бельгии должен быть брошен один клич, наш постоянный и неизменный клич: Долой войну! Да здравствует братская солидарность народов!» [8].

В Твери в первые же дни войны 1 500 рабочих вагоностроительного завода прекратили работу. По сообщению тверского вице-губернатора, группа рабочих вагоностроительного завода вышла якобы на верноподданническую демонстрацию с царским флагом, но, подойдя к городу, демонстранты сорвали синюю и белую полосы с флага и с красным знаменем продолжали шествие [9]. Антивоенное движение рабочих, организованное большевистской партией, произошло также в Киеве, Самаре, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах [10].

---

[3] М. В. Родзянко. Государственная дума и февральская 1917 года революция. «Февральская революция». Сборник. М. 1925, стр. 7.

[4] Газета «День», 24 июля 1914 года.

[5] «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны, 1914—1917 гг.», стр. 25—26.

[6] Там же, стр. 25—26, 224.

[7] «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 469.

[8] Я. Темкин. Большевики в борьбе за демократический мир (1914—1918 гг.). М. 1957, стр. 24.

[9] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 73, ч. 3, 1914 г., л. 1.

[10] А. Я. Гончарова. Коммунистическая партия во главе массовых революционных стачек в период подготовки и проведения Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. (кандидатская диссертация. М. 1956), стр. 48.

Во многих случаях выступления рабочих и мобилизованных принимали характер вооруженных схваток с полицией и войсками и были подавлены оружием. На фронте еще не раздался ни один винтовочный выстрел, а в тылу против «внутреннего врага» царские палачи уже применили пулеметы и даже артиллерию. По далеко не полным официальным данным, при подавлении выступлений только в 17 губерниях в 31 уезде было убито 225 и ранено 187 человек, в том числе 60 полицейских. Исследователь этого вопроса А. Б. Беркевич подсчитал, что с 19 июля по 1 августа в 27 губерниях было ранено и убито 505 мобилизованных и 106 должностных лиц [11]. А ведь мобилизация длилась больше месяца. Число убитых полицейских — примерно один полицейский на пять мобилизованных — говорит о том, что антивоенные выступления заканчивались вооруженной борьбой, а число охваченных выступлениями губерний свидетельствует о широком распространении в России движения против войны.

Ярким эпизодом этого движения служит восстание рабочих в Лысьве, Пермского уезда. За несколько месяцев до войны, в марте 1914 г., в Лысьве состоялась забастовка, продолжавшаяся два месяца; рабочие были истощены и не успели еще оправиться, как 17 июля была объявлена мобилизация. Явке на призывной пункт подлежало около 600 рабочих Лысьвенского завода. Не желая обрекать свои семьи на голод, они потребовали от администрации выдачи им пособия. По царским законам это не входило в обязанности администрации, однако, боясь выступления рабочих, она согласилась выдать им незначительную ссуду. Не удовлетворившись подачкой хозяев, рабочие 20 июля окружили дом правления, где находился управляющий округом и вызванная им полиция. Полицейские открыли огонь из окон, убив нескольких человек. Возмущенные рабочие, вооружившись ружьями и револьверами, открыли стрельбу по окнам. Началась осада правления. В борьбе участвовали женщины и подростки 12—14 лет. Здание было облито керосином и подожжено. Выбегавших из горевшего здания убивали.

Получив известие о событиях в Лысьве, пермский губернатор немедленно выслал туда роту солдат с двумя пулеметами. В Лысьву выехал вице-губернатор с другой ротой солдат. Сюда же прибыли 50 конных стражников и сотня казаков. Во время лысьвенских событий было ранено 35 и убито 13 рабочих и 8 должностных лиц. Военному суду было передано 85 участников восстания. В октябре 1914 г. суд приговорил 12 человек к смертной казни, а 23 — к бессрочной каторге. Кроме того, 100 лысьвенских рабочих выселили из пределов Пермской губернии [12].

В той же губернии выступления имели место в Пермском, Осинском и Верхотурском уездах, где полиция также применила оружие, были убитые и раненые.

20 июля на Надеждинском заводе Верхотурского уезда около 4 тыс. запасных и рабочих напали на главную контору завода и канцелярию полицейского надзирателя. Полицейские убили 5 человек и столько же человек ранили [13].

В Макеевке (Донбасс) 19 июля полиция арестовала девять мобилизованных за избиение городовых. Мобилизованные, требуя освобождения товарищей, забросали камнями полицейских и казаков. Полиция открыла огонь, убив троих и ранив двух человек. Несмотря на это, волнение не утихло, и только после того, как вызванные казаки убили еще 10 и ранили 15 человек, мобилизованные отступили [14].

[11] А. Б. Беркевич. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. «Исторические записки». Т. 23, 1947, стр. 40—41.

[12] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 138, ч. 50, 1914 г., лл. 29—34; «Уральский коммунист», 1927, № 13—14; «Искра» (орган Лысьвенского горкома ВКП(б), горсовета и профсовета), № 167, 1 августа 1934 года.

[13] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 138, ч. 50, 1914 г., лл. 4, 24.

[14] Там же, ч. 45, 1914 г., лл. 3, 7; А. Б. Беркевич. Указ. соч., стр. 24.

Такого массового революционного протеста против войны, принявшего характер вооруженных выступлений, не знала ни одна страна. В этом ярко сказались результаты деятельности большевиков, воспитавших пролетариат. Уже первые проявления недовольства войной вызвали тревогу у властей. Вся военная сила в тылу была привлечена к подавлению антивоенных выступлений.

Министр внутренних дел рассылал губернаторам панические телеграммы, требуя «раздавить бесчинства», «стрелять при усмирении беспорядков», притом «стрелять не по звездам». Симбирскому губернатору в ответ на сообщение о беспорядках министр приказывал: «Надо без колебаний действовать в этих случаях оружием, нельзя здесь миндальничать» [15]. Грозные приказы «Стрелять!» шли в Томск и Минск, в Уфу и Самару, в Симбирск и Саратов.

Путем репрессий, мобилизаций и шовинистической пропаганды развитие революционного движения было задержано. Но покончить с ним царское правительство было бессильно. Глубокие социальные противоречия, существовавшие в стране, под воздействием войны не притупились, а обострились. Рабочий класс России, как отмечал В. И. Ленин, в общем и целом «оказался иммунизированным в отношении шовинизма» [16]. Не забывало о своих классовых врагах и крестьянство. Выступления крестьян в деревне продолжались.

Большевистская партия с самого начала мировой бойни заняла последовательно революционную и интернационалистскую позицию. Партии приходилось вести работу в неслыханно трудных условиях. Царские власти использовали против нее все средства, имевшиеся в арсенале карательных органов. Полиция совершала массовые облавы по заводам, рабочим районам, арестовывая большевиков по заранее составленным спискам. Жандармы выслеживали партийных работников. Провокаторы проникали в партийные организации, выдавали охранке работников и технику партии, зачастую фабрикуя подложные дела. В полицейских застенках применялись пытки.

Петербургский Комитет подвергался налетам жандармерии во время войны не менее 30 раз (если считать одни крупные налеты) [17]. Число арестованных (членов бюро Центрального Комитета, Петербургского Комитета, руководителей и членов районных комитетов и заводских организаций) превышало 600 человек, а вместе с обслуживавшими подпольную технику — наборщиками, распространителями листовок, агитаторами и другими работниками — достигало, видимо, нескольких тысяч [18]. Сюда не входят данные об участниках стачек или случайно арестованных полицией, хватавшей направо и налево всех заподозренных в «образе мыслей», как язвительно писал в свое время М. Е. Салтыков-Щедрин.

Подвергаясь непрерывным налетам полиции, теряя налаженную с огромным напряжением технику, Петербургский Комитет снова возрождался и развивал кипучую деятельность. На заводах работали кружки и ячейки. Была восстановлена деятельность районных комитетов (вес-

---

[15] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 106, д. 138, ч. 65, л. 5.

[16] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 289.

[17] Сама охранка отметила, что с января 1915 по июль 1916 г. было проведено 16 крупных изъятий активных деятелей и техники Петербургского Комитета (ЦГИАМ, ф. 102, д. 5, ч. 57, 1916 г., лл. 110—112). Опираясь, видимо, на эти данные, исследователь истории Петербургского Комитета во время войны К. Шариков считал, что Петербургский Комитет подвергался 16 раз разгрому (К. Шариков. Петербургская организация большевиков в годы войны. «Красная летопись», 1934, № 4(16), стр. 38). Но отчет охранки охватывает только полтора года из двух с половиной лет войны. Затем и в этом полном отчете не указаны налеты 26 июня 1915 г. (там же, ф. 102, д. 5, ч. 57, 1915 г., л. 151), в июле 1915 г. (там же, лл. 132—133) и 26 апреля 1916 г. (там же, 1916 г., лл. 57—59), а также пять операций 1914 года. После июля 1916 г. было произведено еще не менее шести крупных изъятий.

[18] К сожалению, до сих пор нет даже приблизительных подсчетов. Явно неполная сводка составлена мною по донесениям петроградской охранки (ЦГИАМ, ф. 102).

ной 1915 г. действовали 11 таких комитетов, в том числе два национальных — Эстонский и Латышский), каждый из них выделял своих представителей в Петербургский Комитет. В середине 1916 г., по сообщению ПК, в Петрограде числилось около 2 тыс. регулярно плативших партийные взносы большевиков, причем 600 членов партии насчитывалось в Выборгском районе[19]. В годы войны в Петрограде работали В. Залежский, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев, Н. М. Шверник, В. В. Куйбышев и др.

В. И. Ленин чрезвычайно высоко оценил работу Петербургского Комитета. Помещая в центральном органе партии сведения о его деятельности, В. И. Ленин писал: «Приведенный в этом номере материал показывает, какую громадную работу развернул Петербургский комитет нашей партии. Для России и для всего Интернационала это — поистине образец социал-демократической работы во время реакционной войны, при самых трудных условиях»[20].

С такой же самоотверженностью большевики вели работу и в Москве. Здесь приходилось преодолевать огромные трудности. Московского Комитета не существовало. Тем не менее было выпущено несколько антивоенных листовок, которые издавались либо отдельными районами, либо группами большевиков. Постоянные налеты полиции срывали попытки создания Московского Комитета. На помощь Москве неоднократно приходил Петроград, присылавший сюда то листовки, то транспорты литературы. В Москву приезжали представители Петербургского Комитета.

Несмотря на многочисленные аресты и постоянные провокации, работа партии принимала все более широкий размах: к октябрю 1915 г. в Москве имелось 5 районных комитетов, 31 группа и 550 организованных большевиков. В августе того же года была создана «Организационная комиссия по восстановлению МК», которая фактически исполняла роль руководящего центра. Заслушав отчеты о деятельности в районах, комиссия назначила общегородскую конференцию на 6—8 сентября. Однако собралась она 22 сентября. Провокаторы выдали место ее заседания, полиция совершила налет, сорвав выборы Московского Комитета[21]. Только в конце октября 1915 г. удалось впервые за время войны избрать общегородской комитет из представителей пяти районов; две группы должны были дополнительно выбрать своих представителей. После этого состоялось одно чисто организационное собрание МК. На следующем заседании предполагалось утвердить ряд документов, но 5 ноября новый состав Московского Комитета был арестован[22]. Отдельные члены его уцелели и продолжали свои попытки создать общегородской центр.

Положение дел в крупнейшей партийной организации страны было известно Центральному Комитету партии. В. И. Ленин внимательно следил за работой московских большевиков. Он вел переписку с М. И. Ульяновой, прибывшей в Москву после отбытия ссылки. Корреспонденции из Москвы не раз печатались в центральном органе партии. Бюро Центрального Комитета в декабре 1915 г. прислало из Петрограда своего представителя в Москву. Было решено создать здесь областное бюро ЦК партии в составе трех человек, которое одновременно выполняло бы обязанности Московского Комитета[23].

В феврале 1916 г. удалось восстановить Московский Комитет путем

[19] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, ч. 46, лит. Б/1916 г., лл. 45—47.
[20] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 366.
[21] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, ч. 46, лит. Б/1915 г., лл. 128, 264—265.
[22] Там же, л. 459.
[23] «Социаль-демократ» (ЦО РСДРП), № 51, 29 февраля 1916 г.; «Большевики в годы империалистической войны», стр. 84—87; Д. И. Эрде. Московская организация большевиков в период революционного кризиса 1915—1916 гг. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. VIII, № 6, 1951, стр. 513.

выделения представителей от райкомов. В течение войны в Москве работали видные деятели партии: М. С. Ольминский, И. И. Скворцов (Степанов), Р. С. Землячка, В. П. Ногин, П. Г. Смидович, С. Н. Смидович.

Петроград и Москва, где были сосредоточены значительные кадры партии, выделялись по интенсивности своей деятельности. В других промышленных центрах партийные комитеты, хотя и ослабленные провалами, также продолжали работу, пополнившись новыми членами.

Несмотря на массовые репрессии и жестокий террор, полиция не смогла парализовать революционную деятельность большевиков. По признанию охранки, партийные комитеты работали в крупнейших промышленных центрах. «В минувшем и текущем годах,— написано в полицейской сводке о положении партии большевиков в 1915—1916 гг.,— отмечено существование подпольных социал-демократических организаций в городах: Петрограде, Москве, Харькове, Киеве, Ростове н/Д, Самаре, Баку, Иваново-Вознесенске, Иркутске, Костроме, Екатеринодаре, Кутаисе, Гомеле, Одессе, Перми, Саратове, Тифлисе и Ярославле»[24].

Данный список комитетов явно неполный. В той же справке полиция сообщала: «...наиболее результативные ликвидации были произведены за рассматриваемый период времени в Петрограде, Москве, Харькове, Ростове н/Д, Костроме, Одессе, Ревеле, Ярославле, Гомеле, Киеве, Самаре, Иркутске, Сормове». В этом списке перечисляются города, не указанные в предыдущем перечне. В списке существовавших подпольных организаций бросается в глаза отсутствие Донбасса, Урала, Латвии, где имелись партийные комитеты, работавшие непрерывно и интенсивно[25]. По другим, опять-таки далеко не полным, данным охранки, свыше 40 организаций в течение войны выпускали листовки. Кроме названных в начале статьи партийных комитетов, листовки издавали организации Донецкого бассейна, Екатеринбурга, Златоуста, Иваново-Вознесенска, Красноярска, Кронштадта, Нижнего Новгорода, Орехово-Зуева, Ростова-на-Дону, Саратова, Твери, Царицына, Риги, Баку, Тифлиса и других городов и районов. По подсчетам И. М. Дажиной, специально изучавшей этот вопрос, за время войны партия примерно в 62 городах издала до 560 различных листовок[26]. Кроме того, большевики выпускали в этот период 11 газет и журналов.

Несмотря на террор и провокации, большевики сумели провести ряд не только городских, но и областных конференций. В июле 1915 г. состоялась областная конференция Иваново-Вознесенского района. На ней присутствовало 14 делегатов, представлявших свыше 400 организованных членов партии[27]. В сентябре того же года в Екатеринбурге была созвана конференция уральских большевиков. В октябре в Баку состоялась конференция Кавказского бюро РСДРП, в ноябре — общегородская конференция большевиков в Харькове[28]. В апреле 1916 г. имело место совещание Юзовско-Макеевской организации. В сентябре в Поволжье была созвана областная партийная конференция, на которой присутствовали делегаты крупнейших городов Поволжья. В ноябре 1916 г. прошли конференции большевиков в Екатеринославе (здесь было представлено

---

[24] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 17, д. 5, 1916 г., лл. 3, 4.

[25] Достаточно сказать, что Латышская социал-демократическая партия только за первый год войны — с августа 1914 по июль 1915 г.— издала 67 листовок тиражом до 800 тыс. экземпляров, а всего за войну — 82 листовки общим тиражом более 1 млн. (И. М. Дажина. Нелегальная печать большевистской партии. «Сборник научных работ кафедры истории КПСС и философии Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова». М. 1957, стр. 220).

[26] И. М. Дажина. Нелегальная печать партии большевиков в годы империалистической войны. М. 1959 (кандидатская диссертация), стр. 50—51.

[27] «Большевики в годы империалистической войны», стр. 64.

[28] Там же, стр. 76; «Сборник Социаль-демократа» (ЦО РСДРП), октябрь 1916 г., № 1, стр. 83.

ольше 300 членов партии, регулярно плативших членские взносы) и Донецком бассейне [29].

Работа партии приняла настолько широкий характер, что уже весой 1915 г. Петербургский Комитет предпринял попытки созвать всеоссийское совещание или конференцию партии, послав своего представителя для переговоров с большевиками Москвы и ряда городов юга [30]. сентябре представитель Харьковского Комитета был направлен в Москву и Петроград «для выяснения вопроса о созыве всероссийской онференции социал-демократических большевистских групп и участия ней Харьковской социал-демократической организации» [31]. Харьковская бщегородская конференция в ноябре 1915 г. высказалась за созыв всеоссийского съезда партии и за создание областной организации в цеях объединения деятельности отдельных большевистских организаций.

В конце 1915 г. в Москву снова приезжал представитель Петербургкой организации с предложением созвать всероссийскую конференцию [32]. ноябре 1916 г. областная конференция Донецкого бассейна, состоявлаяся в Екатеринославе, признала неотложной необходимостью соыв всероссийского совещания большевиков [33].

Вопрос о созыве всероссийской партийной конференции настолько азрел, что даже охранка считала созыв конференции вполне реальным. По сведениям агентуры,— писала, например, московская охранка в апре 1916 г.,— в социал-демократических верхах действительно замечается ремление к созыву общерусской социал-демократической конференции, вопрос о времени и месте созыва таковой пока остается открытым» [34].

Руководство партией осуществлялось Центральным Комитетом во аве с В. И. Лениным. В короткий срок была восстановлена нарушеная в первые дни войны связь с крупнейшими партийными организацими. Н. К. Крупская вела переписку с рядом организаций. На места ассылался центральный орган и другие издания партии. В центральм органе помещались корреспонденции и отмечались наиболее важые события в партийной жизни: выход листовок, руководство забасточным движением и т. д. По указанию В. И. Ленина было восстановно Русское бюро ЦК, так как члены его первого состава — Я. М. Свердв, С. С. Спандарян (Тимофей), И. В. Сталин — находились в ссылке.

Партия настойчиво, самоотверженно боролась за сплочение масс круг ленинских лозунгов о превращении войны империалистической в йну гражданскую, о поражении царизма в войне, о разрыве с превшим социализм II Интернационалом и создании III, Коммунистичеого Интернационала.

Путь борьбы большевикам освещала ленинская теория пролетарой революции — учение В. И. Ленина об империализме, о перераста и буржуазно-демократической революции в социалистическую, о возжности победы социализма в одной, отдельно взятой стране.

В столице и в Москве, в центральных промышленных районах и на рале, на Украине и в Сибири, в Донбассе и на Кавказе, в армии и в ловых гарнизонах — всюду шла огромная по размаху и глубокая по держанию работа большевиков среди масс.

Наиболее массовой формой выступления пролетариата в годы войоставалась стачка. Увеличение гнета капиталистов поднимало рабох на забастовки вопреки всем трудностям военного времени. Школа рьбы с объединенным фронтом хозяев и царских властей воспитыва политическое сознание пролетарских масс.

---

[29] «Большевики в годы империалистической войны», стр. 144.
[30] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, ч. 46, лит. Б/1915 г., л. 133.
[31] Там же, оп. 16, д. 5, ч. 88/1915 г., л. 123.
[32] «Социаль-демократ» № 51, 29 февраля 1916 года.
[33] «Большевики в годы империалистической войны», стр. 146.
[34] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 244, д. 5, 1915 г., л. 213.

Отношение мелкобуржуазных партий к забастовкам было тесно связано с их позицией в вопросе о войне. Шовинистические группы мелкобуржуазных партий, отстаивая сотрудничество с буржуазией в деле обороны страны, докатились до отрицания стачек, до признания необходимости борьбы с ними.

Принципиально отличной была позиция большевистской партии. Большевики с самого начала войны настойчиво боролись за развертывание забастовочного движения, за то, чтобы стачки были политически заострены и перерастали в массовые выступления пролетариата. Большевики стремились к проведению забастовок под лозунгом «трех китов», к развитию массовой политической стачки, подготовляющей восстание. Такая линия большевистской партии способствовала сплочению вокруг нее рабочих масс.

Остановимся сначала на общем обзоре стачечного движения. В 1915—1916 гг. забастовок было значительно меньше, чем в период предвоенного революционного подъема, но в несколько раз больше, чем во времена столыпинской реакции или накануне первой русской революции [35]. При этом, несмотря на усиливавшиеся репрессии, число стачек неуклонно росло. В августе — декабре 1914 г. их было, по официальным данным, 70, в 1915 г.— 957, а в 1916 г.—1 416 [36]. По числу стачечников, приходившихся на одно выступление, забастовки военных лет не имели себе равных в истории России. Если в 1905 г. на одну забастовку приходилось 205 стачечников, а в 1913 г.—369, то в 1915 г.—уже 581, а в 1916 г.—741 [37]. Эти цифры свидетельствуют о том, что в пролетарском движении появились новые моменты: повысилась роль рабочих крупных предприятий в забастовках и укрепилась пролетарская солидарность в стачечных боях. В силу этого при уменьшении количества забастовок число стачечников в 1916 г. превысило уровень 1912 и 1913 годов [38]. Для забастовок военного времени характерна, наконец, возросшая стойкость пролетариата. Количество потерянных рабочих дней на одного бастовавшего в 1915 г. превысило уровень 1912 г., а в 1916 г.— уровень 1913 и 1914 годов [39]. Как видим, по размаху борьбы забастовочное движение военных лет сравнимо с периодом предвоенного революционного подъема, а по упорству, сплоченности и по роли в нем пролетариата крупных предприятий превосходило его.

В рассматриваемое время изменилось соотношение между числом экономических и политических стачек. Количество экономических забастовок лишь немногим отставало от показателей предвоенного подъема, но число политических забастовок было в несколько раз меньшим, нежели в 1912—1914 годах. По числу участников экономических забастовок уже 1915 год почти равнялся высшей точке предвоенного подъема — 1913 г., а 1916 год превысил его уровень более чем в 1,5 раза. Политические же забастовки по этому показателю и в 1916 г. значительно уступали последним предвоенным годам [40].

Увеличение удельного веса экономических стачек объяснялось рядом причин. С одной стороны, резкое ухудшение хозяйственного положения в стране ставило перед самыми широкими массами рабочего

[35] Здесь и в дальнейшем сравнение забастовочного движения 1915—1916 гг. с предвоенным периодом производится на основе статистических сведений фабрично-заводской инспекции. Эти данные, несмотря на их неполноту и тенденцию к преуменьшению, в общем верно передают динамику движения. Нами использовались сводные данные фабрично-заводской инспекции за ряд лет, собранные в 8-м выпуске «Материалов по статистике труда», стр. 61.

[36] По предприятиям, поднадзорным фабрично-заводской и горной инспекции. Подсчитано нами на основе материалов, помещенных в сборнике документов «Рабочее движение в годы войны».

[37] «Материалы по статистике труда». Вып. 8, стр. 62.

[38] Там же, стр. 61.

[39] Там же, стр. 62.

[40] Там же, стр. 61.

класса дилемму — либо борьба за условия существования, либо медленная смерть от истощения. С другой стороны, политические выступления пролетариата в обстановке военного времени подвергались особенно свирепым репрессиям. Нужно также учесть, что во время войны грань между экономическими и политическими забастовками сделалась более условной: они стали чаще переходить друг в друга. Этому невольно способствовали и жестокие карательные меры царских властей, рассматривавших всякое выступление пролетариата на предприятиях, работавших на военные нужды [41], как подрыв обороны страны.

Иногда экономические требования рабочих сочетались с политическими [42] или даже служили маскировкой, по существу, политических выступлений. Так, общая стачка иваново-вознесенских рабочих в мае 1915 г. была вызвана дороговизной и недостатком продуктов и рассматривалась официальной статистикой как экономическая. Между тем известно, что бастовавшие в течение трех дней собирались за городом на митинги, где произносились революционные речи. «На одном из таких собраний после горячей речи т. Колесникова, призывавшего к вооруженной борьбе с правительством, вся масса до 8 000 человек единодушно ответила «долой войну»[43]. В мае 1916 г. в циркуляре департамента полиции о забастовочном движении в заводских районах, особенно на юге России и Урале, говорилось: «Хотя требованиям рабочих придается экономический характер, тем не менее есть основание утверждать, что указанная агитация (призывы к забастовкам.— *И. М.)* — на политической подкладке и, как усматривается из распространяемых прокламаций, направлена к внушению рабочим мысли о необходимости прекращения войны...» [44].

За всю историю рабочего движения России лишь революционный 1905 год и 1914 год дали больше участников экономических забастовок, нежели 1916 год. По числу рабочих дней, потерянных во время экономических стачек, 1915 год довольно близок к 1907 и 1912 гг., а 1916 год превзошел высокий уровень 1913 года [45].

Результативность экономических забастовок во второй половине 1914 г. снизилась. Но в последующие годы количество забастовок, закончившихся успешно для рабочих, увеличилось [46]. Это объясняется прежде всего тем, что усилились размах борьбы рабочих, их упорство и повысилась особая роль рабочих крупных предприятий. В некоторых случаях капиталисты проявляли «уступчивость», опасаясь в результате простоя потерять свою долю в колоссальных военных прибылях.

Подавляющая часть экономических забастовок периода войны сопровождалась требованием увеличения заработной платы. Наступательные по форме, они в действительности были связаны с быстро прогрессировавшей дороговизной. Не случайно удельный вес этих забастовок особенно увеличился в 1916 году. Довольно видное место занимали также забастовки, возникавшие из-за недовольства порядком на предприятиях, условиями труда и быта [47]. Эта группа забастовок ин-

[41] На таких предприятиях работала, как известно, бо́льшая часть фабрично-заводского пролетариата.

[42] Например, рабочие завода «Динамо» во время октябрьской забастовки 1915 г. требовали повышения заработной платы, установления 8-часового рабочего дня, открытия технических курсов для рабочих, освобождения арестованных рабочих. Забастовка была отнесена официальной статистикой к экономическим («Рабочее движение в годы войны», стр. 106).

[43] Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1905—1916 гг. Иваново-Вознесенск. 1928, стр. 120.

[44] А. П. Таняев. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны. Свердловск-Москва. 1931, стр. 38.

[45] «Материалы по статистике труда». Вып. 8, стр. 61.

[46] Там же, стр. 71, 72.

[47] В системе, подчиненной надзору фабрично-заводской инспекции, их насчитывалось за 1915—1916 гг. 192 с 158 тыс. участников («Материалы по статистике труда». Вып. 8, стр. 68—69).

тересна тем, что к ней официальная статистика относила, в частности, стачки солидарности с уволенными или непринятыми рабочими, стачки протеста против обысков рабочих, стачки с требованием удалить отдельных представителей администрации, то есть выступления, свидетельствовавшие о росте классовой сознательности пролетариата. В целом экономические забастовки военных лет были грандиознее, чем в период революционного подъема 1912—1914 годов.

Массовые экономические стачки представляли солидную основу для политического движения рабочих. Официальная статистика насчитывала в августе — декабре 1914 г. 8 политических забастовок с 4,3 тыс. участников, в 1915 г.— 214 забастовок со 157 тыс. участников и в 1916 г.— 243 забастовки с 310 тыс. участников [48]. В дальнейшем мы увидим, что эти данные преуменьшают размах движения, но и они свидетельствуют о неуклонном росте борьбы рабочего класса и о том, что политические стачки в 1916 г. начинают принимать массовый характер. Для политических забастовок военных лет в еще большей мере, чем для экономических, характерно увеличение числа рабочих, приходившихся на одну стачку (в 1905 г.—188 человек, в 1913 г.—486, в 1915 г.—732 и в 1916 г.—1 277 человек) [49]. Следовательно, в политических забастовках роль рабочих крупных предприятий была выше и солидарность крепче, чем в экономических. Политические стачки военных лет отличались также упорством борьбы. Число рабочих дней, потерянных в результате политических забастовок в 1916 г., при меньшем количестве стачечников превышало уровень 1912 и 1913 годов [50].

Активность различных групп пролетариата в стачечном движении была неодинакова. Металлисты сохранили в годы войны передовую роль по отношению ко всей массе рабочих. В 1916 г. они дали больше забастовщиков, чем остальные группы рабочих, вместе взятые [51]. Некоторое снижение удельного веса металлистов в забастовочной борьбе 1915 г. по сравнению с предвоенным подъемом объяснялось отчасти тем, что они израсходовали много сил в классовых боях 1912—1914 годов. Далее, репрессии царизма, особенно в начале войны, были направлены в первую очередь против передовой части пролетариата. Небольшое значение могло иметь и временное, частичное повышение заработной платы в военных отраслях в начале войны.

Необходимо особо отметить исключительную роль металлистов в политических стачках. Здесь они далеко опережали все другие группы рабочих.

В годы войны в забастовочной борьбе возросло значение текстильщиков, которые повысили стачечную активность по сравнению с предвоенным временем. В 1915 г. текстильщики по абсолютному количеству забастовок и стачечников даже обогнали металлистов, снова отстав от них в следующем году. По упорству же стачечной борьбы (количество потерянных рабочих дней на одного забастовщика) текстильщики стояли на первом месте [52]. Такое подтягивание следующего по активности отряда пролетариата к его авангарду являлось знаменательным явлением в российском рабочем движении. Оно не может быть объяснено лишь быстрым ухудшением условий существования текстильщиков. Оче-

---

[48] Подсчитано на основе материалов сборника «Рабочее движение в годы войны».

[49] Подсчитано по данным, приведенным в «Материалах по статистике труда». Вып. 8, стр. 61.

[50] Там же.

[51] Там же, стр. 64—65. Распределение по группам произведено нами, исходя из ленинской классификации фабрично-заводского пролетариата на: а) металлистов; б) текстильных рабочих; в) типографов, деревообделочников, кожевенников, рабочих химических производств; г) рабочих в обработке минеральных веществ и в производстве питательных продуктов (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 369—370).

[52] Подсчитано нами на основе данных, приведенных в «Материалах по статистике труда». Вып. 8, стр. 64—67.

видно, здесь сказалась школа революционной борьбы, пройденная рабочим классом России.

За годы войны количество рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности (вместе с рабочими главнейших мастерских казенных железных дорог), значительно возросло, достигнув 1 044 тыс. человек, или 31% всей численности фабрично-заводского пролетариата страны. Число текстильщиков несколько уменьшилось. В целом эти две группы пролетариата, наиболее активно участвовавшие в забастовочном движении, охватывали к 1917 г. около 48% общей массы фабрично-заводских рабочих [53]. Авангард стачечников включал почти половину промышленных рабочих!

Следом за металлистами и текстильщиками по-прежнему шла группа рабочих полиграфической, деревообделочной, химической промышленности и обработки животных продуктов, и на четвертом месте находились пролетарии пищевой промышленности и производства по обработке минеральных веществ. Однако разница между активностью металлистов и текстильщиков, с одной стороны, и двух следующих групп, с другой, в годы войны увеличилась [54].

В связи с изменениями в активности различных групп рабочего класса и с оккупацией противником западных губерний произошли некоторые перемены в географии стачечного движения. Для характеристики этих перемен воспользуемся принятым и использованным В. И. Лениным делением Европейской России на фабрично-заводские округа, каждый из которых охватывал несколько губерний [55].

Если при оценке забастовочного движения в округах учитывать количество рабочих в них, то окажется, что Петроградский округ сохранял в годы войны ведущее положение, а в 1916 г. он значительно опережал следующий за ним по значению Московский округ. На третьем месте находился Харьковский округ, далее Поволжский и после всех Киевский.

По абсолютному числу забастовок и стачечников на первое место вышел более «текстильный» Московский округ, потеснив Петроградский. Другие округа следовали за ними в том же порядке, причем Харьковский и Поволжский округа по количеству забастовщиков в 1916 г. превзошли самый высокий уровень предвоенного подъема. Только в Киевском округе наблюдалось серьезное понижение стачечной активности.

Значение Петроградского и Московского округов увеличивалось вследствие захвата германскими войсками развитого Варшавского округа. На эти два передовых района, сосредоточивших к 1917 г. около 41% фабрично-заводских рабочих страны, приходилось (по предприятиям, подчиненным фабрично-заводскому надзору) около 70% забастовок 1915—1916 гг. и еще больший процент стачечников [56].

---

[53] Подсчитано по архивным источникам Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 39—41, 56—58 об.

[54] Подсчитано на основе данных, приведенных в «Материалах по статистике труда». Вып. 8, стр. 64—67.

[55] К Петроградскому округу отнесены Архангельская, Витебская, Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская, Псковская, Эстляндская губернии и Финляндия; к Московскому округу — Владимирская, Калужская, Московская, Рязанская, Смоленская, Тверская и Тульская губернии; к Харьковскому округу — Донская область, Воронежская, Екатеринославская, Кубанская, Курская, Орловская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская, Черноморская губернии; к Поволжскому округу — Астраханская, Вологодская, Казанская, Костромская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская и Ярославская губернии.

[56] Данные о стачках почерпнуты из «Материалов по статистике труда». Вып. 8, стр. 63. Процент пролетариата, сосредоточенного в Петроградском и Московском округах, подсчитан нами по архивным источникам: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 39, 39 об, 63 и 63 об; оп. 27, д. 476, лл. 51—52.

Внутри округов стачечное движение было сосредоточено в наиболее промышленных губерниях. Четыре из них — Петроградская, Московская, Владимирская и Костромская — дали 60% военных стачек и более 75% общего числа забастовщиков по предприятиям, поднадзорным фабрично-заводской инспекции. По данным последней, в 1915 г. Московская губерния по количеству стачек и бастовавших несколько опережала Петроградскую, снова уступив ей первое место в 1916 г., когда Петроградская губерния по сравнению с Московской дала в два с лишним раза больше забастовщиков. Если учесть, однако, что сведения о выступлениях почти трети петроградского пролетариата, сосредоточенного на казенных предприятиях, не регистрировались фабрично-заводской инспекцией, тогда как в Московской губернии рабочие казенных предприятий составляли ничтожный процент, можно предположить, что Петроградская губерния и в 1915 г. сохраняла авангардную роль в движении. Петроградская губерния, как увидим ниже, имела исключительное значение в политических стачках.

На третьем месте в стачечном движении во время войны стояла Владимирская и на четвертом — Костромская губернии. Пролетарские армии этих четырех губерний составляли вместе 1 130 тыс. человек, или немногим более одной трети всех фабрично-заводских рабочих страны. Из других губерний развитого рабочего движения нужно отметить Харьковскую, Екатеринославскую, в меньшей степени Донскую область, Бакинскую губернию и некоторые другие [57]. На Урале значительный подъем стачечной борьбы наблюдался в 1916 г., но удельный вес ее в общероссийском масштабе был незначителен [58].

Основное изменение в географии стачечного движения за время войны заключалось в распространении активной борьбы пролетариата из Северо-Западного района на Центрально-Промышленный и Южный горнопромышленный районы при потере западных и отчасти северо-западных губерний, которые были захвачены противником или в которых был введен прифронтовой режим. Таким образом, к 1917 г. широкое забастовочное движение охватывало все три главных промышленных района страны.

Война оказала большое влияние и на концентрацию рабочей силы внутри этих районов. В Петроградской губернии количество фабрично-заводских рабочих возросло с 274,7 до 412,5 тыс. человек. При этом в Петрограде имелось 53 завода, каждый из которых насчитывал свыше 1 тыс. рабочих, против 33 в 1914 г., а вместе с казенными заводами — 72 [59] с общим числом рабочих более 260 тыс.[60]. На этих 72 заводах было сосредоточено 64% всей пролетарской армии столицы и окрестностей. Столь внушительный рост числа рабочих в Петрограде был связан с быстрым развитием здесь металлообрабатывающей военной промышленности. Значительно меньше увеличилось число фабрично-заводских рабочих в Московской губернии, где преобладала текстильная промышленность (с 389,1 до 415,2 тыс. человек). Во Владимирской губернии, где до войны существовала в основном легкая промышленность, число фабрично-заводских рабочих даже несколько уменьшилось (с 210,2 до 205 тыс. человек). Быстро выросла пролетарская армия Донбасса. Только число шахтеров увеличилось по сравнению с 1913 г. на 66,5% и достигло 280,4 тыс. человек. К этому нужно добавить свыше 50 тыс. рабочих металлургических заводов юга России. На Урале около

---

[57] Данные о Петроградской и Московской губерниях взяты из «Материалов по статистике труда». Вып. 8, стр. 63. Сведения о других губерниях прослежены по сборнику «Рабочее движение в годы войны».

[58] А. П. Таняев. Указ. соч., стр. 35—36.

[59] Включая Сестрорецкий оружейный завод.

[60] Не считая 2 артиллерийских складов с 7 тыс. рабочих. Подсчитано по материалам ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 56—57, 58, 74—75, 78—79.

²/₃ рабочих (240 тыс.) было сосредоточено в Пермской губернии. В Юго-Западном районе выделялась по количеству фабрично-заводских рабочих Киевская губерния (более 90 тыс.). Можно назвать еще ряд губерний в главных промышленных районах, где к 1917 г. имелись значительные группы фабрично-заводских рабочих: Костромская губерния (97 тыс.), Херсонская губерния (73,5 тыс.), Нижегородская и Тульская губернии (около 50 тыс. фабрично-заводских рабочих в каждой). Наиболее крупные отряды рабочего класса, не входившие в состав главных промышленных районов, сосредоточивались в Баку (около 60 тыс.) и в Самаре (47 тыс.) [61].

Во всех этих промышленных очагах ко времени революционных событий сложились ударные отряды рабочего класса.

Завершая общий обзор, отметим, что по активности стачечной борьбы рабочий класс России далеко опередил пролетариат других крупнейших государств — участников войны [62].

	Число стачечников (в тыс.)				Число потерянных дней (в тыс.)			
Год	Россия	Англия	Франция	Германия	Россия	Англия	Франция	Германия
1915	557	448	9	14	1 943	2 950	55	42
1916	1 038	276	41	129	5 268	2 450	236	245

Так как численность промышленного пролетариата России была значительно меньшей, чем в Англии, Франции или Германии, удельный вес стачечников оказывался здесь много бо́льшим. В России один стачечник приходился (приблизительно) в 1915 г. на шесть фабрично-заводских рабочих, а в 1916 г.— на трех рабочих, в Англии соответственно на 1 и 18 рабочих, во Франции — на 389 и 85 рабочих, а в Германии — на 28 и 46 рабочих [63].

Наконец, российский рабочий класс в отличие от пролетариата других стран в тяжелых условиях военного режима провел ряд политических выступлений. Авангардная роль рабочего класса России в мировом революционном движении, столь ярко проявившаяся в 1917 г., была подготовлена его героической борьбой в предшествовавшие и, в частности, военные годы.

---

[61] Данные о численности фабрично-заводского пролетариата России в 1913 г. по районам взяты из следующих работ: А. Г. Рашин. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма. «Исторические записки». . 46; его же. Формирование промышленного пролетариата в России. М. 1940; его же. Население России за 100 лет. М. 1956; Р. С. Лившиц. Размещение промышленности в дореволюционной России. М. 1955; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М. 1956.

Для начала 1917 г. те же данные установлены по архивным документам: распределение числа предприятий и рабочих России на 1 января 1917 г. по районам, установленным Экономическим комитетом (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, 1917 г., д. 318, лл. 39, 39 б); распределение казенных предприятий на 1 января 1917 г. по районам, установленным Экономическим комитетом (там же, лл. 63, 63 об.); распределение заведений рабочих по губерниям на 1 января 1917 г. (там же, оп. 27, д. 476, лл. 43—44) и еще ряду документам частного значения (там же, лл. 51—52; оп. 16, д. 351, лл. 1—2).

[62] Данные по России подсчитаны по материалам сборника «Рабочее движение в годы войны» и охватывают предприятия, подчиненные фабричному и горному надзору. Сведения по западным капиталистическим странам заимствованы из книги «Мировые экономические кризисы 1848—1935». Т. I. М. 1937, стр. 348, 360, 368.

[63] Данные о численности фабрично-заводского пролетариата Англии, Франции и Германии во время войны взяты из статистического сборника «Мировая война в цифрах». М.-Л. 1934, стр. 55.

(Окончание следует)

УСПЕХИ КНР В ОБЛАСТИ РАЗРЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Чан Синь-минь

Китай — единое многонациональное государство. Национальный вопрос в КНР имеет свою длительную историю.

Всем народам Китая, большим и малым, присущи трудолюбие, мужество и щедрый ум. Их упорным совместным трудом освоены обширные пространства нашей страны, создана ее замечательная культура. Однако существовавшая в прошлом система национального угнетения привела к неравному положению различных народов, а политика господствующих классов и империализма породила значительную разобщенность и недоверие между ними.

Империалисты, вторгшиеся в Китай более ста лет тому назад, принесли тяжелые бедствия широким массам всех национальностей страны. Вступив в сговор с китайскими феодалами и возникшей позднее бюрократической буржуазией, империалисты подвергали беспощадному гнету и эксплуатации народы Китая. Последнее в истории нашей страны реакционное правительство — гоминьдановская клика во главе с Чан Кай-ши — отражало интересы империализма, феодализма и бюрократического капитала. Это реакционное правительство безжалостно угнетало и эксплуатировало народные массы ханьской национальности и подвергало особенно бесчеловечному гнету национальные меньшинства. Таким образом, империализм и послушное ему гоминьдановское правительство стали общими врагами всех народов нашей страны.

Действительное освобождение китайских трудящихся было невозможно без свержения господства империализма и прислуживавших ему гоминьдановских реакционеров.

Народы Китая вели длительную героическую борьбу против господства внутренней и внешней реакции, стремясь добиться социального и национального освобождения. На протяжении последних ста с лишним лет и особенно в последние десятилетия эта борьба бурно развертывалась не только среди ханьского народа, но и среди всех национальных меньшинств. Однако до образования Коммунистической партии Китая она ввиду отсутствия руководства со стороны пролетариата, вооруженного революционной теорией, неизменно кончалась поражением.

С образованием Коммунистической партии характер нашей революции коренным образом изменился. Руководствуясь идеями марксизма-ленинизма, КПК сразу же определила задачи первого этапа народной революции как национально-демократической революции, направленной на свержение империализма и феодализма, и показала цели ее второго этапа. В области национального вопроса партия провозгласила политику равноправия всех национальностей Китая. С этого времени народы нашей страны вступили на путь совместных выступлений за свое освобождение. Более чем двадцатилетняя героическая борьба народов Китая увенчалась в 1949 г. победой; было свергнуто реакционное правительство, создана Китайская Народная Республика.

После образования КНР в нашей стране начался новый историче-

ский этап — период перехода к социализму. Социалистический характер нашего государства, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян, предопределяет свободное и равноправное положение народов страны. Хотя система национального гнета у нас была ликвидирована, однако предстояло еще многое сделать для полного разрешения национального вопроса. Основываясь на марксистско-ленинской теории и применяя ее к конкретным условиям жизни народов Китая, Коммунистическая партия следующим образом определила задачи в области национальной политики, которые ей и народному государству предстояло решить в переходный период: укреплять единство Родины и сплоченность всех национальностей, сообща создавать великую социалистическую семью народов, обеспечивать полное равноправие всех национальностей, осуществлять национальную районную автономию; во всех национальных районах постепенно проводить социальные реформы, развивать политическое, экономическое и культурное строительство, постепенно ликвидировать фактическое неравенство между народами, вызванное различными условиями исторического развития, с тем чтобы отсталые национальности поднялись до уровня передовых, сообща построить социалистическое общество.

Суть этих задач ясно изложена в Конституции нашего государства, принятой в 1954 году. В соответствии с этими задачами КПК и народное государство на протяжении десяти лет осуществляли правильную национальную политику и добились огромных успехов. В жизни всех народов произошли глубокие социальные изменения, укрепились отношения равенства и дружбы, сплоченность и сотрудничество между различными национальностями.

Среди 650-миллионного населения Китая свыше 94% составляют представители ханьской национальности. Уровень их политического, экономического и культурного развития относительно высок, однако районы расселения занимают менее половины общей площади страны. 6% населения Китая составляют национальные меньшинства, расселившиеся более чем на половине территории страны. Уровень их политического, экономического и культурного развития сравнительно низок. Следовательно, народы нашей страны могут успешно строить социализм и добиваться совместного развития и процветания лишь при условии тесного сплочения в единой семье, объединения своих усилий, взаимной помощи и поддержки, обмена положительным опытом. Единство и сплоченность всех национальностей являются основной гарантией успешного отпора всем попыткам империалистической агрессии против КНР.

В настоящее время господство империалистов в Китае свергнуто. Однако они все еще оккупируют нашу территорию Тайвань и по-прежнему стремятся к тому, чтобы подорвать единство нашей страны, сплоченность ее народов и таким путем вновь поработить их. Убедительным доказательством этого служит вооруженный мятеж, поднятый реакционной верхушкой Тибета по указке империалистов в марте 1959 года. Быстрое подавление мятежников — еще одно свидетельство тесного единства различных национальностей Китая.

В КНР национальные меньшинства имеют возможность самостоятельно решать свои дела, то есть осуществлять национальную районную автономию. Национальный гнет в недалеком прошлом находил свое проявление в том, что национальные меньшинства были лишены права самостоятельно управлять своими внутренними делами. Осуществляя сейчас национальную районную автономию, народное правительство тем самым обеспечило действительное равноправие различных национальностей, благодаря чему и стало возможным их прочное объединение и сплочение. Унитарная форма государственного устройства в нашей стране и поли-

тика национальной районной автономии определены КПК и товарищем Мао Цзэ-дуном на основе положений марксизма-ленинизма по национальному вопросу и в соответствии с историческими условиями жизни и реальным положением различных национальностей Китая.

Длительная жизнь в пределах одного государства, тесное общение между собой благодаря единой территории привели к экономическому сотрудничеству и культурному обмену, определили взаимное влияние и связи многочисленных народностей Китая. Несмотря на то, что существовавшая в прошлом система национального гнета создала некоторую отчужденность между национальностями, экономическое и культурное сотрудничество, сплоченность и дружба народов все же прорывали многообразные преграды и непрерывно развивались. После вторжения империалистов в нашу страну, поставивших ее в положение полуколонии, судьбы всех национальностей оказались еще более тесно связанными. В борьбе против империализма, особенно в период руководимой КПК великой народно-демократической революции, опорные базы которой находились в деревне, неразрывные узы между народами стали еще более тесными.

В этих исторических условиях проводимая в КНР политика создания районов национальной автономии является совершенно правильной, поскольку она дает национальным меньшинствам возможность самим решать свои дела, позволяет им развиваться с учетом своего положения и особенностей, благоприятствует укреплению духа дружбы и сплоченности между народами.

В прошедшие десять лет правительство КНР последовательно создавало автономные районы во всех местностях, компактно заселенных национальными меньшинствами. Сейчас в Китае имеется 4 автономных района (Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский), 29 автономных округов и 54 уезда. Организован подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района. Районной автономией уже пользуются 36 национальных меньшинств (более 24 млн. человек, или свыше 95% численности компактно проживающих национальных меньшинств). Органы самоуправления в этих районах осуществляют функции местных государственных органов и могут в пределах компетенций, установленных Конституцией и законами, ведать финансами в данной местности, создавать здесь отряды общественной безопасности.

Неуклонное проведение в жизнь основных принципов национальной политики КПК значительно стимулировало активное участие и инициативу различных национальностей в социалистическом строительстве, содействовало быстрому экономическому и культурному развитию национальных районов.

Привлечение национальных меньшинств к активной политической жизни потребовало создания большого числа кадровых работников из их среды. КПК и народное государство уделяли и уделяют исключительное внимание подготовке таких кадров из местного населения. Было создано девять институтов национальных меньшинств и много школ. Особое внимание уделялось воспитанию национальных кадров на практической работе.

Сейчас в стране насчитывается уже более 400 тыс. кадровых работников из национальных меньшинств. Подготовка кадров осуществляется постепенно, с учетом конкретного положения, национальных традиций и т. д.

Одновременно большое внимание уделялось и уделяется коммунистическому воспитанию кадров. В настоящее время в основном уже подготовлены кадры для органов национального самоуправления, достигнуты успехи в коммунистическом воспитании работников. Огромное значение

в разрешении национального вопроса имела помощь малым народам в проведении социально-экономических преобразований. Большая часть нацменьшинств до начала преобразований жила в условиях феодального строя, у отдельных национальных меньшинств существовал рабовладельческий строй, а у жителей некоторых пограничных районов имелись даже остатки первобытно-общинного строя. Продолжали существовать классовый гнет и эксплуатация. Даже в тех местах, где еще не вполне сложилось классовое общество, имелась частная собственность и проявлялось классовое расслоение. Лишь ликвидировав полностью эксплуататорские классы, существование которых обусловливалось наличием частной собственности, заменив ее системой социалистической общественной собственности, исключающей эксплуатацию человека человеком, и уничтожив отжившие социальные порядки, можно было дать простор для развития производительных сил, широко развернуть экономическое и культурное строительство в национальных районах, коренным образом изменить их социальный облик и тем самым полностью разрешить национальный вопрос.

Учитывая особенности развития национальностей нашей страны, КПК и народное государство неизменно требовали от кадровых работников придерживаться активного, но вместе с тем осмотрительного курса при осуществлении социальных реформ в каждом отдельном районе. Это значило, что всегда следовало исходить из действительного положения национальностей данной местности, полностью учитывать их особенности, строго уважать желания широких народных масс и руководителей данной национальности, связанных с народом, опираться на местных кадровых работников и активистов.

Наша партия и народное государство применяют мирные методы как при проведении демократических реформ, так и при осуществлении социалистических преобразований, чтобы в максимальной степени избежать разрушения производительных сил, уменьшения общественного богатства и всемерно облегчить национальное сплочение. При этом учитываются и давно существующие отношения единого фронта между КПК и верхушкой национальных меньшинств. Иначе говоря, демократические реформы в этих районах проводятся с помощью мирных консультаций. Руководителям племен или малых народов, согласившимся на проведение реформ, государство гарантирует сохранение их политического положения и материального благополучия.

КПК и народное государство требуют осмотрительного, дифференцированного подхода к решению вопросов, связанных с религией. Феодальные привилегии храмов и существующая в храмовом хозяйстве система угнетения и эксплуатации ликвидируются, но народное государство обеспечивает свободу вероисповедания.

Необходимо отметить, что осуществление реформ мирным путем — это особая форма классовой борьбы в конкретных условиях нашей страны. Для успешного завершения социальных преобразований необходимо последовательно проводить классовую линию партии, полностью мобилизовать массы и опираться на них. Следует подчеркнуть, что мирный путь реформ зависит от того, насколько способны эксплуататорские классы и представители верхушки национальных меньшинств подчиниться воле народа и принять мирные преобразования.

В соответствии с вышеуказанной политикой КПК и народное государство руководят проведением демократических и социалистических преобразований, помогают малым народам становиться на социалистический путь. К 1958 г. в Китае, за исключением Тибета и некоторых других весьма немногочисленных районов, средства производства перешли в социалистическую собственность. Более 95% национальных меньшинств освободились от оков феодального, рабовладельческого и даже первобыт-

но-общинного строя и стали на социалистический путь развития. Тем самым перед ними открылся широкий простор для экономического и культурного расцвета. Успешный переход национальных меньшинств на путь социализма еще раз подтвердил правильность положения марксизма-ленинизма о том, что отсталые национальности при поддержке рабочего класса передовой нации могут непосредственно перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Во второй половине 1958 г. на основе больших успехов в социалистическом строительстве в обширных сельских районах нашей страны возникло массовое движение за создание народных коммун. В подавляющем большинстве национальных районов в течение нескольких месяцев был в основном осуществлен переход к народным коммунам, в которых увязаны друг с другом промышленность и сельское хозяйство, торговля и просвещение, военное дело. Коммуны — одновременно и органы власти и хозяйственные организации.

Народная коммуна является продуктом экономического и политического развития различных национальностей в исторических условиях нашей страны. Она представляет собой первичную единицу социалистической общественной структуры и в то же время первичную единицу организации социалистической государственной власти. За время существования народные коммуны уже показали свои крупные преимущества в деле ускорения развития промышленного и сельскохозяйственного производства. В районах национальных меньшинств и в районах со смешанным населением эти преимущества проявились и в том, что народные коммуны содействуют сплочению, сотрудничеству и развитию различных национальностей. Многие народные коммуны в этих районах организованы сообща крестьянами нескольких национальностей. Таким образом, создаются еще более благоприятные условия для взаимной помощи в совместном труде и обучении, в совместной жизни.

На основе указаний ЦК КПК ныне в национальных районах производится упорядочение и укрепление народных коммун. В дальнейшем коммуны сыграют еще большую роль в ускорении развития производительных сил. Они будут неуклонно повышать темпы социалистического строительства в национальных районах, станут в условиях нашей страны лучшей формой для перехода от коллективной собственности к собственности общенародной, от социализма к коммунизму.

Национальным меньшинствам оказывается помощь не только в проведении социальных реформ, но и в дальнейшем экономическом и культурном строительстве, что составляет другую коренную задачу КПК и государства в переходный период в разрешении национального вопроса.

К концу 1957 г., то есть ко времени завершения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны, в национальных районах было создано более 2 800 промышленных предприятий. Общая стоимость валовой продукции промышленности в районах национальной автономии возросла больше чем в 4,3 раза по сравнению с 1949 г., валовое производство зерна увеличилось на 62%, общее поголовье скота в скотоводческих районах национальных меньшинств — более чем вдвое.

Успешное экономическое строительство способствовало значительному повышению материального и культурного уровня жизни различных национальностей. По статистическим данным, к 1957—1958 учебному году в районах национальных меньшинств имелось более 28 тыс. начальных школ, в которых обучалось свыше 3,1 млн. чел. (это более чем в 7 раз превышает число учащихся в Китае до победы народной революции); 524 средних школы, в которых имелось свыше 300 тыс. учащихся (в 80 раз больше, чем до освобождения); 11 высших учебных заведений, в которых насчитывалось свыше 16 тыс. студентов (в 28 раз больше).

До 1949 г. в районах национальных меньшинств почти не было лечеб-

ных учреждений. Среди населения свирепствовали жестокие болезни, была высокая смертность. К 1957 г. в этих районах насчитывалось уже более 7 тыс. медицинских учреждений и свыше 100 тыс. работников здравоохранения. Благодаря этому в основном были ликвидированы очаги тяжелых болезней, численность населения перестала сокращаться.

В начале 1958 г. на основе успешного выполнения первого пятилетнего плана и решающей победы социалистической революции Центральный Комитет Коммунистической партии и ее вождь Мао Цзэ-дун выдвинули генеральную линию — напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее». Воплощая этот лозунг в действительность, наш народ совершил большой скачок во всех областях социалистического строительства. Этот скачок начался в области сельского хозяйства. Благодаря неуклонному соблюдению основных агротехнических правил в 1958 г. во всех районах национальной автономии выросло производство продовольствия. Только в четырех автономных районах оно увеличилось за год в среднем на 44%, а в некоторых районах национальной автономии — еще больше. Это дало возможность подавляющей части национальных районов в основном обеспечить себя собственным зерном, а кое-где даже накопить его излишки.

Скачок в сельскохозяйственном производстве стимулировал рост промышленного производства. Партия, исходя из принципа преимущественного развития тяжелой индустрии, проводила курс одновременного развития промышленности и сельского хозяйства, тяжелой и легкой промышленности, промышленности центрального и местного подчинения, строительства как крупных, так и средних и мелких предприятий, применения как современных, так и простых методов труда. Всесторонний скачок на промышленном фронте, основным звеном которого является производство стали, происходил при сочетании централизованного руководства с широким развертыванием массового движения.

В результате осуществления этого курса во всех национальных районах было создано большое число промышленных предприятий, в широких масштабах развивалась местная промышленность. К концу 1958 г. стоимость промышленной продукции в указанных выше четырех автономных районах выросла в среднем на 69% по сравнению с 1957 годом. Этим темпам не уступал рост валовой продукции промышленности и во многих других районах национальной автономии.

Чрезвычайно быстро развивался транспорт. Помимо нескольких важных железнодорожных линий, которые государство построило в прошлые годы и продолжает строить и теперь, в 1958 г. во всех районах национальных меньшинств было проложено более 29 тыс. км новых шоссейных дорог, что составляет $^2/_3$ протяженности новых шоссейных дорог, проложенных здесь за время с 1949 по 1957 год. Выросла численность рабочих, достигнув в 1958 г. нескольких сот тысяч человек.

Большой скачок в промышленном и сельскохозяйственном производстве содействовал быстрому росту культуры и просвещения. В 1958 г. в большинстве районов национальной автономии было введено всеобщее начальное обучение. В некоторых районах в основном была ликвидирована неграмотность среди молодежи. В подавляющем большинстве уездов и городов районов национальной автономии уже имеется по одной или несколько средних школ. В Яньбяньском корейском автономном округе введено всеобщее среднее образование. В дополнение к 11 вузам, созданным в предшествующие годы, в автономных районах и в некоторых автономных округах открыт ряд новых высших учебных заведений. В предшествующие годы была оказана помощь также в создании новой письменности для многих национальных меньшинств, не имевших ее в прошлом, организовано издание книг и газет на национальных языках; во всех национальных районах бурно развивается социалистическая культура.

Большой скачок в различных областях социалистического строительства продолжается и в 1959 году. Трудящиеся национальных районов, как и весь китайский народ, с еще большей энергией трудятся над успешным осуществлением плана 1959 года. В промышленности все шире развертывается движение за увеличение производства и режим экономии, за выполнение и перевыполнение производственных заданий. В сельском хозяйстве идет борьба со стихийными бедствиями, за еще более последовательное соблюдение агротехнических правил и получение высокого урожая. В области культуры и просвещения прилагаются усилия для закрепления уже достигнутых результатов и завоевания новых успехов. В этом году промышленность, земледелие и скотоводство, культура и просвещение получат дальнейшее развитие, и соответственно повысится материальный и культурный уровень широких народных масс.

Грандиозные задачи, которые стоят перед китайским народом, требуют воспитания различных национальностей в духе социализма, интернационализма и патриотизма. Большую роль при этом должны сыграть критика и преодоление различных буржуазно-националистических уклонов.

Буржуазный национализм в КНР проявился главным образом в двух уклонах — великоханьском шовинизме и местном национализме. В условиях Китая на первый план выступает необходимость борьбы против великоханьского уклона. Только таким путем можно завоевать братское доверие национальных меньшинств к ханьскому народу, сплотить различные национальности, дать им образец для преодоления существующего в их собственной среде местного национализма. Мао Цзэ-дун говорил: «...Непременно необходимо наладить отношения между ханьцами и нацменьшинствами. Ключевым моментом этого вопроса является преодоление великоханьского шовинизма» [1].

В течение всех предыдущих лет КПК неизменно подчеркивала необходимость борьбы против великоханьского уклона. Дважды, в 1952 и в 1956 гг., в масштабе всей страны была проведена всесторонняя проверка осуществления национальной политики. Основное внимание обращалось при этом на преодоление великоханьского уклона среди ханьцев. Критика этого уклона и борьба с ним будут продолжаться и впредь. Преодоление великоханьского уклона оказало глубокое воздействие на кадровых работников и широкие массы в национальных районах. Последние, в свою очередь, подвергли активной критике проявления местного национализма. Таким образом, был сделан дальнейший шаг в укреплении братских отношений между народами нашей страны.

Мао Цзэ-дун, говоря о необходимости преодоления великоханьского уклона, вместе с тем указывал, что «одновременно преодолевать необходимо и местный национализм в среде тех нацменьшинств, у которых он существует» [2].

Проявления местного национализма имели место и в прошлом. Но по мере того, как социалистические преобразования в области собственности на средства производства охватывали все более широкие районы, в частности в 1957 г., когда правые буржуазные элементы, воспользовавшись развернувшимся в стране движением за упорядочение стиля работы, начали бешеное наступление на партию, наблюдалось оживление этого уклона. Кучка буржуазно-националистических элементов, перекликаясь с буржуазными правыми элементами, пыталась подорвать единство всех трудящихся и расколоть сплоченность народов. Местный национализм стал в то время главной опасностью для отношений между национальностями в нашей стране. Учитывая это обстоятельство, КПК в ходе

---

[1] Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М. 1957, стр. 30.

[2] Там же.

победоносного движения за упорядочение стиля в работе партийных и государственных органов и борьбы с правыми со второй половины 1957 г. возглавила движение нацменьшинств за упорядочение стиля работы и социалистическое воспитание, акцентируя внимание на борьбе против местного национализма. Это движение, по существу, представляло собой социалистическую революцию на политическом и идеологическом фронтах среди нацменьшинств. В ходе движения серьезной критике был подвергнут уклон к местному национализму, до конца разоблачены буржуазно-националистические элементы и одновременно сделан дальнейший шаг в преодолении великоханьского шовинизма у части кадровых работников-ханьцев. Таким образом, было достигнуто значительное повышение социалистической сознательности всех слоев населения, укрепились дружба и сплоченность различных национальностей.

Разумеется, борьба против буржуазного национализма — дело длительное. Как великоханьский шовинизм, так и местный национализм не могут быть полностью преодолены за короткий срок. Поэтому усиление социалистического и коммунистического воспитания народных масс, преодоление пережитков националистической идеологии и впредь остаются одной из важнейших задач национальной политики КПК.

В связи с развитием социалистического строительства в стране повсеместно складывались и развивались новые, социалистические отношения между различными национальностями, начало которым положило образование Китайской Народной Республики. Образование КНР, руководство со стороны Коммунистической партии и осуществление в масштабе всей страны демократической диктатуры народа являются предпосылкой складывания и развития социалистических наций. Завершение демократических реформ и социалистические преобразования в области собственности на средства производства заложили прочную экономическую базу для установления социалистических отношений между всеми национальностями нашей страны. Эти отношения окрепли и приобрели дальнейшее развитие благодаря победе движения за упорядочение стиля работы, всестороннему большому скачку в социалистическом строительстве и созданию народных коммун.

Особенностью отношений между национальностями в нашей стране в настоящее время являются тесное сплочение и сотрудничество, равенство и взаимная помощь, совместный труд и совместное развитие под руководством рабочего класса и Коммунистической партии Китая на основе борьбы за социализм. Эти отношения проявляются не только в совместной трудовой деятельности представителей различных национальностей в народных коммунах, на предприятиях, в учреждениях, но и во взаимной учебе, взаимной помощи и сотрудничестве. Сотрудничество и взаимная поддержка ярко сказываются в области использования средств производства и рабочей силы, организации взаимных обследований, обмене опытом и соревновании. Социалистические отношения между национальностями в нашей стране будут неуклонно развиваться и впредь, по мере продолжения скачка в социалистическом строительстве.

За десять лет КПК и народное государство добились огромных успехов в разрешении национального вопроса: установлено политическое равенство всех национальностей, достигнуты сплоченность и единство всех народов нашей страны, открыт широкий путь к достижению высокого уровня экономического и культурного развития и общего процветания различных национальностей. Эти успехи — результат героических усилий всех народов Китая, руководимых Коммунистической партией и товарищем Мао Цзэ-дуном. КПК является организующей и направляющей силой, подлинным представителем и защитником интересов различных национальностей.

Партия глубоко понимает, что если рабочий класс не сумеет освободить весь народ, то он не сможет добиться и собственного освобожде-

ния. Поэтому КПК последовательно и решительно выступает против всякого классового и национального гнета, ведет неустанную борьбу за создание в нашей стране нового общества, в котором различные национальности, избавленные от эксплуатации и угнетения человека человеком, будут пользоваться полным равенством, разовьют экономику и культуру. Партия, благодаря тому, что она проводит политику, отвечающую интересам всех народов страны, проявляет постоянную заботу о них, добилась высокого авторитета в глазах представителей различных национальностей, завоевала их искреннюю любовь. Навеки с партией — эта мысль глубоко проникла в сознание народов нашей страны. С этой мыслью национальности Китая, воодушевленные решениями 8-го пленума ЦК КПК 8-го созыва, тесно сплотясь вокруг ЦК партии и товарища Мао Цзэ-дуна, высоко поднимая славное знамя генеральной линии, большого скачка и народной коммуны, единодушно и сплоченно выступают против правого уклона, напрягают все силы и борются за выполнение плана народного хозяйства текущего года, за выполнение второй пятилетки на три года раньше срока.

Успехи КНР в области разрешения национального вопроса неотделимы от братской помощи стран социализма во главе с Советским Союзом. СССР — верный друг китайского народа. Советский Союз оказал многостороннюю бескорыстную помощь социалистическому строительству в Китайской Народной Республике. Опыт разрешения национального вопроса в СССР служит образцом для всех многонациональных социалистических государств, в том числе и для нашей страны.

Принятая XXI съездом КПСС программа коммунистического строительства не только открывает величественные перспективы перед советскими народами, но и указывает путь к светлому будущему всему человечеству. Народы свободного Китая выражают чувства безграничного уважения и искренней признательности Коммунистической партии Советского Союза, правительству и народам СССР. Мы будем и впредь изучать передовой советский опыт, чтобы победоносно, в едином строю идти вперед по славному пути, пройденному советским народом.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О «ВОСХОДЯЩЕЙ» И «НИСХОДЯЩЕЙ» СТАДИЯХ ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ

И. В. Кузнецов

Положения, изложенные в статье академика М. В. Нечкиной [1], не являются новыми. Уже в 1954 г. М. В. Нечкина высказала мысль о том, что в России с XVII в. начинается, с одной стороны, стадия «нисходящего» феодализма, означающая его деградацию, а с другой — стадия «подымающегося капитализма» [2]. Тогда она утверждала, что именно с XVII столетия феодальные отношения «становятся не формой, а тормозом поступательного развития производительных сил». «Едва ли я ошибусь,— заявляла М. В. Нечкина,— если предположу, что большинство историков России будет защищать середину XVIII века или вторую его половину, как искомую хронологическую грань, как тот момент, когда феодализм как формация теряет свою прогрессивность...» [3]. В статье «О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации» М. В. Нечкина защищает свои прежние позиции. Она хотя отчетливо и не говорит о XVII в., как о времени начала «нисходящей» стадии феодализма, но это явствует из текста ее статьи.

Выступивший в дискуссии первым А. М. Сахаров занял, с нашей точки зрения, в основном правильную позицию, чего нельзя сказать о В. А. Голобуцком, который пытается доказать, что «нисходящая» стадия феодализма началась с конца XV — начала XVI столетия. Тот факт, что начальная грань «нисходящей» стадии феодализма передвигается отдельными историками в пределах двух — двух с половиной столетий, говорит о неправильном подходе некоторых из них к решению выдвинутой в ходе дискуссии проблемы.

Исходным моментом и краеугольным теоретическим положением для М. В. Нечкиной является следующая формулировка Ф. Энгельса: «Пока известный способ производства находится в восходящей стадии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения... Более того: пока этот способ производства остается еще общественно-нормальным, до тех пор господствует, в общем, довольство распределением... Лишь когда данный способ производства прошел уже порядочную часть своей нисходящей стадии, когда он наполовину пережил себя, когда условия его существования в большей своей части исчезли и его преемник уже стучится в дверь,— лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения представляется несправедливым...» [4]. Следует заметить, что здесь Ф. Энгельс ничего не говорит ни о самой феодальной формации, ни о том, к какому точно периоду он относит начало «нисходящей» стадии капитализма. В этом же суть вопроса.

---

[1] М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7.

[2] М. В. Нечкина. О двух основных стадиях развития феодальной формации (К постановке вопроса). М. 1954. (На правах рукописи), стр. 50.

[3] Там же, стр. 9.

[4] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1948, стр. 139—140.

М. В. Нечкина для характеристики «восходящей» стадии феодализма обращает внимание на первую часть высказывания Ф. Энгельса насчет «довольства распределением». Но надо иметь в виду и то, что Ф. Энгельс, говоря о «восходящей» стадии капитализма, отмечал не только это. Он писал в «Анти-Дюринге»: «Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным [правильным], единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня...» [5] и т. д. Поэтому, на наш взгляд, надо брать за основу вторую часть приведенного выше положения Ф. Энгельса, где сказано о «нисходящей» стадии в развитии классовой формации. Возникает вопрос: к какому периоду отнести это положение Ф. Энгельса? По нашему мнению, его следует приурочить к периоду кризиса феодально-крепостнической формации. Эти слова Ф. Энгельса перекликаются с широко известной формулировкой К. Маркса из предисловия «К критике политической экономии», в котором он определяет сущность кризиса классовой формации: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого́ старого общества». К. Маркс подчеркивал, что тогда-то и возникает конфликт между производительными силами и производственными отношениями. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [6].

М. В. Нечкина, исходя из указанной выше формулировки К. Маркса, пишет: «Следовательно, тот период развития формации, когда свойственные ей производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, содействуют их поступательному движению, является восходящей стадией общественного развития. Период же формации, когда указанное соответствие нарушается, когда свойственные ей производственные отношения перестают соответствовать характеру развития производительных сил, тормозят их, является нисходящей стадией развития формации» [7]. По нашему мнению, последнее положение относится к периоду кризиса феодальной формации, то есть применительно к России к концу XVIII — началу XIX века. Но в упомянутом уже докладе М. В. Нечкина утверждала, что с XVII в. происходила деградация феодализма, а кризис феодальной формации начался в самом конце XVIII — начале XIX века. Последняя дата не вызывает сомнения, что же касается первой, то в данной статье мы постараемся показать, что она является ошибочной, поскольку деградация, по нашему мнению, представляет собой крайнее проявление кризиса классовой формации.

Страной, которая раньше других перешла к капиталистическому способу производства, была Англия. «В Англии,— писал К. Маркс,— крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия» [8].

Вместе с Англией по капиталистическому пути шли Нидерланды,

---

[5] Там же, стр. 245.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13. Изд. 2-е, стр. 7.

[7] М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 87.

[8] К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 721.

Италия, Португалия, частично Франция. В странах, расположенных к востоку от Эльбы, процесс развития феодализма существенно отличался от процесса, происходившего в западных странах. В то время как в Англии великие географические открытия, а также складывание международного рынка вследствие внутреннего развития капитализма (мануфактура) привели к крушению феодальных отношений, на востоке Европы под влиянием указанных внешних факторов и в известной мере внутреннего развития (рост ремесла и появление мануфактур в городе) наступило лишь временное ослабление феодальной зависимости крестьян, за которым последовало, по словам Ф. Энгельса, «второе издание крепостничества» [9]. Ярким примером в этом отношении была Восточная Германия. «Второе издание крепостничества» было здесь результатом развития товарно-денежных отношений внутри и вне страны, и его нельзя назвать «нисходящей» стадией феодализма.

Возникает вопрос: какое влияние оказывало «второе издание крепостничества» на развитие промышленности в Германии? В письме к К. Марксу Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Между прочим, всеобщее восстановление крепостного права являлось одной из причин, почему в Германии не могла развиться промышленность в семнадцатом и восемнадцатом столетиях. Во-первых, обратное разделение труда у цехов, противоположное тому, что в мануфактуре: вместо разделения труда внутри мастерской труд делится между цехами. В Англии тогда последовало переселение промышленности в не знающую цехов деревню, в Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей торговых местечек, занимающихся земледелием, в крепостных. Но от этого погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры» [10].

Положение Ф. Энгельса о тормозящей роли крепостничества в отношении развития капиталистической промышленности в городе важно не только для понимания характера экономики Восточной Германии, но и для уяснения особенностей дореформенной мануфактуры в России. Но, говоря о новом усилении крепостничества в странах Восточной Европы, не следует забывать, что оно не могло продолжаться чрезмерно долго. Этот процесс, будучи диалектическим, был двусторонним: с одной стороны, он выражался в развитии крепостнической формации, ее дальнейшем расширении, а с другой — он же подготовлял нарастание элементов, подрывавших эту формацию. Здесь вполне применимы слова Ф. Энгельса, сказанные им в отношении капитализма, о том, что «этот способ производства, в силу собственного своего развития, приближается быстро к точке, где он сам себя делает невозможным» [11].

Доказывая, что в XVII и на протяжении большей части XVIII в. в России, как и в Германии, феодальные отношения расширялись, углублялись, являлись господствующими и т. д., мы отнюдь не снимаем вопроса о нарастании в недрах феодально-крепостнической системы новых отношений, разлагавших феодализм. К моменту кризиса феодальной формации последняя исчерпывает все возможности для дальнейшего развития производительных сил, а капиталистические элементы оформляются в особый экономический уклад, обеспечивающий более высокий уровень производительности труда, и на этой основе происходит крушение феодально-крепостнического строя.

Как же обстояло дело на Руси в XV—XVI веках? Особенностью ее развития в это время можно считать то, что здесь не было такого даже временного ослабления феодальных отношений, какое имело место в Померании, Гольштейне и некоторых других частях Германии.

---

[9] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 600—601.
[10] Там же, стр. 600.
[11] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 140.

В Русском государстве по мере роста товарно-денежных отношений шел непрерывный процесс усиления крепостничества, при этом на первый план все более и более выдвигалась такая форма эксплуатации крестьян, как отработочная рента. Грамота митрополита Киприана 1391 г. характерна тем, что она фиксирует наличие отработочной ренты в XIV веке. В этом смысле данный документ иллюстрирует положение В. И. Ленина о том, что «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской Правды»)» [12].

Процесс усиления феодальной эксплуатации крестьян, которые формально еще не были закрепощены, выражался в ограничении их права на уход от помещика определенными сроками. Судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.), введение урочных лет в 1581 г., сыск беглых крестьян (указы Бориса Годунова и Василия Шуйского) — вот акты, в которых нашел свое выражение процесс усиления крепостничества. К. Маркс, имея в виду уже XVII в., писал: «...власть дворянства над крестьянами стала быстро усиливаться, и в дальнейшем крепостное состояние постепенно сделалось общим условием их быта» [13]. Соборное уложение 1649 г. подтверждает главный вывод К. Маркса о непрерывном расширении и углублении крепостничества в России. Этот процесс наблюдался как в XV—XVI вв., так и в XVII и на протяжении большей части XVIII столетия. В. И. Ленин указывал, что крепостное право в России «наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы» [14].

Таким образом, у классиков марксизма-ленинизма имеется ясная и определенная характеристика особенностей развития феодальной формации в Восточной Европе, в том числе и в России, и именно она и должна служить руководящей нитью при анализе конкретного материала по интересующей нас проблеме.

В. А. Голобуцкий относит ленинскую характеристику барщинного хозяйства лишь к периоду «восходящей» стадии феодализма, которая, как он утверждает, продолжалась до XV—XVI веков. «По мнению многих советских исследователей, явное нарушение этих признаков (барщинного хозяйства, указанных В. И. Лениным.— *И. К.)* началось уже в XVI в., а в отдельных районах даже в конце XV века» [15]. Однако названные В. А. Голобуцким ученые писали о развитии товарно-денежных отношений, росте торговли и городов в Русском государстве. Но они ничего не говорили при этом о начале «нисходящей» стадии феодализма. В. И. Ленин считал типичными для барщинного хозяйства: его натуральный, замкнутый характер; наделение непосредственного производителя землей; личную зависимость крестьянина и низкую, рутинную технику [16]. Эти четыре признака, как указывал В. И. Ленин, составляли основные черты барщинного хозяйства предреформенной России. Довольно странным поэтому является утверждение В. А. Голобуцкого о том, что уже с XV—XVI вв. в России исчезают признаки барщинного хозяйства.

Аргумент, который приводит В. А. Голобуцкий в обоснование своего вывода о начале «нисходящей» стадии феодальной формации в России в XV—XVI вв., состоит в утверждении, что в указанное время наблюдалось развитие товарно-денежных отношений. Примеры, взятые им, частично относятся к Польше. Но они не дают оснований для каких-то особых выводов не только в отношении Руси, но также и Польши. Б. Д. Греков, С. Д. Сказкин справедливо указывали, что в Польше фео-

---

[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 170.
[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 1-я, стр. 536.
[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 439.
[15] В. А. Голобуцкий. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации. «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 124.
[16] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159.

дальные отношения развивались в то время по пути, который был свойствен странам Восточной Европы [17].

Никто, конечно, не будет отрицать факта расширения в XV—XVI вв. рыночных связей на Руси, в частности, роста торговли хлебом. Но это привело тогда не к разрушению барщинного хозяйства, а к его расширению [18]. Денежные отношения в этот период стимулировали рост барщинного, крепостного хозяйства в России, Германии, Польше и некоторых других странах. Так что ссылки В. А. Голобуцкого на увеличение торговли и вовлечение в нее феодалов не могут служить обоснованием тезиса о начале «нисходящей» стадии феодализма в России с XV—XVI веков. Малоубедительна и ссылка В. А. Голобуцкого на отдельные факты применения наемного труда в земледелии (например, в хозяйстве новгородского митрополита во второй половине XVI в. или в вотчинах боярина Морозова в XVII веке). Эти единичные примеры ничего не доказывают. Наемный труд в эпизодических проявлениях имел место даже в эпоху рабства. Но от его применения еще очень далеко до формирования капиталистического уклада.

Развитие же торговли, правда, в ограниченных масштабах, привело в XV—XVI вв. не к возникновению капитализма, а к росту крепостничества, о чем свидетельствовали судебники 1497, 1550 гг., указы Бориса Годунова и некоторые другие законодательные акты, а также такие документы, как грамота митрополита Киприана (1391 год). Подобные факты совершенно очевидны. В. А. Голобуцкий, противореча самому себе, вынужден признать их. Вопреки своей собственной схеме он пишет: «Начиная с XVI в. государственное законодательство преследовало цель не только укрепить крепостничество в центре страны, но и распространить его на окраины... потребовались столетия, чтобы распространить крепостнические отношения на окраины государства» [19]. Приведенное положение ничего общего не имеет с утверждением В. А. Голобуцкого о начале «нисходящей» стадии феодализма на рубеже XV—XVI веков.

Один из его аргументов сводится к тому, что в украинских городах якобы в XV—XVI вв. уже возникли мануфактуры. Разложение средневекового ремесла и зарождение первых мануфактур В. А. Голобуцкий связывает с процессом увеличения численности внецеховых ремесленников, так называемых «партачей», которые, как он пишет, составляли, например, во Львове в середине XVII в. около 40% общего числа всех ремесленников [20]. В. А. Голобуцкий отмечает растущую зависимость «партачей» от скупщиков, раздававших ремесленникам сырье для работы на дому. «Имеющиеся данные,—утверждает В. А. Голобуцкий,—позволяют заключить, что купцы-предприниматели, организовывавшие в XVI — первой половине XVII в. на капиталистических началах производство разобщенных ремесленников, выступали в качестве мануфактуристов» [21]. Однако примеры с раздачей сырья скупщиками не всегда свидетельствуют о наличии мануфактуры. Известно, что скупщики, которых имеет в виду В. А. Голобуцкий, отрицательно влияли на процесс перерастания ремесла в капиталистическую мануфактуру. На это обстоятельство указал К. Маркс [22]. Ссылка В. А. Голобуцкого на наличие большого числа внецеховых ремесленников и на их эксплуатацию купцами неубедительна ни с фактической, ни с теоретической стороны.

Отсюда ясно, что его утверждение о начале «нисходящей» стадии

---

[17] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. II. М. 1954, стр. 5; С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 98.

[18] См. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 53.

[19] В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 135.

[20] Там же, стр. 131.

[21] Там же, стр. 133.

[22] См. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 346, 347.

феодализма в России с XV—XVI вв. не обосновано. Оно и не может быть должным образом аргументировано, ибо противоречит действительному ходу исторического развития нашей страны.

Поскольку академик М. В. Нечкина дает более развернутое, чем В. А. Голобуцкий, теоретическое обоснование своей позиции, разбор основных положений ее статьи должен занять главное место в дискуссии. М. В. Нечкина указывает, что ответ на вопрос, когда начинается «нисходящая» стадия феодализма, надо искать в решении проблемы соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Производственные отношения в XVII и XVIII вв., по ее мнению, не соответствовали уже характеру производительных сил, а поэтому феодальная формация уже с XVII в. переживала свою «нисходящую» стадию.

«Содействовали ли феодальные производственные отношения поступательному развитию производительных сил? Соответствовали ли они как социальная форма характеру производительных сил? — пишет М. В. Нечкина.— Если да, то они прогрессивны, за ними будущее и они в этом отношении, несомненно, прочны. Если нет, то как бы ни были прочны крепостнические учреждения, защищавшие благополучие помещиков и кажущуюся незыблемость феодально-крепостного строя, последний уже шел под уклон, его внешняя «непоколебимость» все более подтачивалась развитием нового, и в силу этого он уже не «прочен» и не «крепок» [23].

Прежде всего М. В. Нечкина по основному смыслу своей позиции должна бы брать в качестве примера, на наш взгляд, не вторую половину XVIII в. (как она это делает, говоря о времени Екатерины II), когда действительно становится заметным разложение крепостнической формации, а первые десятилетия XVII в., когда, по ее мнению, начинается «нисходящая» стадия феодализма. Далее, не совсем точна ее мысль о том, что если на данном этапе имеется налицо соответствие производственных отношений характеру производительных сил, то это означает, что таким отношениям обеспечено будущее. Напротив, в дальнейшем подобное соответствие может быть и обязательно должно быть нарушено, поскольку речь идет о феодальной и капиталистической формациях.

Затем, говоря о прочности той или другой классовой формации, надо иметь в виду не только общее положение о соответствии производственных отношений характеру производительных сил, но и другие показатели прочности существующего строя, например, соотношение классовых сил и т. п. То, что восстания под руководством Болотникова, Разина и Пугачева были подавлены, свидетельствует о том, что «известный запас прочности» у феодальной формации тогда еще был.

Но главным критерием прочности строя является, конечно, соответствие производственных отношений характеру производительных сил. Если производительные силы еще растут при данном способе производства, значит, он пока еще может обеспечить их развитие. Характеризуя состояние производительных сил в X—XIII вв., М. В. Нечкина пишет: «Феодализм шел вперед в своем хозяйственном укреплении, давал более просторные формы для развития местных производительных сил. Формирование экономической самостоятельности отдельных областей связано с широким распространением и укреплением земледелия, значительным расширением пахотных площадей, некоторым усовершенствованием орудий сельского хозяйства и ремесла, а также со значительным увеличением количества орудий, которыми располагала численно растущая масса крестьян-земледельцев, непосредственных производителей. В это время увеличивалось и число городов...» [24].

Таким образом, для «восходящей» стадии феодализма показатели раз-

---

[23] М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 87.

[24] Там же, стр. 91.

вития производительных сил М. В. Нечкиной установлены ясно и четко. Но странно, что она не применяет тот же критерий в отношении XVII и XVIII вв., когда, по ее мнению, феодализм развивался уже по «нисходящей» линии. «Изучая вопрос о «нисходящей» стадии феодализма на материале сельского хозяйства,— отмечает она,— также нельзя ограничиться простой констатацией факта развития производительных сил. Установление роста пахотных площадей, применения новых посевных культур или разведения тонкорунных овец само по себе еще не решает вопроса» [25].

М. В. Нечкина здесь непоследовательна, и, надо думать, потому, что фактическое положение дела разрушает ее схему. В XVII и XVIII вв. наблюдалось расширение посевных площадей, некоторый рост посевов новых культур и, правда, весьма ограниченные, сдвиги в технике. И вместе с тем в 70—80-х годах XVI в., то есть в период «восходящей» стадии феодализма, налицо был тяжелейший хозяйственный кризис, во время которого подверглись опустошению не только западные окраины Русского государства, но и Замосковье, пришло в запустение много сел и деревень, вследствие чего пашни на больших пространствах заросли лесом [26]. Позднее же, в XVII в., когда, по мнению М. В. Нечкиной, начинается «нисходящая» стадия феодализма, происходит совершенно обратное: ликвидируется запустение, расширяются посевы, вновь распахиваются поросшие земли, осваиваются новые территории и т. д. Причем все это совершается на базе феодально-крепостного строя, путем полного закрепощения крестьян, роста барщины и т. д. [27]. Общеизвестно, что в эти годы монастыри, дворяне и бояре усиленно расширяли свою запашку. Увеличивает свое дворцовое хозяйство и царь Алексей Михайлович. Для налаживания дела он поручил управление значительной частью своих вотчин, помимо Дворцового приказа, еще приказу Тайных дел. А. И. Заозерский указывает, что Тайный приказ давал инструкции своим агентам открыто и тайно сыскивать земли, которые были бы пригодны для хозяйственной эксплуатации [28].

Аналогичная картина наблюдалась и в XVIII столетии. «В конце XVII и особенно в начале XVIII века в России продолжалось освоение новых земель, распахивались и заселялись пустоши, расширялось применение трехпольной системы, увеличился ассортимент сельскохозяйственных культур. Отчетливее стала проявляться начавшаяся специализация отдельных экономических районов» [29]. Во второй половине XVIII в. сельское хозяйство России претерпело новые изменения. В центрально-черноземной полосе и на Украине, в частности, наблюдался значительный рост сельскохозяйственного производства [30].

Из всего сказанного следует, что в XVII и на протяжении большей части XVIII в. при господстве крепостнических отношений шло, хотя и медленно (что вообще свойственно феодальной системе), расширение посевных площадей, посевов технических культур, наблюдались кое-какие сдвиги в технике, и, следовательно, в недрах феодализма еще имелась известная отдушина для развития производительных сил в сельском хозяйстве за счет усиления эксплуатации крепостных крестьян. Отказ М. В. Нечкиной рассматривать эти факты вытекает, по-видимому, из того, что они не подтверждают ее основного вывода о начале «нисходящей» стадии феодализма уже в XVII веке.

Какой же критерий предлагает взять М. В. Нечкина для определения

---

[25] Там же, стр. 104.

[26] См. Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII в. М. 1937; Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М. 1899, и др.

[27] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955. Глава первая.

[28] А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М. 1937, стр. 149.

[29] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М. 1954, стр. 44.

[30] См. «Очерки истории СССР. XVIII в., вторая половина». М. 1956, стр. 43.

соответствия производственных отношений характеру производительных сил? «Воспроизводство рабочей силы непосредственного производителя является темой, разбор которой дает существенный материал для ответа на поставленный вопрос» [31],— пишет она. Конечно, без расширенного воспроизводства рабочей силы невозможно развитие производительных сил. Вплоть до XVII в., то есть до начала «нисходящей» стадии феодализма, существовали, по ее мнению, условия для воспроизводства крестьянского хозяйства, а затем под влиянием роста барской запашки и усиления на этой основе крепостнической эксплуатации они исчезают.

«При восходящем феодализме оно (крестьянское хозяйство. — *И. К.*) могло воспроизводить себя и существовало много веков подряд. В то время оно было органически связано с помещичьим имением, заинтересованным в его сохранении и на нем державшимся. Помещичье имение принимало кое-какие меры для обеспечения простого воспроизводства крестьянского хозяйства. Давая крестьянину надел необходимой величины, оно восстанавливало его хозяйство и в случае стихийных бедствий (посевное зерно от помещика в голодные годы, иногда скот), так как было в этом заинтересовано. Но все стало меняться на стадии нисходящего феодализма, когда подобные меры не могли уже создать условий для возобновления крестьянского хозяйства» [32]. В эпоху «восходящего» феодализма, пишет М. В. Нечкина, «возможность воспроизводства крестьянского хозяйства давала известный простор для развития его производительных сил... Позже, в годы интенсивного складывания всероссийского рынка, стремясь увеличить производство товарного хлеба, землевладелец усилил эксплуатацию, увеличил рабочий день, собирал недоимки и за прошлые годы «все сполна». В результате создавалась трудность, а подчас и невозможность даже простого воспроизводства крестьянского хозяйства... Лишь многомиллионность крестьянской массы создавала огромные, еще могущие выстоять резервы, воспроизводящие хозяйственную систему в целом. Однако с течением времени процесс шел все дальше, разрушая возможность воспроизводства в самых хозяйственных глубинах. Положение существенно ухудшилось ко второй половине XVIII века» [33].

На самом деле крестьянское хозяйство никогда органически не было связано с феодальным поместьем, только сила внеэкономического принуждения привязывала его к последнему. Исчезновение помещичьего хозяйства было бы экономически выгодно крестьянам, так как избавило бы их от принудительного труда. Достаточно в связи с этим вспомнить, сколько было крестьянских восстаний на Руси еще в период раннего развития феодальной формации. Обстановка характеризовалась тогда такими процессами, как усиление феодальной эксплуатации, захват феодалами общинных земель и борьба крестьянства против этого. Что касается экономической «помощи» помещиков крестьянам, то это была лишь одна из форм закабаления последних. Во время кризиса 70—80-х годов XVI в. произошло массовое разорение крестьян. Писцовые книги того периода пестрят сообщениями о том, что такие-то деревни «пусты совсем», такие-то — наполовину, а остальные — на $1/3$ или $1/4$. Запустение и разорение не только западных окраин, но и Замосковья было столь сильным и длительным, что «пашенные и покосные земли — земли исчезнувших селений поросли лесом, где «в жердь и в кол», а где и в «бревно» [34]. Во время голода 1601—1603 гг. землевладельцы предпочитали отделаться на какой-то срок от части крестьян, отпуская их «куда глаза глядят», а позднее ловили и вновь кабалили их. Не случайно ведь Борисом Годуновым

---

[31] М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях развития феодальной формации, стр. 104.

[32] Там же, стр. 108.

[33] Там же, стр. 106.

[34] С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.-Л. 1936, стр. 145.

в 1603 г. был издан указ о том, что холопы, ушедшие от помещиков в связи с голодом, могут получить отпускные грамоты помимо воли своих господ. Кроме того, само существование холопов указывало на известную близость некоторых форм феодальной эксплуатации крестьян с рабством.

Надо иметь в виду, что в классовых формациях ни на каких этапах их развития угнетенные массы не могут удовлетворить своих потребностей. «Недопотребление масс есть необходимое условие всех основанных на эксплуатации форм общества...» [35],— писал Ф. Энгельс. С точки зрения воспроизводства рабочей силы, по сути дела, наблюдался один и тот же процесс, проходивший сначала раннюю, а затем позднюю ступень своего развития, а именно — расширение крепостничества, развитие его вширь (охват новых районов, увеличение числа крепостных крестьян и т. д.) и вглубь (усиление крепостного гнета).

В XVII—XVIII вв. значительно выросло число зависимых крестьян. По расчетам П. П. Смирнова, численность населения Московского государства равнялась в середине XVII в. около 4,9 млн. душ обоего пола, из них крепостных свыше 4 млн. человек. В 70-х годах XVII в. в России проживало около 6,5 млн. душ, из них тяглых свыше 5,5 млн. душ [36]. По данным П. И. Лященко, численность крепостного населения до 1796 г. возрастала не только абсолютно, но и относительно. По 3-й ревизии (1762 г.), в России было 7,64 млн. душ крепостных крестьян, или 52,4% всего населения страны. По 5-й ревизии (1796 г.), число крепостных достигло почти 20 млн. человек (55,5% населения). И лишь в XIX в. количество крепостных крестьян в абсолютных цифрах хотя и увеличивается, но очень медленно, в то время как доля их в составе населения страны неуклонно сокращается. По данным 7-й ревизии (1815 г.), крепостных было 20,8 млн. человек (46,2%), а в 1859 г., по 10-й ревизии,— 22,7 млн. человек, или 30,7% населения страны [37].

Число крепостных мужского пола непосредственно перед реформой 1861 г. уменьшилось даже и абсолютно: по данным 9-й ревизии (1851 г.), их было 10 708 856 душ, а по 10-й ревизии (1859 г.),— 10 696 139 душ [38].

Следовательно, можно считать, что нарушение простого воспроизводства крепостной рабочей силы относится к периоду кризиса крепостного хозяйства, когда развившееся помещичье производство хлеба на рынок сильно подорвало крестьянское хозяйство. Этим объясняется медленный рост крепостного населения в середине XIX в. и падение его удельного веса в составе населения России. Полемизируя с П. Струве, стремившимся объяснить рассматриваемое явление действием закона Мальтуса, В. И. Ленин писал, что «медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи, а не на свои только потребности» [39].

Учитывая экономические факторы, не следует забывать и о политических. Нам кажется, что нельзя правильно понять и оценить политику первых царей из династии Романовых, Петра I и даже Екатерины II, если считать, что в России того времени наблюдался упадок крепостного хозяйства.

Одним из моментов, который, по мнению М. В. Нечкиной, указывал на начало «нисходящей» стадии феодализма с XVII в., является образование всероссийского рынка. В связи с этим встает вопрос о влиянии

---

[35] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 271.

[36] «Русская история в очерках и статьях». Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. Т. II. М. Б. г., стр. 68.

[37] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. М. 1939, стр. 232.

[38] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в XVIII в. и первой половине XIX в. Т. II. СПБ. 1888, стр. 570.

[39] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 438—439.

процесса складывания последнего на крепостное хозяйство. В. И. Ленин, касаясь перемен, происходивших в России в XVII в., писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных» [40].

По нашему мнению, нет никаких оснований приведенное высказывание В. И. Ленина трактовать в том смысле, что с XVII в. начинается «нисходящая» стадия феодализма. Совершенно ясно, что В. И. Ленин говорит о новом периоде русской истории, имея в виду ликвидацию остатков феодальной раздробленности, развитие торговли до масштабов всероссийской, рост буржуазных торговых связей. Появление значительного числа капиталистов-купцов (а не предпринимателей) положило начало процессу первоначального накопления капитала. Поэтому было бы неправильным толковать слова В. И. Ленина о новом периоде русской истории и росте буржуазных связей как указание на то, что уже в XVII в. в России складывается капиталистический уклад. Процесс образования всероссийского рынка вызывал дальнейшее развитие торговли, и на этой основе еще довольно длительное время шло расширение крепостного хозяйства, тогда как разложение его началось гораздо позднее. Торговля в XVII в. стимулировала в России усиление и расширение барщинной эксплуатации, подобно тому как в ряде других стран Восточной Европы под влиянием развивавшихся рыночных отношений происходило «второе издание крепостничества».

В условиях феодализма наряду с купцами торговлю зачастую сосредоточивали в своих руках крупные феодалы (монастыри, епископы, патриархи и даже князья и цари) [41].

Может быть, эти факты свойственны только для XVII в. и свидетельствуют о том, что феодальная формация пошла по «нисходящей» линии и начал складываться уже капиталистический уклад?

Такой вывод был бы неправильным, так как и до этого (в конце XV—XVI в.) цари, князья и феодалы вели значительную торговлю хлебом, вином, пушниной и некоторыми другими товарами [42]. Следовательно, крупные феодалы вели спекулятивную торговлю хлебом, занимались ростовщичеством и т. д., но это в то время еще не разрушало натуральных основ даже их собственного барщинного хозяйства.

Как указывает исследователь хозяйства среднего землевладельца XVII в. Безобразова А. А. Новосельский, материалов о продаже Безобразовым хлеба нет. Это объяснялось тем, что «все эти операции производил сам Безобразов лично, во время своих поездок в Боровскую вотчину» [43]. Основание для такого утверждения А. А. Новосельский видит в том, что на содержание московского двора у Безобразова уходило в год 350 четвертей (2 100 пудов) ржи, тогда как хлеба в вотчинах производилось значительно больше. Характерным для натурального помещичьего хозяйства того времени является тот факт, что, отправляясь на службу на Терек, А. И. Безобразов взял с собою запасы муки, круп, мяса и других продуктов [44]. Следовательно, натуральный характер помещичьего хозяйства в значительной мере продолжал еще сохраняться.

---

[40] Там же, стр. 137—138.

[41] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 54.

[42] См. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 18, 24 и др.

[43] А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.-Л. 1929, стр. 159.

[44] Там же, стр. 158.

О преобладании натурального характера личного хозяйства феодала XVII в. свидетельствуют и документы крупнейшего вотчинника боярина Морозова. С одной стороны, он «ворочал» большими деньгами, продавал десятки тысяч пудов хлеба, поставлял в казну свыше 10 тыс. ведер вина, производил большое количество поташа и т. д. Однако его собственное хозяйство оставалось натуральным. В Москве при доме Морозова жило до 700 человек. «Из расходной книги морозовского дома мы узнаем,— писал В. Г. Гейман,— что хозяевам его не было надобности покупать что-либо для непосредственного содержания как самих себя, так и многочисленной своей дворни. На пропитание не тратилось, за совершенно незначительными исключениями, ни копейки. Как это ярко выявляется из напечатанной вотчинной переписки, все продукты поставляются вотчинными крестьянами»[45].

Характерна в этом смысле и организация хозяйства царя Алексея Михайловича. Последний понимал, что на основе одних только денежных своих доходов он не в состоянии организовать содержание стрелецкого войска и даже оплату своих приказных и что поэтому необходимо наряду с денежной оплатой обеспечить их натуральное снабжение. В этих целях он значительно расширяет дворцовое хозяйство. Только в ведении Тайного приказа в 1675 г. находилось 18 тыс. десятин пахоты. В том же году было собрано в хозяйствах Тайного и Хлебного приказов за вычетом семян 24 тыс. четвертей (192 тыс. пудов) ржи, 43 тыс. четвертей овса, 3 500 четвертей ячменя, 2 200 четвертей гречи. Хлеб этот шел на содержание стрельцов и служилых людей. А. И. Заозерский приводит факты пожалования царем, например, «на пожарное разорение» некоторой части служилых людей продуктами[46]. Вот почему большую роль играло в XVII в. как дворцовое хозяйство, так и «десятинная» государева пашня.

Было бы неправильным считать, что натуральность помещичьего и особенно крестьянского хозяйства нарушилась чуть ли не полностью в XVII веке. Она сохранялась даже в первой половине XIX в.; товарность помещичьего хозяйства во многих случаях была тогда относительно невелика. Так, в Ракитянских владениях князя Юсупова в 1833 г. из 32 498 четвертей наличного хлеба на продажу предназначалось только 9 654 четверти. Остальной хлеб шел на внутреннее потребление (содержание дворовых, месячников, рабочих мануфактур, прокорм скота, посев и т. д.)[47]. Хлеб из степных вотчин Юсуповых доставлялся на продовольствие дворовых людей и рабочих мануфактур, находившихся в Москве и в ее пригородах[48].

Процесс складывания всероссийского рынка в XVII—XVIII вв. привел в связи с ростом потребности в хлебе и других продуктах сельского хозяйства в городах к тому, что помещики стремились на базе сохранения феодально-крепостнической системы расширить барскую запашку и усилить эксплуатацию своих крестьян. На протяжении большей части XVIII в. даже в дворцовом ведомстве шло расширение барщинного хозяйства. Число дворцовых крестьян все время росло: в 1711 г. их было 340 тыс. душ, в 1724 г.— 402 тыс., а в 1762 г.— уже 486 тысяч[49]. Только в 1769 г. за небольшим исключением барщина в дворцовых владениях была заменена оброком, что свидетельствовало о достижении более высокой степени развития товарности сельского хозяйства.

В XVII в. наряду с налогами существовала в пользу царского дво-

---

[45] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.». Ч. I, Л. 1933, стр. LXXII.

[46] А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 17—21, 98—99, 110—111, 193—194.

[47] А. Н. Насонов. Хозяйство вотчины накануне освобождения крестьян. «Известия Академии наук», 1928, № 77, стр. 359.

[48] К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в первой половине XIX века. М. 1951, стр. 71.

[49] С. И. Волков. Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII века. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 111.

ра феодальная повинность в виде запашки так называемой дворцовой десятины. Эта разновидность барщины была отменена только в 60-х годах XVIII века. Барщина в помещичьем хозяйстве XVIII в. преобладала, лишь во второй половине этого столетия и особенно к концу его получил значительное развитие денежный оброк. По данным В. И. Семевского, относящимся к последней четверти XVIII в., в 7 губерниях черноземной полосы на барщине было 74% крестьян, а на оброке — 26%, в 12 губерниях преимущественно Центрального нечерноземного района барщину выполняли 45% крестьян, а платили оброк — 55% [50]. Но и в этом районе были губернии, имевшие высокий процент барщинных крестьян (Московская — 64%, Смоленская — 70%, Псковская — 79%) [51]. Развитие денежного оброка свидетельствовало о расшатывании и разложении натуральных основ крепостного помещичьего хозяйства. Его введение стимулировало отход крестьян в города и промышленные центры, где они нанимались работать на капиталистические мануфактуры и фабрики.

Капиталистический уклад начал складываться в промышленности раньше, чем в сельском хозяйстве. Однако в статье М. В. Нечкиной по этому вопросу развиваются, с нашей точки зрения, неправильные взгляды [52]. По производительным силам вотчинную и посессионную мануфактуру, по ее мнению, следует считать капиталистической, а по производственным отношениям — крепостнической. Она указывает, что между этими двумя сторонами в мануфактуре имел место глубокий конфликт, свидетельствующий о начале «нисходящей» стадии феодализма в России и приведший к упадку и гибели вотчинных мануфактур [53].

Взгляды М. В. Нечкиной, считающей, что мануфактурное разделение труда как прогрессивное явление технического порядка может само по себе влиять на определение характера мануфактуры, ошибочны. В письме П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. К. Маркс писал: «...вообще бессмысленно делать из машины экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д. Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг. Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины» [54].

Неверно также думать, что кооперация, в смысле разделения труда, и даже мануфактура совершенно не существовали в период, предшествующий началу капиталистического развития. К. Маркс указывал: «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве» [55]. Ф. Энгельс указывал, что и при рабовладельческом строе существовали мануфактуры и причиной их гибели была экономическая невыгодность рабского труда. «Античное рабство пережило себя,— писал он.— Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывавшего затраченный труд,— рынок для его продуктов исчез» [56]. Точно так же обстояло дело

---

[50] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПБ. 1881, стр. 492, 493.

[51] Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 126.

[52] Мнение автора настоящей статьи по указанному вопросу см. И. В. Кузнецов. К вопросу о характере дореформенной мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1956, № 10.

[53] М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 99, 102.

[54] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 426.

[55] К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 341.

[56] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 284.

и с крепостной мануфактурой. В. И. Ленин ясно отделяет ее от капиталистической: «...до 1860-х годов включительно суконное производство имело особую, оригинальную организацию: оно было сосредоточено в сравнительно крупных заведениях, которые однако отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временно-обязанных крестьян»[57].

Крепостная мануфактура стала экономически невыгодной в силу успехов и конкуренции капиталистической мануфактуры, которая была основана на более производительном, наемном труде. Техника как на капиталистических, так и на крепостных мануфактурах России была длительное время примерно одной и той же. Труд же на них применялся разный. Крепостной труд был менее производителен, и поэтому мануфактура, основанная на его эксплуатации, была вытеснена капиталистической. Следовательно, не надуманные внутренние противоречия, а конкуренция с капиталистической мануфактурой привела крепостную мануфактуру к гибели.

К производительным силам относится, как известно, не только техника, но и люди. М. В. Нечкина же в своих рассуждениях о производительных силах чаще имеет в виду технику. Если же взять людей, то их сразу же надо ставить в определенные социальные взаимоотношения. Характер эксплуатации рабочих определял собой отличие капиталистической и крепостной мануфактур. Последняя развивалась в XVII в. не потому, что феодальная формация пошла уже по «нисходящей» линии, а скорее наоборот. Она создавалась в силу слабого проявления буржуазных отношений и свидетельствовала о том, что феодальные отношения развивались в то время вширь и вглубь, что они захватывали как новые территории, так и область промышленного производства.

Мануфактуры в России стали складываться в 20—30-х годах XVII столетия. На некоторых из них, тогда немногочисленных, применялся наемный труд. Но рынок наемной рабочей силы был небольшим, и уже с первых шагов существования мануфактур приходилось прибегать к прикреплению к ним крепостных крестьян, работных людей. В 1638 г., например, к мануфактуре Винуса было прикреплено 250 дворов Соломенской волости[58]. При Петре I было создано свыше 200 мануфактур. Об обеспечении их наемной рабочей силой не могло быть и речи. Поэтому крепостной труд стал широко применяться в промышленности. В 1721 г. был издан указ, разрешавший купцам покупать к мануфактурам крепостных крестьян. Возникшая таким путем посессионная мануфактура получила широкое распространение и, по данным многих источников, господствовала вплоть до 1762 года. Но наряду с нею развивалась капиталистическая мануфактура, которая, как экономически более выгодная, прокладывала себе дорогу. По подсчетам академика С. Г. Струмилина, в конце XVIII в. на мануфактурах работало 48% крепостных и 52% вольнонаемных рабочих[59]. К. А. Пажитнов полагает, что в 1804 г. крепостных рабочих было 52,3%, а наемных — 47,7%[60].

База для использования владельцами посессионных мануфактур крепостного труда сузилась после издания указа 1762 г.[61], запрещавшего владельцам мануфактур недворянского сословия покупать крестьян к фабрикам как с землей, так и без нее. Это привело к увеличению числа вотчинных, дворянских мануфактур, но они не могли

---

[57] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 410.

[58] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 121.

[59] С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I, М. 1954, стр. 363.

[60] К. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века. «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 62.

[61] «Полное собрание законов». Т. XV, № 11490.

держаться долго и вытеснялись неуклонно развивавшимися капиталистическими мануфактурами. В первой половине XIX в. владельцы посессионных мануфактур начали тяготиться крепостным трудом и добивались права на замену посессионных рабочих вольнонаемными, труд которых был более производительным.

Следовательно, явления, характерные для «нисходящей» стадии феодализма, и здесь явно обозначаются лишь в эпоху зарождения кризиса крепостнической системы, то есть в конце XVIII— начале XIX века.

Общий вывод, по нашему мнению, состоит в том, что неправильно датировать начало «нисходящей» стадии феодализма в России XVII в. (М. В. Нечкина), а тем более XV—XVI вв. (В. А. Голобуцкий).

Кризису феодализма предшествовал длительный процесс вызревания в его недрах элементов капитализма. Переход к капиталистическому укладу связан с образованием рынка наемного труда. «Наемный труд, в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства,— писал Ф. Энгельс,— существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия» [62]. Отдельные, единичные, спорадические случаи применения наемного труда не создают еще капиталистического уклада и не свидетельствуют о том, что феодальная формация вступила в «нисходящую» стадию своего развития.

Ни в XV, XVI, XVII вв., а также вплоть до 60-х годов XVIII в. и даже позднее в России не сложился еще широкий рынок свободной рабочей силы. Именно поэтому в XVII—XVIII вв. задерживалось развитие капиталистической мануфактуры и получила распространение крепостная мануфактура. Дело несколько изменилось после 1762 г., когда был издан указ, запрещавший покупать к мануфактурам крестьян. С тех пор, а особенно со времени издания закона об отмене приписки крепостных крестьян к заводам, капиталистическая мануфактура сильно шагнула вперед. Во второй половине XVIII в. она по числу рабочих стала догонять, а в первой половине XIX в. перегонять крепостную мануфактуру. С начала XIX в. наемный труд в промышленности уже преобладал. Для этого периода вполне уместно говорить об оформлении капиталистического уклада в недрах крепостничества. Данный момент был переломным в развитии как капитализма, так и феодализма. Капиталистический уклад в промышленности выходит на первое место, а крепостная мануфактура, ставшая экономически невыгодной, теряет свои позиции.

Аналогичная картина складывается и в сельском хозяйстве. Производство в больших размерах хлеба на продажу разложило барщинное помещичье хозяйство, которое исчерпало все свои возможности для дальнейшего развития производительных сил и переживало в конце XVIII — первой половине XIX в. свою «нисходящую» стадию и даже деградировало, чего нельзя сказать еще о нем применительно к XVII и большей части XVIII столетия. Нам кажется, что это давно принятое нашей наукой понимание существа развития феодально-крепостнической формации правильно, и то толкование, которое дают словам Ф. Энгельса о двух стадиях классовой формации (на примере развития феодализма в России) М. В. Нечкина и В. А. Голобуцкий не разъясняет, а усложняет понимание проблемы.

---

[62] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 254 (Примечание).

ИСТОРИОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОВНАРХОЗОВ 1917—1932 годов

В. З. Дробижев, Т. А. Игнатенко

В истории нашей страны советы народного хозяйства сыграли важную роль. Они провели большую работу по социалистическому обобществлению промышленности после Октябрьской революции. Серьезное значение имела деятельность совнархозов в мобилизации экономики страны для разгрома внутренней и внешней контрреволюции, в восстановлении промышленности после гражданской войны, в осуществлении социалистической индустриализации. На современном этапе Коммунистическая партия, возглавив грандиозную перестройку органов управления промышленностью и строительством, творчески использовала опыт СНХ.

По мере нашего продвижения к коммунизму значение хозяйственного аппарата будет постоянно возрастать. «...Аппарату типа Высшего совета народного хозяйства,— говорил В. И. Ленин,— суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества» [1].

Перед советскими исследователями стоит задача глубокого изучения истории создания и деятельности советов народного хозяйства. В этой связи целесообразно подвести некоторые итоги тому, что сделано в данной области, и попытаться определить важнейшие задачи дальнейшей разработки этой проблемы.

Высший Совет Народного Хозяйства, а также совнархозы в большинстве экономических районов Советской республики были созданы уже в первые месяцы после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Они строились под руководством Коммунистической партии и Советского правительства. Опираясь на коренные положения марксистской теории и гениально обобщая первый опыт по созданию нового общества, партия во главе с В. И. Лениным разработала принципы организации и деятельности советского хозяйственного аппарата.

Уже с самого начала образования совнархозов стала изучаться их история. Труды В. И. Ленина, резолюции партийных съездов и конференций, постановления Совета Народных Комиссаров и ВЦИК послужили методологической основой этой работы.

Литература 1918—1920 гг. носила в значительной степени мемуарный характер. Как правило, в качестве авторов выступали сами участники строительства совнархозов. Воспоминания, дополненные разбором новых законодательных актов Советского правительства,— такова источниковедческая база статей и книг того времени. В центре внимания историков стояли такие вопросы, как создание СНХ на местах и особенно ВСНХ, организация аппарата совнархозов, изменения в их структуре применительно к новым условиям.

К первой годовщине Октября в журналах и тематических сборниках появилось несколько статей, подводивших итоги начального этапа

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 372.

организационно-хозяйственной деятельности социалистического государства [2]. Прежде всего следует отметить работы, помещенные в ноябрьском номере журнала «Народное хозяйство» — органа ВСНХ. В статьях В. Я. Чубаря (члена президиума ВСНХ), Ю. М. Ларина и М. А. Савельева (членов президиума ВСНХ) рассказывалось, как создавался ВСНХ и протекали первые дни его работы. Особую ценность представляют содержащиеся в этих статьях сведения об участии В. И. Ленина в создании ВСНХ. Так, В. Я. Чубарь писал о заседании в Смольном 26 октября 1917 г., на котором под руководством В. И. Ленина обсуждались проекты декретов о создании Высшего Совета Народного Хозяйства и о рабочем контроле.

Значительный интерес представляет сборник статей о деятельности Совета народного хозяйства Северного района [3]. Авторы сборника, занимавшие руководящие посты в этом СНХ, подробно освещают его роль в социалистическом обобществлении промышленности, в восстановлении и развитии производительных сил Петрограда и прилегающих к нему районов. В разделе «Работа на местах» кратко описывается деятельность Псковского, Новгородского, Вологодского, Череповецкого и некоторых других губернских советов народного хозяйства.

Наряду с юбилейной литературой в 1918—1920 гг. появилась серия брошюр, написанных работниками совнархозов для разъяснения рабочим принципов организации управления социалистической промышленностью [4]. Назначение этих брошюр определило их содержание: в простой, доступной для широких масс форме в них излагалась структура ВСНХ и местных совнархозов, характеризовались основные задачи, стоявшие перед советами народного хозяйства. Однако в некоторых из этих брошюр допускались грубые теоретические и политические ошибки ревизионистского толка.

В числе брошюр о совнархозах — работа председателя отдела по финансированию и управлению предприятиями СНХ Северного района М. Зеликмана «Что такое СНХ и как они должны строиться» (Пг. 1918). Автор предлагал превратить совнархозы в законодательные органы, независимые от центра, и подчинить им руководство всей экономической жизнью отдельных районов, а также республики в целом. Такие органы автор рекомендовал называть «экономическими совнаркомами» [5]. Это было в корне неправильное предложение, осуществление которого привело бы лишь к усугублению разрухи, нарушению хозяйственных связей между экономическими районами страны, способствовало бы развитию анархистских, местнических тенденций. А местничество, невыполнение решений центрального правительства прямо противоположны природе социалистического способа производства. Без борьбы с местничеством, без воспитания у миллионов людей доверия к центральному правительству социализм построить нельзя. Строительство социализма, указывал В. И. Ленин, «есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра» [6].

С порочных, антипартийных позиций была написана книга Н. Осинского (В. В. Оболенского) «Строительство социализма (Общие задачи. Организация производства)», изданная в 1918 году. Автор попытался теоретически «обосновать» взгляды «левых коммунистов» по вопросам

---

[2] См., например, статьи, посвященные СНХ, в сборниках: «Год пролетарской диктатуры». Нижний Новгород. 1918; «Юбилейный сборник в честь годовщины Советской власти в городе Белеве и в Белевском уезде». 1919.

[3] «Из деятельности Совета народного хозяйства Северного района». Пг. 1918.

[4] «Что такое СНХ и для чего они созданы?». Пг. 1918; «Пример социалистического строительства». Пг. 1918; В. Я. Ястржембский. Рабочие и созидание народного хозяйства. Пг. 1918.

[5] М. Зеликман. Указ. соч., стр. 88.

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 377.

оллегиальности и единоначалия, убедить читателя в том, что установ-
ение принципов единоначалия якобы противоречит демократической
рироде социалистического государства. Осинский изображал создание
озяйственных органов как стихийный и случайный процесс. «Левыми»
разами он старался прикрыть мелкобуржуазное существо своих концеп-
ий, поставить под сомнение руководящую роль пролетарского государ-
тва в строительстве социализма, в хозяйственной деятельности страны.

В. И. Ленин решительно боролся против антипартийных взглядов
левых коммунистов». «Левые коммунисты» не только извратили
еорию марксизма, но и отрицали практический опыт хозяйственно-
о и государственного строительства, который свидетельствовал о неиз-
ежной необходимости существования государственных органов управ-
ения промышленностью, о закономерности перехода от коллегиально-
ти к единоначалию. Уже в первые месяцы Советской власти практика
оказала несостоятельность безбрежной коллегиальности как метода
озяйственного руководства. В. И. Ленин учил, что без повиновения масс
диной воле руководителя трудового процесса немыслимо направлять
троительство народного хозяйства по социалистическому пути. «Это
одчинение,— писал В. И. Ленин,— может, при идеальной сознательно-
ти и дисциплинированности участников общей работы, напоминать боль-
ше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы
иктаторства,— если нет идеальной дисциплинированности и сознатель-
ости. Но, так или иначе, беспрекословное подчинение
диной воле для успеха процессов работы, организованной по типу круп-
ой машинной индустрии, безусловно необходимо» [9].

Широчайшие массы рабочих активно поддерживали Коммунистиче-
кую партию в ее борьбе за внедрение единоначалия на производстве.
рофсоюзы стали наиболее массовой школой обучения и воспитания
рудящихся, школой коммунизма, важнейшим орудием постепенного
тягивания самых отсталых слоев трудящихся в работу по сознательно-
у улучшению советского народного хозяйства. В то же время опыт со-
иалистического строительства вопреки утверждениям «левых комму-
истов» свидетельствовал о том, что профсоюзы не могут заменить со-
ой Коммунистической партии и социалистического государства. В тех
учаях, когда профессиональные союзы пытались непосредственно руко-
одить производством, быстро проявлялись отрицательные стороны этого
ления: нарушались экономические связи между предприятиями, разви-
лись местнические, сепаратистские тенденции, падала производитель-
ость труда и т. д.

В годы гражданской войны, развязанной внутренней контрреволю-
ей при поддержке и участии империалистических держав, Коммунисти-
еская партия провела ряд мер по военной мобилизации тыла Советской
еспублики. В области управления промышленностью эта мобилизация
разилась в усилении элементов централизма, в создании отраслевых
авков и центров. Однако часть данных мероприятий носила времен-
ой характер и диктовалась обстановкой. После окончания войны пар-
ия взяла курс на восстановление в полном объеме принципов демокра-
ческого централизма. Совнархозы вновь взяли в свои руки руководство
ономическим развитием районов. Число главков и центров было
зко сокращено. Теперь их функции стали сводиться к регулированию
роизводства на местах через советы народного хозяйства. В соответ-
вии с решениями IX съезда РКП(б) для усиления роли мест в хозяй-
ственном строительстве были созданы новые органы ВСНХ — областные
бро ВСНХ, или промбюро. Общее руководство хозяйственной дея-
льностью в пределах соответствующих административно-территориаль-

[9] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 239.

ных единиц стали осуществлять местные органы Совета Труда и Обороны — экономические совещания (ЭКОСО).

С переходом страны к новой экономической политике и реорганизацией аппарата управления народным хозяйством среди исследователей резко повысился интерес к истории СНХ. В газетах, журналах, тематических сборниках печатались статьи, авторы которых на основании изучения предшествующего опыта деятельности совнархозов пытались осмыслить содержание реформы управления хозяйством.

В 1922 г., в ознаменование пятилетнего юбилея социалистической революции, было издано много работ, посвященных истории Октября, в том числе и о первых шагах хозяйственного строительства Советской власти. Юбилейный саратовский сборник[10] содержал, например, очерк о создании и деятельности Саратовского губернского СНХ, а также сведения о Поволжском областном съезде совнархозов, состоявшемся в июне 1918 г., на котором было принято решение об организации областного совета народного хозяйства. В 1923 г. был издан специальный сборник, посвященный Саратовскому ГСНХ[11]. В нем наряду с кратким историческим очерком были помещены воспоминания первых организаторов Саратовского губсовнархоза — председателя президиума Плаксина, членов президиума Косолапова, Артеменко и др.

В 1922 г. появилось и несколько газетных статей по истории советов народного хозяйства. В «Экономической жизни» и «Торгово-промышленной газете» были напечатаны очерки, рассказывавшие об истории Московского, Иваново-Вознесенского и других совнархозов.

В декабре 1924 г. в «Торгово-промышленной газете» была опубликована статья Ф. Э. Дзержинского «Семь лет работы ВСНХ». Ф. Э. Дзержинский, бывший в то время председателем ВСНХ, высоко оценил предшествующую деятельность центрального штаба управления промышленностью. В статье особенно подчеркивалось, что ВСНХ удалось преодолеть первоначальные трудности в деле строительства социалистической экономики «лишь благодаря массовому героизму рабочего класса и, прежде всего, пролетариата наших промышленных центров». Характеризуя деятельность ВСНХ в первые годы новой экономической политики, Ф. Э. Дзержинский прежде всего указывал на роль этого органа в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. «На долю ВСНХ,— говорилось в статье,— выпала громадная задача по установлению этой смычки с крестьянством на основе понижения цен на промышленные изделия, на основе сжатия «ножниц», разорвавших промышленные и сельскохозяйственные цены». И в годы восстановления народного хозяйства все успехи в деятельности ВСНХ, указывал автор, были «тесно связаны с широкой энергией наших низовых хозяйственников и рабочих, беззаветно отдающихся делу строительства советской промышленности»[12].

В 1924 г., после смерти В. И. Ленина, была издана обширная литература, всесторонне освещавшая деятельность вождя революции, в том числе по созданию и налаживанию работы советского хозяйственного аппарата. Газета «Экономическая жизнь» в номерах за 25—27 января опубликовала статьи видных хозяйственных работников — Г. М. Кржижановского, М. Н. Животова и др.,— делившихся воспоминаниями о участии В. И. Ленина в обсуждении проектов декрета о создании ВСНХ и о рабочем контроле, о роли В. И. Ленина в налаживании деятельности ВСНХ.

---

[10] «Пять лет пролетарской борьбы (1917—1922 гг.)». Саратов. 1922.

[11] «Пятилетие Саратовского губернского Совета народного хозяйства (1917/18—1923 гг.)». Саратов. 1923.

[12] «Торгово-промышленная газета», 18 декабря 1924 г.; См. также переиздание этой статьи: Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. Т. 2. М. 195[illegible] стр. 65—67.

В литературно-художественном журнале «Прожектор» (№ 4 за 924 г.) были опубликованы выдержки из дневника В. П. Милютина, отосящиеся к лету 1918 года. Автор их рассказывал о том, что в этот пеиод Совнарком принял решение превратить Высший Совет Народного озяйства в комиссариат по управлению промышленностью и тем самым ридически закрепить сложившийся к тому времени порядок. Члены преидиума ВСНХ ошибочно настаивали на превращении ВСНХ в центральый орган, руководящий всей экономической жизнью страны, и отказаись даже обсуждать решение Совнаркома. Владимир Ильич, возмуенный их поведением, настоял на вынесении им выговора на заседаии Совнаркома.

В условиях неуклонного роста социалистического уклада один рган, каким бы многочисленным и разветвленным ни был его аппарат, не мог квалифицированно руководить всеми отраслями наодного хозяйства Советской республики. Попытки некоторых работниов ВСНХ превратить руководимое ими учреждение в единственный хояйственный центр республики были не только беспочвенны, но и полиически вредны, так как приводили к подрыву единства политического и озяйственного руководства, которое осуществлялось через Центральый Комитет партии и Совет Народных Комиссаров.

Указания В. И. Ленина о месте ВСНХ в системе советских хозяйтвенных органов чрезвычайно важны для историков и помогают им праильно оценить различные точки зрения в историографии вопроса.

Наряду со статьями и сборниками, вышедшими к юбилейным датам носящими полумемуарный характер, в 1921—1925 гг. появился ряд аучно-исследовательских работ. Написанные в период реорганизации правления промышленностью в связи с переходом к нэпу, почти все они роились примерно по одному плану: оценка деятельности ВСНХ в 918—1920 гг.; анализ структуры и практической работы главков и ценов во время гражданской войны; новая система управления промышенностью (1921—1923 гг.). Авторы использовали в качестве источниов основные законодательные акты Советского правительства и матеиалы периодической печати.

По горячим следам реформы советского хозяйственного аппарата ыла написана брошюра Г. Цыперовича «Главкизм» [13]. Автор высоко оцеивал как деятельность совнархозов в 1917—1918 гг., так и систему упавления промышленностью, созданную при переходе к нэпу. Однако ри этом он ошибочно отрицал историческую неизбежность временного тступления от принципов демократического централизма в области упавления хозяйством, которое диктовалось суровыми условиями гражнской войны. В явном противоречии с действительностью Г. Цыпеович утверждал, что главки и центры не сыграли в 1919—1920 гг. никой положительной роли и с переходом к нэпу исчезли «так же быро, как и появились» [14].

Почти одновременно с брошюрой Г. Цыперовича вышла в свет кни Н. В. Святицкого [15], в которой подробно анализируется роль ВСНХ в ационализации промышленности и прослеживаются основные этапы ого процесса. Но автор, как и Г. Цыперович, неправильно оценил сиему главкизма. Он видел ее положительную роль лишь в том, что она омогла поставить всю промышленность под контроль государства. Одко автор тут же отмечает, что главкизм мешал развитию инициативы местах, и ничего не говорит об огромной положительной роли главов и центров в мобилизации экономики в годы гражданской войны для щиты завоеваний революции.

---

[13] Г. Цыперович. Главкизм. М. 1924.
[14] Там же, стр. 18.
[15] Н. В. Святицкий. Организация промышленности. М. 1924.

В 1925 г. была опубликована статья Н. Н. Соколова [16], осветившая ряд новых важных фактов из истории совнархозов. Автор привел схему строения ВСНХ, предложенную в октябре 1917 г. работниками Центрального совета фабрично-заводских комитетов и рассматривавшуюся в Смольном при участии В. И. Ленина [17]. Он показал, что опыт молодой Советской республики имел большое международное значение. По ее примеру трудящиеся Венгрии, совершив революцию, создали у себя в стране Совет народного хозяйства [18]. Совнархозы были образованы и в ряде республик Прибалтики в 1919 г., после победы Советской власти на этой территории.

В 1926—1929 гг., в связи с огромным размахом работ по индустриализации нашей страны, среди исследователей сильно повысился интерес к истории социалистической промышленности. В этот период появилось много трудов, посвященных развитию советской экономики. Почти все они содержали главы или специальные разделы по вопросам организации управления промышленностью [19]. Но их авторы, как правило, анализируя основные законодательные акты Советского правительства и партийные решения, ограничивались определением главных вех в строительстве советского хозяйственного аппарата и лишь очень кратко касались его структуры и изменения функций.

В конце 20-х годов в связи с индустриализацией проводилась дальнейшая реорганизация системы управления промышленностью. Задачи социалистической реконструкции потребовали внедрения в жизнь новых приемов руководства хозяйством, основывавшихся на ленинских принципах демократического централизма. Постепенно в недрах ВСНХ создавались директораты, осуществлявшие общее руководство целыми отраслями промышленности. Это были зачатки будущих народных комиссариатов. В соответствии с решениями XVI конференции ВКП(б) 5 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О реорганизации управления промышленностью». Оно намечало пути дальнейшего совершенствования системы управления. Центральный комитет, в частности, признал необходимым создать на базе синдикатов специальные отраслевые объединения.

Успешное выполнение плана первой пятилетки, грандиозные задачи последующего периода потребовали совершенствования хозяйственного аппарата, усиления технико-экономического управления промышленностью. Необходимо было создать такой аппарат, который обеспечил бы быстрое и оперативное решение хозяйственных вопросов и помог бы успешно решить задачу создания новых отраслей социалистической индустрии. Предстояло выработать новые, более совершенные формы управления экономикой. Постановлением ЦИК и СНК СССР 5 января 1932 г. из ведения Высшего Совета Народного Хозяйства были выделены легкая, лесная и лесообрабатывающая промышленность, а сам ВСНХ преобразован в Наркомат тяжелой промышленности.

В то же время интенсивно укреплялись и расширялись функции местных органов хозяйственного управления. Все большее распространение получали производственные совещания и другие формы привлечения миллионных масс трудящихся к руководству производством. В этих условиях возникла потребность в литературе, которая популярно излагала

---

[16] Н. Н. Соколов. Организация единого хозяйственного аппарата Советской России. Сборник «Вопросы организации и управления». М. 1925.

[17] Там же, стр. 60.

[18] Там же, стр. 64.

[19] В. Н. Сарабьянов. Экономика и экономическая политика СССР. М.-Л. 1926; Я. С. Розенфельд. Промышленная политика СССР (1917—1925). М. 1926; М. М. Федорович. Очерки по организации промышленности. М. 1927; С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики М.-Л. 1928; В. П. Милютин. История экономического развития СССР (1917—1927). М.-Л. 1928; Э. И. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР (1917—1927). М.-Л. 1929.

бы для рабочих основы управления социалистической промышленностью, раскрывала основные пути реорганизации хозяйственного аппарата.

Одной из таких книг была работа Г. В. Лакина [20]. В ее вводной части кратко излагалась история организации управления промышленностью в 1917—1927 годах. Главное внимание автор уделял анализу современного ему аппарата управления. На основе разбора законодательных актов он анализировал функции и взаимоотношения трестов, синдикатов, отдельных главков ВСНХ. В 1930 г. Г. В. Лакин выпустил новую книгу, специально посвященную реформе управления промышленностью 1929—1930 годов [21]. Эта работа также носила популярный характер и была написана на основе анализа руководящих указаний партии и правительства. Книга вышла в свет в то время, когда реформа управления промышленностью еще не завершилась. Однако она дает много материала для характеристики предпосылок реформы и начального этапа ее осуществления.

Автор пишет, что он поставил перед собой задачу выпустить книгу тотчас же после принятия руководящими органами принципиальных решений, то есть сделать ее «своевременной», а не «исторической». Вводная часть, рассказывающая об организации управления промышленностью в 1917—1927 гг., и в этой работе носит самый общий характер. Следует отметить неправильный тезис, высказанный автором, который получил впоследствии довольно широкое распространение. Весь первый период социалистического строительства, до перехода к новой экономической политике, Г. В. Лакин объединяет понятием главкизм. Он игнорирует принципиальную разницу между военным коммунизмом, когда в интересах обороны молодой Советской республики пришлось строжайше централизовать управление страной, и предшествовавшим ему этапом (октябрь 1917 г.— осень 1918 г.), когда система управления промышленностью строилась на основе принципов демократического централизма. Тем самым в извращенном свете представляются мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на осуществление принципов демократического централизма в руководстве народным хозяйством с первых же дней после победы Октября.

Вопросам реорганизации управления промышленностью была посвящена статья Л. Я. Гинцбурга «Советское предприятие в период социалистической реконструкции» [22]. Автор, так же как и Г. В. Лакин, правильно отмечает, что реформа была вызвана необходимостью приспособления промышленности к новым условиям — реконструкции всего народного хозяйства. В этой связи требовалось укрепить плановые начала в управлении производством.

К пятнадцатилетию социалистической революции Институт советского строительства и права выпустил книгу «15 лет советского строительства», в которую был включен очерк Л. Я. Гинцбурга «Управление хозяйством в первые годы пролетарской диктатуры» [23]. Автор тщательно и всесторонне проанализировал ленинские высказывания об организации социалистической промышленности в 1917—1921 годах. В статье кратко излагается история создания совнархозов, сообщаются некоторые сведения о становлении и развитии системы управления промышленностью в годы «военного коммунизма».

В 1933 г. вышло в свет исследование А. Я. Локшина [24], поставивше-

---

[20] Г. В. Лакин. Как организовано управление промышленностью в СССР. М. 1929.

[21] Г. В. Лакин. Реформа управления промышленностью в 1929—1930 гг. М. 1930.

[22] «Советское государство и право», 1930, № 2.

[23] «15 лет советского строительства». М. 1932, стр. 289—348. В 1933 г. статья Л. Я. Гинцбурга под тем же названием была издана отдельной брошюрой.

[24] А. Я. Локшин. Организация управления промышленности в СССР. М. 1933

го ряд важных и интересных вопросов. Основное внимание автор уделил периоду нэпа. Предшествующему этапу посвящено лишь несколько вводных страниц. А. Я. Локшин подробно рассматривает реформу управления промышленностью в первые годы нэпа. При этом заслуживает внимания тезис, что отход от системы главкизма был трудным и сложным. Первые тресты и синдикаты, возникавшие подчас на месте старых кустовых объединений и местных отделений главков, иногда являлись, по сути дела, переименованными главками и осуществляли функции своих предшественников. Изложив причины и ход реорганизации, автор далее подробно анализирует систему управления промышленностью в 1930—1932 годах.

К разобранным выше книгам тесно примыкает работа Г. Сахарова, Н. Черного, О. Кабанова «Организация тяжелой промышленности в СССР» [25]. Ее содержание шире названия: в ней приводится материал об организации всей индустрии. Работа представляет собой популярный очерк и содержит многочисленные схемы структуры советских хозяйственных органов.

Во второй половине 30-х годов в экономической и исторической литературе не появилось ни одной специальной работы, посвященной истории советов народного хозяйства. Отдельные, самые общие упоминания по данной теме можно встретить лишь в некоторых монографиях и учебных пособиях, а также в крупных коллективных трудах [26].

Послевоенные годы ознаменовались новым подъемом исторической науки, появлением обобщающих исследований по истории советского общества. Большое место среди них занимают работы по истории народного хозяйства СССР.

Одной из первых научно-исследовательских работ в послевоенной литературе, посвященной истории создания ВСНХ, явилась статья А. А. Воронецкой [27], написанная по материалам кандидатской диссертации «Образование ВСНХ», защищенной в 1950 году. Автором приведен большой фактический материал, введен в научный оборот ряд ценных архивных данных. А. А. Воронецкая подробно рассказала, как в борьбе с различными антипартийными группами был выработан декрет о ВСНХ, детально разобрала структуру ВСНХ и изменение его функций. Автору удалось показать, как в ходе национализации промышленности Советское правительство стремилось уберечь налаженные между предприятиями экономические связи, сохранить крупное, имеющее современную организацию производство.

В 1955 г. в издательстве Академии наук СССР вышла монография В. А. Виноградова [28]. Предметом ее исследования является процесс национализации промышленности, но специальные разделы посвящены вопросу об организации управления народным хозяйством. Автор проанализировал положение о создании ВСНХ, а также о местных совнархозах, подчеркнув при этом огромное значение деятельности большевистской партии по привлечению рабочих масс к строительству советского хозяйственного аппарата. Однако эта часть монографии носит общий, абстрактный характер, лишена необходимой конкретности. Так, в специальном параграфе «Подготовка кадров первых советских хозяйственников» не приводится ни одной фамилии, ни одного факта, который показывал бы, как в органах рабочего контроля рабочие приобретали навыки управления промышленностью.

[25] Г. Сахаров, Н. Черный, О. Кабанов. Организация тяжелой промышленности в СССР. М. 1934.

[26] См. «История гражданской войны в СССР». Т. I. 1-е изд. М. 1936; «Развитие советской экономики». Учебное пособие для экономических вузов. М. 1940 и др.

[27] А. А. Воронецкая. Организация Высшего Совета Народного Хозяйства и его роль в национализации промышленности. «Исторические записки». Т. 43.

[28] В. А. Виноградов. Социалистическое обобществление промышленности в СССР. 1917—1920. М. 1955.

В 1956 г. было издано новое исследование И. А. Гладкова, «Очерки советской экономики» [29]. Эта, несомненно, интересная обобщающая монография содержит несколько разделов, посвященных истории ВСНХ. Читатель найдет здесь подробное изложение процесса разработки декрета о ВСНХ [30]. Однако автор недостаточное место отвел анализу деятельности совнархозов в годы гражданской войны.

В 1957 г. издательство «Московский рабочий» выпустило книгу Н. П. Силантьева «Рабочий контроль и совнархозы». Автор ограничивается исследованием деятельности совнархозов главным образом периода весны 1918 г., причем основное внимание уделяет советам народного хозяйства Московского промышленного района. Он приводит ряд интересных фактов о создании СНХ, в частности Московского губернского совета народного хозяйства. В книге правильно подчеркивается значение органов рабочего контроля для организации СНХ, показано, как развертывалась борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями по вопросу о создании ВСНХ и Московского районного экономического комитета, убедительно раскрыты ленинские оценки деятельности совнархоза.

Недостатком работы является то, что ряд ее положений не развит, о некоторых вопросах упоминается вскользь. Само название исследования должно было заставить автора более полно и конкретно раскрыть вопрос о том, как рабочий контроль подготовил создание советов народного хозяйства. Однако Н. П. Силантьев ограничивается декларативными утверждениями, ссылками на высказывания В. И. Ленина и перечислением широкоизвестных фактов об использовании аппарата органов рабочего контроля при создании ВСНХ и совнархозов на местах (например, аппарат ЦСФЗК и Совет народного хозяйства Северного района). Не совсем четко изложена история образования Высшего Совета Народного Хозяйства. На стр. 98 автор пишет: «Первоначально предполагалось создать просто совещательный орган по вопросам регулирования народного хозяйства под названием «Высшее экономическое совещание». Это утверждение не соответствует действительности, ибо Советское правительство никогда не имело подобных планов. Просто название будущего экономического органа не было установлено с самого начала, и на некоторых заседаниях Совнаркома в ноябре 1917 г. его именовали Экономическим совещанием. Напротив, партия боролась с оппортунистическими проектами Бухарина и др., предлагавших вместо действенного органа пролетарской диктатуры создать нечто вроде пустой говорильни. Сам Н. П. Силантьев правильно освещает ход этой борьбы.

Значительным успехом наших историков и экономистов явилось освещение роли В. И. Ленина в создании советского хозяйственного аппарата.

В 1958 г. появились две статьи, посвященные этой проблеме. В сборнике статей «О деятельности В. И. Ленина в 1917—1922 гг.», подготовленном Академией общественных наук, была напечатана работа А. Б. Медведева «Разработка В. И. Лениным принципов организации управления промышленностью в первый период Советской власти (октябрь 1917 — июнь 1918)». Автор использовал ценный материал из партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Московского областного партийного архива, ЦГАОР СССР, освещающий деятельность местных партийных организаций по созданию органов управления промышленностью. Чрезвычайный интерес представляют найденные им статьи и документы В. И. Ленина, характеризующие отношение буржуазных специалистов к участию в деятельности советских хозяйственных органов [31].

---

[29] И. А. Гладков. Очерки советской экономики. 1917—1920 гг. М. 1956.
[30] Там же, стр. 58—63.
[31] Сборник «О деятельности В. И. Ленина в 1917—1922 гг.». М. 1958, стр. 96—97

В целом статья существенно расширяет наши сведения о работе совнархозов, об участии В. И. Ленина в создании советского хозяйственного аппарата, о деятельности партийных организаций в экономической области. Однако не все в ней освещено удачно.

Прежде всего автора следует упрекнуть в том, что он не показал развития взглядов В. И. Ленина по проблемам хозяйственного строительства. В. И. Ленин, обобщая практическую деятельность масс, теоретически освещал вопросы, выдвигавшиеся жизнью на различных этапах социалистического строительства. Указанный недостаток статьи во многом объясняется тем, что автор расположил материал не по хронологическому, а по тематическому принципу, недостаточно использовал богатейшую мемуарную литературу о В. И. Ленине и такой важный источник, как протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров.

Ряд положений в статье представляется неправильным. Неверно высказывание, будто бы «создание ВСНХ и областных СНХ явилось результатом постепенного развития и видоизменения некоторых форм пролетарских организаций еще со времени Февральской революции» [32]. Эта формулировка не подчеркивает того коренного изменения в положении рабочих организаций, которое принесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Функции и положения фабзавкомов и профсоюзов периода ноября — декабря 1917 г. были качественно иными, чем до победы Октября. Свое новое качество они приобрели отнюдь не в результате постепенного видоизменения и развития организационных форм.

Роли В. И. Ленина в создании ВСНХ посвятил статью С. Р. Гершберг [33]. Она написана на основе широкого круга источников — документов партийного архива Института марксизма-ленинизма, воспоминаний современников и других материалов. Автору удалось уточнить сведения о первых заседаниях в Смольном, проводившихся с участием В. И. Ленина, на которых разрабатывались проекты создания высшего экономического органа страны. Чрезвычайно ценные материалы обнаружены им в фондах Совнаркома и ЦК большевистской партии. Эти данные показывают, как В. И. Ленин определял функции ВСНХ и его взаимоотношения с другими хозяйственными органами, освещают задачи Высшего Совета Народного Хозяйства в области национализации промышленности и создания ее местного аппарата управления. Несомненный интерес представляют выписки из протоколов заседаний ЦК РКП(б), где обсуждались вопросы о задачах экономической политики в период мирной передышки весной 1918 г. и др.

В 1957—1958 гг. вышло из печати несколько работ, посвященных истории СНХ и других органов, руководивших промышленностью [34]. Все эти книги имеют много общего. Во-первых, они были написаны сразу же после коренной перестройки системы управления промышленностью и строительством, совершенной на этапе перехода к коммунизму. Предстояло в кратчайший срок дать в руки пропагандистов конкретный материал по истории органов хозяйственного управления, создать книги для широкого круга читателей, интерес которых к предыстории современных совнархозов в связи с проведенной реформой резко возрос. Такие задачи определили и характер этих изданий. Рассчитанные на массового читателя, они невелики по объему, написаны в научно-популярной форме. Ос-

---

[32] Там же, стр. 107.

[33] С. Р. Гершберг. В. И. Ленин и создание ВСНХ. «Вопросы истории», 1958, № 7.

[34] Н. Ю. Петров. Советы народного хозяйства. Историко-правовой очерк. М. 1958; С. Р. Гершберг. Демократический централизм в хозяйственном строительстве. М. 1957; Д. А. Бровкович. Совершенствование форм управления социалистической промышленностью (1917—1958). Ростов н/Д. 1958; И. Н. Ананов. Развитие организационных форм управления промышленностью в СССР. М. 1958. и др.

новой для них послужили законодательные акты Советского правительства и работы руководящих советских, хозяйственных и партийных деятелей. Создание совнархозов, их практика в 1918—1920 гг., перестройка системы органов управления хозяйством в связи с переходом к новой экономической политике, ликвидация ВСНХ и создание отраслевых наркоматов в годы социалистической индустриализации, краткий очерк деятельности наркоматов и министерств, политика партии по проведению в жизнь начал демократического централизма в области управления хозяйством после 1953 г. и особенно после XX съезда КПСС, подготовка и осуществление коренной реорганизации системы управления промышленностью и строительством — таковы важнейшие разделы этих брошюр.

Необходимо отметить еще один очень обширный круг литературы — это книги и брошюры об установлении Советской власти в отдельных районах нашей страны, изданные к 40-летию социалистической революции почти во всех областных издательствах. Здесь мы встречаем краткие сведения об образовании губернских и уездных совнархозов, о первых шагах их деятельности по организации рабочего контроля и передаче предприятий в руки государства [35].

Ценный материал по истории совнархозов можно найти и в сборниках статей, выпущенных центральными издательствами к юбилею Великого Октября. Здесь, как правило, излагается история создания ВСНХ, приводятся сведения об образовании совнархозов на местах, раскрывается ленинское положение о совнархозах, как важнейших хозяйственных органах пролетарской диктатуры [36].

Обобщенная характеристика процесса создания совнархозов и их участия в национализации промышленности содержится в третьем томе «Истории гражданской войны в СССР» [37]. Несомненным достоинством этого издания является то, что строительство советского хозяйственного аппарата освещается здесь в тесной взаимосвязи с другими сторонами жизни молодого пролетарского государства. Введение рабочего контроля и организация совнархозов, осуществление ленинского плана приступа к социалистическому строительству и укрепление советского хозяйственного аппарата, роль совнархозов в национализации заводов и фабрик, переход к военному коммунизму показаны в единстве с конкретным анализом политической и военной обстановки.

Следует назвать изданную в 1957 г. монографию А. В. Венедиктова [38], которая, несомненно, является серьезным достижением в изучении истории социалистической промышленности. Отдельные ее главы и параграфы посвящены строительству СНХ периода 1917—1920 годов. Автор подробно анализирует историю создания Высшего и местных советов народного хозяйства, их роль в проведении социалистической национализации промышленности, в установлении рабочего контроля над производством и потреблением, изменение структуры совнархозов в годы граж-

---

[35] См. например, М. И. Шумилов. Борьба большевистских организаций Карелии за победу и упрочение Советской власти 1917—1918 Петрозаводск. 1957, стр. 126; А. Н. Аксенов, А. И. Потылицын. Победа Советской власти на Севере. Архангельск. 1957, стр. 12; Н. К. Лисовский. Октябрь на Южном Урале. Челябинск. 1957, стр. 269—272.

[36] См., например, Д. А. Чугаев. Слом буржуазной государственной машины и создание советского государственного аппарата; Д. А. Баевский. Первые социалистические преобразования в экономике России в кн. «Победа Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957; И. А. Гладков. Плановое развитие советской экономики в кн.: «Советская социалистическая экономика. 1917 — 1957». М. 1957, и др.

[37] «История гражданской войны в СССР». Т. 3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 г.— март 1919 г.). М. 1957.

[38] А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР. Т. I. Л. 1957.

данской войны. В книге детально излагаются функции совнархозов на различных этапах их деятельности в 1917 — 1920 годах.

Однако в историко-юридическом по своему характеру исследовании А. В. Венедиктова анализ ряда положений нередко ограничивается разбором законодательных актов. Совершенно недостаточно, например, освещен вопрос об использовании Советским государством в ходе хозяйственного строительства отдельных элементов буржуазного регулирующего аппарата (см. параграф «Местные советы народного хозяйства» [39]). Нельзя согласиться и с некоторыми положениями относительно характера перехода к системе главкизма. Не видя различий между главками первой половины 1918 г., созданными в основном с целью использования отдельных элементов буржуазного регулирующего аппарата, и главками конца 1918 г., введенными в связи с переходом к политике «военного коммунизма», А. В. Венедиктов пишет, что самый ход национализации приводил к усилению и расширению главков в системе ВСНХ [40]. В другом разделе книги без всяких оговорок цитируется стенограмма II съезда советов народного хозяйства Северного района, на котором дебатировался вопрос о преимуществах двух видов системы управления промышленными предприятиями — территориальной и отраслевой. Некоторые участники съезда неправильно утверждали, что социализму вообще свойственна централизаторская, построенная по отраслевому признаку система органов управления [41].

В последнее время была опубликована большая статья Д. А. Баевского «Роль совнархозов и профсоюзов в организации социалистического промышленного производства в 1917—1920 гг.» [42]. Автор рассматривает один из самых сложных и в то же время политически острых вопросов истории совнархозов — взаимоотношения между ними и профсоюзами в ходе создания и налаживания деятельности СНХ. Он показывает, как в ходе социалистического строительства укреплялись государственные хозяйственные органы, что обусловило передачу им аппарата управления промышленностью, созданного при профсоюзах в первые месяцы существования пролетарского государства.

В 1959 г. вышел в свет новый учебник по истории КПСС. В нем освещены все стороны многогранной деятельности Коммунистической партии и, в частности, обстоятельно раскрыта ее руководящая роль в борьбе за строительство социалистической экономики. В учебнике содержатся важнейшие методологические указания о системе управления социалистической промышленностью. Авторы подробно раскрывают сущность ленинского принципа демократического централизма в управлении хозяйством, обстоятельно излагают ленинское учение о взаимоотношениях партии, профсоюзов и хозяйственных органов в системе пролетарского государства. В учебнике приводится интересный фактический материал, свидетельствующий о неустанной борьбе КПСС за укрепление совнархозов, за развитие творческой активности широчайших масс, за привлечение их к участию в работе советского хозяйственного аппарата.

Таким образом, в изучении истории создания и деятельности советов народного хозяйства, существовавших на протяжении 1917—1932 гг., можно выделить два этапа. Первый охватывает период 1918—1934 гг., когда исследовалась преимущественно структура совнархозов, ее изменения на различных стадиях строительства социализма. Авторы (как правило, хозяйственные работники) обращали главное внимание на анализ современного им управленческого аппарата. Перед большинством из них стояла задача, с одной стороны, наметить пути его дальнейшего совер-

---

[39] Там же, стр. 304—314.
[40] Там же, стр. 515—517.
[41] Там же, стр. 568—569.
[42] «Исторические записки». Т. 64, стр. 3—46.

шенствования, с другой — в популярной форме ознакомить трудящихся с системой управления промышленностью. Собственно исторических исследований было немного, преобладали в основном журнальные и газетные статьи, имевшие полумемуарный характер.

Второй этап хронологически охватывает время после Великой Отечественной войны. Он характеризуется довольно интенсивным изучением создания и деятельности совнархозов, в которое, помимо историков, включились экономисты и юристы. Ныне исследуется не только структура, но и участие совнархозов в различных областях хозяйственной жизни. В научный оборот введено большое количество документов, обнаруженных в архивах.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, особенно в последние годы, в этой области сделано пока еще очень мало. Ряд серьезных вопросов до сих пор ждет своих исследователей.

Прежде всего следует отметить чрезмерное «пристрастие» к изучению деятельности совнархозов на начальном этапе социалистических преобразований (1917—1918 гг.). Лишь немногие авторы выходят за эти рамки и доводят исследования до 1921 года. Литературы о последующих периодах, за исключением нескольких работ, написанных современниками событий, или книг и статей, имеющих популярный характер, почти нет. Очень незначительно и число диссертаций, посвященных истории совнархозов [43].

Пока не создано ни одного фундаментального труда, в котором на основе изучения документальных источников было бы показано, как при переходе к новой экономической политике проводилась реорганизация органов управления промышленностью, как в ходе социалистической реконструкции народного хозяйства совершенствовался экономический аппарат.

Без конкретного исследования состава служащих совнархозов нельзя достаточно полно раскрыть тезис о роли трудящихся масс в создании советских хозяйственных органов. Изучение этого вопроса помогло бы глубже разобраться в сущности тезиса о демократизме советского социалистического государства, о его подлинной народности. Большинство исследователей даже такого, теперь уже относительно изученного вопроса, как рабочий контроль над производством и потреблением, ограничивается общими, декларативными утверждениями о том, что рабочий контроль подготовил кадры для советского хозяйственного аппарата. Между тем даже выборочный анализ состава служащих ВСНХ и местных советов народного хозяйства помог бы раскрыть эту сторону проблемы. То же самое надо сказать и о 20-х годах. Анализ состава работников совнархозов показал бы, как росли квалификация и общеобразовательный уровень советских хозяйственников, как менялся их социальный и партийный состав. Многое предстоит сделать и по расширению круга источников. До сих пор остаются нетронутыми такие важные материалы, как личные дела служащих совнархозов, документы многочисленных обследований советского хозяйственного аппарата, которые проводились ВСНХ и органами рабоче-крестьянской инспекции. В фондах совнархозов ЦГАОР СССР и местных архивов хранятся анкеты служащих СНХ. В некоторых случаях эти анкеты обрабатывались работниками статистических отделов совнархозов, что дает в руки исследователей обобщенный материал по истории формирования кадров со-

---

[43] См. Н. И. Резвый. Образование и деятельность Совета народного хозяйства Северного района. 1918—1919 гг. (М. 1949); А. А. Воронецкая. Образование ВСНХ (М. 1950); А. Горман. Организация управления социалистической промышленностью в 1917—1918 гг. (По материалам московской промышленности) (М. 1951); М. И. Скворцов. Совет народного хозяйства Северного района (Организация и первый этап деятельности) (М. 1953) и некоторые другие.

ветских хозяйственников, а наличие первичных материалов позволяет проверить правильность данных подсчетов.

Изучение роли рабочего класса в создании советов народного хозяйства — важнейшая часть общей проблемы истории привлечения широчайших трудящихся масс к участию в экономических органах пролетарского государства. Давно назрела необходимость написать историю деятельности производственных совещаний и их взаимоотношений с государственными органами управления промышленностью. До сих пор нет ни одного фундаментального исследования о взаимоотношениях профсоюзов, самой массовой организации трудящихся, и совнархозов. Между тем освещение этих вопросов представляет не только большой научный интерес, но и могло бы оказаться полезным для практики социалистического строительства в наши дни.

У нас нет еще трудов, в которых на большом фактическом материале раскрывались бы принципы работы советского хозяйственного аппарата. Известно, что с самого начала своего образования этот аппарат строился и действовал на основе ленинских принципов демократического централизма. Формы применения этих принципов все время менялись, но суть оставалась одной и той же — обеспечение единства действий всех звеньев аппарата в сочетании с беспрепятственным развитием не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия приемов и средств достижения общей цели [44].

Ленинские принципы демократического централизма управления хозяйством партия внедряла в жизнь в ожесточенной борьбе с мелкобуржуазной стихийностью. Всесторонний анализ этой борьбы, выявление несостоятельности анархосиндикализма, разоблачение троцкистской теории отказа от проведения демократических начал в управлении промышленностью — одна из важнейших задач исследователей истории совнархозов.

Недостаточно еще изучена структура советов народного хозяйства. Между тем правильное освещение этого вопроса помогло бы полнее показать основные закономерности развития социалистического государства, конкретнее раскрыть тезис о необходимости постоянного совершенствования его аппарата. Определяя структуру СНХ, Коммунистическая партия и Советское правительство стремились к созданию единых для всех совнархозов основных звеньев аппарата. Вместе с тем учитывались специфические черты в развитии различных экономических районов, что находило отражение в строении советов народного хозяйства.

Вопросы о принципах работы советского хозяйственного аппарата и его структуре тесно смыкаются с проблемой экономического районирования и территориального размещения экономических органов, так как от географического размещения того или иного хозяйственного органа во многом зависит успех его деятельности.

Наконец, важное значение имели бы работы, посвященные практической деятельности совнархозов. В трудах по экономике СССР приводится большой фактический материал, характеризующий общие итоги развития промышленности на отдельных этапах жизни Советского государства. Самый же процесс достижения этих великих успехов не раскрывается. Большинство исследователей ограничивается пересказом партийных документов и постановлений ВЦИК и съездов Советов. Между тем изучение истории советов народного хозяйства позволило бы конкретно показать, как пролетарское государство практически руководило восстановлением промышленности, социалистической реконструкцией народного хозяйства.

Создание таких работ невозможно без изучения наших богатейших архивов. Однако даже фонд Высшего Совета Народного Хозяйства Цент-

---

[44] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 181.

рального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства изучен плохо (особенно период после 1920 г.). Что же касается местных фондов совнархозов и других организаций, осуществлявших функции управления промышленностью, то здесь сделано еще меньше.

Нужно сказать, что во всем этом в некоторой степени повинны и наши архивисты. В последнее время проведена большая работа по сосредоточению материалов в центральных архивохранилищах. В ЦГАОР СССР поступила значительная группа документов ВСНХ, хранившихся раньше в ведомственных архивах, главным образом в Архиве Министерства угольной промышленности, и практически бывших малодоступными для исследователей. В архиве проводится большая работа по упорядочению материалов фондов ВСНХ. Но сделанного еще мало. Остается фактом, что до сих пор многие историки вынуждены подчас пользоваться сдаточными описями, которые составлялись 20—30 лет тому назад и совсем не предназначались для исследователей. Только в самое последнее время стали издаваться обзоры фондов совнархозов [45]. Однако таких обзоров очень мало. Безусловно, большую пользу принесло бы составление и издание Главным архивным управлением тематического обзора материалов по истории СНХ, хранящихся в архивах страны.

В последнее время издан ряд ценных документальных сборников по истории совнархозов. Руководящие материалы Коммунистической партии и Советского правительства по организации управления промышленностью в СССР опубликованы в сборнике «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам» [46]. Имеются два сборника, специально посвященные советам народного хозяйства [47]. Первый из них, выпущенный Госполитиздатом в дни всенародного обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева о коренной перестройке органов управления промышленностью и строительством, преследовал цель пропаганды среди масс сведений о предыдущей истории совнархозов и не может заменить научную публикацию документов. Второй сборник, изданный в Иркутске, ограничен как географическими, так и хронологическими рамками.

Некоторое число документов было опубликовано в сборниках, выпущенных на местах в связи с сорокалетием Великого Октября. Отдельные материалы о начальном этапе деятельности совнархозов можно найти в сборниках документов, посвященных социалистическому обобществлению промышленности в СССР. Как правило, они отражают роль совнархозов в национализации промышленности и налаживании ее работы [48].

Таким образом, научных публикаций документов по истории совнархозов крайне мало. Да и те, что имеются, за редким исключением, хро-

---

[45] См. П. П. Ковалев, А. А. Новикова. Документальные материалы ВСНХ по истории и деятельности совнархозов и Промбюро (1917—1926). «Исторический архив», 1957, № 5; Р. И. Усачева. Документальные материалы областного государственного архива по Тюменскому губернскому совету народного хозяйства за 1919—1923 гг. «Ученые записки» Тюменского государственного педагогического института, 1958. Т. 5. Кафедра истории, вып. 2, стр. 119—121; «Иваново-Вознесенский губернский совет народного хозяйства». Обзор фонда. Иваново. 1958.

[46] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Т. I. 1917—1928 гг.; т. II. 1929—1945 гг. М. 1957.

[47] «Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917—1932)». М. 1957; «Иркутский губернский совет народного хозяйства (1920—1923)». Документы и материалы. Иркутск. 1959.

[48] «Национализация промышленности в СССР. Сборник документов и материалов. 1917—1920». М. 1954; «Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.)». Сборник документов. Свердловск. 1958; «Робітничий контроль і націоналізація промисловості на Україні». Київ. 1957; «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1920 гг.)». Документы и материалы. Т. I. Л. 1958, и др.

нологически не выходят за рамки 1917—1920 годов. До сих пор не опубликованы такие ценнейшие источники, как протоколы ВСНХ. (Выборочная публикация этих протоколов вполне посильна даже журналу «Исторический архив», который, кстати сказать, за все время своего существования не напечатал ни одной подборки документов по истории совнархозов.) Не увидели свет стенограммы пленумов ВСНХ и многих съездов совнархозов, важнейшие решения СНХ по вопросам развития промышленности, многочисленный материал отчетности совнархозов, в котором в той или иной мере отражена их многогранная деятельность по управлению промышленностью.

Живую картину деятельности советов народного хозяйства по созиданию новой, социалистической экономики могли бы воспроизвести воспоминания бывших работников аппарата СНХ. Многие из них живут в наши дни, и задача историков состоит в том, чтобы сохранить для потомков их воспоминания, помочь в опубликовании материалов. К сожалению, таких воспоминаний пока очень мало, а они могли бы лучше осветить те стороны деятельности СНХ, которые нашли слабое отражение в архивных источниках.

Совместные усилия историков и архивистов будут способствовать появлению крупных монографических исследований по истории советов народного хозяйства — важнейших хозяйственных органов пролетарского государства. Изучение истории создания и деятельности СНХ имеет не только большое научное, но и практическое значение как для современного экономического строительства в СССР, так и для строительства во всех социалистических странах.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕЧЕНИЯХ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ США

Г. Аптекер

В данном кратком обзоре рассматриваются некоторые концепции буржуазной историографии в Соединенных Штатах после второй мировой войны.

Последние пятнадцать лет жизни человечества проходили в обстановке «холодной войны», являвшейся орудием и выражением внешней политики международного, и в первую очередь американского, империализма. Цели этой политики — укрепление позиций капитализма, подавление национально-освободительного движения и подрыв социалистического лагеря. Идеология империализма, вдохновляющая политику «холодной войны», крайне реакционна. Естественно также, что она особенно наглядно проявилась в Соединенных Штатах — центре империалистической системы.

Характерным направлением буржуазной американской историографии периода «холодной войны» стал так называемый «новый консерватизм». В философском плане наряду с превалирующими прагматическими и эклектическими теориями появились резко выраженные тенденции к мистическому идеализму, иррационализму и религии. Эти тенденции можно проследить в работах Чарльза А. Бирда (в последние годы его жизни), Рейнольда Нибура, Уилла Герберга и других авторов. Для этих историков примечательно также перенесение на общественную жизнь «теории» первородного греха — весьма удобное оправдание того чувства цинизма и апатии, которое так характерно для американской буржуазной интеллигенции.

Это воспевание гнилости и порочности, будто присущих человечеству, создает возможность скрывать все более нетерпимые противоречия капитализма, которые, как хитроумно объясняет буржуазия, вызываются якобы не обветшалостью самой системы, а пороками «человеческой натуры».

Мистический идеализм ставит своей задачей также отрицание концепции причинности, лежащей в основе науки. Для этого применяется особый метод. Он заключается в подборе «факторов», или так называемых «причин», каждая из которых представляется вне связи с другими. В этом проявляется общая тенденция ко все более узкой специализации буржуазной науки. Такая специализация в условиях господства буржуазной идеологии, в свою очередь, приводит к тому, что ученый концентрирует внимание на частных фактах, упуская из виду целостность событий или того процесса, часть которого составляют отдельные явления.

В политической области «новый консерватизм» отрицает элементарные концепции демократии, утверждает, что господство кучки «избранных» необходимо и неизбежно и что бюрократизм — неотъемлемая якобы черта любой организации общества. В этой связи работы Микельса, Моска и Парето претерпели нечто вроде возрождения.

Конечно, эти тенденции и концепции существовали в американской буржуазной историографии в течение поколений. Однако в последний пе-

риод новым является их систематическое развитие, а также те факты, что они заполнили науку, и та наглость, с которой их проповедуют.

Вот какой выглядит история Соединенных Штатов в изображении «новых консерваторов».

Американская революция[1] представляется, например, Даниэлю Дж. Бурстину интересной потому, что она вообще будто бы не была революцией. Сторонники таких взглядов уверяют нас, что это было консервативное движение, предпринятое в защиту свобод и привилегий, которыми пользовались и до этого, но на которые по своей глупости стали нападать никчемные министры Георга III.

Буржуазные работы в области истории, как правило, описывают массы в качестве объекта, а не творца истории. Такой подход является отличительной чертой и «нового консерватизма». Так, например, утверждается, что американцы в своем большинстве якобы выступали против революции, которую им каким-то образом «навязали» их лидеры.

Проповедники «нового консерватизма» далее говорят: если революция не была революцией, то, конечно, и гражданская война не являлась гражданской войной, а была скорее «войной между штатами». Они пытаются доказать, что рабство негров не играло никакой роли в этом «прискорбном недоразумении», что, по существу, война была лишь ненужной ссорой между «вспыльчивыми братьями» и что грядущие поколения могут извлечь из нее лишь уроки храбрости и джентльменского поведения.

Вообще говоря, бо̀льшая часть работ о гражданской войне (а в связи с приближающимся столетием этого события появился целый поток таких работ) отдает предпочтение Югу в вопросе, кто был прав и кто виноват. Совершенно очевидно, что такая трактовка непосредственно связана с тревогой, проявляемой правящими кругами США в связи с развитием негритянского освободительного движения.

При освещении истории рабочего движения в Соединенных Штатах роль левого крыла совершенно искажается. «Новый консерватизм» породил на свет профессиональных историков, которые, зачастую пользуясь финансовой поддержкой различных фондов, выпускают под видом «объективных» исследований искаженную историю Коммунистической партии. Такого рода книги издали Теодор Дрейпер, Ирвинг Хоу, Рекорд Уилсон и другие. Можно быть уверенным, что, покуда существует спрос на подобную литературу, будут появляться соответствующие произведения.

Профсоюзное движение идеологами «нового консерватизма» сводится к гомперсизму. При этом высказывается мысль, что американское профсоюзное движение якобы не имело политического содержания и преследовало чисто денежные интересы, а не классовые цели. Эта линия проводится, в частности, в работе Джона Р. Коммонса, в которой, правда, имеется большой фактический материал. Коммонса крайне примитивно перепевают в своих книгах Филипп А. Тафт, Зелиг Перлман и другие.

В общем, реакционная американская буржуазная историография отражает и защищает расистские взгляды. За последние 20 лет благодаря усилиям левых историков и историков-негров и в результате воздействия изменений в международной обстановке в буржуазной историографии наметились некоторые перемены в этом отношении, но в основном реакционные историки продолжают пропагандировать расистские идеи.

Под воздействием пропаганды теории «народного капитализма», которая, помимо всего прочего, фальшиво утверждает, что в Соединенных Штатах уничтожена бедность, некоторые историки (например, Роберт Браун и Дэвид Поттер) перенесли этот пропагандистский тезис на про-

[1] Имеется в виду война за независимость.

шлое Соединенных Штатов и сделали ошеломляющее «открытие» о том, что якобы в этой стране никогда не было бедности!

Представители «нового консерватизма» заявляют, что американского империализма будто бы не существует, а был всего лишь «колониальный эксперимент Америки», как гласит заголовок одной из апологетических книг профессора Джулиуса У. Пратта. Конечно же, говорят нам, это был не империализм.

Влияние «холодной войны» наиболее ощутимо в освещении истории международных отношений. В этой области «новый консерватизм» перенял реакционность и изощренное коварство Государственного департамента.

Следует отметить появление на свет книг по истории, в которых утверждается, что Франклин Рузвельт виновен во втягивании Соединенных Штатов во вторую мировую войну. Авторы подобных книг заявляют, что президент руководствовался карьеристскими соображениями и стремлением продлить ненавистный «новый курс». Такого рода рассуждения можно найти в двух последних работах Бирда, а также в книгах Гарри Барнеса, Чарльза Тансилла и других историков.

Наряду с этим существует тенденция осуждать участие Америки во второй мировой войне на том основании, что она не должна была вмешиваться в нее, чтобы «дать возможность» гитлеровской Германии и Советскому Союзу полностью обескровить друг друга. Утверждается также, что США должны были оказать помощь Гитлеру. Здесь явственно видно, как оба эти направления в историографии отражают враждебную «новому курсу» ориентацию правящего класса США и неомюнхенскую линию послевоенной американской дипломатии.

Наиболее характерной чертой «нового консерватизма» является восхваление грабителей-магнатов как якобы «конструктивных государственных деятелей», способствовавших развитию Америки. Так, например, пишут Аллан Невинз и Луис М. Хэккер. В их работах вся радикально-антимонополистическая традиция американского народа, которая развивалась на протяжении многих десятилетий, представляется в лучшем случае как наивная и в конечном итоге как неверная. Карнеги, морганы, рокфеллеры, асторы и прочие миллиардеры-грабители характеризуются в качестве сознательных патриотов страны, будто бы самоотверженно и плодотворно работающих во имя развития американских ресурсов и производственной мощи.

Теперь, когда американская буржуазия в условиях государственно-монополистического капитализма находит необходимым все больше и больше брать власть непосредственно в свои руки, социальные корни этого аспекта «нового консерватизма» достаточно ясны.

На предыдущих страницах обрисованы главные аспекты «нового консерватизма» в историографии Соединенных Штатов в период «холодной войны».

Против нынешней основной линии в историографии выступают не только левое крыло историков и историки-марксисты (для анализа работ которых потребовалась бы отдельная статья), но также и значительное число других научных работников. В философском плане выступления в защиту основных демократических концепций в области истории содержатся в работах Дэвида Спица, Роберта С. Линда, Джозефа В. Кратча, Генри С. Коммаджера, Люиса Мамфорда и других.

В работах этих историков можно найти примеры расхождений по многим проблемам. Джон Ричард Олден, Мерилл Дженсен и Куртис Неттелс резко расходятся с «новыми консерваторами» во вопросу о «революционной эре»; Оскар Шервин и Кеннет Стамп — по вопросу о граж-

данской войне; некоторые историки, в том числе южане, как, например, С. Ванн Вудворд, начинают проявлять опасения по поводу ужасающего размаха белого шовинизма.

По ряду других вопросов американской истории значительная работа проводится Фредом Шанноном, Говардом К. Билом, Рэйем Гинджером, а также все большим числом таких прекрасно подготовленных историков-негров, как, например, Джон Франклин, Рэйфорд Логан и др.

Даже по вопросам международных отношений появились совершенно «неортодоксальные» книги. Самые примечательные из них — «Причины третьей мировой войны» С. Райт Миллса и «Трагедия американской дипломатии» Уильяма А. Уильямса. В обеих этих работах явственно проступает тенденция объяснять напряженность нынешнего международного положения наличием двух блоков. Неправильность этого тезиса совершенно очевидна. И все же оба эти автора в условиях нынешней Америки дают такую трактовку дипломатической истории, которая резко отличается от версии Пентагона и Государственного департамента, и чем больше это отличие, тем ближе Миллс и Уильямс подходят к истине. Оба историка совершенно недвусмысленно в результате своих исследований приходят к выводу, что только политика мирного сосуществования разумна и отвечает национальным интересам Соединенных Штатов.

Историческая школа апологетов грабителей-магнатов также подвергается усиленным атакам, причем не только со стороны левых.

В недавнем прошлом после поражения, нанесенного худшим проявлениям маккартизма, то есть начиная с 1954 г., среди американских историков стало развертываться движение против «нового консерватизма». «Новый консерватизм» все еще имеет большое влияние в американской исторической науке, но он представляет взгляды, настолько расходящиеся с глубоко укоренившимися и лучшими традициями американской демократии и рабочего движения, что долго его влияние сохраняться не может.

В течение последних четырех — пяти лет общественное мнение Америки выступает против правых. Поэтому можно надеяться, что американская историография будет все более стремиться к объективному исследованию исторического процесса.

ВОССТАНИЕ НЯНЬЦЗЮНЕЙ 1853—1868 годов

(ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Н. К. Чеканов

В марксистской исторической литературе еще недостаточно освещены процессы, проходившие в китайском обществе в период Тайпинского государства и до конца прошлого столетия. В частности, перед историками стоит задача изучения крестьянских восстаний второй половины XIX в., ярко отразивших национально-освободительные устремления китайского народа. Разработка этой проблемы настоятельно диктуется еще и тем, что необходимо разоблачать фальсификации ряда буржуазных историков, которые выступают в защиту реакционной политики китайских консерваторов и агрессии капиталистических держав в Китае, якобы обеспечивших мирное развитие страны в этот период [1].

В истории революционной борьбы трудящихся масс Китая нового времени важное место занимает восстание няньцзюней [2].

---

[1] M. Wright. The Last stand of Chinese conservatism. California. 1957, p. 96. (Рецензию С. Л. Тихвинского на эту книгу см. в журнале «Вопросы истории», 1959, № 3.) Попутно заметим, что М. Райт напрасно пытается выдать за последнее слово науки свою концепцию, из которой следует, что в годы Тунчжи (1862—1874) Китай-де переживал эпоху возрождения. Еще в тридцатых годах реакционер и ренегат Ху Ши в лекциях о китайской культуре, читанных в США, восхвалял «деяния» консерваторов периода Тунчжи и иностранную агрессию. См. Hu Shih. The Chinese Renaisance. Chicago. 1934, pp. 20—22.

[2] «Нянь цзюнь» можно перевести на русский язык как армия «нянь». Слово «нянь» означает жгут, скручивать в трубочку. Как убедительно показано во многих исследованиях китайских историков (см., например, Ван Да-цю. Краткая биография Чжан Ло-сина. Журнал «Шисюэ гунцзо тунсюнь», 1957, № 2, стр. 8—14), повстанцы района Хуайбэй (к северу от реки Хуай) называли свои отряды, или ячейки, «нянь». Были «малые нянь» («сяонянь»), насчитывавшие всего лишь несколько человек, и «большие», или «полные нянь» («данянь», «чэннянь»), в которые входило до ста и более членов. Вопрос о том, почему повстанцы называли себя «нянь», до сих пор остается спорным. У цинских авторов на этот счет имеется несколько объяснений. Одни утверждали, что повстанцы пользовались бумажными трубочками, наполненными маслом, как факелами в качестве опознавательных знаков (отсюда русское название повстанцев «факельщики»). (См. Ван Кай-юнь. Сянцзюнь чжи (Хроника Хунаньской армии). 1886. Сборник «Няньцзюнь». Ч. 1. Шанхай. 1953, стр. 11. Другие были склонны уверять, что слово «нянь» связано с религиозными обрядами. (См. Ван Дин-ань. Сянцзюнь цзи (Записки о Хунаньской армии). Т. 16. 1876, стр. 1; Ван Тэн-цзя. Няньфэй чжиши (Факты о няньфэях). 1934. «Няньцзюнь». Ч. 3, стр. 470.) Следует заметить, что эти объяснения были построены исключительно на догадках; никаких доказательств авторы указанных сочинений не приводили.

Известно, что организация «Нянь» была тайным крестьянским обществом, за участие в котором, по законам правительства, полагалось строгое наказание вплоть до смертной казни. (См. Ван Дин-ань. Указ. соч.) Нам представляется, что в условиях террора и жестоких преследований слово «нянь» у повстанцев скорее всего могло быть символом сплоченности и спайки. Объединиться в «нянь» или вступить в «нянь» («гоунянь», «жунянь») означало, как бы связать себя с другими членами организации определенными обязательствами. (Заметим, что если бы «нянь» означало «факел», то не было бы словообразований «гоунянь», «жунянь».) Наше предположение подтверждается цинскими источниками. Так, современник няньцзюней Фан Юй-лань в своей книге «Синле жицзи хуэйбяо», написанной в 1855 г., то есть значительно раньше вышеуказанных сочинений, подробно освещая структуру и принципы организации «Нянь», отмечал, что «название «нянь цзы» (группа членов организации «Нянь».— *Н. Ч.*) заключает в себе тот смысл, как если бы взять что-либо и зажать в руках так, чтобы не распадалось» («Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 309—310).

В советской исторической литературе няньцзюньское восстание до сих пор не было предметом специальных исследований. Отрывочные сведения о нем можно найти лишь в трудах общего характера по истории Китая или в работах, посвященных смежным темам[3].

Изучение восстания няньцзюней, как и всей проблемы крестьянских войн в истории китайского общества, было поставлено на подлинно научную основу китайскими историками-марксистами еще до образования Китайской Народной Республики.

В освобожденных районах в 1939 г. вышло учебное пособие по истории, написанное Мао Цзэ-дуном совместно с группой товарищей, в котором давалась марксистская оценка процесса исторического развития Китая. Мао Цзэ-дун писал: «В китайском феодальном обществе только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские восстания и войны и были истинными движущими силами исторического развития»[4]. В 1947 г. в Яньани вышла в свет «Новая история Китая» Фань Вэнь-ланя, который впервые дал марксистскую оценку восстания няньцзюней, охарактеризовав его как антифеодальное, антицинское выступление китайского крестьянства[5].

В то время даже общая постановка вопроса о восстании няньцзюней на основе марксистско-ленинской теории имела принципиально важное значение, так как реакционная историческая наука, стоявшая на службе интересов гоминьдана, была нацелена на изучение и обобщение не опыта крестьянских восстаний, а деятельности военно-феодальных клик предателей китайского народа. В частности, по прямому указанию Чан Кай-ши в 1930 г. был издан «Сборник материалов по подавлению «Нянь» Цзэн Го-фанем»[6].

Во время антияпонской войны к изучению стратегии няньцзюней обращались патриотически настроенные представители научной общественности и той части Китая, которая находилась под контролем гоминьдановцев. Так, в 1939 г. в Чанша видный историк Ло Эр-ган выпустил интересную книгу «Маневренная война няньцзюней», в предисловии к которой он писал, что замечательное военное искусство няньцзюней побеждать малыми силами численно превосходящего противника могло быть использовано национальными вооруженными силами Китая против японских оккупантов[7].

В КНР изучение крестьянских восстаний и войн, особенно нового времени, стало одним из важных направлений в исторической науке. Китайские историки уделяют большое внимание восстанию няньцзюней, и их работа в этой области уже ознаменовалась выходом в свет трех специальных сборников материалов[8], оригинальных исследований, при-

---

[3] См., например, Г. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М. 1951; Г. Кара-Мурза. Тайпины. М. 1950; Л. Думан. Новая история Китая. Ленинград. 1938 (литограф. изд.); его же. Очерк истории Китая. Сборник статей «Китай». М.—Л. 1940.

[4] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 141.

[5] Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М. 1955, стр. 244—247.

[6] «Цзэн Го-фань чао нянь шилу». Составитель — Лу Ди-пин. Наньчан. 1930.

[7] Из работ общего характера по истории Китая, вышедших до победы Народной революции, в которых нашло отражение восстание няньцзюней, назовем следующие: Чэнь Гун-лу. Чжунго цзиньдай ши (История Китая нового времени). Т. I. Шанхай. 1934; Ду Бин-бо. Чжунго цзуйцзинь баши нянь лай ди гэминь юй вайцзяо (Революция и внешняя политика Китая за последние 80 лет). Шанхай. 1920; Го Тин-и. Тайпин тяньго ши жичжи (Описание событий из истории Тайпинского государства по дням). Шанхай. 1940.

[8] Движению няньцзюней посвящено три сборника: «Няньцзюнь». Чч. 1—6. Шанхай. 1953; «Няньцзюнь шиляо цункан». Чч. I—III. («Сборник материалов о няньцзюнях».) Шанхай. 1957—1958; «Няньцзюнь цзыляо бецзи» («Отдельный сборник материалов о няньцзюнях»). Шанхай. 1958. Материалы, относящиеся к изучаемой проблеме, содержатся также в сборниках: «Тайпин тяньго» («Небесное государство Великого благоденствия»). Тт. I—VII. Шанхай. 1952; «Хуэйминь ции» («Восстания народов хуэй»). Тт. I—IV. Шанхай. 1952.

надлежащих Цзян Ди, Ло Эр-гану, Ци Лун-вэю, Цинь Цзы-синю, Чжан Вэнь-цину [9], и большого количества статей [10].

Обширные публикации материалов позволили китайским историкам вплотную подойти к изучению многих интересных, ранее даже не ставившихся вопросов восстания няньцзюней. В упомянутых работах Цзян Ди, Ло Эр-гана, Цянь Хуна, Чжан Вэнь-цина убедительно показано, что среди многочисленных выступлений китайского народа во второй половине XIX в. движение няньцзюней было самым продолжительным по времени и самым широким по размаху после тайпинской революции. Указанные авторы правильно подчеркивают антифеодальный, классовый характер восстания на всех его этапах, хотя нельзя не отметить, что этот тезис аргументирован ими слабо. В работах тех же историков рассматриваются связи няньцзюней с тайпинами, однако в этом вопросе еще не все ясно, и здесь предстоит многое сделать.

Китайские историки уделяют много внимания чисто военной стороне восстания няньцзюней. Изучение этой проблемы составляет главное направление их исследований о няньцзюнях. Такая тенденция, в частности, присуща книге Цзян Ди «Опыт изучения истории «Няньцзюнь».

Что касается буржуазной историографии о восстании няньцзюней, то нельзя не упомянуть книгу Цзян Сян-цзе «Восстание «Нянь» [11], которая представляет собой типичный образец объективистского подхода к решению исторических проблем. Не отрицая того, что Цинская империя XIX в. переживала глубочайший кризис и что этот кризис был одной из причин восстания няньцзюней, Цзян Сян-цзе вместе с тем пытается представить это восстание как одну из фаз «извечной борьбы между центральной и местными силами» [12] в Китае, а не как проявление антагонизма классовых интересов широчайших масс крестьянства, с одной стороны, и помещиков и цинской бюрократии — с другой. Цзян Сян-цзе, чьи симпатии целиком на стороне врагов няньцзюней, по существу, в своих суждениях очень близок к М. Райт и ее предшественникам, которые видели и видят в организации няньцзюней не орудие классовой борьбы китайского крестьянства, а «сброд местных главарей», не имевших

[9] Цзян Ди. Няньцзюнь ши чутань (Опыт изучения истории «Няньцзюнь»). Пекин. 1956; Ло Эр-ган. Тайпин тяньго синьцзюнь ди юньдун чжань (Маневренная война новой армии Тайпинского государства). Шанхай. 1955; Ци Лун-вэй, Цинь Цзы-синь, Лай Вэнь-гуан. Наньцзин. 1957; Чжан Вэнь-цин. Няньдан ции (Восстание «Няньдан»). Шанхай. 1952.

[10] Наиболее важными публикациями в периодических и других изданиях КНР, по нашему мнению, являются следующие: Цянь Хун. Няньцзюнь — крестьянское движение на севере в период Тайпинского государства. Сборник статей по революционному движению тайпинов. Пекин. 1950, стр. 120—134; Цзян Ди. Няньдан. Журнал «Шаньси шифань сюэюань сюэбао», 1957, № 4, стр. 57—81; его же. Военные действия няньцзюней в бассейне Хуайхэ. Журнал «Аньхуэй лиши сюэбао», 1958, № 2, стр. 11—32; Н. Чеканов, Цзян Ди. Военные действия няньцзюней в начальный период. «Аньхуэй лиши сюэбао», 1957, № 1, стр. 17—30; Ци Лун-вэй. Вооруженное вмешательство иностранных агрессоров в восстание «Няньдан». Газета «Гуанмин жибао», 13 октября 1955 г.; его же. Об исследовании на месте вопросов, касающихся поражения Восточных няньцзюней и пленения Лай Вэнь-гуана. «Гуанмин жибао», 3 февраля 1958 г.; Ван Да-цю. Краткая биография Чжан Ло-сина; его же. Краткая биография Чжан Цзун-юя. «Шисюэ гунцзо тунсюнь», 1957, № 3, стр. 13—17; Линь Шу-хуэй. Антицинская борьба няньцзюней после объединения их с остатками тайпинских войск. Журнал «Лиши цзяосюэ», 1954, № 1, стр. 35—36; Ло Вэнь-бо. Проблема периодизации истории «Няньцзюнь». Журнал «Шисюэ гунцзо тунсюнь», 1957, № 2, стр. 50—54.

[11] Chiang Siang-tseh. The Nien Rebellion. Seattle. 1954. Раздел о няньцзюнях имеется также в указанной выше книге М. Райт. Из более ранних работ буржуазных историков Запада, в которых затрагивается проблема восстания няньцзюней, можно указать: D. Boulger. The History of China. London. 1898. H. Giles. China and the Manchus. Cambridge. 1912; W. Hail. Tseng Kuo-fan and the Taiping Rebellion. London. 1927; W. Bales. Tso Tsungt'ang. Shanghai. 1937. Хорошим справочником при изучении истории няньцзюней может служить двухтомник «Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644—1912)». Edited by Arthur W. Hummel. Washington. 1943—1944.

[12] Chiang Siang-tseh. Указ. соч., стр. 1.

«определенных политических требований»[13], или авантюристов, которые «преследовали цель свержения династии, но не системы»[14]. При этом надо подчеркнуть, что буржуазные историки в своих исследованиях опирались и опираются исключительно на цинские официальные источники, совершенно игнорируя документы и материалы, принадлежащие самим няньцзюням, трудящимся массам.

Вопросы о причинах, характере, целях и методах борьбы, о периодизации восстания няньцзюней можно решить лишь на основе творческого применения марксистско-ленинского учения о крестьянских войнах в период феодализма. Вместе с тем при изучении восстания няньцзюней особое значение имеет подход к источникам, в частности, критическая оценка цинских официальных источников, ввод в научный оборот и более глубокая интерпретация немногочисленных, но чрезвычайно ценных документов, оставшихся от самих повстанцев. Цель настоящей статьи — дать общую характеристику источников и попытаться определить, в чем конкретно состоит их ценность для разработки наиболее важных вопросов восстания няньцзюней.

★

Восстание няньцзюней было окончательно подавлено в 1868 году. Неравный бой небольшого отряда повстанцев во главе с Чжан Цзун-юем против огромных полчищ цинских войск на северном берегу Хуанхэ, в Шаньдуне в конце августа[15] был последним сражением, завершившим героическую эпопею крестьянской войны няньцзюней. В то время цинский двор воспринял подавление няньцзюней как свидетельство своего могущества, и это не могло не отразиться в документах и литературе того периода. Победа над няньцзюнями была отмечена на редкость пышно[16]. В обстановке искусственного раздувания успехов и опьянения победой начала складываться официальная историография о восстании няньцзюней, а вернее, о подавлении этого восстания. Авторами, составителями и цензорами первых книг, положивших начало огромному своду отчетов, сборников, мемуаров, записок, в которых так или иначе находило отражение восстание няньцзюней, были представители правящей верхушки. Не удивительно поэтому, что общая картина восстания в изображении этих авторов оказалась весьма далекой от действительности.

Весьма типичной в этом отношении является 320-томная «Стратегия подавления няньфэев, составленная по высочайшему повелению» («Фанлюэ»)[17] — самое обширное издание, предпринятое наряду с другими подобными публикациями Цзунли ямынем. «Фанлюэ» воспроизводит главным образом военные операции цинских войск по борьбе с няньцзюнями, причем составители постарались изобразить эти операции как триумфальные победы над повстанцами. Такая тенденциозность значительно снижает ценность «Фанлюэ» как исторического источника, хотя его документальная часть («императорские эдикты» и «донесения трону») представлена более полно, чем в любом другом издании. Путем сопоставления эдиктов и донесений, относящихся к одному событию, а также донесений различных лиц, представлявших враждовавшие между собой военно-феодальные группировки, можно довольно точно воспроизвести подлинные факты и с достаточной достоверностью судить о действиях

[13] M. Wright. Указ. соч., стр. 101, 102.

[14] W. Bales. Указ. соч., стр. VI.

[15] См., например, «Шаньдун цзюньсин цзилюэ» («Краткая история военных действий в Шаньдуне»). «Няньцзюнь». Ч. 4, стр. 204—205.

[16] Подробно об этом см. Ван Дин-ань. Цю Цюэ-чжай дицзы цзи (Записки ученика Цю Цзюэ-чжая). «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 78; «Цин шилу, Тунчжи чао» («Летопись династии Цин, эпоха Тунчжи»). Т. 237. 1937, стр. 30—34.

[17] «Циньдин чаопин няньфэй фанлюэ». Главный составитель — Чжу Сюэ-цинь. Пекин. 1872. (Далее: «Фанлюэ».)

повстанческих отрядов, а не только правительственных войск. Из всех вышедших при цинах изданиях только «Фанлюэ» дает систематическое описание военных действий за весь период восстания.

Возможность ввода в научный оборот новых материалов, содержащихся в «Фанлюэ», далеко еще не исчерпана. Однако все эти материалы требуют критического подхода, и пользоваться ими без сравнительного анализа, как это делают буржуазные историки, нельзя.

Вслед за выходом в свет сборников материалов о подавлении тайпинов и няньцзюней, на которых лежала печать торжественной официальности (предисловие к «Фанлюэ» писал сам император), стали появляться полуофициальные записки, мемуары, размышления и т. п., авторами которых, как правило, являлись ученые лакеи наместников и губернаторов провинций, боровшихся с повстанцами. К числу панегириков, появившихся в то время, относятся прежде всего уже упоминавшееся сочинение Ван Дин-аня, служившего долгие годы секретарем у Цзэн Го-фаня, а также Чжоу Ши-дэна, писавшего о хуайской армии Ли Хун-чжана, Инь Гэн-юня — автора книги о хэнаньской армии, которой командовал Ли Хун-нянь, и Чэнь Чана, написавшего историю армии приверженца хунаньской клики Бао Чао[18]. В этих и других подобных им книгах[19] материалов о самих няньцзюнях еще меньше, чем в «Фанлюэ», однако они могут быть использованы для анализа отдельных этапов борьбы повстанцев с правительственными войсками в различных провинциях и для выявления противоречий между реакционными кликами. В некотором роде исключением из всей цинской литературы о войсках китайских феодалов, подавлявших восстание няньцзюней, является «Хроника хунаньской армии» Ван Кай-юня[20] — очевидца описываемых им событий. Хотя симпатии Ван Кай-юня далеко не на стороне народа, однако о хунаньской армии он судит иногда довольно объективно и многие факты передает читателю без искажений.

Особый интерес для исследователя няньцзюньского восстания представляет объемистый труд неизвестного автора «Краткие записи о военных действиях в Шаньдуне», впервые вышедший в свет в 1879 году. Из двадцати двух томов этой книги восемь полностью посвящены действиям няньцзюней в провинции Шаньдун, а остальные — местным повстанческим отрядам (фуцзюнь, яньминьцзюнь, шуйтаоцзюнь и др.), которые часто становились союзниками няньцзюней. Книга сообщает много интересных подробностей о повстанцах, в частности, об их внутренней организации, а также дает представление о природных условиях, экономическом и политическом положении в Шаньдуне в период с 1851 по 1868 год.

Важное место в цинской историографии, освещающей восстание няньцзюней, занимают посмертные издания архивов главных душителей народных восстаний, таких, как Юань Цзя-сань (Юань Дуань-мин), Цзэн Го-фань (Цзэн Вэнь-чжэн), Цзо Цзун-тан (Цзо Вэнь-сян), Ху Линь-и (Ху Вэнь-чжун), Ли Хун-чжан (Ли Вэнь-чжун), Цзэн Го-цюань (Цзэн Чжун-сян) и др. В этих изданиях большую ценность для историка представляют те разделы, в которых собрана частная корреспонденция и различного рода черновые заметки, не предназначавшиеся для огласки; они как бы приоткрывают завесу лжи и обмана, которая создавалась в течение многих лет официальной историографией вокруг революционного движения народа.

Особую группу цинских источников, которые могут быть широко ис-

---

[18] Чжоу Ши-дэн. Хуайцзюнь пин нянь цзи (Записки о подавлении «Нянь» хуайской армией). 1877. «Няньцзюнь». Ч. 1; Инь Гэн-юнь. Юйцзюнь цзилюэ (Краткая история хэнаньской армии). 1872; Чэнь Чан. Тинцзюнь цзилюэ (История армии «Тин»). 1882. «Няньцзюнь». Ч. 2.

[19] Наиболее полную библиографию по этому вопросу читатель найдет в сборнике «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 1—22.

[20] Ван Кай-юнь. Сянцзюнь чжи. 1886. «Няньцзюнь». Ч. 1.

пользованы при изучении восстания няньцзюней, составляют хроники тех провинций, уездов и городов, где действовали повстанцы. Отличительной чертой этих источников, которые, как правило, составлялись представителями местной интеллигенции, частично стоящей в оппозиции к крупным военно-феодальным кликам, является стремление летописцев нарисовать объективную картину событий, вникнуть в наиболее характерные детали восстания. Однако вследствие того, что в каждой уездной хронике находили отражение лишь эпизоды восстания няньцзюней, которые постоянно находились в движении, работа по выборке нужных материалов из этих необъятных и притом разрозненных источников представляется поистине гигантской и, по существу, еще только начата. Исключением из этого правила является лишь «Хроника уезда Воян» («Воян сяньчжи»), излагающая восстание няньцзюней от начала до конца и сообщающая ряд таких интересных фактов, которых нет ни в одном другом источнике.

Итак, мы видим, что материалы и документы о восстании няньцзюней содержатся в огромном количестве цинских источников, причем многие из них давно уже стали библиографической редкостью. Бо́льшая часть таких источников представлена в сборнике «Няньцзюнь», что значительно облегчает работу исследователя. Однако по прошествии пяти лет со времени выхода в свет этой обширной публикации стало ясно, что с точки зрения сегодняшнего уровня исследований о няньцзюнях она имеет ряд недостатков. Особенно это относится к подбору материалов из местных хроник и частной переписки официальных лиц, которые включены в сборник без тщательного отбора и без каких-либо комментариев. Многие места из разных хроник повторяют друг друга почти слово в слово, некоторые хроники представлены малосущественными отрывками, а переписка не датирована. Другим недостатком сборника «Няньцзюнь» является почти полное отсутствие в нем материалов о западных няньцзюнях [21]. Нельзя не пожалеть и о том, что в сборнике не нашли никакого отражения такие книги цинского периода, как «Цин шилу» [22], «Дунхуа (сюй) лу» [23], «Цин ши гао» [24] и «Цин ши лечжуань» [25], в которых восстание няньцзюней нашло довольно широкое отражение.

Два других сборника материалов о няньцзюнях — «Няньцзюнь шиляо цункан» и «Няньцзюнь цзыляо бецзи» — восполняют некоторые пробелы сборника «Няньцзюнь». Первый из них освещает заключительный этап няньцзюньского восстания [26], второй проливает свет на некоторые вопросы, касающиеся истории возникновения организации «Нянь» и, в частности, ее связей с сектой «Белого лотоса». Вместе с тем нельзя не отметить, что в сборник «Няньцзюнь цзыляо бецзи» попал ряд материалов, которые не представляют большой научной ценности. Мы имеем в виду выборки из цинских источников, восхваляющих Цзэн Го-фаня и др.

Однако цинская официальная историография является далеко не единственным источником сведений о восстании няньцзюней. Неоценимое значение для современного исследователя имеют источники няньцзюньского восстания, созданные самим народом.

---

[21] Часть таких материалов, а именно: «Чжэн си цзилюэ» («Краткие записи о походе на запад»), «Пин Хуэй чжи» («Хроника подавления хуэй») и «Пиндин Гуаньлун цзилюэ» («Краткие записи об умиротворении Гуаньлуна») имеется в сборнике «Хуэйминь цзи».

[22] «Летопись династии Цин». Шэньян. 1937.

[23] «Летопись (династии Цин) из павильона Дунхуа». Пекин. 1899.

[24] «Очерки истории Цинской династии». Пекин. 1927.

[25] «Биографии знаменитых людей эпохи Цин». Шанхай. 1926.

[26] В основу сборника положены подлинные письма Ли Хун-чжана, относящиеся к 1866—1868 гг., когда он был главнокомандующим цинскими войсками по подавлению няньцзюней. Письма эти были обнаружены в 1954 г. комитетом по делам культурных ценностей провинции Цзянсу. См. об этом сообщение Цзян Ши-жуна в журнале «Лиши яньцзю», 1955, № 3, стр. 52.

В 1855 г., то есть через два года после начала восстания, в Чжихэцзи (Аньхуэй) был созван Совет руководителей отрядов повстанцев, который провозгласил создание Союза няньцзюней «Да Ханьго» («Великое государство Хань») и поставил во главе его Чжан Ло-сина. До наших дней дошло два документа, принятых Советом в Чжихэцзи. Это — обращение главы Союза к населению и правила поведения бойцов повстанческой армии «нянь»[27]. Эти документы отражают прежде всего военно-организационную сторону восстания, тем не менее они представляют большую ценность и для решения общих вопросов истории няньцзюней. В частности, они проливают некоторый свет на характер восстания, его причины и цели.

За несколько месяцев до последнего боя повстанцев в Шаньдуне, в Янчжоу, провинции Цзянсу, был казнен Лай Вэнь-гуан, который перед смертью написал свою автобиографию, дошедшую до наших дней[28].

Как известно, Лай Вэнь-гуан был видным военачальником у тайпинов, вышедшим из той старой, закаленной гвардии, которая сформировалась вокруг Хун Сю-цюаня в Цзиньтяне. С 1864 по 1868 г. Лай Вэнь-гуан стоял у руководства няньцзюнями, в этот период одержавшими не одну блестящую победу над цинскими войсками[29].

В лаконичных фразах «Автобиографии Лай Вэнь-гуана», преисполненных мужества и безграничной преданности делу народа, мы находим правду о восстании. Хотя этот документ содержит очень мало фактического материала, однако на его полутора страницах нашлось достаточно места, чтобы показать великие замыслы повстанцев, сказать о причинах разделения их сил на западную и восточную группы и осудить жестокость цинских властей в отношении справедливой борьбы народа.

Ценным дополнением к «Автобиографии Лай Вэнь-гуана» и другим документам повстанцев[30] является фольклорный материал, где запечатлены живые следы событий тех времен в виде песен, рассказов, воспоминаний, которые до сих пор сохраняются в памяти народной. И нынешний историк не имеет права игнорировать этот фольклорный архив, напротив, он должен использовать его наряду с другими материалами и документами. Работа некоторых научных учреждений КНР по обследованию районов, где действовали няньцзюни, с целью сбора фольклорного материала уже дала свои результаты и в дальнейшем, несомненно, поможет выяснить многие нерешенные вопросы[31].

---

[27] Эти документы впервые были опубликованы в историческом приложении к газете «Цзиньбу жибао» от 3 февраля 1951 г. в связи со столетием начала движения тайпинов, и с тех пор к ним никто не обращался. Документы не озаглавлены и не датированы, однако их общий дух, терминология и отдельные выражения позволяют предполагать, что они относятся к Совету в Чжихэцзи в 1855 году. Вместе с тем нельзя исключить и возможности того, что эти документы были составлены в 1853 г., когда также имело место избрание Чжан Ло-сина в качестве старшего руководителя местных организаций «Нянь» в Чжихэцзи. (См. «Мэнчэн сяньчжи шу» («Хроника уезда Мэнчэн»). «Няньцзюнь». Ч. 2, стр. 63). Датировка этих исторических источников должна стать предметом специального исследования.

[28] «Лай Вэнь-гуан цзышу» («Автобиография Лай Вэнь-гуана»). «Тайпин тяньго». Ч. II, стр. 862—864.

[29] См. Ло Эр-ган. Тайпин тяньго шигао (Очерк истории Тайпинского государства). Шанхай. 1955, стр. 386—389; Ци Лун-вэй, Цинь Цзы-синь. Указ. соч.

[30] Цзян Ди в работе «Опыт исследования истории «Няньцзюнь», кроме «Автобиографии Лай Вэнь-гуана», к числу няньцзюньских документов относит шесть писем тайпинских военачальников руководителям няньцзюней и одно письмо сычуаньским повстанцам, а также два материальных памятника: деревянную печать тайпинского генерала Фань Жу-цзэна, который с 1866 по 1868 г. командовал частью няньцзюньских сил, и памятник одному из руководителей няньцзюней, Чжан Чжо, воздвигнутый в уезде Воян. См. Цзян Ди. Няньцзюнь ши чутань, стр. 135—139.

[31] Этой работой в основном занимаются историческая кафедра научно-исследовательского института провинции Аньхуэй, которая уже опубликовала часть материалов в журнале «Шисюэ гунцзо тунсюнь» (1957, №№ 1, 3 и 1958, № 3), а также Цзинаньское отделение Китайского исторического общества, издавшее в 1957 г. сборник «Шаньдун цзиньдай ши цзыляо» («Материалы по новой истории провинции Шань-

★

Восстание няньцзюней, как и все крестьянские войны в Китае второй половины XIX в., было неизбежным следствием того глубокого социально-экономического кризиса, который переживала Цинская империя. К наиболее важным факторам, вызвавшим этот кризис, следует отнести концентрацию земельной собственности в руках помещиков и массовое обезземеливание крестьянства, коррупцию правительственного и всего административного аппарата империи, а также постепенное превращение страны в полуколонию капиталистических держав, чему способствовала предательская политика цинского правительства и военно-феодальных клик китайских консерваторов. Однако знание общих факторов недостаточно для уяснения всех причин восстания.

В рассмотренных выше «Фанлюэ», «Шаньдун цзюньсин цзилюэ», провинциальных и уездных хрониках, а также в обращении Чжан Ло-сина мы находим обширный материал о событиях местного значения, которые усиливали действие общих факторов. К таким событиям, в частности, следует отнести неурожаи, охватившие в 1851—1853 гг. провинцию Шаньдун, северную Цзянсу и северную Аньхуэй вследствие частых разливов Хуанхэ и вызвавшие сильный голод [32]. Летом 1855 г. население этих районов постигло еще большее бедствие вследствие прорыва дамб водами Хуанхэ у Тунвасяна (Хэнань), после чего эта могучая река, изменив русло, потекла на север и затопила огромное пространство. Обширные территории, расположенные в районе старого русла, оказались без воды [33]. Ни центральное правительство, ни местные власти не оказывали никакой помощи бедствовавшему населению. В обращении Чжан Ло-сина к населению резко осуждается произвол местных чиновников, которые становятся «все более жестокими и алчными и враждебно относятся к народу». Среди крестьян на почве голода все чаще вспыхивали бунты [34]. Создавалась благоприятная почва для деятельности тайной антиманьчжурской организации «Нянь», которая в те годы быстро увеличивала свои ряды за счет разорившихся крестьян [35].

Сочинения Ван Кай-юня, Ван Дин-аня и других цинских авторов, а также хроники позволяют установить, что непосредственным толчком к открытому выступлению няньцзюней в больших масштабах послужили успехи тайпинов, которые в 1853 г. обосновали свою столицу в Няньцзине, захватили главный город провинции Аньхуэй Аньцин и послали большую группу своих войск на север. Ван Дин-ань писал, что именно в то время «число последователей няньцзюней росло с каждым днем», что их отряды стали насчитывать «по нескольку тысяч конников» и «десятки тысяч людей» [36]. Летописец уезда Воян, где тогда сосредоточивались основные силы няньцзюней, сделал следующую запись: в 1853 г., когда тайпины «проникли в северную Аньхуэй, няньфэй Чжан Ло-син, воспользовавшись случаем, поднял восстание» [37].

Как уже было отмечено, в исторической литературе до сих пор слабо освещен вопрос о характере восстания няньцзюней. Исключительно бо-

---

дун»), включающий, в частности, записи бесед научных работников с местными жителями преклонных возрастов, предки которых были участниками или очевидцами няньцзюньского восстания. Подобные материалы имеются также в «Сун Цзин-ши лишидяоча цзи» («Заметки об изучении на месте истории Сун Цзин-ши». Пекин. 1957), изданные группой научных и творческих работников под руководством Чэнь Бай-ченя в связи с постановкой фильма о Сун Цзин-ши.

[32] «Шаньдун цзюньсин цзилюэ». «Няньцзюнь». Ч. 4, стр. 232—233.

[33] «Фанлюэ». Т. 122, стр. 4; т. 138, стр. 12—13.

[34] Там же. Т. 2, стр. 15.

[35] «Шаньдун цзюньсин цзилюэ». «Няньцзюнь». Ч. 4, стр. 29—30; «Фанлюэ». Т. 1, стр. 25; т. 230, стр. 20.

[36] Ван Дин-ань. Цю Цюэ-чжай дицзы цзи. «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 13.

[37] «Воян сяньчжи». «Няньцзюнь». Ч. 2, стр. 94.

гатый материал для изучения этого вопроса дают устные народные предания и рассказы, причем подтверждение содержащихся в них данных можно найти и в цинской официальной историографии, если, разумеется, подходить к ней критически.

Обратимся к преданию о Конфуции и Фань Дане, которое имело широкое хождение среди няньцзюней. Согласно этому преданию, Конфуций, попав в затруднительное положение, послал одного из своих учеников к бедняку Фань Даню, человеку редкостной доброты, чтобы занять у него немного пищи. Фань Дань ради спасения жизни философа отдал ему последние крохи. Однако впоследствии Конфуций, став большим человеком, не возвратил бедняку долга и ни за что не хотел признаться, что его когда-то выручил Фань Дань. Няньцзюни говорили, что все богатые и образованные люди являются потомками Конфуция, а они, повстанцы,— потомками Фань Даня. Потомки Фань Даня имеют право требовать от потомков Конфуция возвращения старого долга [38]. Такая интерпретация старинного предания, которую Фань Вэнь-лань справедливо называет «несложной теорией классовой борьбы» няньцзюней, характеризует восстание как антифеодальное движение китайского крестьянства.

Как известно, конфуцианство при цинах было официальной идеологией, философией и моралью правящего феодального лагеря и широко использовалось китайскими помещиками для оправдания эксплуатации и грабежа крестьян, для подавления крестьянских волнений. Не кто иной, как Цзэн Го-фань, пытался путем распространения так называемого неоконфуцианства в районах, контролируемых тайпинами и няньцзюнями, отвлечь широкие массы крестьянства от идей свободы и равенства, которые сеяли повстанцы. Апеллирование няньцзюней к Фань Даню, а не к Конфуцию опровергает основанное лишь на цинских источниках утверждение М. Райт о том, что «неоконфуцианство, распространяемое Цзэн Гофанем, находило теплый прием» у крестьян [39].

Таким образом, приведенное предание показывает, что няньцзюни проводили четкую грань между трудящимися и эксплуататорами и, что еще важнее, понимали необходимость борьбы против эксплуататоров, которых в то время представляли прежде всего помещики, а также ростовщики, чиновники, тухао, лешэнь и т. д.

Классовым самосознанием проникнуто и обращение главы няньцзюньского Союза, в котором говорится, что цель восстания состоит в том, чтобы «уничтожить предателей и тиранов» и «спасти наш измученный народ». На это были направлены и действия повстанцев. Члены их организации, как только добывали себе оружие, «разбрасывали листовки, в которых содержалось требование к богатым домам дать им деньги» [40]. Няньцзюни сами заявляли, что объектами их деятельности «являются шинки, маслодельни, соляные лавки, ломбарды» [41]. Иначе говоря, они боролись против помещиков, крупных чиновников, ростовщиков. Есть данные о том, что отобранное у богачей имущество повстанцы уже на раннем этапе движения «раздавали беднякам» [42].

Не менее ценный в этом отношении материал можно почерпнуть из рассказов о подвигах отряда няньцзюней Ли Сань-нао. Эти рассказы частично были опубликованы в «Материалах по новой истории провинции Шаньдун». В них упоминается, что Ли Сань-нао обычно обращался к крестьянам с тремя следующими призывами: «У кого есть один вол и

---

[38] Чжан Вэнь-цин Указ. соч., стр. 1—2. См. также Фань Вэнь-лань. Указ. соч., стр. 244.
[39] M. Wright. Указ. соч., стр. 99.
[40] Цянь Хун. Указ. соч., стр. 121.
[41] Там же.
[42] Там же.

один осел, тот будет (продолжать) трудиться на поле. У кого дом с башней под черепичной крышей, тот будет получать меньше доходов. Неимущие бедняки пойдут с нами (то есть с повстанцами.— *Н. Ч.*)»[43]. Эти три призыва носят в себе зачатки дифференцированного подхода няньцзюней к сельскому населению.

В документах, принятых Советом няньцзюней в 1855 г., а также в «Фанлюэ» и архивах Цзэн Го-фаня, Ли Хун-чжана и др. содержатся интересные данные, характеризующие отношения между няньцзюнями и простым народом. Из этих источников видно, что народ видел в няньцзюнях своих защитников.

Правила поведения бойцов армии «Нянь», принятые повстанцами в 1855 г., самым строжайшим образом запрещали няньцзюням во время походов заниматься грабежом, насилием, произвольными реквизициями зерна и т. д. За нарушение этих правил полагалось серьезное наказание, вплоть до смертной казни. В 1856 г. хэнаньский губернатор Ин Гуй в донесениях трону писал, что население и повстанцы «живут между собой дружно»[44], что их «невозможно различить»[45]. Не менее интересно следующее высказывание Цзэн Го-фаня, содержащееся в его письме к губернатору Ли Цзы-хэ: «Когда приходят правительственные войска, в деревнях не хотят открывать ворота..., а когда приходят разбойники (повстанцы.— *Н. Ч.*), в деревнях их снабжают зерном»[46]. В 1868 г., накануне окончательного поражения повстанческой армии западных няньцзюней, Ли Хун-чжан в ответном письме инспектору Ин Минь-чжану писал, что няньцзюни «передвигаются вместе со своими семьями, как мужчинами, так и женщинами. Круглый год они находятся в беспрерывном движении и достигли высокой ловкости. Если умирает отец, его место занимает сын; если умирает старший брат, на его место становится младший брат. Это является для них как бы семейной традицией»[47].

На наш взгляд, повстанческие документы Совета в Чжихэцзи позволяют историку поставить вопрос о деятельности няньцзюней не только в военной, но и в социально-экономической сфере. Во всяком случае, сейчас уже можно утверждать, что няньцзюни заботились о сохранении порядка и нормальном развитии хозяйства в районах их действий. В обращении Чжан Ло-сина говорилось: «Нельзя допустить, чтобы из-за войны страдала культура, чтобы из-за беспорядков терпело ущерб земледелие». Обращение предусматривало проведение мероприятий по обеспечению нормального хода торговли. Правда, данных такого рода очень мало.

Вопрос о том, имело ли восстание няньцзюней антиимпериалистическую направленность, китайскими историками рассматривается положительно. Однако источниковедческая сторона этого вопроса разработана еще недостаточно. Нам представляется, что на основании материалов, содержащихся в таких цинских источниках, как некоторые хроники, «Летопись событий, связанных с действиями иностранцев», «Дунхуа сюйлу», архив Чун Хоу и др., можно сделать вывод, что, во-первых, иностранцы помогали цинскому правительству не только поставками оружия, но и собственными вооруженными силами и советниками участвовали в расправе над няньцзюнями и, во-вторых, фактор иностранного вмешательства был одной из важных причин поражения няньцзюней.

Эти источники свидетельствуют о том, что интервенция иностранных держав против няньцзюньских повстанцев началась в 1861 г. и продол-

[43] «Шаньдун цзиньдай ши цзыляо» («Материалы по новой истории провинции Шаньдун»). Цзинань. 1957, стр. 232. О действиях Ли Сань-нао упоминается также в «Фанлюэ». Т. 5, стр. 6; т. 8, стр. 12; т. 9, стр. 2.

[44] «Фанлюэ». Т. 14, стр. 6.

[45] Там же. Т. 20, стр. 13.

[46] «Цзэн Вэнь-чжэн гун цюаньцзи» (Цзэн Го-фань. Сочинения). «Няньцзюнь». Ч. 5, стр. 320.

[47] «Ли Вэнь-чжун гун цюаньцзи» (Ли Хун-чжан. Сочинения. «Няньцзюнь». Ч. 6, стр. 50).

жалась во все возрастающей степени вплоть до последних дней восстания. Но особенно она усилилась после 1864 г., когда пало Тайпинское государство, что дало возможность внутренней и внешней реакции сосредоточить свои основные силы против няньцзюней, хотя нельзя не признать и того, что формы вмешательства иностранных агрессоров в войну цинов с няньцзюнями стали более завуалированными.

Как известно, в результате поражения во второй опиумной войне цинское правительство вынуждено было открыть для внешней торговли три порта в северных районах страны (Тяньцзинь, Инкоу, Яньтай). Из «Хроники уезда Фушань» видно, что как раз в то время в провинции Шаньдун действовали няньцзюньские отряды Ли Чэна и Чжан Минь-сина (брат Чжан Ло-сина), которые в конце 1861 г. повели наступление на Фушань и Яньтай [48]. Цинские власти были не в состоянии дать отпор повстанцам и обратились за помощью к своему вчерашнему врагу. В действие немедленно вступила англо-французская эскадра [49], открывшая ураганный огонь по повстанцам. Иностранные агрессоры не щадили и мирных жителей. «В деревнях убитых было не счесть»,— записано в хронике Фушаньского уезда [50]. Анализируя итоги этих боев, в результате которых няньцзюни вынуждены были отказаться от планов захвата Яньтая, Ци Лун-вэй резонно замечает: «Международный капитализм получил возможность беспрепятственно ввозить свои товары через Яньтай, что серьезно подрывало экономику Северного Китая» [51].

Архив Чун Хоу и «Летопись событий» дают возможность историку проследить шаг за шагом дальнейшие действия иностранных держав по подавлению восстания няньцзюней. Успехи повстанческих отрядов в Шаньдуне и Чжили заставили цинское правительство принимать срочные меры по укреплению столичного района в военном отношении. И здесь оно не обошлось без поддержки со стороны иностранных агрессоров. Наместник Чжили Вэй Юй в ответе трону на требование усилить оборону Тяньцзиня в 1862 г. писал: «Все форты в районе Дагу заняты англо-французскими войсками, которые сделали это по просьбе Цзунли ямыня» [52]. Затем последовало создание так называемого «Тяньцзиньского отряда иностранного оружия», боевой подготовкой которого руководили командующий английскими войсками в Тяньцзине генерал Стэйвли и многочисленные советники и инструкторы иностранных армий [53]. Уже весной того же года этот отряд, насчитывавший несколько тысяч обученных и хорошо вооруженных солдат, воевал против повстанческих отрядов Чжан Си-чжу, а затем в составе войск Цэнгэринчи направился в Шаньдун на покорение чернознаменной армии Сун Цзин-ши и нанес ей поражение [54]. Ряд английских и французских офицеров, расстреливавших китайских крестьян во время этой карательной кампании, получил награды от цинского правительства [55].

Интересные сведения о военной помощи западных держав цинскому правительству в целях подавления няньцзюней сообщают «Записки о подавлении «нянь» хуайской армией» и «Дунхуа сюйлу». Главнокоман-

---

[48] «Фушань сяньчжи гао» («Хроника уезда Фушань»). 1931. «Няньцзюнь». Ч. 3, стр. 471.

[49] Ци Лун-вэй. Вооруженное вмешательство иностранных агрессоров в восстание «Няньдан». «Гуанмин жибао», 13 октября 1955 года.

[50] «Фушань сяньчжи гао». «Няньцзюнь». Ч. 3, стр. 472.

[51] Ци Лун-вэй. Вооруженное вмешательство иностранных агрессоров в восстание «Няньдан».

[52] «Чун Хоу данань». Архив Чун Хоу, хранящийся в Пекинском университете. Меморандум трону от 23-го числа 1-го месяца 1-го года Тунчжи (1862 г.) (далее: Архив Чун Хоу).

[53] «Чоубань иу шимо» («Летопись событий, связанных с действиями иностранцев»). 1930. Раздел Тунчжи. Т. 3, стр. 44—45; т. 4, стр. 13—14, 36—38; т. 15, стр. 1, 145

[54] «Сун Цзин-ши ции шиляо» («Исторические материалы о восстании Сун Цзин-ши»). Пекин. 1954, стр. 127.

[55] «Чоубань иу шимо». Т. 15, стр. 1.

дующим по подавлению няньцзюней в 1866 г. был назначен Ли Хун-чжан, который имел тесный контакт с иностранцами и широко прибегал к услугам английских, французских и американских офицеров и разведчиков, использовал их в качестве инструкторов и советников хуайской армии. «Начиная с 3-го года Тунчжи (1865 г.),—писал Чжоу Ши-дэн,— в каждом батальоне хуайской армии были иностранные инструкторы, которые обучали (китайских солдат) обращаться с артиллерийскими орудиями и ружьями иностранного образца» [56]. Эти пополненные свежими силами, вооруженные иностранным оружием, обученные иностранными инструкторами войска были на иностранных судах [57] переброшены в Шаньдун и Чжили, где происходил завершающий акт крестьянской войны.

Нетрудно себе представить, каким огромным преимуществом в технике и материальном обеспечении обладали эти войска по сравнению с отрядами няньцзюней. И все же, как известно, хуайской армии с большим трудом удалось лишь к январю 1868 г. одержать окончательную победу над восточными няньцзюнями, после чего другая часть повстанцев — западные няньцзюни — продолжала героическую борьбу с цинскими войсками и, нанеся им ряд поражений, ворвалась непосредственно в столичный район. Когда цинский двор впал в панику, на поле битвы снова появились генералы и адмиралы в европейской униформе, и династия была спасена. В «Дунхуа сюйлу» [58] говорится, что цинский двор в 4-м месяце 1868 г. поручил Чун Хоу, ведавшему тогда вопросами обороны Тяньцзиньского района, связаться с представителями Англии и Франции и узнать, могут ли военно-морские силы этих держав принять участие в отражении нападения няньцзюней на Тяньцзинь. Однако из «Дунхуа сюйлу» не видно, чем закончились переговоры Чун Хоу с иностранными интервентами. Ответ на этот вопрос мы находим в архиве самого Чун Хоу, который в меморандуме трону от 11-го числа 4-го месяца 1868 г. докладывал: «Когда авангард няньцзюньской конницы подошел к Шаочжикоу, он подвергся обстрелу с бортов французских кораблей...» [59].

Вопрос об антиимпериалистической направленности восстания няньцзюней должен стать, по нашему мнению, одним из важнейших аспектов в исследовании всей этой проблемы. Дальнейшее изучение маньчжурских архивов и ввод в научный оборот уже опубликованных материалов позволят дать более широкую трактовку этого вопроса и помогут глубже понять роль иностранного капитала как тормоза в общественном развитии Китая в XIX веке.

★

Имеющиеся источники и литература о восстании няньцзюней дают возможность наметить его периодизацию. Дискуссия по этому вопросу была проведена журналом «Шисюэ гунцзо тунсюнь» в 1957—1958 гг., на страницах которого выступили китайские историки Ци Лун-вэй, Ло Вэньбо, Цзян Ди, Го Ин и др. В ходе этой дискуссии не было достигнуто единого мнения по ряду важных вопросов, но она помогла выявить наименее изученные аспекты этой проблемы и определить направление дальнейших исследований.

Прежде всего, конечно, следует определить крайние хронологические границы восстания няньцзюней. Одна из них ни у кого не вызывает споров — это 1868 г., конец восстания. Что касается времени начала его, то здесь мнения расходятся. Так, например, Цзян Ди называет 1808 г. [60], а

[56] Чжоу Ши-дэн. Указ. соч. «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 115.

[57] «Дунхуа сюйлу». «Эпоха Тунчжи». Т. 71, ч. 18, стр. 44.

[58] Там же, стр. 43.

[59] Архив Чун Хоу. Приложение к меморандуму трону от 1-го числа 8-го месяца 7-го года Тунчжи.

[60] Цзян Ди обосновывает свою точку зрения тем, что к 1808 г. относятся первые упоминания о повстанцах «нянь» в цинских официальных источниках. См. «Шисюэ гунцзо тунсюнь», 1957, № 2, стр. 58—64.

Го Ин — 1755 год [61]. Другие историки — Ло Вэнь-бо, Ци Лун-вэй, не отрицая существования и революционной деятельности организации «Нянь» на протяжении первой половины XIX в., тем не менее, полагают что передней границей восстания следует считать 1851 [62] или 1853 год [63].

По нашему мнению, материалы, содержащиеся в сочинениях и мемуарах цинских чиновников Тао Шу, Ван Кай-юня, Чэнь Чана и др., дают основание говорить о том, что в вопросе о периодизации надо отличать историю организации «Нянь» от истории самого крестьянского восстания, поднятого этой организацией. Пытаться искать начало восстания в эпизодических действиях тайной антиманьчжурской секты, о которых вскользь упоминается в цинских источниках, было бы неверно. Это может отвлечь от изучения самого восстания, которое проходило в иных исторических условиях и ставило иные задачи, нежели организация «Нянь» [64] в первый период своего существования.

Как уже было показано, восстание няньцзюней началось в 1853 году. Изучение «Хроники провинции Аньхуэй», «Шаньдун цзюньсин цзилюэ», «Хроники уезда Воян» показывает, что первые два года борьба повстанцев носила характер стихийных крестьянских бунтов; каждый отряд или группа («нянь цзы») действовали независимо друг от друга, у повстанцев не было ни единой программы действий, ни руководящего ядра, хотя совершенно очевидно, что такие руководители отрядов, как Чжан Ло-син, Гун Дэ, Су Тянь-фу и некоторые другие, пользовались у повстанцев наибольшим авторитетом, и их силы представляли серьезную угрозу для местных цинских властей [65].

Источники дают основание считать, что качественный перелом в восстании наступил в 1855 году. Совет в Чжихэцзи и проведенные на нем мероприятия являлись ярким свидетельством стремления повстанцев к консолидации своих сил. Все отряды повстанцев были разделены на пять знамен («ци»): желтое (руководитель — Чжан Ло-син), белое (Гун Дэ), красное (Хоу Ши-вэй), черное (Ван Гуань-сань), синее (Су Тянь-фу) [66].Таким образом, период 1853—1855 гг. можно назвать периодом начала восстания и постепенной консолидации сил няньцзюней.

---

[61] Го Ин ссылается на то, что в 1755 г., согласно цинским источникам, начал действовать союз «Шуньдао хуэй», который, по его мнению, является предшественником «Няньдан». См. «Шисюэ гунцзо тунсюнь», 1957, № 3, стр. 48—52.

[62] Точка зрения Ло Вэнь-бо, который считает, что восстание няньцзюней началось одновременно с восстанием тайпинов. См. «Шисюэ гунцзо тунсюнь», 1957, № 2, стр. 50—54.

[63] Точка зрения Ци Лун-вэя. По его мнению, восстание няньцзюней было откликом на проникновение тайпинов в 1853 г. в провинцию Аньхуэй. См. там же, стр. 54—58.

[64] Установить точную дату зарождения «Няньдан» вряд ли возможно. Первое упоминание о «Няньдан» в официальных цинских источниках относится к 1808 г. («Цин шилу». Эпоха Цзяцин. Т. 198, стр. 18), а первое более или менее обстоятельное описание организации и районов действий няньцзюней дано цинским чиновником, членом Ханьлинской академии Тао Шу в 1814 г. («Тао Вэнь-и гун цюаньцзи» (Тао Шу. Сочинения). Т. 22. 1842. «Няньцзюнь цзыляо бецзи», стр. 6). Однако это, разумеется, не означает, что организация «Нянь» не существовала до 1808 года. Ван Кай-юнь, например, относит появление «Нянь» к эпохе Канси (1622—1722) (Ван Кай-юнь. Сянцзюнь чжи. «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 1).

Что касается других тайных антиманьчжурских организаций, которые могли быть предшественниками няньцзюней, то таковыми мы склонны считать скорее «Нецзы хуэй», чем «Шунь дао хуэй». На преемственность между «Нецзы хуэй» и «Нянь дан» указывает сходство как в звучании, так и в значении слов «не» (щепоть) и «нянь» (виток). Кроме того, районы действий «Нецзы хуэй» и «Нянь» примерно одни и те же: то есть Хэнань, Шаньдун, Аньхуэй. Наконец, Сюй Кэ в книге «Цин пай лэй чао» (т. 7. Шанхай. 1917, стр. 149) писал: «(организация) «Нянь» была (союзом) «не». Преступники (повстанцы.— *Н. Ч.*) объединялись в банды и называли себя «нянь цзы».

[65] См., например, «Шаньдун цзюньсин цзилюэ». «Няньцзюнь». Ч. 4, стр. 28—39.

[66] См. «Юйцюнь цзилюэ». «Няньцзюнь». Ч. 2, стр. 300—304; Чжан Жуй-чи, Лян Хуай каньлуань цзи (Записки об усмирении бунтов в бассейне Хуайхэ). «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 285; см. также «Фанлюэ». Т. 9, стр. 20; т. 24, стр. 11; т. 157, стр. 23—24; «Шаньдун цзюньсин цзилюэ», «Няньцзюнь». Ч. 4, стр. 33, 42.

Последующий период — от Совета в Чжихэцзи до поражения Тайпинского восстания (1855—1864 гг.) — очерчивается сравнительно легко, и его характерные особенности не вызывают никаких споров. Это период огромного размаха движения, дальнейшего сплочения няньцзюней и превращения их в главную антиманьчжурскую революционную силу к северу от Янцзы, довольно активного сотрудничества няньцзюней с тайпинами[67]. В 1856 г. два виднейших руководителя няньцзюней, Чжан Ло-син и Жэнь Хуа-бан, получили от Хун Сю-цюаня тайпинские титулы вована и лу-вана[68]. В 1862 г. няньцзюни совместно с тайпинскими войсками Ма Жун-хэ в течение трех месяцев вели успешные боевые действия в северной Аньхуэй под Инчжоу, и только измена Мяо Пэй-линя лишила их возможности овладеть этим городом[69].

Однако в целом движение няньцзюней в этот период по методам и целям борьбы в свете указанных источников представляется локальным восстанием: отряды повстанцев не покидают надолго свои базы и не уходят далеко от них, у них еще нет постоянных вооруженных сил, их действия носят чисто партизанский характер. Именно поэтому, когда цинским войскам в 1863 г. удалось захватить основную опорную базу няньцзюней Чжихэцзи и к тому же лишить восстание его главного руководителя Чжан Ло-сина, повстанцы впали в замешательство[70].

В исторической литературе менее всего освещен последний период восстания няньцзюней (1864—1868), хотя большинство историков КНР определяет его как новый подъем в этом крестьянском движении. Что касается упоминаемых работ М. Райт и Цзян Сян-цзе, то в них этот период изображается не только скупо, но с явным намерением умалить успехи повстанцев и сгладить неудачи цинских властей.

В действительности же источники цинского периода, как официальные («Фанлюэ», хроники, донесения чиновников и т. д.), так и принадлежащие самим повстанцам («Автобиография Лай Вэнь-гуана»), дают полное основание утверждать, что именно этот период имеет определяющее значение для характеристики не только восстания няньцзюней, но и всей революционной ситуации в стране. Самой существенной чертой его является то, что восстание няньцзюней приобрело общенациональные черты, став как бы продолжением революционного движения тайпинов.

Как следует из «Автобиографии Лай Вэнь-гуана», к моменту взятия цинами столицы тайпинов Тяньцзина среди няньцзюней, потерявших Чжихэцзи и другие базы, наблюдалась известная дезорганизация. В это время к ним присоединились тайпинские войска, не успевшие прибыть на помощь Хун Сю-цюаню. Во главе объединенных сил стали тайпин Лай Вэнь-гуан и няньцзюни Жэнь Хуа-бан и Чжан Цзун-юй. Такое объединение усилило движение няньцзюней.

Уже к концу 1866 г. цзэнгофаневский план окружения и уничтожения няньцзюней[71], а также его политические мероприятия, рассчитанные

---

[67] К этому периоду относится дошедшая до нас переписка между тайпинскими военачальниками и руководителями няньцзюней («Письмо Ли Сю-чэна Чжан Ло-сину» и «Письмо Чэнь Юй-чэна Чжан Ло-сину»), а также переписка тайпинских генералов между собой и с другими повстанческими руководителями, характеризующая отношения тайпинов и няньцзюней. «Тайпин тяньго». Т. II, стр. 694—696, 721—722, 732—733, 744—746, 752—753.

[68] «Воян сяньчжи». «Няньцзюнь». Ч. 2, стр. 100.

[69] О сражении под Инчжоу см. Цзян Ди. Няньцзюнь ши чутань, стр. 26—28.

[70] «Лай Вэнь-гуан цзышу».

[71] Коварный план Цзэн Го-фаня окружить все силы няньцзюней системой оборонительных укреплений и уничтожить их на западных берегах Шахэ и Цзялухэ в Хэнани был сорван умелыми действиями повстанцев. В сентябре 1866 г. руководители няньцзюней, увидев, что им готовится ловушка, сосредоточили в районе Кайфына большие силы, одним ударом прорвали оборону и оторвались от противника. Победа няньцзюней и послужила причиной преждевременного ухода Цзэн Го-фаня «под предлогом болезни» с поста главнокомандующего в конце 1866 года. См. Ван Дин-ань. Цю Цюэ чжай дицзыцзи. «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 15—17, а также Ло Эр-ган, Тайпин тяньго

на лишение повстанцев поддержки в народе путем усиления системы круговой поруки (баоцзя), подкупов колеблющихся элементов среди повстанцев, запугивания местного населения[72] и т. п., были дискредитированы. Косвенные признания этого можно найти и у Цзэн Го-фаня. В записи беседы Ван Дин-аня, сопровождавшего Цзэн Го-фаня в качестве секретаря во время кампании против няньцзюней, читаем: «Под командованием Вашего сиятельства (то есть Цзэн Го-фаня.— *Н. Ч.*), находится 70 тысяч человек, вооруженных заморскими ружьями и пушками, превосходящими по качеству лучшие образцы китайского оружия, и, тем не менее, эти войска неоднократно встречались с неудачами в боях с няньцзюнями. Няньцзюни, вооруженные лишь пиками длиной в два чжана, стремительно врезаются в расположение наших войск и не дают нам возможности использовать наши ружья и пушки...». В ответ на это Цзэн Го-фань сказал своему секретарю: «Вы правы. Исход боя зависит от людей, а не от оружия. Но где же взять нам таких презирающих смерть людей, которые бы шли в нашем авангарде?»[73].

Указанные источники позволяют сделать вывод, что если в 1855—1864 гг. няньцзюни были основной антиманьчжурской силой на севере Китая, то в 1864—1868 гг. во всем Китае у цинского правительства не было более грозного врага, чем няньцзюни. Даже накануне окончательного поражения весной 1868 г. западные няньцзюни, войдя в столичную провинцию Чжили, повергли в ужас цинский двор, который бросил против крестьянских повстанческих армий все имевшиеся в его распоряжении войска[74].

Другой вывод, вытекающий непосредственно из «Автобиографии Лай Вэнь-гуана», состоит в том, что именно в этот последний период повстанцы ставят перед собой великую и ясную цель: объединить вокруг себя революционные силы других районов страны и создать свое государство, подобно тому, как это сделали до них тайпины[75]. Вся последующая борьба няньцзюней, продолжавшаяся до 1868 г., проникнута стремлением осуществить эти идеалы. Лай Вэнь-гуан в своей автобиографии писал: «Я не предполагал, что мы одни (то есть объединенные войска няньцзюней и тайпинов.— *Н. Ч.*) в течение нескольких лет будем вести победоносные сражения и совершать трудные переходы в надежде на скорое возрождение государства».

В планах руководителей няньцзюней, предусматривавших создание государства на территории западных провинций страны, нет ничего неожиданного; скорее эти планы были естественным побуждением повстанцев. Известно, что накануне поражения Тайпинского восстания Ли Сю-чэн предлагал Хун Сю-цюаню оставить Тяньцзин и через Цзянси и Хубэй выйти на соединение с Лай Вэнь-гуаном и Чэнь Дэ-цаем, чтобы обосноваться на северо-западе[76]. Ши Да-кай, неоднократно водивший большую армию на запад, имел намерение создать новое государство в Сычуани[77]. Такие же цели преследовал Хун Жэнь-ган, пытавшийся с остатками тайпинских войск пройти на запад[78]. В дополнение к приведен-

---

синьцзюнь ды юньдун чжань, стр. 16; Цзян Ди. Няньцзюнь ши чутань, стр. 53—63; Линь Шу-хуэй. Совместная борьба няньцзюней и остатков тайпинских войск против цинского правительства. Журнал «Лиши цзяосюэ», 1954, № 1.

[72] «Цзэн Го-фань чао нянь шилу», стр. 7—9. См. также Цзян Ди. Няньцзюнь ши чутань, стр. 61.

[73] Ван Дин-ань. Сянцзюнь цзи, Пин нянь бянь. См. Ло Эр-ган. Указ. соч., стр. 1.

[74] Ван Дин-ань. Цю Цюэ-чжай дицзы цзи. «Няньцзюнь». Ч. 1, стр. 69; «Шаньдун цзюньсин цзилюэ». «Няньцзюнь». Ч. 4, стр. 176; см. также Цзян Ди. Няньцзюнь ши чутань, стр. 115—134.

[75] «Лай Вэнь-гуан цзы шу».

[76] «Ли Сю-чэн цзышу» («Автобиография Ли Сю-чэна»). «Тайпин тяньго». Т. II, стр. 827.

[77] Ло Эр-ган. Тайпин тяньго шигао, стр. 260.

[78] «Хун Жэнь-ган цзышу» («Автобиография Хун Жэнь-гана»). «Тайпин тяньго». Т. II, стр. 852; «Чэнь Бао-чжэнь цзоу» («Донесения Чэнь Бао-чжэня»). Там же, стр. 859.

ным документам самих повстанцев мы сошлемся на «Хронику Хубэйской провинции», где приводятся следующие слова Лай Вэнь-гуана, подтверждающие наш тезис: «Как только войдем в Сычуань, выгодно обоснуемся в ее восточной части, пойдем на Цзинцзыгуань, соединимся с Чжан Цзунюем и вместе ударим по Шэньси. Дела великого князя Хун (Сю-цюаня) уступают нашим!» [79]. С этими словами Лай Вэнь-гуан обращался к массе повстанцев, которые встретили их «с большой радостью» [80]. Из этого видно, что идея похода на запад с целью воссоздания государства была тогда не какой-то утопической мечтой героя-одиночки, а лежала в основе действий огромной повстанческой армии крестьян. Реализовать подобную идею, конечно, было нелегко, и няньцзюням не удалось этого сделать. Но они вели серьезные и обдуманные операции, а вовсе не метались бесцельно из стороны в сторону, как это представляет Цзян Сян-цзе.

Именно такой операцией был поход части няньцзюньских сил под руководством Чжан Цзун-юя на северо-запад, чтобы объединиться с повстанцами неханьских народностей [81]. В буржуазной исторической литературе о восстании няньцзюней деятельность западных няньцзюней в Шэньси не нашла никакого отражения. Между тем такие источники, как архив Цзо Цзун-тана, «Фанлюэ», хроники и др., показывают, что поход западных няньцзюней представляет одну из блестящих страниц в истории этого крестьянского движения, а их взаимодействие с повстанцами хуэй является примером классовой солидарности крестьян различных национальностей.

Сотрудничество няньцзюньских и хуэйских повстанцев, то есть крестьян китайской и некитайской национальности, на почве классовых интересов — еще одно подтверждение того, что восстание няньцзюней после 1865 г. переживало полосу подъема, но отнюдь не упадка. Факты сотрудничества няньцзюней и повстанческих отрядов хуэй зарегистрированы в «Фанлюэ», а также в источниках, относящихся к восстаниям неханьских народностей северо-запада и содержащихся в сборнике «Хуэйминь ции».

В конце февраля западные няньцзюни достигли уезда Мэйсянь, провинции Шэньси, и только река Вэйхэ отделяла их от повстанческих отрядов народов хуэй. В «Фанлюэ» говорится, что няньцзюни послали своих представителей перейти реку и сговориться с повстанцами хуэй, «желая побудить их переправиться на южный берег, чтобы совместно сопротивляться» цинским войскам [82]. В «Хронике усмирения хуэй» сказано, что вооруженные отряды местных повстанцев «намеревались перейти Вэйхэ для соединения» с няньцзюнями [83]. Наконец, в книге «Записки об усмирении Гуаньлуна», являющейся своеобразной летописью кровавых злодеяний Цзо Цзун-тана по подавлению восстаний неханьских народностей, также отмечается, что цинским войскам было известно о наличии «договоренности относительно объединения» западных няньцзюней и хуэйских повстанцев [84]. Приведенные здесь источники дают возможность установить, что няньцзюни переправились через Вэйхэ, прибыли в Идянь, где находился штаб повстанцев хуэй, и с этого времени обе повстанческие армии длительное время вели совместные операции против правительственных войск. Эти действия, как видно из следующей цитаты, были довольно успешными. Повстанцы хуэй из провинции Ганьсу, «насчитывающие огромное количество людей, воспользовались случаем и устремились на восток, чтобы соединиться» с няньцзюнями [85], что повергло шэньсий-

---

[79] «Хубэй тунчжи». 1921. «Няньцзюнь». Ч. 3, стр. 186—187.
[80] Там же.
[81] «Лай Вэнь-гуан цзышу».
[82] «Фанлюэ». Т. 273, стр. 13.
[83] «Пин хуэй чжи». Т. 2. 1889. «Хуэйминь ции». Т. III, стр. 78.
[84] «Пиндин Гуаньлун цзилюэ», 1878. Там же, стр. 356.
[85] «Фанлюэ». Т. 274, стр. 2.

ские власти в «недоумение и смятение» и заставило их засыпать цинский двор просьбами о помощи [86]. В конце апреля 1867 г. объединенная армия повстанцев заняла города Пучэн и Дали. В летописи уезда Пучэн по этому поводу читаем: няньцзюни «устремились с запада на восток. Впереди шли повстанцы хуэй, которые, очевидно, выполняли роль проводников...» [87]. По официальным цинским источникам можно даже установить примерную численность повстанческой армии няньцзюней и хуэй. В «Фанлюэ» имеется следующая запись, относящаяся к лету 1867 г.: няньцзюни, «насчитывающие вместе с хуэйскими повстанцами несколько десятков тысяч человек, из района Фупин — Пучэн быстро двинулись на восток...» [88].

Ярким свидетельством сотрудничества няньцзюней и хуэй является также десятидневная оборона города Суйдэ [89], который няньцзюни оставили лишь после того, как получили письмо из Шаньдуна от Жэнь Хуабана с просьбой оказать поддержку восточным няньцзюням.

Таковы факты совместной борьбы западных няньцзюней и хуэйских повстанцев. На примере сотрудничества няньцзюней и хуэй мы видим, как классовое самосознание крестьян, рождавшееся в битвах против феодальной эксплуатации, начинало ломать религиозные, национальные и местные перегородки.

Таким образом, цинские официальные источники, а также документы и другие материалы, оставшиеся от самих повстанцев, позволяют историкам восполнить многие пробелы в изучении восстания няньцзюней, уточнить его социально-экономическую характеристику, определить его место в общем потоке национально-освободительного движения китайского народа во второй половине XIX века.

Мы рассмотрели лишь небольшую часть материалов, содержащихся в указанных источниках, однако и они дают основание утверждать, что няньцзюни оставили глубокий след в китайской истории. Это восстание было закономерным проявлением классовой борьбы китайского крестьянства, направленной против феодально-реакционных сил, в том числе и против иностранной агрессии. Борьба няньцзюней, которую буржуазные историки пытаются представить неорганизованным бунтом черни, на самом деле представляет собой одну из замечательных страниц в истории национально-освободительного движения китайского народа, ибо она отражала надежды, чаяния и нужды широчайших слоев крестьянства. Наибольший размах борьба няньцзюней получила после гибели Тайпинского государства и продолжалась до середины 1868 г., дважды за этот период угрожая самому существованию цинской династии. В совокупности с рядом других больших и малых восстаний китайского крестьянства, происходивших после 1864 г., няньцзюни своей самоотверженной борьбой показали, что китайский народ не смирился с поражением тайпинов, а продолжал освободительную борьбу.

---

[86] Там же. Т. 273, стр. 18.

[87] «Пучэнсянь синь чжи». Т. 12 1905 «Няньцзюнь». Ч. 3, стр. 325. См. также «Далисянь сюйчжи». 1885 («Летопись уезда Дали»). Там же, стр. 324.

[88] «Фанлюэ». Т. 280, стр. 35.

[89] «Цзо Вэнь-сян гун цюаньцзи» (Цзо Цзун-тан. Сочинения). «Няньцзюнь». Ч. 6, стр. 138.

СООБЩЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ПОМЕСТНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА РУСИ

А. А. Зимин

Возникновение поместной системы на Руси — одна из центральных проблем истории русского феодализма. Она уже издавна привлекала к себе внимание историков. В дворянско-буржуазной литературе наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой поместное землевладение сложилось при Иване III, наделившем своих служилых людей в условное владение землей, конфискованной им у новгородских бояр [1]. Эта реформа была проведена, как считали К. А. Неволин и другие буржуазные ученые, под влиянием традиций византийского права [2]. А. Д. Градовский возникновение поместного владения связывал с «развитием идеи о верховном собственнике и его неотчуждаемой собственности», которая, по его мнению, первоначально зародилась в церковном землевладении [3]. Несмотря на различия во взглядах К. А. Неволина и А. Д. Градовского, оба историка непомерно преувеличивали роль государства и видели в нем создателя поместного землевладения. Это представление, связанное с неверным мнением о государстве как творце исторического процесса, было одной из характерных черт буржуазной так называемой историко-юридической школы. Уже В. О. Ключевский, пытавшийся с позиций буржуазного экономизма внести коррективы в концепцию Неволина — Градовского, писал, что оба эти исследователя «говорят, собственно, о происхождении поместного права, идеи поместного, условного владения землей», а не о системе общественных отношений. В. О. Ключевский считал, что поместье сложилось на основе землевладения дворцовых слуг, однако и он полностью не преодолел традиционного формально-юридического подхода к решению данной проблемы, утверждая, в частности, что служебные отношения военных слуг («вольных») «были совершенно обособлены от отношений поземельных» [4]. Попытка В. О. Ключевского сочетать экономический и формально-юридический факторы при объяснении складывания поместной системы оказалась неудачной. Н. П. Павлов-Сильванский механически сопоставлял русское поместье XVI—XVII вв. с западноевропейским бенефицием эпохи Карла Великого [5].

С позиций буржуазно-юридической школы рассматривал вопрос о возникновении поместной системы С. Б. Веселовский. Основной его вывод сводился к тому, что «поместье, как способ обеспечения больших масс служилых людей, появилось только после объединения Руси под власть московского великого князя». При Иване III в руках московского князя

---

[1] Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Кн. II, т. VI. СПБ. 1842, стр. 213, ср. примечание № 508.

[2] К. А. Неволин. История российских гражданских законов. Т. II. СПБ. 1851, стр. 195; М. И. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов. СПБ. 1871, стр. 247; ту же мысль повторил Виппер (Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. Ташкент. 1942, стр. 32).

[3] А. Д. Градовский. Собрание сочинений. Т. II. СПБ. 1899, стр. 153.

[4] В. О. Ключевский. Сочинения. Т. II. М. 1957, стр. 217—220. Ср. С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПБ. 1897, стр. 1.

[5] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПБ. 1907, стр. 109; его же. Феодализм в удельной Руси. СПБ. 1910, стр. 382.

«оказалось большое количество населенных земель, далеко превосходившее потребности великокняжеского дворцового хозяйства». Образовавшийся таким образом земельный фонд был использован для массовой раздачи служилому люду в условное держание. «Поместная политика Ивана III в Новгороде... была грандиозной, по тогдашним масштабам, и смелой реформой». «Таким образом,— заключает С. Б. Веселовский,— в короткий сравнительно срок было положено широкое основание той новой формации рядовых служилых людей, зависевших непосредственно от великого князя,— формации, вышедшей на историческую сцену, на смену феодалов-дружинников, княжат и крупных бояр» [6]. С. Б. Веселовский решительно выступает против попыток ряда исследователей вскрыть исторические корни этой системы в различных формах служилого землевладения XIV—XV веков [7]. Отвергнув связь поместья с институтом условного держания землей в XIV—XV вв., он, по существу, приписал Ивану III «создание» поместной системы, тогда как в действительности она была теснейшим образом связана с социально-экономическими явлениями русского феодализма XIV—XV столетий.

В зарубежной буржуазной литературе до сих пор повторяются давно устаревшие утверждения дореволюционных историков. Так, автор специального труда по истории права поземельной собственности в России В. Б. Ельяшевич присоединяется к точке зрения К. А. Неволина, считая, что поместье зародилось в церковной среде и являлось сколком с византийских порядков [8]. Иван III выступает в работе Ельяшевича как исторический деятель, который задумал и осуществил «небывалое» по тогдашним временам перемещение населения. При этом Иван III, по словам автора, имел в виду «юридическую форму, которая в ту эпоху уже окончательно укрепилась в практике церковных земель» [9]. Для доказательства своего тезиса Ельяшевич ссылается на грамоту XV в. (в списке XVII в.), в которой говорится, что княгиня Мария Ярославна дала Троицкому монастырю «селцо Егорей в поместье» [10]. Однако если бы он внимательнее изучил сохранившиеся документы, то мог бы убедиться, что в данном случае мы имеем дело с опиской копииста XVII века. В грамоте речь шла о «Поемесье» или «Поемечье» — территории по реке Емсне, Нерехотской волости, Костромского уезда [11].

Таким образом, вывод Ельяшевича о существовании поместий у монастырей основан на недоразумении, а весь его подход к проблеме становления поместной системы на Руси представляет собой не что иное, как возврат к формально-юридической концепции середины прошлого века.

В советской исторической литературе вопрос о возникновении поместной системы снова стал в последние годы предметом специального изучения. Уже К. В. Базилевич показал значение мероприятий Ивана III по испомещению в новгородских землях послужильцев из распущенных боярских дворов (главным образом холопов-слуг) [12]. Большое принципиальное значение имеет также наблюдение акад. М. Н. Тихомирова, что предшественниками дворян XV—XVI вв. были так называемые милостники XII в., один из разрядов княжеских слуг. «Историю поместной системы и служилого землевладения,— указывает М. Н. Тихомиров,— надо

---

[6] С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.-Л. 1947, стр. 282.

[7] Там же, стр. 283.

[8] В. Б. Ельяшевич. История права поземельной собственности в России. Т. 1. Юридический строй поземельных отношений в XIII—XVI вв. Париж. 1948, стр. 369.

[9] Там же, стр. 372, 374.

[10] Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. I. СПБ. 1836, № 84.

[11] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ). Т. I. М. 1952, №№ 369, 374, 540.

[12] К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства. М. 1952, стр. 338—347, ср. его же. Новгородские помещики из послужильцев. «Исторические записки». Кн. 14, стр. 62—80.

начинать искать гораздо раньше, чем в XIV—XV веках. Она начала складываться на Руси уже в XII—XIII вв.»[13]. Социально-экономические предпосылки и сущность поместного землевладения детально рассмотрел Л. В. Черепнин. Поместное землевладение, пишет он, «выросло из условного землевладения, которое было распространено в более раннее время и преследовало как хозяйственные цели (освоение земли, особенно пустующей, ее заселение крестьянами, распространение вширь и вглубь крепостнических отношений), так и задачи материального обеспечения боярских и монастырских слуг (дворцовых и военных)»[14].

Если социально-экономическая структура поместья конца XV—XVI в. (в первую очередь новгородского) сейчас более или менее изучена[15], то конкретно-исторические пути складывания поместного землевладения выяснены еще недостаточно. Задача настоящей статьи сводится к тому, чтобы вскрыть те формы условного феодального владения, которые к концу XV в. сложились в поместную систему.

Одним из основных источников поместного землевладения, на наш взгляд, было землевладение боярское. Однако в литературе вотчина обычно резко противопоставляется поместью. При этом указывается, что вотчины (в отличие от поместий) считались неотчуждаемыми наследственными владениями и не были обусловлены обязательным несением военной службы[16].

Земельная собственность в эпоху феодализма носила расчлененный характер. «Иерархическая структура землевладения и... система вооружённых дружин давали дворянству власть над крепостными»[17]. Ярким проявлением такой структуры земельной собственности на Руси было так называемое «боярское землевладение» XIV—XV веков. Вотчинное землевладение детей боярских и других небогатых феодалов в то время не было таким полным и безусловным, как это представлялось буржуазным историкам. Князья-сюзерены могли отписывать владения своих вассалов на себя. Князь Борис Васильевич Волоцкий, например, в своем завещании писал, что он «поотнимал по своей вине» села у Федора Полева и других вотчинников Волоцкого уезда[18]. Вотчинники-вассалы часто не имели права по своему усмотрению распоряжаться принадлежавшими им землями. Так, около 1475—1485 гг. Кириллов монастырь купил у Федора Ивановича Судакова ряд «пожень»[19] в Кабачине наволоке. Однако белозерский князь Михаил Андреевич отобрал эти пожни у монастыря и вернул их Судакову. Лишь позднее кабачинские пожни князь передал Кириллову монастырю, обещав пожаловать Судакова такими же угодьями в другом месте[20]. В споре о селище Куземкине, имевшем место около 1463 г., келарь Симонова монастыря Никита и посельский Мисаил сооб-

---

[13] М. Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. Сборник статей «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М. 1952, стр. 104.

[14] Памятники русского права (ПРП). Вып. III. М. 1955, стр. 14; вып. IV. М. 1956, стр. 8—10; ср. Л. В. Черепнин. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII в.). «Вопросы истории». 1953, № 4, стр. 56—58.

[15] См. Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI в. Л. 1958 (автореферат кандидатской диссертации).

[16] В учебнике по истории СССР для высших учебных заведений говорится: «Феодальная вотчина фактически находилась в полном распоряжении владельца, который по своему усмотрению мог передавать ее по наследству, продавать» и т. д. («История СССР». Т. I. М. 1956, стр. 150).

[17] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 23.

[18] Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Ч. 1. М. 1813, № 105; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 71.

[19] АСЭИ. Т. II. М. 1958, № 231.

[20] Там же, № 244.

щали, что 30 лет назад, то есть примерно в 1433—1434 гг., оно было отдано в монастырь Тимофеем Дыбиным [21]. Земли этого селища считались боярскими [22]. Но, как это ни странно на первый взгляд, владелец этой земли Тимофей Дыбин был лишен полного права распоряжаться ею. Потребовалась специальная грамота великой княгини Софьи Витовтовны, чтобы он мог отдать эту землю монастырю. В грамоте, между прочим, было сказано: «Се аз, великая княгиня Софья, пожаловала есмя Тимофея Дыбина, ослободила есмь ему пустоши Дыбинские дати в дом пречистой на Симоново» [23]. Это вовсе не единственный случай, когда вотчинникам выдавались специальные разрешения на продажу их земель монастырям. В жалованной данной грамоте Ивана III около 1480—1484 гг. оговаривалось, что А. А. Рудный волен пожалованные ему земли «продати и променити и по душе дати» [24]. Из этой грамоты также ясно, что светские землевладельцы не всегда могли продавать или менять свои земли, не получив на это специальное разрешение верховной власти. Около 1448—1470 гг. белозерский князь Михаил Андреевич особой грамотой «ослободил» (разрешил), например, игумену Кирилло-Белозерского монастыря Касьяну купить половину деревни, принадлежавшей Есипу Пикину [25].

Бывали случаи, когда князья отбирали вотчины того вассала, который давал их монастырям, очевидно, без предварительной санкции своего сюзерена. Так, около 1471—1475 гг. Иван Александров сын Давыдович Кнутов дал в Кирилло-Белозерский монастырь деревню Ильинскую, «свою вотчину» на р. Шексне. Князь Михаил Андреевич post factum признал этот вклад и выдал кирилловским старцам соответствующую жалованную грамоту [26]. Но вскоре князь отобрал у монастыря эту деревню. В грамоте от 17 августа 1475 г. он указал: «Яз был у них ту деревню взял Ильинскую». И только после челобитья келаря Кириллова монастыря «тое деревни Ильинской отступился... дотоле, доколе яз сам посмотрю тое деревни, или кому велю посмотрити. И будет ми та деревня надобе, и яз у них ту деревню выменю или на ней денги дам» [27]. О конфискации земель вассалов писал в духовной грамоте великий князь Василий Васильевич (около 1462 г.): «А кому буду давал своим князем и бояром и детем боярским свои села в жалованье или хотя и в куплю кому дал,— ино те мои села моим детем, во чьем уделе будет, ино тому то и есть» [28].

В. И. Сергеевич считал, что в данном случае села отдаются детям великого князя в государственном, а не в частногражданском порядке [29]. Однако это объяснение основано на произвольном толковании текста. Великий князь в указанной грамоте, по нашему мнению, подчеркивает, что села, данные им или пожалованные «в куплю» ряду вассалов (то есть купленные ими с санкции великого князя), в действительности являются собственностью московского государя и его детей. В другом его же завещании также говорилось: «А которые дети боярские служат моей княгине... и кому буду яз, князь велики, тем давал свои села, или моя княгини им

---

[21] Там же, № 375.

[22] «А то, господине, земля одна Дыбинская, боярская, где стоим, из старины» (там же).

[23] Там же, № 341. Сходные ограничения имели место в других случаях. Так, радонежский вотчинник Василий Афонасьев в 1467—1474 гг. продал принадлежавшую ему землю игумену Троицкого монастыря. Его племянники добились у Ивана III специального разрешения о выкупе своей «отчины». Однако великий князь установил при этом известные ограничения в праве распоряжения землею: «А будет вам (Афонасьевым.— *А. З.*) не до земли, и вам тое земли Офонасьевские мимо монастыря не продати, ни менити, ни в закуп не дати, ни в холопи ся вам с того землею не дати». Там же. Т. I, № 423.

[24] Там же, т. II, № 393.

[25] Там же, № 142.

[26] Там же, №№ 212, 214.

[27] Там же, № 228.

[28] ДДГ, № 61.

[29] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Т. I. СПБ. 1890, стр. 349.

давала свои села, или за кем будет их отчина или купля, и в тех своих людех во всих волна моя княгини и в тех селех»[30]. Прекрасной иллюстрацией этого общего, по-видимому, правила может служить замечание великого князя Василия Темного о землях, пожалованных Софьей Витовтовной Федору Басенку, которые московский государь завещал «опосле Басенкова живота»[31].

Известную гарантию от конфискации земель, полученных от великого или удельных князей, имели лишь те вотчинники, которым были выданы особые жалованные грамоты. В своем завещании Иван III прямо указывал: «А что есми давал свои села бояром своим и князем и детем боярским и грамоты есми им свои жаловалные подавал на те села прочно им и их детем, или кому буду в куплю дал свои грамоты, и в те села сын мой Василей и мои дети у них не въступаются»[32]. Позднее, после того как сложилась поместная система, в жалованных грамотах на вотчинные земли уже встречаются оговорки о полном праве феодала на распоряжение данной ему землей («Волен Дмитрей и его дети то село и деревни кому дати и продати и променити и в закуп дати и по душе дати»[33]), специально фиксируется также право феодала передавать свои земли по наследству. Приговор 1572 г. предусматривал конфискацию земель после смерти землевладельца, если при пожаловании этих земельных угодий в грамоте не оговаривалось право передачи их по наследству («А у которого в грамоте будет ему одному написано,— и после его та вотчина на государя»[34]).

Итак, имеется ряд свидетельств об ограничении некоторых прав феодалов на их боярскую землю, существовавшем еще до сложения поместной системы в конце XV века.

Каковы же были обязанности служилых людей по отношению к сюзерену? С. Б. Веселовский считал, что собственники вотчин, обусловленных службой, распоряжались ими без всяких ограничений, а сама служба означала по преимуществу «служебную зависимость», а не выполнение определенных обязанностей, «неисполнение которых может повлечь отнятие» пожалованной земли[35]. С. Б. Веселовский при этом ссылается на следующее место из духовной грамоты волоцкого князя Бориса Васильевича, написанной около 1477 г.: «А что есмь пожаловал бояр своих князя Андрея Федоровича и князя Петра Микитича, подавал есмь им отчину в их отчины место, дал есмь князю Андрею Федоровичю Скирманово, да Фроловское, да Кореневское з деревнями, а князя Петра Микитича пожаловал есмь Шорсною з деревнями, доколе служат мне и моим детем и их дети; и учнут служити моему сыну и их дети, ино то им и есть; а не имут служити моему сыну, ино их отчина моему сыну; а возмет бог моего сына Федора, ино то мое жалованье им в отчину в их отчины место»[36]. Данный текст, по мнению С. Б. Веселовского, свидетельствует о том, что служба упомянутых лиц означала общую зависимость их от удельного князя, выраженную в запрещении отъезда от князя, а пожалованные им владения не что иное, как вотчины, обладание которыми не стеснено никакими условиями, кроме служебной обязанности в широком смысле слова.

Согласно завещанию князя Бориса Васильевича Волоцкого, он передавал Андрею Федоровичу Голенину три села с деревнями, очевидно, в

---

[30] ДДГ, № 61.

[31] Любопытно, что текст завещания великой княгини Софьи (1453 г.) попорчен как раз в том месте, где, очевидно, должно было быть упоминание о Басенке: «А что есмь преже сего дала два свои села, Окуловьское да Репиньское... (многоточие в издании текста.— *А. З.*),— и те оба села мои сыну же моему, великому князю Василью, в том волен он за собою ли их держит, кого ли ими сам пожалует» (там же, № 57).

[32] Там же, № 89.

[33] ААЭ. Т. 1, № 160 (грамота 1515 г.); ср. № 165 (грамота 1518 г.).

[34] ПРП, вып. IV, стр. 532.

[35] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 300—302.

[36] ДДГ, № 71.

обмен на его вотчины («Подавал есмь им отчину в их отчины место») [37]. Мена, очевидно, была выгодна для Голенина [38]. В грамоте упоминалось село Скирманово (ранее слободка), которое было центром Скирмановского стана (ранее волости). Об этом селе, по тем временам крупном владении, говорится в духовных грамотах великих и удельных князей с начала XIV века. Иван Калита завещал (около 1327 г.) своему второму сыну, Ивану, вместе с городами Звенигородом и Рузой также и «Скирмановьское». Позднее великий князь Иван Иванович в сделанном им завещании передавал Звенигород и Рузу своему сыну Ивану, который вскоре умер (1364 г.), и удел его перешел к старшему брату покойного — Дмитрию Донскому. В 1389 г. последний завещал Звенигород с волостями своему второму сыну, Юрию. По духовной грамоте Юрия Дмитриевича (около 1434 г.) Скирманово, как волость города Рузы, передавалось в наследство его второму сыну, Дмитрию Шемяке. И, наконец, Василий Темный оставил город Рузу своему второму сыну, князю Борису Волоцкому [39]. Именно он-то и пожаловал селами Скирмановым, Фроловским и Кореневским своего боярина Андрея Федоровича Голенина в обмен на какие-то, очевидно, купленные последним земли.

Знатное происхождение и должностное положение Голенина не дали, однако, ему полных прав на владение этими селами. В духовной грамоте А. Ф. Голенина [40] (около 1482 г.) села Скирманово и другие не фигурируют среди земельных владений, которыми тот жаловал своих детей и жену. Напрашивается вывод о том, что князь А. Ф. Голенин не имел полного права распоряжения вотчинами, пожалованными ему волоцким князем. Ведь, согласно завещанию князя Бориса Васильевича, указанные земли переходили к Андрею Голенину, «доколе служат мне и моим детем». В том же документе дальше шла оговорка: а если «не имут служити моему сыну, ино их отчина моему сыну». Все три сына князя Андрея Голенина были малолетними и не могли еще служить волоцким князьям. Именно поэтому князь Андрей Федорович и не завещал им земель, пожалованных ему волоцким князем; впоследствии эти земли упоминаются среди владений Федора Борисовича Волоцкого [41]. Из сыновей Голенина лишь младший дожил до совершеннолетнего возраста, но служил он уже не князю Федору, а рузским князьям Ивану Борисовичу и Юрию Ивановичу. Следовательно, в данном случае условия пожалования землями, отмеченные в духовной грамоте Бориса Васильевича Волоцкого, не могли быть выполнены Голениными, и земли эти возвращены были сюзерену, князю Федору. Все эти факты опровергают тезис С. Б. Веселовского о том, что «собственники вотчин, пожалованных под условием служебной зависимости, распоряжаются ими без всяких ограничений, продают, меняют, дают монастырям и т. д., как и собственники родовых вотчин. Если человек приносил князю служебную присягу, то он отказывался не от прав вотчинника, а от личных прав свободы служить кому угодно и отъехать

---

[37] В данной грамоте сына Андрея Федоровича написано о передаче в Волоцкий монастырь земель, «коими землями жаловал государь наш князь Борис Васильевич отца нашего князя Ондрея Федоровича, подавал ему в куплю» (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков (АФЗХ). Ч. II. М. 1956, № 41). «Купля» в грамоте Голенина может означать земли, выменянные Голениным на купленные князем вотчины. Ниже он упоминает: «Матери своее куплю... Село Никольское Шуйгино», которое в действительности было выменяно княгиней Голениной на ее куплю деревню Руново (там же, № 16).

[38] Ср. С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 301.

[39] ДДГ, №№ 1, 4, 12, 29, 61.

[40] АФЗХ. Ч. II, № 15.

[41] Князь Федор Борисович Волоцкий писал в духовной грамоте, составленной около 1506 г.: «Даю своей княгини на Волоце свои села... Кореневское да Фроловское... и з деревнями и з бортми и со всем с тем, как те села были за мною» (ДДГ, № 98). Село же Скирманово, очевидно, к этому времени было куплено у волоцкого князя А. А. Голениным. Последний упоминает о землях, «кои яз прикупал... Село Пречистые Скирманово» (АФЗХ. Ч. II, № 41).

от князя, от которого он получил землю»[42]. Князь А. Ф. Голенин, судя по документам, не имел таких полных прав на землю, пожалованную ему Борисом Волоцким, в частности он не завещал ее своим сыновьям. Мало того, земли ему были даны под условием служебной зависимости, выраженной не только в отказе от права отъезда, но и в исполнении определенной обязанности, хотя и не было точно указано, какая именно «служба» имелась в виду.

В литературе давно уже было известно распоряжение Ивана Калиты (около 1328 г.) отобрать у Бориса Воркова пожалованное ему село, если тот не будет служить наследникам великого князя («А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Воркову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за ним, не иметь ли служити детем моим, село отоимут»)[43]. Противопоставляя вотчинное землевладение условному, С. Б. Веселовский писал: «В данном случае речь идет о пожаловании Б. Воркову вотчины, и слово «служить» означает здесь не исполнение каких-либо определенных обязанностей, неисполнение которых может повлечь отнятие села Богородицкого у Б. Воркова, а служебную зависимость Воркова»[44]. По мнению В. Б. Ельяшевича, здесь говорится об обычных боярских владениях[45]. В данном случае упомянутые историки отчетливо проявили формально-юридический подход к проблеме землевладения в феодальную эпоху, непонимание теснейшей связи землевладения со «службой» сюзерену, как одной из форм иерархической структуры феодальной собственности.

Характер «службы» боярских землевладельцев раскрывается в ряде документов конца XV века. В правой грамоте по одному из судебных процессов, состоявшихся в 1503 г. в Вологде, рассказывается следующий эпизод. Около 1478 г. деревни Михалево и Минейцево перешли к Левонтию Злобе Васильеву сыну Львову[46]. Еще до этого, но во всяком случае уже после 1462 г.[47], он получил жалованную грамоту вологодского князя Андрея Васильевича: «Се яз, князь Андрей Васильевич, пожаловал есми Злобу Васильева сына, ослободил есми ему на Вологде купити земли на соху боярскых и служых и черных тяглых земель, хто ему продасть; а с тое земли с слугами и с черными людми не тянет, а служити своею братьею з детми з боярскыми». Злоба Львов купил пустоши Минеевскую и Михалевскую, а к 1484 г. у него уже было достаточно владений, в том числе «деревня Захарьинская на Маслене приданая», что указывает на родственные связи Львова с вотчинниками Вологды. На свои владения в сентябре 1484 г. он получил тарханно-несудимую грамоту Ивана III, подтвержденную в 1509 г. Василием III[48]. Грамота князя Андрея Васильевича чрезвычайно важна: она дает дополнительные материалы для характеристики «служнего» землевладения.

Термин «служнее» землевладение был хорошо известен русскому феодальному обществу XIV—XVI веков. Н. П. Павлов-Сильванский писал о нем: «Земли, дававшиеся слугам под дворским, назывались в удельное время служними землями»[49]. В грамоте князя Андрея Васильевича указывается на существование трех видов частновладельческих земель: «черные» земли свободных крестьян, «служние», то есть земли княжеской челяди, посельских, сокольников и иных слуг, и, наконец, «боярские». Земли «черные» и «служние» тянут тягло, отличаясь этим от «боярских», кото-

---

[42] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 302.
[43] ДДГ, № 1, стр. 10.
[44] С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 300.
[45] В. Б. Ельяшевич. Указ. соч., стр. 372.
[46] АСЭИ. Т. II, № 307.
[47] Андрей Васильевич получил Вологду по духовному завещанию Василия Темного (1462 г.) (ДДГ, № 61).
[48] АСЭИ. Т. II, №№ 250, 266.
[49] Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси, стр. 384.

рые обязаны службой (в первую очередь военной) [50]. Такое противопоставление боярского землевладения «служнему» и «черному» мы встречаем уже в договорной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.), где упоминаются «земли данные, служни или черных людей» [51]. Эти земли резко отделяются от боярских и княжеских. Договаривающиеся князья внимательно следили, чтобы, «которыи слуги к дворьскому, а черныи люди к становщику,— тых в службу не приимати, а блюсти ны их с одиного, а земель их не купити» [52]. Только в виде особой льготы князь Андрей Васильевич Вологодский разрешил Злобе Львову купить черные, или служние, земли в «отчину».

Грамота князя Андрея Васильевича говорит не просто о служебной зависимости владельца боярских земель Злобы Львова, а о конкретной его службе, в первую очередь военной, совместно с детьми боярскими. Земля боярская, которой владел Злоба Львов, напоминает обыкновенную феодальную вотчину: она могла передаваться по наследству (ее наследовал сын Злобы Андрей), на нее выдавались тарханно-несудимые грамоты, она могла покупаться и, как будет показано ниже, обмениваться.

Существовали, однако, специфические особенности землевладения детей боярских. Во-первых, оно было нетяглое; во-вторых, это землевладение обусловливалось службой, главным образом военной; в-третьих, лицо, пользовавшееся «боярской» землей, было стеснено в правах владения: чтобы купить или обменять такую землю, необходимо было получить специальное разрешение сюзерена — князя. В грамоте князя Михаила Андреевича около 1476—1482 гг. рассказывается, что сын боярский Федор Константинович Монастырев бил ему челом, чтобы получить право на обмен земли в Кирилловом монастыре. Князь Михаил Андреевич разрешил Федору Константиновичу обменять земли [53], как в свое время князь Борис Васильевич Волоцкий обменялся землями с князем Андреем Федоровичем Голениным [54], а князь Андрей Васильевич разрешил Злобе Львову купить землю на Вологде. Но как Злоба Львов, так и князь Голенин получили новые земли на ограниченном праве держания, которое в известном смысле можно назвать прообразом поместного. Во время судебного процесса, состоявшегося около 1501—1502 гг., условное землевладение митрополичьих детей боярских прямо названо поместьем [55].

Однако все указанные стеснения в праве распоряжения «боярской» землею у ряда держателей до реформы Ивана III не были точно определены, что и отличает это право держания земли от сложившейся позже поместной системы. Помещик XVI в. в отличие от держателя «боярской» земли, обусловленной службой, пользовался своими землями только до тех пор, пока исполнял ратную службу. Землевладение боярское, также обусловленное службой, сохраняло основные черты вотчин-

---

[50] В одной грамоте 1432—1445 гг. Василий II разрешает Троицкому монастырю купить («Ослободил есмь ему купити») двор в Переяславле «тяглой, служен или черной», причем с этого двора троицкие старцы не должны были «тянути ни (с) слугами, ни с черными людми» (АСЭИ. Т. I, № 105). Итак, служилый двор тянул тягло.

[51] «А хто будет покупил земли данные, служни или черных людий... а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людем» (ДДГ, № 11). «Служни» земли, следовательно, тянули тягло. Конечно, у нас нет никаких данных для того, чтобы утверждать, что все земли великокняжеских слуг, административно-хозяйственных чиновников, были тяглыми. Не исключена возможность наличия у них и нетяглых земель.

[52] ДДГ, № 11; ср. договорную грамоту 60-х годов XIV в. и духовную князя Владимира Андреевича (там же, №№ 5, 17) и т. д.

[53] АСЭИ. Т. II, № 242. Для покупки Троицким монастырем служебного двора, как тяглых двора и земель в первой половине XV в. Василий II выдавал специальные грамоты (там же. Т. I, №№ 105, 423).

[54] Среди земель князя А. А. Голенина были села и деревни, «коими землями жаловал государь наш князь Борис Васильевич отца нашего князя Ондрея Федоровича, подовал ему куплю» (АФЗХ. Ч. II, № 41).

[55] Митрополичьи дети боярские Некрас и Дрозд Васильевы говорили судье: «Нас, господине, теми деревнями и починки пожаловал Симон митрополит в поместье» (АФЗХ. Ч. I. М. 1951, № 254).

ного землевладения: служебная обязанность не была еще определенно выражена и четко обусловлена.

Наряду с боярским землевладением, предусматривавшим обязательную службу, уже в XIV—XV вв. существовал такой вид условного владения землей, как прекарное держание несвободных слуг («служние» земли). В. И. Сергеевич, например, утверждал: «Москва знает холоповвотчинников»[56]. Конечно, княжеские и боярские слуги из холопов владели селами и деревнями только по милости феодалов. Господа могли распоряжаться этими селами по своему усмотрению. Василий Темный писал в своем завещании: «А которые дети боярьские служат моей княгине и слуги ее и вси ее люди, холопи ее, и кому буду яз, князь велики, тем давал свои села... или за кем будет их отчина или купля, и в тех своих людех во всих волна моя княгини и в тех селех»[57]. Чрезвычайно важно отметить, что землевладение детей боярских (даже если оно будет их «отчиной» или «куплей») и слуг-холопов, получивших села от великого князя, поставлено в этом документе в один ряд. В XV в. были нередки случаи, когда небогатые вотчинники, имевшие свою землю, «били челом» крупному феодалу и становились его слугами-холопами[58]. К тому же между свободными и несвободными слугами в то время еще не существовало китайской стены. В завещании князя Владимира Андреевича (1410 г.) указывалось, например, что кто из «бортников или садовников или псарей или барашев, делюев не всхочет жити на тех землях, ин земли лишен, пойди прочь; а сами сыну, князю Ивану, не надобе, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну, князю Ивану»[59]. Здесь явно разграничиваются лица холопского состояния и те, на которых нет грамот «полных». Но землевладение свободных бортников и холопов имело одну общую черту: для обеих социальных групп в этом случае характерна условность пользования землею, которой в конечном счете распоряжался удельный князь. Даже если ключники «некупленные», то есть свободные, покупали деревни, как писал князь Владимир Андреевич, «за моим ключем», то сами ключники «детем моим не надобе, а деревни их детем моим». Пока свободный или несвободный слуга выполнял определенную служебную функцию при княжеском дворе, он имел право распоряжения пожалованным ему селом или деревней. Если же он переставал служить, то его земли отписывались на господина. Генетическая связь этого типа условного владения с поместным здесь налицо.

Значительная масса несвободных слуг, отпущенных затем на волю, стала в конце XV — начале XVI в. помещиками московского государя[60]. В этом отношении представляет интерес уже упоминавшееся выше завещание князя Андрея Федоровича Голенина (около 1482 г.). В нем также говорится о прекарном держании земель холопами («А даю сыну своему Семену людей своих полных Андрея Михайлова с женою и з детьми, и с его селцом и с его деревнями»)[61]. Но особенно интересна

---

[56] В. Сергеевич. Вольные и невольные слуги московских государей. Журнал «Наблюдатель», 1887, № 1, стр. 61.

[57] ДДГ, № 61. В 1519 г. одна из деревень Переяславского уезда находилась «за великие тернии за холопом» Митею Лаптевым, причем в деревне было три двора: в одном жил сам Митя, в другом — «его человек» Парша, а в третьем — крестьянин Васюк (АФЗХ. Ч. I, № 23).

[58] Около 1467—1474 гг. Иван III предупреждал небогатых радонежских вотчинников Афонасьевых: «Ни в холопи ся вам с того землею не дати» (АСЭИ. Т. I, № 423).

[59] ДДГ, № 17, ср. там же: «А кто будет под дворьским слуг, а кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел».

[60] См. об этом К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. «Исторические записки». Кн. 14; В. Н. Бернадский. Политика Ивана III в Новгороде. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 61. Л. 1947, и др.

[61] АФЗХ. Ч. II. № 15.

судьба холопа, а позднее помещика Мити Сокольника. Он был назван в числе «полных людей», которых князь Андрей Голенин завещал своей жене[62]. Примерно в 1477 г. Митя Сокольник был холопом князя Бориса Васильевича Волоцкого[63]. Позднее он попал к Андрею Федоровичу Голенину, а около 1482 г. был передан по наследству жене князя — Марии Голениной. Однако вскоре Мите Сокольнику удалось, очевидно, освободиться из холопьей зависимости, и он оказался в составе администрации волоцкого князя. В 1490—1491 гг. он уже присутствовал в качестве «пристава» на разряде земель Симонова монастыря и Ивана Осоки в Волоцком уезде, именуясь «доводчиком» князя Бориса Васильевича[64].

В ноябре 1503 г. князь Иван Борисович Рузский завещал Иосифо-Волоколамскому монастырю село Спасское[65]. 4 ноября 1504 г. на Волок была отправлена грамота, согласно которой это село отписывалось Иосифову монастырю. В грамоте, между прочим, княжескому чиновнику сообщалось, чтобы он «то село и деревни и все дал к монастырю, которые деревни к тому селу потягли из старины, оприч тех деревень, которые за помещики за Митею за Сокольником, да за Слепцом за Отяковым, да за Иваном за Конановым. И ты бы ся в те деревни не вступал»[66]. После смерти князя Ивана Борисовича Иван III передал Рузский удел около 1504 г. своему сыну Юрию[67]. Последний, полновластно распоряжаясь землями упомянутых помещиков, в 1506 г. дал «в дом Пречистой в Осифову пустыню свои княже Юрьевы Ивановича деревни в своей отчине в Рузском уезде в Юрьеве слободе деревню Волчково, что была за Митею за Сокольником, да деревню Князищево, что была за Слепцом за Посельским, да деревню Шилово, что была за Ивашком за Конановым сыном за Сытником»[68]. Деревня Волчково не являлась единственным поместьем Мити Сокольника. 17 мая 1515 г. по «слову» князя Юрия Ивановича его дьяк променял Волоколамскому монастырю «княже Юрьеву Ивановичу в Рузском уезде в Юрьевой слободе деревню Холово, что была за Митею за Березниковым за соколником в поместья со всеми угодьи»[69]. Впрочем, это был не единственный случай, когда князья отбирали у своих слуг — посельских — земли для передачи их в монастыри. Так, около 1448—1459 гг. князем Михаилом Андреевичем была отдана в Кириллов монастырь «Костина деревня Биралева, моего поселского»[70].

Из приведенного выше известия о пожаловании Волоколамского монастыря землею Мити Сокольника и его товарищей остается неизвестным, получили ли эти три помещика взамен конфискованных какие-либо другие земли; не вполне ясно также, оставался ли Митя Сокольник холопом, сделавшись помещиком, или, что вероятнее, он получил поместье после того, как вышел на свободу. Во всяком случае, несо-

[62] «А даю жене своей Марие своих людей полных: Митя Сокольник з женою и з детьми, да Куземка Посельской с женою» (АФЗХ. Ч. II, № 15).

[63] «Да даю своей княгине своих холопов... Митя сокольник, ...Конон Спасской» (ДДГ, № 71).

[64] «А пристав был Митя сокольник, князя Борисов доводчик» (АСЭИ. Т. II, № 403).

[65] ДДГ, № 88.

[66] АФЗХ. Ч. II, № 33.

[67] ДДГ, № 89.

[68] АФЗХ. Ч. II, № 35.

[69] Там же, № 64.

[70] АСЭИ. Т. II, № 125. Сохранилась докладная грамота волоцкому наместнику князю Федору Васильевичу Хованскому, согласно которой Митя сокольник Никитки сын Голубцов продал своих полных холопов Ивана Якимова с семьей (Библиотека Академии наук СССР, отдел рукописей, текущие поступления № 98, лл. 95 об., 96. За сообщение об этой грамоте выражаю свою глубокую благодарность В. М. Панеяху). Грамота составлена, очевидно, вскоре после смерти волоцкого князя Федора Борисовича (1513 г.), ибо Ф. В. Хованский упоминается в акте 1511 г. (АФЗХ. Ч. II, № 50). Не исключена возможность, что и в данном случае фигурирует все тот же Митя сокольник (прозвище; фамилии у слуг в XV—начале XVI в. были неустойчивы).

мненны два обстоятельства: 1) Митя Сокольник и, судя по прозвищам, его товарищи (Слепец Посельский, Ивашка Конанов Сытник[71]) — помещики, происходившие из состава княжеских слуг-холопов; 2) их поместное землевладение было обусловлено административно-вотчинной службой (один был сокольником, другой — посельским, третий — сытником). Но если это так, то генетическая связь поместной системы с землевладением низших чинов княжеского двора, происходивших из холопов, «слуг под дворским», сытников, сокольников, посельских, несомненна, несмотря на отрицание ее С. Б. Веселовским[72]. Следовательно, С. Б. Веселовский не прав, когда видит одну из главнейших особенностей поместного землевладения в ратной службе.

Документы свидетельствуют о том, что в начале XVI в. помещики могли и не исполнять военной службы. Среди лиц, испомещенных Иваном III в Новгороде, насчитывается не менее 280 (из 1 300) бывших холопов-послужильцев, ставших новгородскими помещиками. Но хотя прекарное землевладение слуг-холопов и было, на наш взгляд, одним из источников формирования поместной системы, следует подчеркнуть существенные отличия землевладения помещика XVI в. от условного держания слуги-холопа. С конца XV — начала XVI в. поместная система все больше связывается с ратной службой, тогда как землевладение посельских, сокольников и других лиц феодальной челяди обусловливалось в первую очередь административно-вотчинной службой. Далее, это землевладение не было обеспечено законом. В любое время господин мог отобрать землю у своего слуги-холопа. Поместье при условии исправного выполнения ратной службы было в принципе неотчуждаемым держанием служилого человека.

Поместная система образовалась в результате взаимосвязи, взаимовлияния землевладения боярского, обусловленного службой, и землевладения челяди крупных феодалов-вотчинников. Не случайно в завещании великого князя Василия II землевладение детей боярских и слуг-холопов, получивших от него пожалование, поставлено в один ряд.

Процесс формирования феодального поместного землевладения облегчался тем, что московская практика далеко не всегда отличала держание земель «служних» от держания земель «боярских». Так, в октябре 1479 г. князь Борис Волоцкий передал в Иосифов монастырь «деревню Ярцевскую да Руготицкого под Захаром под подъячим и с хлебом и з животом и со всем с тем, как было за Захаром»[73]. Земля Захара скорее всего «служняя»: ее владелец был подьячим. Конфискованная князем, эта земля была передана в монастырь, как неотчуждаемая больше собственность, и совершенно неожиданно в несудимой грамоте князя указано, что монахи владеют ею на тех же основаниях, «как было за Захаром». Получается, что служними землями владели на правах феодальной вотчины.

Связь боярского землевладения с поместным вскрывается при анализе древнейших поместных грамот — их прообраз следует искать в жалованных данных грамотах, выдававшихся вотчинникам. В 1482 г. Иван III пожаловал Митю и Ерему Трусовых детей Воробина землями в Водской пятине «з доходом з денежным и с хлебным по старине, как были те селца и деревни за Богданом за Есиповым и за Иваном за Кузминым и за Хомутовым, оприч моей великого князя дани»[74]. Богдан

---

[71] Не был ли Ивашка Конанов сыном холопа князя Бориса Васильевича Волоцкого, Конона Спасского, который упомянут в духовной грамоте князя вместе с Митей Сокольником? (ДДГ, № 71).

[72] «По сохранившимся источникам установить генетическую связь поместий с этими простыми формами условного владения землей княжескими рабами невозможно» (С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 305).

[73] АФЗХ. Ч. II, № 4.

[74] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал. Т. 1. Отдел II. М. 1905, стр. 3.

Есипов — крупный новгородский боярин, посадник[75]. Помещики Воробины получали свои земли на тех же основаниях, на которых владел ими Есипов, «оприч... великого князя дани». Сходство поместного и боярского землевладения в этом случае налицо. Правда, в самой грамоте, данной Трусовым, слово «поместье» отсутствует. Но если взять аналогичные документы более позднего времени, то всякое сомнение в этом отношении отпадает. Согласно грамоте, выданной Иваном III в 1490 г., Юрий Васильев сын Тархов получил «волостку» на Шелони «в поместье з доходом з денежным и с хлебным по старине со всем по тому, как та волостька была за Костянтином за Немым и за его сыном за Василием»[76]. По грамоте Ивана III и его сына Василия (1502 г.) Мосеевы получили деревни Шелонской пятины, некогда принадлежавшие упомянутому выше Богдану Есипову: «В поместье з доходом з денежным и хлебным и с мелким доходом,— оприч какие великих князей и обежные дани»[77]. Грамоты 1490 и 1502 гг. сходны с грамотой 1482 г., однако в них передаваемые князьями боярские земли прямо называются «поместьем». И при этом оговаривается, что помещики владеют данными им землями, «как» их предшественники. Конечно, полного тождества между поместным землевладением и боярским не было, но взаимосвязь их при анализе приведенных ранних поместных грамот выявляется довольно наглядно.

Изучение боярского землевладения конца XV в. позволяет, по нашему мнению, высказать предположение, что феодальное боярское землевладение, с одной стороны, и условное держание земли княжескими и боярскими слугами (так называемое «служнее» землевладение) являлись основными источниками для формирования поместной системы конца XV — начала XVI века. Конечно, при этом не следует забывать, что поместная система представляет собою качественно новое явление по сравнению с формами условного землевладения, существовавшими до нее.

Как показали труды Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и других советских историков, конец XV в. на Руси был ознаменован подъемом производительных сил в стране[78]. В условиях роста товарного производства крупные землевладельцы-бояре в своей массе не сумели «перестроить свои хозяйства в связи с требованиями жизни»[79]. Феодальная аристократия, ведшая паразитический образ жизни, разорялась, ее земли продавались, закладывались, дробились между многочисленными наследниками. Например, владения Троице-Сергиева, как и других монастырей, «росли на боярских костях»[80].

Владельцы огромных княжеско-боярских латифундий, получая с крестьян большую денежную и отчасти натуральную ренту, не были особенно заинтересованы во введении новшеств как в технику сельского хозяйства, так и в формы эксплуатации непосредственного производителя. Иным было положение мелких и средних землевладельцев. Старые методы эксплуатации крестьян часто не давали рядовым детям боярским необходимых денежных средств. Поэтому они более энергично при-

---

[75] См. С. А. Тараканова-Белкина. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М. 1939, стр. 93, 110, 112.

[76] Д. Самоквасов. Указ. соч., стр. 7—8.

[77] Там же, стр. 7; ср. грамоту 1504 г., выданную Иваном III и его сыном Василием братьям Паюсовым на деревни Костылева, «что были за их отцом за Черницом за Паюсовым в поместье, з доходом з денежным и з хлебным и з милким доходом, оприч нашие великих князей обежные дани» (там же, стр. 4—5).

[78] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948; М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М. 1957, стр. 5—161; «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». Ч. II. М. 1953, стр. 69—115.

[79] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Кн. II. М. 1954, стр. 53.

[80] Там же, стр. 59. Этот процесс был показан еще С. Б. Веселовским.

спосабливались к новым экономическим условиям, энергичнее вводили барщину и увеличивали денежные оброки. Все это дает основание утверждать, что победа поместья над крупной боярщиной была победой экономически более жизнеспособных форм феодальной собственности над ее архаичными формами. В самом деле, утверждение поместной системы на землях Новгорода привело к активному развитию там денежной ренты. Изучение духовных грамот мелких и средних феодалов конца XV—XVI в. показывает, что у этих лиц скапливались порой значительные денежные суммы. Помещики были теснее связаны с рынком, чем бояре-вотчинники. Только этим в первую очередь можно объяснить позицию дворянства как в борьбе за Казань и за Волжский речной путь, так и в особенности в борьбе за Прибалтику, которой боярство противопоставляло свою «южную программу» движения на Крым.

Уже И. И. Смирнов обратил внимание на то, что, согласно послушным грамотам, можно проследить развитие барщины в новгородских поместьях в 70-х годах XVI века[81]. Выводы его в настоящее время уточнены В. И. Корецким, который установил, что уже в 50-х годах XVI в. распространение барщины находит отражение в формуляре послушных грамот[82]. Барщина, получившая столь большое развитие к концу XVI в., быстрее растет именно на поместных землях, постепенно захватывая владения других феодалов[83]. Помещики, усиливая эксплуатацию, добавляли к оброку, величина которого определялась обычно «пошлиной», барщину. Дворянство настойчиво добивалось закрепощения крестьян. Оно оказывалось экономически более приспособленным к развивающимся товарно-денежным отношениям, чем реакционное боярство. Борьба правительства Ивана Грозного с боярской аристократией не могла увенчаться успехом, если бы не имела экономических корней.

Однако мелкое и среднее землевладение в конце XV—XVI в. сложилось как поместное, а не как вотчинное. Объяснение этому следует искать в недостаточном развитии экономики страны. Земельная собственность средних и мелких феодалов в конце XV—XVI в. не могла утвердиться как полная и безусловная, свободная от традиционных феодально-иерархических пережитков. Поскольку создание централизованного государства происходило на Руси в условиях феодализма, постольку и феодальная надстройка оказывала активное воздействие на базис. Непосредственная связь поместья с военной службой и стеснения в праве распоряжаться им были следствием недостаточного развития товарного производства при возросшей роли централизованного государства.

Только в «новый период» истории России, когда начал складываться всероссийский рынок, постепенно стирались грани между вотчиной и поместьем за счет расширения прав помещиков на продажу и покупку земель и укрепления феодальной собственности. XVII век был временем ликвидации различий между поместьем и вотчиной[84]. Этот процесс не означал возвращения к старой вотчине XIV—XV вв., представляя по своему существу в экономическом, а затем и в юридическом отношении новый этап в развитии феодальной земельной собственности.

---

[81] См. И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. Госполитиздат. 1951, стр. 41—42.

[82] В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. М. 1957, стр. 6 (автореферат кандидатской диссертации).

[83] Р. Г. Скрынников. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI в. Л. 1958 (автореферат кандидатской диссертации).

[84] Этот процесс убедительно показан А. А. Новосельским (см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955, стр. 139—151).

История СССР

КРАТКИЙ ОБЗОР КАРТОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVIII в. ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ (1700—1721 гг.)

Среди множества изученных и опубликованных источников, относящихся к истории героической борьбы народов России за свою независимость во время Северной войны, наименее исследованными являются картографические материалы. Между тем эти документы, составленные во время походов и лагерных стоянок, рекогносцировок и сражений участниками или свидетелями событий, имеют большую научную ценность. Карты, планы и схемы являлись в большинстве своем документами военно-рекогносцировочного, обзорного или отчетного характера. Из них можно почерпнуть сведения о топографии различных районов, дислокации и перемещениях войск, тактических и стратегических замыслах военачальников, системе укреплений в местах боевых действий (искусственные и естественные рубежи, крепости и т. п.), наконец, о проведении боевых операций (осада и штурм крепостей, сражения). Планы нередко выполняли роль боевых приказов. Так, в инструкции А. И. Репнину 10 июня 1704 г. предписывалось: «...осмотреть места для баталии, в скольких верстах от Нарвы, и с совету зделать чертеж и, подписаф именно, раздать каждому полковнику для ведения, где кому быть во время бою» [1].

Петр I настаивал на быстрейшей публикации планов. Многие из них сразу же после сражений были опубликованы [2].

Крупномасштабные планы сражений, гравированные известными специалистами первой четверти XVIII в. А. Зубовым, А. Шхонебеком, П. Пикаром и др., получили широкое распространение и впоследствии неоднократно воспроизводились. Первой их значительной по объему публикацией явилась «Книга Марсова» (1713 г.), переизданная в 1766 году [3]. С этого времени некоторые рукописные, а чаще гравированные планы 1700—1721 гг. приводились в исторических, военно-исторических исследованиях и публикациях о Северной войне [4].

Тематической публикацией картографических источников Северной войны явилось «Описание планов, карт и гравюр Полтавской битвы», помещенное в юбилейном сборнике «Полтавская битва» [5]. В этом издании описано 36 планов и 16 из них опубликовано. Однако среди последних впервые были изданы лишь четыре рукописных плана XVIII века [6].

В московских и ленинградских картографических собраниях основных картохранилищ XVIII в. (картографический отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел и Кабинет Петра в ЦГАДА, картографические коллекции Военно-ученого архива ЦГВИА, карты и планы Главного инженерного управления бывш. филиала ЦГВИА в Ленинграде, рукописные и картографические отделы библиотек Академии наук СССР и имени

---

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого» (далее «ПБ»). Т. 3, стр. 87.

[2] Там же, стр. 68, 161; см. также стр. 67, 90, 118—123, 516; т. 4, стр. 404, 1045, 1194; т. 8, стр. 178, 188, 194, 837; т. 9, стр. 308, 333.

[3] П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. Т. II. СПб. 1862, стр. 291—304; М. Н. Мурзанова. «Книга Марсова» — первая книга гражданской печати, напечатанная в Петербурге. Тр. Б-ки АН СССР. Т. I. М.-Л. 1948. Известно около 25 планов, опубликованных в «Книге Марсовой», которые освещают события 1702—1714 годов.

[4] ПБ. Т. 3, стр. 67; И. Ф. Павловский. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ее памятники. Полтава. 1909; Ф. Ласковский. Материалы для истории военно-инженерного искусства в России. СПб. 1861, ч. 2, приложения; М. К. Марченко. Головчино. «Военный сборник». 1901, № 3 и др.

[5] Сб. «Полтавская битва. 1709—1909». СПб. 1909, стр. 267—283 и 16 приложений.

[6] Там же, прил. 1, 5, 7, 9.

М. Е. Салтыкова-Щедрина) нами было выявлено более 800 оригинальных карт, планов и чертежей, относящихся к периоду Северной войны. Несмотря на привлечение такого значительного числа материалов, преимущественно впервые вводимых в научный оборот, настоящий обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Необследованными остались большинство шведских источников, архив Артиллерийского музея, так называемый Меншиковский архив и ряд других хранилищ, в которых, вероятно, также имеются рукописные карты и планы Северной войны.

Картографические источники XVIII в. освещают все основные события войны, начиная от осады Нарвы и Риги в 1700 г. и кончая Ништадтским миром 1721 года.

Наиболее ранними картографическими материалами по истории Северной войны следует считать шведские кадастровые описания с планами территории, перешедшей к России после Ништадтского мира. По своему содержанию и оформлению они похожи на материалы русского генерального межевания. В сохранившихся атласах помещены иллюминованные карты и крупномасштабные планы 1645—1711 гг. земельных участков Дудергофского, Ивангородского, Капорского, Нотебургского, Ямского, Кексгольмского ленов и погостов, Ингерманландии и части Финляндии [7]. Все карты и планы ориентированы, имеют масштабы, подробно знакомят с дорогами, гидрографией, рельефом и другими особенностями местности. На одной из них в левом верхнем углу помещен рисунок общего вида укреплений Нарвы и Ивангорода [8]. Многие из этих материалов, и в особенности сводные карты, несомненно, использовались в военно-тактических целях, что подчеркивается и в предисловии к атласу гравированных и рукописных карт и планов XVII—XVIII вв. шведского происхождения, собранных полковником Бодиско в 1841 году. Это «Собрание карт главнейших шведских баталий, преимущественно же баталий шведов с русскими и некоторых местных топографических карт Финляндии, служивших пособием для операционных действий в продолжении финляндских войн» [9], первоначально хранилось в библиотеке Стрельнинского дворца, откуда поступило в Библиотеку Академии наук. Особый интерес представляют карты, составленные для Карла XII генералом Стюартом, в том числе «Карта Ингерманландии с означением тогда бывших всех погостов с местом, где теперь Санкт-Петербург и Кронштат», «Карта Нюстата и его окрестностей, где ныне находится Санкт-Петербург» (26 июля 1699 г.), «Топографическая карта Нотебурга (Орешка) или Шлиссельбурга и в особенности того тракта, который лежал к тогдашней русской границе» (22 августа 1699 г.), схематическая «Карта тракта Родервикских островов в 8 милях на запад от Ревеля» (1700 г.) [10]. К этой группе документов относится и хранящаяся в ЦГАДА обзорная (general) «Карта части Ингерманландии» (1698 г.) [11].

Русской обзорной картой пограничных районов является «Карта часть большая Кесгольмского и Нейшлоцкого и малая часть Олонецкого уезду с показанием границы», скопированная во второй половине XVIII в. кондуктором А. Савельевым [12]. На ней изображены пешеходные тропы и дороги для проезда «двуколых» и «одноколых» телег, приведена опись, «куда продолжается» та или иная дорога «в швецкую сторону», показаны города, деревни, мызы, церкви, мельницы, луга, болота.

В начале сентября 1700 г. русская армия стала сосредоточиваться в районе Нарвы и Ивангорода. «Чертеж города Нарвы, который был тщетно осажден московским царем в 1700 г.» [13] и «План битвы под Нарвой 20 ноября 1700 г. между Карлом XII и русской армией под командованием герцога де Кроа» [14] рассказывают о начальном периоде Северной войны. Более подробен

---

[7] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Военно-ученого архива (ВУА), ч. 1 (1667 г., составитель Иоганн Мунк) — 42 плана; ч. 2 (1675—1676 гг.) — 95 планов; ч. 3 (1677—1701 гг.) — 280 планов; ч. 4 (1689—1695 гг.) — 62 плана; ч. 5 (1701—1711 гг.) — 11 планов; ч. 6 (1645—1701 гг.) — 234 плана; ч. 7 (1701 г.) — 18 планов; ч. 9 (1701 г.) — 27 планов.

[8] Там же, ч. 5, л. 4.

[9] Библиотека Академии наук СССР (БАН), карт. отд., $Vp \frac{т}{126}$.

[10] Там же, лл. 14—16, 18. Карты на шведском языке. Перевод их наименований на русский язык осуществлен составителем атласа в реестре, откуда заимствованы все заголовки.

[11] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 192, Петербургская губ., № 59.

[12] Там же, Выборгская губ., № 9.

[13] БАН, карт. отд., $Vp \frac{т}{126}$, л. 20.

[14] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1445, л. 1.

план осады Нарвы, который «чертил второго класса кондуктор Иван Ермолаев»[15]. Это русская копия второй половины XVIII в. оригинального плана, составленного в 1700 г. на шведском языке Гедеоном Вертмиллером[16]. Значительные размеры (115 × 87 см) и крупный масштаб (в 1 дюйме 95 сажен) плана позволили составителю достаточно подробно показать и описать основные боевые действия войск во время осады. В верхнем левом картуше плана помещен заголовок: «Геометрическая карта города Нарвы, изображающая выдержанную от царского величества Московского осаду под начальством тогдашняго полковника и каменданта Генинга Рудолфа Горна и освобождению онаго учиненною швецким его королевским величеством Карлом XII ноября 20 дня атакою со всеми как приступными, так и оборонительными строениями, контроваллационными и цыркумваллационными линиями (двойные линии непрерывного вала, который упирался флангами в р. Нарву.— *Л. Г.*), а наипаче с показанием королевско швецкой армии в ордер баталии, равно ж и со изображением российских полков как лагерем разположены были. Составлена в 1700-м годе в Нарве его королевско швецкого величества всеподданнейшим и верноприсяжным слугою и подданным Гедеоном Верт Меллером».

На плане показаны часть русла р. Наровы с островами Снеллеголм, Камперголм и Естголм, крепость Нарва с ее укреплениями, нарвский форштадт, Ивангородское предместье. В левом нижнем картуше в «Изъяснении литер» приведено описание основных оборонительных сооружений крепости (бастионы, равелины, валы, мосты). Здесь же описаны, а на плане изображены все дополнительные укрепления и основные этапы осады: «a. рогатки с полисадником супротив валу и вал с приступным полисадом, b. равелин с полисадником, c. бруствер с полисадником, d. полисад, e. бруствер или покрытой путь, f. блокгауз, g. полисад вне замка у Ивангорода, h. место, где неприятель штурмом вначале утвердился, i. бреш, неприятельскою пальбою произведенной, k. место, где неприятель в преждеупомянутом штурме лесницы приставлял, но по щастию отбит и на другой день выласка учинена, в которую россиане с великим уроном с своих мест отбиты, l. место, где неприятель вторично ночью утвердился, а на другой день наши вторичную выласку с выгодою учинили..., aa. неприятельская циркумвалационная линия, bb. контроваллационная линия, cc. царская ставка, dd. ставка дюка де Кроа, ee. ставка генерала Лангена, ff. место молитвоприношения святому Николаю россианами, gg. ставка генерала Трубецкова, hh. ставка генерала Адама Вейдеса, ii. ставка генерала Долгорукова, kk. артиллерийская лаблатория, ll. вегенбург российской». Показано расположение двадцати батарей с указанием количества пушек и мортир во время трех русских атак Нарвы. В третьем картуше плана (справа внизу) помещен «Регистр о российских полках». Размещение русских полков, изображенных на плане, показывает фактическое сосредоточение войск во время осады. Следует отметить более подробный и полный, чем, например, у Н. Устрялова[17], перечень полков, расположенных в боевых порядках.

Одной из причин поражения русских войск явились пассивные действия Августа II, снявшего осаду Риги в момент сосредоточения русской армии под Нарвой. Это событие изображает «Геометрический чертеж города Риги с показанием ситуации, ретраншементов, батарей и циркумвалационных линий, а также двукратной блокады, на котором нанесено расположение саксонских войск под командованием генерал-лейтенанта Флеминга, когда они вначале напали 11 февраля 1700 г. на Ригу и обложили ее, а затем, когда расположился король польский и блокировал ее до 16 сентября, после чего они все покинули позиции и направились к Кокенгаузену»[18]. Передвижение союзников изображено на карте «марша вдоль Двины от Риги до Кокенгаузена»[19]. Помимо сведений о расположении войск, карта сообщает, что «после захвата этой крепости армия 16 октября вновь переходит Двину и становится на зимние квартиры в Курляндии и Литве». К обороту карты приклеен «ордер де баталии» под Нарвой. Для изучения состояния оборони-

[15] Там же, № 1451.

[16] Вторая копия плана Г. Вертмиллера, на которой не указана фамилия копировщика, хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) — рукоп. отд., собрание карт, № 578. Оригинал плана, как свидетельствует Ф. Ласковский (указ. соч., стр. 101), хранился в архиве Нарвской инженерной команды, а его копия — в библиотеке Николаевского инженерного училища.

[17] Н. Устрялов. История царствования Петра Великого. Т. IV. СПБ. 1863, стр. 8.

[18] БАН, карт. отд., Vp $\frac{т}{126}$, л. 17.

[19] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 17.

тельных сооружений Риги того времени важным источником может служить иллюминованный план крепости [20].

Вторичная осада Риги в 1701 г. также закончилась неудачей для саксонцев. Карл XII разгромил армию генерала Штейнау и, как показывает один из шведских планов, перешел через Двину 9 июля 1701 года [21].

Чтобы предупредить возможное нападение шведов на Архангельск, в 1701 г. началось строительство крепости Новой Двинки. К руководству строительством был привлечен инженер Георг Эрнст Резе, составивший «План и профиль крепости, которая по указу его царского величества Петра Алексеевича на реке Новой Двинке меж городом Архангельском и Белым морем заложена в лето 1701 г. майя в 1 день». К этому проекту были приложены чертежи четырех роскатов, которые были «учинены ради обороны реки, как ведомость пришла, будто 10 кораблей свейских намерение на город Архангельской имеют и в день 25 июня 1701 году в вечеру о 6 часу чинили на нас три неприятельския корабля нападение, из которых по двучасной стрельбе два из них стрельбою на дно посажены, а третей — ушел» [22]. 7 декабря 1706 г. Г. Э. Резе вычертил план и профиль выстроенной им крепости [23].

Начальный период упорной борьбы Русского государства за возвращение своих земель и изгнание интервентов вскоре ознаменовался рядом побед. Один из частных эпизодов этой борьбы воспроизводит «Чертеж между русские и шведские на озере Пейпес, из него река Амовжа 1702 июля в 10» [24]. На нем изображен «остров Желацкой, и в то число, как мы у него стояли, явилось светцких 4 шкуты», приведен рисунок «шветцкой шкуте, которую разорвало, именем Фифат», а также показаны места, «где был шветцкой шанц», «где наши лодьи з берегу присланы», «наши роскаты» и «где шведы сваями реку перебили».

Первая победа над шведской флотилией на Чудском озере и последующие успехи русских войск в Лифляндии способствовали развитию активных действий Петра I, стремившегося захватить ключевые пункты Нотебург (Орешек) и Ниеншанц. Сохранился гравированный план осады Нотебурга, который показывает, как 11 ноября 1702 г. «отчественная сия крепость возвращена, которая была в неправдивых неприятельских руках 90 лет» [25]. Средствами графики план подробно передает систему укреплений крепости, расположение («стан») полков, основные этапы осады от «абоза» (то есть лагеря 27 сентября) до сдачи («неприятелской флаг свешен под нашим»).

Во время осады Ниеншанца был вычерчен схематический набросок плана его укреплений и окрестных мест (болота, сожженный форштадт) [26]; на основе этого документа в конце XVIII в. был составлен на немецком языке более детальный «План Ниеншанца, который царем был осажден 24 апреля, атакован и 1 мая 1703 г. капитулировал» [27].

Несколько планов шведского происхождения посвящено военным действиям 1702—1704 гг. в Польше: «План сражения у Клиссова 9 июля 1702 г. между Карлом XII и польско-саксонскими войсками Августа», «Отступление саксонцев на Пултовск 21 апреля 1703 г.», «Боевые действия у Пуница 28 октября 1704 г.» [28], а также планы боевых действий у Позена на р. Варта 19 августа, 14 октября — 3 ноября 1704 года [29].

1704 год ознаменовался новыми крупными победами русской армии. 12 июля был занят Дерпт (Юрьев), а вслед за ним, 9 августа, штурмом захвачена крепость Нарва [30].

Итоги Ингерманландского периода Северной войны подводит одна из замечательнейших рукописных военных русских карт-«чертежей», составленная 24 января 1705 года. Эта среднемасштабная обзорная карта, выполненная в стиле древнерусских «чертежей», изображает часть «Русской земли», Курляндию, польскую и шведскую Ливонию, Полоцкое воеводство, «Жмудь», поветы. К нижней части карты приклеено «Описание мест как стоит войско его царского величества и на которых местех неприятель 6-го генваря лета 1705» [31].

---

[20] Там же, № 22394. Интересен для сравнения план Риги, составленный капитаном И. Ждановым 16 сентября 1726 года. ЦГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 66, пл. 16.

[21] Там же, № 1445, л. 2.

[22] ЦГАДА, ф. 192, Архангелогородская губ., № 21.

[23] Там же, л. 22.

[24] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 3. Второй экземпляр плана см. ЦГАДА, ф. 192, Псковская губ., № 6.

[25] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1520.

[26] Там же, № 22245.

[27] Там же, № 1454.

[28] Там же, № 1445, лл. 3—5.

[29] ЦГАДА, ф. 192, Театры войны, между иностранными войсками, №№ 7, 8.

[30] ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 449, 1458.

[31] Там же, № 1474.

В ходе военной кампании 1705—1706 гг. в Курляндии, Литве и Польше русскими войсками были заняты Митава и Бовск (Бауск). Тем временем шведы громили армию Августа II.

В июле 1705 г. ими была захвачена Варшава. Этот этап боевых действий освещают два шведских плана осады Варшавы[32] и план местечка Блони (Blonie)[33]. Последний интересен тем, что приводит топографию района вблизи Варшавы, где располагалась шведская армия с августа и до конца 1705 года. Отсюда шведы выступили ускоренным маршем и к середине января подготовились к атаке Гродно. Оригинальный план крепости Гродно 1706 г. сохранился в двух экземплярах русского происхождения, но на немецком языке. К одному из них приклеен русский перевод легенды: «План Гродни, како тамо его царского величества войско под командою его королевского величества генерала-фелтмаршала барона фон Огильвия ошанцовались в месяце генваре и феврале 1706 г. Егда король свейской в 26 день генваря по новому стилю с своим войском после полудня окоп осматривал, но однако ж не посмел такое в удобном месте установленное войско атаковать и егда их несколькими пушечными выстрелами подарили, то король свейской со своим войском к вечеру назад отшел и с милю уступил, и больши ничего не испытал»[34]. В легенде также описано, а на плане изображено «разположение, како генералы командовали и определены были».

Тяжелое положение окруженной в Гродно русской армии особенно осложнилось в связи с «несчастливой баталией» 2 февраля 1706 г., в которой саксонская армия, стремившаяся прорвать окружение, была наголову разбита шведами. Несколько сохранившихся шведских планов сражения у Фрауштадта отличаются друг от друга лишь незначительными деталями[35].

Петр I немедленно принял энергичные меры к укреплению западной государственной границы. Сюда были подтянуты войска и подвезено вооружение («План марша полевой артиллерии от Севска до Смоленска 11 июня — 15 июля 1706 г.»)[36]. В марте началось строительство засечной черты Смоленск — Севск, которая продолжала укрепленную линию Псков — Смоленск. На карте засечной черты 1706 г., составленной, по-видимому, военным инженером В. Д. Кормчиным, показано строительство земляной линии (вала), укреплений (равелинов) и лесной засеки[37]. Одновременно срочно ремонтировались старые крепости — Псков, Брянск, Полоцк и другие. К периоду строительства относится «План города и фортификаций Пскова» 1—10 июля 1706 г.[38], а также план Полоцка с профилем ретраншементов, составленный русским инженером-майором де Брильи[39]. На другом плане Полоцка изображены военно-инженерные работы генерала Алларта в 1707 году[40]. Строительство, которое продолжалось и в 1708 г., сопровождалось рекогносцировочными поисками дорог, переправ, изучением местности. Разведывательные сведения составляют содержание целого ряда карт, например, «Распросной карты района Брянск—р. Буг» (1706 г.), «Карты течения р. Сож от Мстиславля до Гомеля» (1708 г.), «Карты течения р. Габия» (1708 г.)[41].

Весной 1706 г., выступив из Гродно, русская армия отошла к Киеву. Здесь также были приняты меры по укреплению города, на что указывает трехметровый «Чертеж Киеву граду и как стоит с Московску страну и кругом всего граду, и как же улицы и церкви в нем вся описана. По указу Петра Великого и по приказу болярина и воеводы Петра Хованского, сделанный подполковником Ушаковым для означения мест,

---

[32] БАН, карт. отд., $Vp\frac{т}{126}$, л. 21; ЦГВИА, ф. ВУА, № 1445, л. 6. К этому же периоду относится «Ordre de Bataille» 16 июля 1705 г.— ф. ВУА, № 1443, л. 8.

[33] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 7.

[34] ЦГАДА, ф. 9, 1 отд., кн. 66, пл. 11; ЦГВИА, ф. ВУА, № 1471.

[35] ЦГАДА, ф. 192, Театры войны, между иностранными войсками, № 10; ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 18, № 1445, л. 7; БАН, карт. отд., $Vp\frac{т}{126}$, л. 22. На всех планах датой битвы показано 3 (или 13) февраля. Учитывая особенность шведского датирования в 1700—1712 гг., необходимо считать истинной датой события 2 (или 12 по новому стилю) февраля. В связи с этим датировка, приведенная Б. С. Тельпуховским («Северная война». М. 1946, стр. 56),— 4 февраля — ошибочна.

[36] ЦГВИА, ф. ВУА, № 16125.

[37] Отдел рукописей библиотеки Академии наук (ОРБАН), № 658.

[38] ЦГАДА, ф. 9, 1 отд., кн. 66, пл. 20. Там же хранится более ранний «Чертеж городу Пскову, как он вснове строен и недостроен», на котором обозначено, что «достроено совсем», что «поспели, почитай, совсем» и что «недоспело для того, что дерн замерз и лесу нет».

[39] Там же, пл. 31.

[40] ЦГВИА, ф. ВУА, № 22367.

[41] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1467, ОРБАН, №№ 220, 153.

где бы можно было построить крепость для защиты Киева»[42]. Недавно обнаружен еще один план обороны Киева, составленный Аллартом в 1706 году[43].

Пользуясь тем, что шведы направили основные силы против Саксонии, русская армия к осени передвинулась к Волыни, а часть войск — в Финляндию, где в октябре безуспешно вновь пыталась овладеть Выборгом[44]. Сосредоточение русских войск в районе Люблин — Сандомир — Краков — Лемберг — Хелм—Тарнов — Галич показывает «Карта квартирного расположения российских войск» 1706 года[45]. В сражении 18 октября 1706 г. под Калишем союзные войска одержали победу над шведами[46].

С переходом польской границы 11 сентября 1707 г. начался поход Карла XII. В конце января 1708 г. был взят Гродно. Летом шведская армия переправилась через р. Березину и, одержав победу вблизи Головчина на р. Бабич, заняла Могилев[47]. Русская армия начала стягиваться к д. Горки на р. Проне. Несколько схематических планов наглядно изображают местонахождение русских лагерей этого периода: под местечком Копище, селами Городище и Любиничи, деревнями Тимоховка, Горки, местечком Горы[48]. Размещение войск в течение 13 июля — 9 августа показывает крупномасштабный «План лагеря у с. Горки»[49], вычерченный во время одного из смотров дивизий, проводившихся Петром. Более обзорный характер носит среднемасштабная карта дислокации войск 12—16 августа 1708 г., составленная, очевидно, в Мстиславле[50]. На ней изображены часть Украины, Смоленское княжество, Мстиславское воеводство и Оршанский повет, размещение на этой территории главных сил воюющих сторон.

Направление шведской армии к Северской земле и марш корпуса Левенгаупта из Риги к Пропойску для соединения с главными силами позволили русскому командованию провести одну из важнейших операций 1708 г. — сражение у деревни Лесной. К сожалению, не удалось отыскать русских рукописных картографических материалов этого события[51]. Единственный рукописный «План военных действий между Лесной и Пропойском 29 сентября 1708 г.», шведского происхождения, сохранился в копии 60-х годов XVIII века[52]. Однако фактические сведения, приводимые в нем, должны быть особенно тщательно сопоставлены с другими источниками, так как описательная часть документа фальсифицирует действительный ход сражения.

1 ноября 1708 г. шведская армия переправилась на левый берег Десны, направляясь к Батурину. Переправа сопровождалась, как показывают планы, стычкой с Аллартом у д. Псаревка[53]. Русские войска начали отступление в район Глухов — Батурин.

Тяжелые условия зимы 1708—1709 г., которую шведы провели на Украине, не поколебали их основного плана похода на Москву. Этот важный этап Северной войны, непосредственно предшествовавший Полтавскому сражению, отражает среднемасштабная обзорная «Карта, представляющая часть Малороссии с означением селений и городов, в коих квартировали российские войска»[54]. Составленная в штабквартире русских войск — Богодухове — 4 марта 1709 г., она показывает районы сосредоточения сил, размещение отдельных родов войск на «зимних квартирах» и расположение их тыловых «фуражных квартир». Кроме того, карта довольно подробно передает топографию обширной территории.

Весной 1709 г. все заметнее становилось стремление Карла XII захватить русскую оборонительную линию вдоль правого берега р. Ворсклы. В апреле шведы приблизились к Полтаве, а к началу мая сосредоточились вокруг крепости. Среди картографических материалов о Северной войне наиболее многочисленны планы, изображающие Полтавскую операцию. Все эти материалы по содержанию можно разделить на не-

---

[42] ЦГАДА, ф. 192, Киевская губ., № 14.

[43] ЦГВИА, ф. ВУА, № 22031.

[44] Шведские планы осады Выборга: БАН, карт. отд., Vp $\frac{т}{126}$, лл. 23, 24. («Pranta of Wiborg...», «Karta öfver Wiborg-Stad i Finland»); ЦГВИА, ф. 456, № 12.

[45] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 5. В 1707 г. план был гравирован (там же, л. 6).

[46] Там же, № 1445, л. 8 («Plan der Action bey Calisch d. 19. October 1706»).

[47] БАН, карт. отд., Vp $\frac{т}{126}$, л. 25; ЦГВИА, ф. ВУА, № 1445, л. 9.

[48] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, лл. 9—14.

[49] Там же, № 1473.

[50] ЦГАДА, ф. 192, Театры войны, между российскими и шведскими войсками, № 4.

[51] Гравированные планы: ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 1476, 1478, 1479.

[52] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1445, л. 11.

[53] Там же, л. 10 и № 1481.

[54] ЦГАДА, ф. 192, Карты Слободской Украинской губ., № 6.

сколько групп: планы крепости Полтавы, военно-топографические планы районов боевых действий, планы расположения войск и укреплений во время осады Полтавы, планы Полтавского сражения.

Наиболее ранним изображением крепости является схематический «План старой и новой Полтавы», составленный в мае 1709 года[55]. Характерная общая конфигурация Полтавской крепости четко представлена на плане «Пултава» атласа «Сила Российской империи»[56]. Детальные сведения о системе и характере укреплений, о крепостных сооружениях XVII в. и 1722—1729 гг., о ремонтных работах XVIII в. сообщают планы конца 20-х годов XVIII в. инженера В. Кутузова[57]. «Чертеж города Плотав» 1722 г. кондуктора Ивана Бишева содержит цифровые характеристики крепостной ограды, вала, башен. Этот план является первым графическим изображением городских кварталов и сооружений первой четверти XVIII века[58]. Наконец, характер городских застроек и оборонительной ограды крепости подробно изображает «План малороссийского полтавского полку полковому городу Полтаве с тремя проектами» 1748 года[59].

Обычно рельеф местности в течение 50—100 лет не подвергается каким-либо значительным изменениям. Поэтому все планы XVIII в., связанные с изображением топографии района боевых действий, могут служить надежным историческим источником. К этой группе документов относятся «Распросная карта окрестностей Полтавы от р. Коломаки по правому берегу р. Ворсклы до р. Псела»[60], «План малороссийского полтавского полку полковому городу Полтаве по малому масштапу с ситуациею на три версты сочинен 1746 г.»[61], «План города Полтавы с околичною сетуациею и с показанием вновь прожектированных кварталов и изобранного места для постройки дворца. Сочинен августа... дня 1783»[62], «План городу Полтаве и лежащим около онаго деревням и всей ситуации... октября в 18 день 1772 г.» (так называемый план В. М. Долгорукова)[63], а также межевые планы 1789 г. владений Полтавского Крестовоздвиженского монастыря[64].

Особое внимание исследователей привлекут уникальные рукописные планы, составленные в период осады Полтавы. Один из них воспроизводит «диверзию» А. Д. Меншикова 7 мая 1709 г. под Опошней (рис. № 1). На плане дано «начертание шведцкаго ретранжемента у Ворсклы реки, которой Меншиковым майя в 7 день щастливо и с пушками в нем обретающимися взяты и... множество конницы и пехоты в полон взято и побито» и изображены: «А. Наша линея, ради покрытия моста. В. Марш кавалерии и пехоты наши в тыл неприятелю идущей. С. Швецкой рестранжемент. Д. Наш лагерь»[65]. Другой план — «Кампемент от деревни Рябиновки», составленный в день приезда Петра в армию — 4 июня 1709 г.,— это единственное (современное событиям) графическое изображение района сосредоточения главных сил русской армии в период подготовки к генеральному сражению[66].

Основным картографическим документом, изображающим Полтавское сражение, является так называемый план Петра I, гравированный в 1709 г. и неоднократно воспроизводившийся в печати[67]. Другой план «генеральной баталии» был составлен также в 1709 г. генералом Аллартом и послужил первоисточником для последующих изображений боя на планах западноевропейских картографов и историков (де Фер, П. Гуссон, Ф. Леопольд, К. Вейланд, Г. Адлерфельд)[68].

---

[55] ЦГВИА, ф. ВУА, № 22368.

[56] Филиал ЦГВИА в Ленинграде (ФЦГВИА), ф. 3, оп. 23, № 937, л. 101.

[57] ОРБАН, №№ 781, 782.

[58] ФЦГВИА, ф. 3, оп. 33, № 11086.

[59] Там же, № 11089.

[60] Каталог Военно-ученого архива Главного штаба. Т. 1, 1905, № 1446. Опубликована: сб. «Полтавская битва», прил. 9.

[61] ФЦГВИА, ф. 3, оп. 33, № 11088.

[62] ЦГВИА, ф. ВУА, № 22369.

[63] Там же, № 1485. Опубликован: сб. «Полтавская битва», прил. 1.

[64] ГПБ, рукоп. отд., собрание карт, №№ 191, 193—200, 214—216.

[65] ЦГАДА, ф. 9, 1 отд., кн. 66, пл. 25.

[66] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 2. Обнаружены также и три копии этого плана: ФЦГВИА, ф. 3, оп. 23, № 937 (атлас «Сила Российской империи»), л. 102; ЦГВИА, ф. ВУА № 1443, л. 1; ФЦГВИА, ф. 3, оп. 33, № 11087.

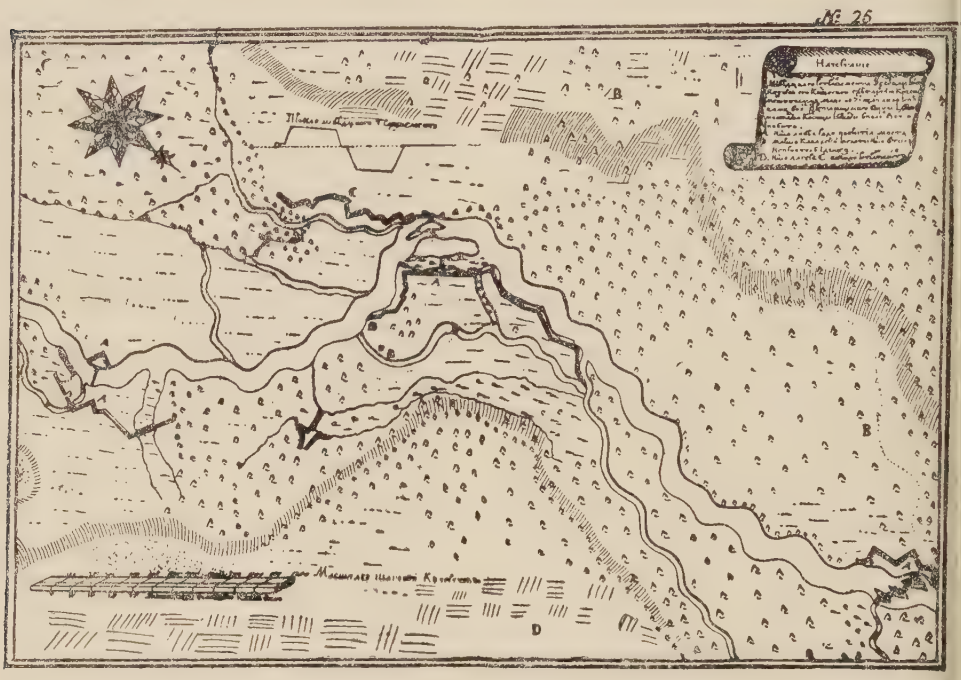
[67] ЦГАДА, ф. 192, Феатры войны, между российскими и шведскими войсками, № 14; ЦГВИА, ф. ВУА, № 1497. «Книга Марсова», СПб. 1766, пл. 8, и др.

[68] ПБ, т. 9, вып. 1, стр. 308; ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 1487, 1488, 1491, 1523; ФЦГВИА, ф. 3, оп. 33, № 11099; БАН, карт. отд., Vp $\frac{т}{126}$, л. 26. К этой группе материалов относится также «План знаменитой битвы...» (ЦГВИА, ф. 456, № 15) и план Х.-Я. Шварца (ЦГАДА, ф. 192, Феатры войны, между российскими и шведскими войсками, № 5).

Большой интерес вызывает малоизвестный рукописный план сражения, составленный во второй половине XVIII в. инженер-подполковником Андреем Темкиным. Богатое содержание «Плана с окружными местами города Полтавы и со всеми движениями войск от 14 мая до окончания Полтавской баталии 1709 году»[69] совершенно не изучено. Между тем план является одной из первых и, на наш взгляд, наиболее удачной попыткой (задолго до компилятивных планов Лукина и Хатова 1807—1819 гг.) объединить данные всех предшествующих картографических материалов. Это также единственный известный нам документ, который изображает все основные события Полтавской операции. Некоторые подробности, показанные на плане, дают основание полагать, что А. Темкин использовал для его составления не только доступные ему картографические, но и многие текстовые источники. Например, ни в одной из легенд планов XVIII в., воспроизводящих Полтавское сражение, не указан «абшнит из телег, зделанной по горе осажденными по занятии вала неприятелем» и т. д.

Заключительный этап сражения — поражение шведских войск под Переволочной — показан на небольших схематических врезках планов битвы, составленных Аллартом де Фером, Леопольдом и Шварцом. В архиве Инженерного департамента сохранились более поздние (1723 и 1727 гг.) планы крепости Переволочна[70].

Поражением шведских войск под Полтавой закончился первый период Северной войны. Во второй половине 1709 и в начале 1710 г. русская армия готовилась к решающим действиям в Прибалтике и Польше. К рекогносцировочным документам начала второго периода войны относятся «Топ-



План «диверсии» А. Д. Меншикова 7 мая 1709 г. под Опошней.

графическая карта, показывающая течение реки Двины от Юнгфергофа до впадения ее в море»[71] и «План устьев Аа и Зап. Двины с обозначением Неймюндской крепости и планы полевых укреплений в устье р. Зап. Двины»[72].

Лето и осень 1710 г. ознаменовались новыми победами русского оружия. В этот период были захвачены наиболее укрепленные пункты Прибалтики: Эльбинг, Выборг, Рига, Динамюнде, Пернов, Кексгольм (Корела), Аренсбург, Ревель (Колывань). Изображения всех захваченных крепостей приведены в «Книге Марсовой...», но многие сохранившиеся рукописные планы

[69] ГПБ, рукоп. отд., собр. карт. № 897.

[70] ЦГВИА, ф. 3 л, оп. 29, №№ 797, 798; ФЦГВИА, ф. 3, оп. 23, № 942, л. 13.

[71] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1443, л. 19.

[72] ЦГВИА, ф. 456, № 11.

укреплений и осады этих городов, существенно отличаясь от гравюр, дополняют и уточняют данные опубликованных источников [73].

Последующие боевые операции освещаются группой планов 1712—1714 годов. Отметим лишь некоторые из них: польский план расположения войск в сражении под Станиславовым 6 сентября 1712 г.[74], гравюра «Битва при Гадебуше $\frac{9}{20}$ декабря 1712 г., где датчане и саксонцы были побиты шведами» [75], «План города Штеттина с указанием расположения войск в 1713 г.» [76], «План части города Тенинга с апрошами, которые были устроены русскими и датскими войсками в 1713 г.» [77].

В июле 1714 г. борьба со шведами завершилась морской победой русского флота под Гангутом. Вскоре были заняты Аландские острова, на одном из которых в 1718 г. происходили мирные переговоры. В марте 1719 г. артиллерии поручик Иван Унковский «измерял и начертил» «Чертеж части Аланта и острова Зундскер, на котором имеют конгресс от государств Всероссийского, Свейского, Прусского полномочные, при том изъяснение знатных мест и квартир» [78]. На плане отмечено «урочище Буманзунд, при котором... Петр Первый 1714 году в августе месяце с войски своими сущими на галерном флоте пребыть изволил и оной остров Алант со всеми к нему островами вооруженною рукою под власть свою покорил», а также «остров Зундскер, на котором конгресс: конференции зала, квартира российских и прусского министров, квартира свейских министров, галеры российския и свейския в 1718 году стояли, пристань российских шлюпок, пристань свейских шлюпок, пристань старая почтовая и дорога, зимняя дорога к Абову, зимняя дорога к Кастергольму и Стекгольму».

В одном из атласов Военно-ученого архива помещены «Планы, принадлежащие к истории походов Карла XII против россиян, датчан, пруссаков и поляков». Они составлены на немецком языке, гравированы в середине XVIII в. и предназначались для книги «Жизнь короля Карла XII» [79]. Планы освещают последний, малоисследованный этап Северной войны. Среди них — «План ситуации и крепости Стральзунд, на которую напали с двух сторон датская, норвежская и прусская армии 15 июля 1715 г.», «Изображение взятия Пенемюндских укреплений и морского сражения в августе и сентябре 1715 г.», «Встреча, происшедшая при Стресоу на о-ве Рюген между шведами, датчанами и пруссаками $\frac{4}{15}$ ноября 1715 г.», «План высадки десанта высокими союзниками Севера на о-в Рюген 15 ноября 1715 г.», «Ситуация Готтенбургской блокады 14 мая 1717 г.», «План осады Фридрихсгалля, где $\frac{30 \text{ нояб.}}{11 \text{ декаб.}}$ 1718 г. был убит Карл XII» [80].

30 августа 1721 г. был заключен Ништадтский мир. Это важное событие первой четверти XVIII в. запечатлено на одной из лучших карт-гравюр Петра Пикара 1722 г.— «Карте разграничения земель вечного мира между российским и шведским государствы» [81]. На ней изображена пограничная линия, а также «разграничение» между Россией и Швецией погостов (pagus) и уездов (territorium), прилегающих к границе. Позднее Алексеем Ростовцевым была гравирована «Новая достоверная ландкарта княжества Корельского, а ныне Кексгольмского уезда» [82]. Составитель карты обер-секретарь Сената Иван Кирилов посвятил ее Петру I. На карте изображены «древние и в 1722 г. поставленные границы».

В заключение обзора необходимо отме-

---

[73] Выборг — ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 1501—1503, описание плана см. ПБ, т. 4, стр. 404; Пернов — ОРБАН, № 770, ф. ВУА, № 1504; Аренсбург — ОРБАН, № 715, ф. ВУА, № 1506; Корела — ф. ВУА, №№ 1517, № 1518; Динамюнде — ф. ВУА, №№ 1500, 21899; Ревель, ф. ВУА, № 1505.

[74] ЦГАДА, ф. 192, Театры войны между иностранными войсками, № 11.

[75] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1441, лл. 3 об.— 4.

[76] ОРБАН, № 684; ср. ф. ВУА, № 1510.

[77] Там же, № 709; ср. БАН карт. отд., Vp $\frac{\text{т}}{126}$, л. 29.

[78] ОРБАН, № 6; см. также отдельный план «Остров Зунд Скер» (ОРБАН, № 7) и генеральные планы Аландских островов (ОРБАН, №№ 8, 277 и ЦГАДА, ф. 192, Выборгская губ., № 20).

[79] ЦГВИА, ф. ВУА, № 1441.

[80] Там же, лл. 1 об.— 2, 5 об. — 6, 7 об.— 8, 9 об.— 10, 12, 14; см. БАН, карт. отд., Vp $\frac{\text{т}}{126}$, л. 33. К этой же серии планов относится «Карта походов 1718 г. Карла XII в Норвегию». БАН, карт. отд., Vp $\frac{\text{т}}{126}$, л. 32.

[81] ЦГВИА, ф. ВУА, № 25391.

[82] ЦГАДА, ф. 192, Выборгская губ., № 8.

тить, что, хотя картографические материалы XVIII в. с достаточной полнотой и точностью изображают все значительные события Северной войны, они до сих пор слабо использованы в исторических и военно-исторических исследованиях. Единственное исключение, быть может, представляет труд Ф. Ласковского. Однако автор, изучая подлинные планы и карты, придавал большее значение составлению своих собственных компилятивных («оригинально-составных» и «составных») планов [83].

Подавляющее большинство карт и планов Северной войны русского и шведского происхождения, реже — немецкого, голландского, польского, французского; текстовые характеристики составлены соответственно на русском или шведском языках, нередко и на немецком, иногда с параллельными текстами: русский и немецкий, русский и латинский и т. д. Это обстоятельство имеет немаловажное значение для правильного определения как времени составления планов, так и дат изображенных событий. Например, на планах шведского происхождения с легендами на немецком языке датировка всех событий дана в отличие от русских днем позже. Это ввело в заблуждение редакцию юбилейного сборника 1909 г., которая считала подобные даты ошибочными [84]. На самом же деле такое расхождение объяснялось тем, что в Швеции с 1700 по 1712 г. по указу Карла XII был отменен високосный день — 29 февраля [85].

Как нам кажется, перед исследователями истории Северной войны стоит задача — тщательно изучить содержание атласов и конволют XVIII в.: русского атласа ВУА с планами 1700—1709 гг., шведского атласа ВУА 60-х годов XVIII в. (с оригиналов не позднее 1712 г.), сборного атласа БАН с картами и планами 1699—1718 гг. и атласа середины XVIII в. бывшего филиала ЦГВИА в Ленинграде [86] с планами, изображающими события 1702—1710 годов. Исследование картографических материалов будет способствовать более полному освещению истории Северной войны.

Л. А. Гольденберг

[83] Ф. Ласковский. Указ. соч., стр. 592—634.

[84] Сб. «Полтавская битва», стр. 235.

[85] Н. Устрялов. Указ. соч., стр. 44—45.

[86] ЦГВИА, ф. ВУА, №№ 1443, 1445; БАН, карт. отд., Vp $\frac{т}{126}$; ФЦГВИА, ф. 3, оп. 28, № 1.

Всеобщая история

«История Польши». В трех томах. Т. III. Под редакцией Ф. Г. Зуева, А. Я. Манусевича, И. А. Хренова. Изд-во АН СССР. М. 1958, 667 стр. Тираж 6 000. Цена 36 руб. 30 коп.

За последние годы Институт славяноведения АН СССР подготовил и выпустил в свет ряд крупных коллективных исследований по истории отдельных славянских стран народной демократии: двухтомную «Историю Болгарии» (М. 1954—1955), первый том трехтомной «Истории Чехословакии» (М. 1956), трехтомную «Историю Польши» (т. I — М. 1954; 2-е изд.— М. 1956; т. II — М. 1955). Создание этих обобщающих трудов,—безусловно, крупное достижение творческого коллектива института.

В рецензиях на первые два тома «Истории Польши», опубликованных в свое время на страницах советской и польской печати [1], уже отмечались достоинства этого капитального труда. Тщательное знакомство как с первыми двумя книгами, так и с третьим, заключительным томом позволяет сделать вывод, что широкие читательские круги получили общий обзор истории Польши, написанный на основе марксистско-ленинской методологии, учитывающий последние достижения в области изучения истории братского народа.

«История Польши» создавалась при

[1] См., например, «Вопросы истории», 1956, № 11; «Вестник Академии наук СССР», 1955, № 8; журнал «Славяне», 1957, № 3; 1955, № 4; «Kwartalnik historyczny», 1954, № 4; газета «Życie literackie», 1954, № 37; «Od A do Z», 1954, № 35, и др.

ктивном содружестве советских и польских пециалистов. Большую помощь консультациями, участием в обсуждении рукописи казали авторскому и редакционному коллективам сотрудники Института истории и Института истории искусств АН СССР, институтов истории академий наук Украинской, Белорусской и Литовской Советских Социалистических Республик. Ценные замечания высказали авторам сотрудники аучных учреждений народной Польши, в частности Института истории партии и Института общественных наук при ЦК ПОРП, бсуждавшие книгу в рукописи, а также Института истории Польской академии аук, Комитета истории наук, Института стории искусств, Института литературных сследований. Создание указанного труда вляется, таким образом, наглядным свидетельством крепнущего сотрудничества ежду советской и польской наукой.

«История Польши» будет способствовать лагородному делу дальнейшего упрочения братских советско-польских отношений. Именно на это обстоятельство обратила нимание делегация Польской Народной еспублики во главе с первым секретарем ЦК ПОРП Владиславом Гомулкой, которая аходилась осенью 1958 г. с дружественным визитом в Советском Союзе. Получив в дар три тома «Истории Польши», елегация направила в адрес Института лавяноведения письмо, в котором выражала благодарность за книгу и отмечала, то этот труд свидетельствует об интересе оветских людей к истории Польской Народной Республики и послужит укреплению ратской дружбы между двумя народами [2].

В третьем томе освещается история ольши с октября 1917 г., то есть с момента Великой Октябрьской социалистической еволюции в России, сыгравшей решающую оль в восстановлении независимости ольского государства, до создания ольского комитета национального освобождения в июле 1944 г., ознаменовавшего ачало социалистического этапа в польской стории. Создание тома было сопряжено со ногими трудностями. Указанный период лабо изучен, и к тому же необходимо ыло подвергнуть всесторонней критике азличные фальсификации истории Польши буржуазной историографии. Ни в Советском Союзе, ни в Польше нет обобщающих сследований по новейшей истории польского народа, если не считать научно-популярных «Очерков» А. Я. Манусевича [3], в которых излагаются основные факты из польской истории с древнейших времен до наших дней, и учебного пособия для учащихся XI класса польских школ, посвященного периоду 1864—1945 гг.[4], авторами которого являются польские ученые В. Куля, Ж. Корманова, Т. Данишевский, Я. Канцевич, В. Найдус, Л. Гросфельд и М. Турлейская. Фундаментальное издание по истории Польши, предпринятое в последнее время Институтом истории Польской академии наук, к сожалению, еще не закончено [5].

В последние годы на Западе появился ряд работ польских реакционных эмигрантских историков, а также американских и английских дельцов от науки [6], искажающих историю польского народа.

В связи с отсутствием марксистских обобщающих исследований, с одной стороны, и наличием книг, в кривом зеркале отображающих историю Польши межвоенного двадцатилетия и периода второй мировой войны,— с другой, авторам пришлось проделать большую и сложную работу. В целом ряде случаев, в частности в освещении вопросов периодизации и многих других проблем, им пришлось идти по неизведанным дорогам. К чести творческого коллектива следует признать, что его усилия, несмотря на столь серьезные трудности, увенчались успехом.

Одна из наиболее ответственных задач авторов заключалась в том, что историю Польши надо было показать как историю трудящихся масс, историю народа. Следует отметить, что в рецензируемом томе эта задача решена удачно. С первой и до последней страницы книга раскрывает борьбу трудящихся масс за лучшее будущее, против капиталистов и помещиков, за социалистическую Польшу. При этом освещаются не только революционные выступления, но и жизнь трудового народа. Правда, эта вторая сторона истории трудящихся раскрыта менее ярко и конкретно. Книге недостает

[2] См. «Правда», 19 ноября 1958 года.

[3] А. Я. Манусевич. Очерки по истории Польши. М. 1952; его же. Нариси з історії Польщі. Київ. 1954.

[4] «Historia Polski, 1864—1945». Materiały do nauczania w klasie XI. Warszawa. 1953.

[5] «Historia Polski». T. I. cz. I, II. Warszawa. 1957; t. II, cz. I, II. Warszawa. 1958.

[6] Wl. Pobóg-Malinowski. Najnowsza historia polityczna Polski. 1864—1945. T. II. cz. I. Londyn. 1956; «The Cambridge History of Poland from Augustus II to Pilsudski (1697—1935)». Cambridge. 1951.

запоминающихся картин народного быта, красочного описания жизни и условий труда рабочих и крестьян.

Центральной проблемой тома, тесно связанной с проблемой истории трудящихся масс, является освещение деятельности Коммунистической партии Польши.

У нас и в Польской Народной Республике до настоящего времени еще слабо изучена история КПП, имеется много нерешенных вопросов. В связи с этим весьма ценным является исследование героической борьбы КПП, предпринятое в третьем томе. Авторы на основе изучения трудов В. И. Ленина, партийных документов и произведений деятелей польского и международного рабочего и коммунистического движения, а также привлечения широкого круга архивных материалов сумели по-новому осветить ряд вопросов истории Компартии Польши.

В работе показаны этапы идейного роста и организационного укрепления партии, раскрыт опыт классовых боев пролетариата и трудящихся масс, в итоге которого КПП все полнее и глубже овладевала марксизмом-ленинизмом, освещена ведущая роль партии коммунистов в исторических судьбах нации и страны. Книга ярко показывает, что КПП с первых шагов своей деятельности была «единственной партией, последовательно отстаивавшей интересы трудящихся, поднимавшей их на борьбу за лучшее будущее, за свободу и социализм» (стр. 85—86).

Вся революционная деятельность партии раскрыта в тесной и неразрывной связи с экономическим и общественно-политическим развитием страны, с борьбой польского народа за национальное и социальное освобождение. Книга повествует о мужестве и героизме польских коммунистов, их преданности национальным интересам родины, высоким идеям интернационализма, их солидарности с международным рабочим классом.

Правильно показав великие заслуги КПП в борьбе за счастье и свободу польского народа, авторы со всей принципиальностью отметили основные ошибки и заблуждения, имевшие место в партии, отразили сложную и острую внутрипартийную борьбу, пути и методы преодоления оппортунистических извращений и укрепления партийных рядов.

При этом надо сказать, что перед авторским коллективом стояло много трудностей, которые были порождены прежде всего слабой общей теоретической разработкой истории польской Компартии, огромным количеством литературы, в которой вольно или невольно высказывались ошибочные взгляды на деятельность КПП в том или ином вопросе[7]. Наконец, недостаток архивных материалов и некоторых важных данных также затруднял исследовательскую работу. Вот почему в рецензируемой книге не все оценки и формулировки бесспорны и полны. Прежде всего это относится к изложению трудного периода в жизни партии (1924—1926 гг.), когда внутрипартийная борьба не раз порождала тяжелые кризисы в КПП. Вряд ли правильно поступили авторы, не осветив историю острой борьбы, развернувшейся в период после II и до начала III съезда КПП между А. Варским, Г. Валецким, В. Костшевой, Э. Прухняком, с одной стороны, и Ю. Ленским, Л. Домским, С. Осинской — с другой. Думается, что в такой работе, как «История Польши», следовало бы дать оценку этим двум группам КПП, образовавшимся в то время среди ее руководящего состава. Авторы не отметили также, что группа Ю. Ленского, правильно критикуя ЦК польской Компартии во главе с А. Варским и В. Костшевой за оппортунистические извращения тактики единого фронта и другие ошибки, сама не была свободна от сектантства и догматизма.

Излагая работу III съезда, авторы забывают отметить, что при всей большой и положительной роли, которую сыграл этот съезд, в его деятельности были и слабые стороны. Съезд не подчеркнул, например, опасности левацких ошибок и необходимости решительного искоренения сектантских тенденций в партии. А это, как известно, привело ее к новым осложнениям, проявившимся во второй половине 1925 года. И лишь решения IV конференции КПП

---

[7] Уже после выхода в свет третьего тома «Истории Польши» в Польской Народной Республике появились первые обобщающие работы по истории КПП. Особенно большое научное и политическое значение имеют Тезисы Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии «40-летие образования Коммунистической партии Польши», опубликованные в декабре прошлого года (см. журн. «Nowe drogi», 1958, № 12). Вышла в свет также книга Ю. Ковальского по истории польского рабочего движения в 1918—1928 гг. (J. Kowalski. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918—1939. Cz. I, lata 1918—1928. Warszawa. 1959).

помогли руководству партии наметить правильный курс [8].

Недостатком книги является также некоторая разбросанность в изложении, неконкретность в освещении отдельных исторических событий из жизни партии. Важные факты и интересные выводы нередко находим в разных параграфах и главах, что, бесспорно, мешает составить цельное представление о деятельности партии. Поэтому, нам кажется, было бы целесообразно объединить некоторые слишком незначительные по объему и хронологическому периоду параграфы в более крупные.

Одна из важнейших проблем новейшей истории польского государства — это отношения досентябрьской Польши с Советским Союзом. Литература по этой теме очень бедна; притом она излагает лишь отдельные, частные вопросы. Совершенно отсутствуют работы обобщающего характера.

В связи с этим необходимо положительно оценить исследование советско-польских отношений в третьем томе. Авторы показали причины антисоветских настроений польской буржуазно-помещичьей верхушки, вскрыли антинациональный, пагубный для страны внешнеполитический курс польского государства.

В книге привлечен новый архивный материал и дан более полный, по сравнению с тем, что имелось до сих пор в литературе, анализ исторических фактов, что позволяет конкретно представить основные моменты и этапы враждебной деятельности польских правящих кругов в отношении СССР.

Авторы правильно отмечают, что антисоветская направленность политики империалистической Польши значительно усилилась после фашистского переворота в стране и особенно в связи с приходом немецких фашистов к власти и подписанием польско-германского соглашения 1934 года.

Убедительно раскрыты в III томе принципиально различные позиции в отношении Советского Союза польских реакционных элементов, с одной стороны, и прогрессивно-демократических сил во главе с рабочим классом,— с другой. Польские трудящиеся под руководством КПП разоблачали антинациональную и антисоветскую политику «своего» правительства, вели борьбу против реакционной правящей клики, выступали за дружбу и тесное сотрудничество с СССР.

Хорошо освещена в работе политика Советского Союза по отношению к польскому государству. Советский народ и его правительство, подчеркивают авторы, уважая суверенные, национальные права поляков и питая искренние, братские чувства к польскому народу, делали все возможное, чтобы отношения между двумя соседними странами были мирными, дружественными, деловыми и служили взаимной выгоде, экономическому развитию, безопасности и укреплению внешнеполитических позиций обоих государств.

Немало страниц в III томе уделено национально-освободительному движению в западноукраинских и западнобелорусских землях. Значение исследования этой темы бесспорно. Вполне обоснованно решение авторов посвятить отдельные параграфы движению украинского и белорусского народов за освобождение от социального и национального гнета, за воссоединение с Советской Украиной и Советской Белоруссией. Однако, то ли потому, что данная проблема не нашла еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в современной польской историографии, то ли в силу недостаточного знакомства авторов с рядом работ советских, украинских и белорусских историков, сборников документов и воспоминаний [9], указанные выше параграфы получились несколько бледными.

---

[8] «KPP. Uchwały i rezolucje». T. II. Warszawa. 1955, str. 248—256.

[9] См. например, «Возз'єднання українського народу в єдиній Українській Радянській державі (1939—1949)». Збірник документів і матеріалів. Київ. 1949; «Під прапором Жовтня. Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на піднесення революційного руху в Західній Україні». Документи і матеріали. Львів. 1957; «З історії революційного руху у Львові, 1917—1939». Документи і матеріали. Львів. 1957; «За владу Рад (Спогади учасників в Великої Жовтневої соціалістичної революції та боротьби за Радянську владу на західноукраїнських землях)». Львів. 1957; «Народное (Национальное) собрание Западной Белоруссии». Стенографический отчет. Минск. 1946; «У суровыя гады падполля. Успамины былых членау КПЗБ — актыуных удзельникау рэвалиційнага руху у Заходняй Беларусі». Мінск. 1958; Б. Бабій. Возз'єднання Західної України з Українською РСР. Київ. 1954; С. Білоусов. Возз'єднання українського народу в єдиній українській радянській державі. Київ. 1951; Т. Горбунов. Воссоединение белорусского народа в едином Советском социалистическом государстве. М. 1948; П. Йова. Боротьба трудящих Західної України за возз'єднання з Радянською Україною. Львів. 1954, и др.

Имеется также ряд кандидатских диссертаций: С. Г. Бродоский. Антифашист-

Важное значение в польской истории имеет вопрос о западных землях. Мы имеем в виду не только земли, отторгнутые от Польши Германией до второй мировой войны, но и земли, захваченные у нее в годы гитлеровского господства (польская часть Верхней Силезии, Познаньщина и др.). История последних отражена на страницах III тома. Из книги мы узнаем о силезских восстаниях, о борьбе польского населения Познаньщины против немецких оккупантов, за воссоединение с польским государством. Но о польских землях, до 1939 г. входивших в состав Германии, читатель, к сожалению, не найдет в книге ни слова. В томе вообще не встречаются названия таких польских городов, как Вроцлав, Щецин, Ольштын. Вряд ли следует признать правильным отказ авторов от освещения истории этих земель, даже если в рассматриваемый период они не входили в состав польского государства.

В польской и советской историографии еще слабо изучено аграрное движение в досентябрьской Польше. Исследователи, как правило, касаются лишь отдельных сторон этой проблемы [10]. Это отразилось и на рецензируемой работе. В ней нет цельного изложения борьбы трудящегося крестьянства за землю, против помещиков, нет, в частности, характеристики политического и правового положения западноукраинских и западнобелорусских крестьян в годы кризиса.

Слабо освещено крестьянское движение в период 1934—1939 гг., в частности, в районах Западной Украины и Западной Белоруссии, которые являлись колониями буржуазно-помещичьей Польши. А между тем в это время революционная борьба крестьян достигла высокого уровня, в особенности в 1936—1937 годах. Нельзя признать удачным и то, что авторы объясняют выступления западноукраинского и западнобелорусского крестьянства «неурожаями вследствие засухи» (стр. 420). Разумеется, неурожайные годы (1936, 1937) в Западной Украине и Западной Белоруссии, обрекавшие сотни тысяч крестьян на голод и разорение, способствовали их выступлениям против угнетателей, за улучшение своего существования. Однако объяснять причины аграрных движений только неурожаем нельзя. Для историков-марксистов несомненен тот факт, что неурожаи и разорение деревни являются социальным и политическим следствием буржуазно-помещичьего режима. Следует прежде всего указывать политические цели — борьбу против фашистского террора в западноукраинских и западнобелорусских деревнях.

В книге нашел отражение ряд других важных проблем: образование польского государства в ноябре 1918 г., послевоенный революционный подъем в стране, Польша в годы частичной стабилизации капитализма и мирового экономического кризиса (1929—1933), крах буржуазно-помещичьего государства в сентябре 1939 г., борьба польского народа за социальное и национальное освобождение в годы второй мировой войны. На страницах тома подробно излагается развитие польской культуры в период между двумя мировыми войнами.

Книга открывается главой (XXI) «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и восстановление независимости Польши (1917—1918 гг.)». Материалы этой главы убедительно показывают, что восстановление утраченной еще в конце XVIII в. независимости Польши было одним из результатов победы Великого Октября. История подтвердила гениальные ленинские слова, сказанные еще в 1908 г., что «свобода Польши невозможна без свободы России» [11].

Достоинством этой главы является освещение не только мероприятий Советского правительства, открывавших перед Поль-

---

ское движение в Западной Украине (1929—1937 гг.). Львов. 1953; М. М. Кравець. Боротьба трудящих Волині проти соціального і національного гніту, за возз'єднання з Українською РСР (1921—1939 рр.). Львів. 1952; В. К. Макаев. Рабочее движение в Западной Украине (1929—1935 гг.). Львов. 1951; П. П. Михайлик. Революционное движение крестьян Западной Украины в период мирового экономического кризиса (1929—1933 гг.). Львов. 1953; П. П. Челак. Борьба трудящихся масс Западной Украины против оккупационного режима панской Польши (октябрь 1920 г.—1923 г.). Львов. 1955, и др.

[10] См., например, J. Gójski. Strajki i bunty chłopskie w Polsce. Warszawa. 1949; его же. Z rewolucyjnych walk chłopskich. Powstanie chłopów małopolckich w 1933 r. Warszawa. 1951; его же. Fornale. Z życia i walk robotników rolnych. Warszawa. 1955; M. Grad. Dzieje walki chłopskiej. Warszawa. 1955; Cz. Madajczyk. Walki chłopów polskich w latach trzydziestych. Warszawa. 1956; И. Гольдштейн. Аграрные отношения в Польше. М. 1940; М. Ярушицкий. Безработица в деревне. М. 1934; «Польская деревня во время кризиса». Сборник Международного аграрного института. Под редакцией В. Коларова. М. 1935, и др.

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 241.

шей возможность свободного, независимого существования, но и позиций западных держав в этом вопросе.

Подробно говорится в этой части книги о борьбе польских трудящихся, проживавших в России, за победу и утверждение Советской власти. Материалы, повествующие об этой славной странице истории польского народа, ярко раскрывающие его интернационализм, написаны на основе новых публикаций как польских, так и советских авторов.

Однако хотелось бы обратить внимание на некоторую поверхностность изложения в § 1. Само собой разумеется, что в книге по истории Польши не может широко освещаться международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. Это тема большого самостоятельного исследования. Однако нельзя было отводить изложению данного вопроса всего полторы странички.

В главе подробно описан ход мирных переговоров в Брест-Литовске, участие в них представителей польского народа, входивших в состав советской делегации, но при этом в тексте допущены неточные формулировки, заставляющие думать, что переговоры начинались дважды: 20 ноября (3 декабря) и 9(22) декабря 1917 года (стр. 12 и 13). В действительности 20 ноября (3 декабря) начались переговоры о перемирии, а 9(22) декабря — о мире[12].

Путаница произошла и с другой датой — принятия в Версале на конференции глав западных держав декларации по вопросу о Польше. На стр. 45 указывается, что декларация была принята 3 июня 1918 г., а двумя страницами ниже говорится уже об июльском решении западных держав по этому вопросу.

Глава XXII посвящена борьбе за власть в Польше, которая велась между силами революции и контрреволюции в период с ноября 1918 г. по июль 1919 года. На конкретных примерах авторы показывают огромный революционный подъем, охвативший всю Европу, в том числе и Польшу, после Октябрьской революции. Они знакомят читателя с возникновением и деятельностью Советов рабочих депутатов (на территории одного только бывшего Королевства Польского их насчитывалось свыше 120), показывают зарождение и первые шаги Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП), которая была создана в декабре 1918 г. в результате объединения Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) с ППС-левицей. Молодая Компартия с первых дней своего существования руководила выступлениями польского рабочего класса. Здесь же говорится об антинародной, преступной деятельности представителей контрреволюционного лагеря.

Характеризуя причины поражения польского революционного движения в 1918—1919 гг., авторы подчеркивают, что оно было обусловлено рядом обстоятельств. В частности, указывается в главе, «большинству польских рабочих казалось, что восстановление независимости Польши само собой приведет к благополучию всех трудящихся» (стр. 109). Главная же ответственность за то, что значительная часть рабочего класса пошла по ошибочному пути и польский пролетариат оказался расколотым, лежит на реформистских националистических партиях, прежде всего на ППС. Авторы называют и такие причины поражения революционного движения в Польше, как слабость крестьянских выступлений, помощь международного империализма польским правящим кругам в подавлении революционной борьбы, некоторые ошибочные взгляды КРПП, унаследованные ею от СДКПиЛ и ППС-левицы (по национальному и аграрному вопросам) (там же).

Необходимо отметить, что в этой главе, как, к сожалению, и в некоторых других, нет достаточно четкой характеристики политической линии и классового состава раскольнических партий — ППС и Социал-демократической партии Галиции и Силезии (СДПГиС). Например, правительство правого социалиста Морачевского вначале характеризуется как контрреволюционное, проводившее антинародную внутреннюю и антинациональную, антисоветскую внешнюю политику (стр. 92). Затем, пятью страницами ниже, говорится, что оно «ушло в отставку без всякого сопротивления, открывая тем самым путь к власти представителям реакции» (стр. 97). Из этой цитаты следует, что правительство Морачевского якобы не было реакционным, хотя приводимый в книге материал свидетельствует об обратном.

Нам представляется, что в той части книги, где речь идет о революционном дви-

[12] «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. 1 (1917—1920 гг.). М. 1944, стр. 16, 21—25, 32—34, 49, 50; «История дипломатии». Т. II. М.-Л. 1945, стр. 313—314, 319—320 и др.

жении в деревне, не следовало ограничиваться простым упоминанием о существовании так называемой «Пинчовской республики» (стр. 77), а нужно было рассказать о ней обстоятельно, тем более, что это позволяют сделать новейшие работы польских авторов [13].

Значительный интерес представляет глава, освещающая события второй половины 1919 и 1920 годов. Большая часть этой главы посвящена советско-польской войне. Буржуазные лжеученые приложили немало усилий, чтобы извратить причины этой войны и представить ее в совершенно превратном виде [14].

Со страниц книги предстает правдивый, опирающийся на достоверные сведения анализ событий. В главе значительное место отведено выяснению причин отступления советских войск от Варшавы. Авторы считают, что этими причинами были крайне тяжелое экономическое положение Советской республики, просчеты командования Красной Армии в оценке обстановки и в планировании операций, в частности переоценка успехов советских войск и преувеличение степени поражения войск противника, отрыв наступавших советских частей от своих тылов, значительное численное превосходство врага, военная помощь империалистов США, Англии и Франции польскому правительству.

В главе XXIII излагаются многие важные события 1921—1923 годов. На основе тщательного изучения уже известных, а также новых материалов авторы дали интересную характеристику особенностей польского финансового капитала, показав его главные черты: высокую степень концентрации и централизации в сочетании с низкой техникой промышленного производства, огромную зависимость от иностранного капитала, наличие тесной и непосредственной связи торгово-промышленных монополий с крупными аграриями, слабость польского финансового капитала, исключавшую для Польши экспорт капиталов за границу [15]. Изучение истории монополистического капитализма в Польше является заслугой авторов. Это особенно следует подчеркнуть в связи с тем, что проблемы экономической истории Польши еще недостаточно исследованы как польскими, так и советскими учеными.

В этой же главе освещены и многие другие вопросы: социально-политические и классовые противоречия, революционный подъем, борьба политических партий, внутриполитическое положение страны, внешнеполитический курс буржуазной Польши и т. д. Но вместе с тем следует отметить и ряд присущих главе недочетов. Едва ли правомерно опущен вопрос о внутренней торговле. Авторы не дали анализа причин «узости внутреннего рынка» (стр. 163) и не показали, в чем заключалась «сложность процесса формирования единого народнохозяйственного организма» (стр. 163). Нам представляется, что отсутствие объяснения этих важных проблем экономического развития польского государства — существенный пробел книги. В целом следует отметить слабое внимание авторов к вопросам как внутренней, так и внешней торговли.

В главе нет конкретных данных о государственном строе. Из всего того, что сказано, трудно понять систему административно-политического управления или получить представление о местных органах самоуправления, их функциях, об организации вооруженных сил, суда, прокуратуры и т. п. Весьма неконкретно и неполно изложено содержание конституции 1921 года.

Бегло освещено рабочее движение 1921—1923 годов; мало уделено внимания крестьянским выступлениям и национально-освободительной борьбе в Западной Украине и Западной Белоруссии; недостаточно освещены международное положение и внешняя политика польского государства в указанный период.

Излагая в главе XXIV исторические события в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1926), авторы подчеркивают особенности политического развития Польши. В то время как в других капиталистических странах наступила «эра пацифизма и демократии», в Польше, вопреки этому, установился фашистский режим, который, естественно, дал новое направление как политическому, так и социально-экономическому развитию страны.

С удовлетворением хочется отметить, что широкое привлечение новых материалов, глубокое и конкретное освещение многих больших и малоисследованных проблем составляют важный шаг в разработке новей-

---

[13] B. Dziatosz, J. Hatys. 1918—1919 na ziemiach Kielecczyzny. Kielce. 1957.

[14] Назовем хотя бы такую лживую книжонку: Tadeusz Teslar. Propaganda bolszewicka podczas wojny polsko-rosyjskiej 1920 roku. Warszawa. 1938.

[15] Этот вопрос лишь вскользь освещен в работе Л. Гросфельда: L. Grosfeld. Planowość i specyfika polskiego imperializmu. Warszawa. 1949.

шей истории братского нам народа. В особенности следует подчеркнуть обстоятельный анализ таких вопросов, как стабилизация польской экономики и ее особенности, последствия разрыва исторически сложившихся международных экономических связей для хозяйственного положения Польши, зависимость страны от иностранного капитала и тяжелые формы эксплуатации польского народа. Аргументированно вскрыты корни антисоветской политики польских правящих классов, хорошо представлены внутриполитические события, даны основные факты по истории КПП и других партий, по истории рабочего движения и внешней политики.

Заслуживает внимания освещение в книге вопроса о роли и месте иностранного капитала в экономике Польши. На основе анализа значительного цифрового и документального материала авторы приходят к важному выводу о преобладающем влиянии американского капитала в народном хозяйстве страны (стр. 303). Вместе с тем они показывают острую межимпериалистическую борьбу в Польше и за Польшу как за антисоветский плацдарм. «Политика диктата, проводившаяся империалистами США и Англии в отношении Польши,— отмечается в книге,— преследовала цель использовать ее в агрессивных планах против СССР» (стр. 279).

Рассматривая внутрипартийную борьбу в КПП, авторы лишь вскользь упоминают о роспуске ЦК комсомола Польши (стр. 289). В связи с этим хотелось бы заметить, что и вся политическая деятельность комсомола не получила в книге удовлетворительного освещения.

В главе не дана история аграрного движения и национально-освободительной борьбы в годы диктатуры санации. Имеется только упоминание о начале «новой волны выступлений деревенской бедноты и середняцкого крестьянства» и указание о том, что «разрасталось национально-освободительное движение в Польше» (стр. 292). Но такие общие заявления, разумеется, не могут заменить конкретно-исторического анализа проблемы.

В ряде глав бросается в глаза разнобой в характеристике экономического развития польского государства: «...Польша представляла собой государство со средним уровнем развития капитализма»,— читаем на стр. 162; «Польша являлась аграрной страной»,— говорится на стр. 300; «Польша была страной капиталистически относительно слабо развитой»,— констатируется на стр. 264; «Отсталая, слаборазвитая Польша»,— пишут авторы на стр. 304.

Наряду с экономическими проблемами авторы уделяют серьезное внимание борьбе классов и партий в польском обществе, рабочему движению, а также вопросам международных отношений и внешней политики пилсудчиков в те годы.

В главе XXVII излагаются события, предшествовавшие второй мировой войне. Авторы привлекли большой документальный материал, внесли много нового в разработку вопросов предвоенного периода. В частности, следует отметить четкую (в противоположность предыдущей главе) характеристику экономики страны. В главе объясняются характер и причины продолжавшегося застоя польской промышленности в момент депрессии особого рода, приведены примеры дальнейшего закабаления страны иностранными монополиями, роста эксплуатации рабочего класса и беднейшего крестьянства, резкого снижения жизненного уровня трудящихся. Правильно освещаются напряженная борьба классов, партий и общественных организаций, политика и тактика польского фашизма, его глубоко враждебный польским трудящимся внешнеполитический курс.

К сожалению, в главе довольно бегло, лишь в информационном плане, показана история дипломатических отношений накануне войны. В ней имеются некоторые упущения. Например, говоря о соглашении, заключенном между Польшей и Германией (1934 г.), авторы ничего не сказали о позиции в этом вопросе Англии, Франции и США.

Логическим завершением изложения истории Польши в период, предшествовавший второй мировой войне, является глава о культуре. В отличие от предыдущих томов, где вопросы культуры рассматриваются в отдельных, разрозненных параграфах, здесь им уделена специальная глава. Этот факт заслуживает одобрения. Если бы авторы третьего тома, где каждая глава охватывает всего несколько лет или даже месяцев, продолжали рассматривать вопросы культуры в отдельных параграфах, то, во-первых, у читателя не создалось бы целостного впечатления о польской культуре, во-вторых, в пределах каждой главы вряд ли можно было бы уловить существенные изменения в развитии культуры, и авторам

волей-неволей пришлось бы повторяться. Данная глава представляет собой первую в советской и польской литературе попытку нарисовать общую картину состояния польской культуры между двумя мировыми войнами.

Важное место в томе занимает освещение истории Польши с сентября 1939 года. Перед авторами стояла нелегкая задача. В период от сентябрьской катастрофы до нападения фашистской Германии на Советский Союз национально-освободительная борьба в Польше была недостаточно развернута, преобладали стихийные формы сопротивления вследствие отсутствия подлинно революционной, марксистской партии у рабочего класса и противодействия консолидации патриотических сил со стороны лондонского эмигрантского правительства и его «делегатуры» в стране. От данного периода осталось мало документальных источников. В литературе история этих лет также слабо разработана.

Несмотря на эти трудности, авторы сумели дать содержательный очерк об одном из наименее исследованных этапов в жизни польского государства.

На наш взгляд, глава только выиграла бы, если бы ее авторы с целью более глубокого разоблачения польских реакционеров, находившихся в эмиграции в Лондоне, рассказали читателю о том, что правительство Сикорского во время советско-финской войны хотело предпринять военные действия против СССР и даже осуществило в этом направлении определенные акции. Только заключение мирного договора между СССР и Финляндией воспрепятствовало реализации этих преступных планов Надо было бы сказать и об оценке борьбы польского народа против гитлеровских захватчиков, которая дана в так называемой «Польской черной книге», выпущенной в 1942 г. польским эмигрантским правительством. Гнусно клевеща на польский народ, с оружием в руках выступивший против оккупантов, «Польская черная книга» с неслыханным цинизмом утверждала, что борьбу вели уголовные элементы [16]. Таким путем составители книги и те, кто стоял за их спиной, хотели доказать правящей клике фашистской Германии свою лояльность.

В заключительной главе рассматривается борьба польского народа против немецко-фашистских оккупантов в 1941—1944 годах. Усиление польского национально-освободи тельного движения после начала Велико Отечественной войны в СССР, образовани Польской рабочей партии, политика бур жуазно-помещичьих кругов, деятельност Союза польских патриотов в СССР и фор мирование первой польской дивизии имен Т. Костюшко, создание Крайовой Рады На родовой и ее борьба за национальное и со циальное освобождение Польши — тако далеко не полный перечень основных во просов, рассматриваемых в главе.

Следует отметить некоторую перегружен ность третьего тома цифровым материалом Отдельные параграфы настолько пестря цифровыми выкладками, что читать мате риал трудно даже специалистам. А ведь издание рассчитано прежде всего на ши рокие круги читателей.

Структура тома научно обоснована. Сле довало бы, однако, два последних паграф фа XXVII главы, в которых освещаются события начала второй мировой войны, частности сентябрьская катастрофа и окку пация Польши гитлеровскими захватчика ми, поместить в начале последней част книги, озаглавленной «Польша в годы вто рой мировой войны».

Не совсем точно, по нашему мнению название центральной части книги: «Поль ша в годы частичной стабилизации, эконо мического кризиса и кануна войны...». Пра вильнее было бы сказать: «Польша в годы частичной стабилизации капитализма...»

Вряд ли оправдано разделение параграф фов: «Подготовка сговора польского фа шизма с гитлеровской Германией» и «Сго вор «санации» с гитлеровской Германией Польско-германское соглашение 1934 г.».

В книге встречаются мелкие параграфы в одну — полторы страницы, например, § в главе XXII — «Плебисцит в северных зем лях. Второе восстание в Верхней Силе зии» и др. Вряд ли такое дробление може способствовать лучшему восприятию и ус воению материала.

Отметим некоторые фактические ошиб ки. Авторы, например, утверждают (стр 138, 574), что революционный комитет Лапах в 1920 г. возглавлял видный деят тель партии Марцели Новотко. В действи тельности (об этом свидетельствуют про токолы ревкома) М. Новотко заведова в ревкоме отделом социального обеспече ния и труда[17] и в этой должности состоя

[16] «The Black Book of Poland». New York. 1942, p. 48, 50 и др.

[17] Центральный государственный архи Красной Армии, ф. 200, оп. 2, д. 135, л. 4.

до последних дней работы комитета, то есть почти до конца августа 1920 года. Председателем же ревкома являлся коммунист Францишек Перковский. Об этом писал и сам М. Новотко в польской газете «Sztandar wolności», которая выходила в 1940—1941 гг. в Минске [18].

Подобная ошибка допущена и в отношении Ю. Левартовского. В книге указывается, что он возглавлял ревком в Бельске (стр. 138). Как видно из материалов сборника, подготовленного Институтом истории партии при ЦК ПОРП и посвященного деятельности Временного революционного комитета Польши и местных ревкомов, Левартовский был не председателем, а членом этого революционного комитета [19].

Несколько слов об официальном названии революционного комитета Польши. Авторы именуют его «Польский Временный Революционный Комитет» (стр. 138—143), но в подписи к клише (стр. 140) он значится как «Временный Революционный Комитет Польши». Последнее название представляется нам более точным. Так именовался комитет в советской печати 20-х годов, так же называл его и председатель ревкома Юлиан Мархлевский [20].

Читатель нередко становится в тупик, не получая разъяснений по поводу приводимых в книге цифр и фактов. Например, на стр. 532—533 приводятся следующие цифры: «...через Освенцим прошло около 400 тыс. официально зарегистрированных узников, из которых только около 60 тыс. осталось в живых. Кроме этого, в его крематориях было сожжено более 4 млн. человек из Польши и других оккупированных немцами стран». Этот текст не вызывал бы недоумения, если бы в книге было сказано, что фашистские власти всячески скрывали действительное количество своих жертв. Примером подобной фальсификации и служила бы цифра 400 тыс. человек.

★

В томе имеются три указателя: библиографический, географических названий и именной.

Первый составлен в целом неплохо. Есть в нем лишь отдельные промахи. Например, книга украинских историков М. П. Герасименко и Б. К. Дудыкевича «Боротьба трудящих Західної України за возз'єднання з Радянською Україною (1921—1939)» (К. 1955) ошибочно приписана только Б. К. Дудыкевичу (стр. 627). Историческая справка «Фальсификаторы истории» попала в раздел «Произведения основоположников марксизма-ленинизма и произведения руководителей КПСС» (стр. 624). Под такой же рубрикой помещена брошюра «Centralna Rada Związków Zawodowych w Polsce. Rola historyszna Komitetu 21 na Górnym Śląsku w latach 1923—1924». Кстати сказать, эта книга еще раз упоминается на той же странице (633), но в другом разделе. Можно было бы назвать и некоторые другие погрешности.

Положительной оценки в целом заслуживает указатель географических названий, хотя и в нем встречаются отдельные ошибки. Например, город Бяла Подляска фигурирует как два разных пункта: Бяла и Бяла Подляска (стр. 641). Подобное недоразумение произошло и с городом Пултуском: он упомянут и как Пултуск (стр. 644) и как Полтуск (там же). Почему-то нет польской транскрипции города Ломжа (стр. 643), хотя это сделано в отношении многих других польских городов, деревень, рек, гор. Зато польский город Гливице упоминается под немецким названием Глейвиц (стр. 641).

Указатель имен пестрит грубыми искажениями. Например, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны в нашей стране Роман Лонгва превращен в Романа Лонг (стр. 653), руководитель Батальонов хлопских Ю. Нецько — в Ю. Не (стр. 654), выдающийся украинский писатель Ярослав Галан — в Яна Галана (стр. 650), известный польский писатель Ялю Курек приобрел несуществующее имя Юль (стр. 652) и т. п.

Встречаются искажения и такого характера: два лица объединены в одно. Так поступили составители с римскими папами Пием XI и Пием XII (стр. 654). Выдающаяся писательница Мария Добровская фигурирует в указателе в качестве мужчины (стр. 651). В польских транскрипциях фамилий много ошибок. Немало их и в написании украинских слов.

В книге встречаются досадные опечатки и в написании русских фамилий, искажены даже фамилии авторов! У одного из них (И. С. Нарского) перепутаны инициалы

[18] Газета «Sztandar wolności», 19 ноября 1940 года.

[19] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski». Warszawa. 1955, str. 143.

[20] Ю. Мархлевский. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М. 1921.

(стр. 666), фамилия другого дается по-разному: В. С. Харитонова (стр. 644 и 662), В. С. Парсаданова-Харитонова (стр. 667).

К числу отдельных недочетов редакторской работы относятся повторения. Так, дважды говорится о слиянии групп ППС-левицы с СДКПиЛ в России (стр. 31 и 50), об образовании Литовско-Белорусской республики (стр. 55 и 95), о разгроме Советов рабочих депутатов (стр. 108 и 116), о вхождении ППС-оппозиции в КРПП (стр. 119 и 137), о первомайской демонстрации 1919 г. в Варшаве (стр. 105 и 112). Иногда сокращенные названия предшествуют полному названию (стр. 22 и 24, 28 и 31). Несмотря на эти промахи, все же следует сказать, что в общем редакторская работа проведена успешно, о чем, в частности, свидетельствует единство стиля всей книги.

Оценивая книгу в целом, мы должны отметить, что советская историческая наука получила капитальный и ценный труд. Как и третий том, вся «История Польши» является большим творческим успехом ее создателей — коллектива Института славяноведения АН СССР. В книге впервые с большой обстоятельностью и полнотой нашло научное освещение сложное и богатое историческое прошлое польского народа, четко излагается его многовековая упорная борьба против иноземных поработителей, против гнета внутренних эксплуататоров — шляхты и буржуазии. История польского народа, навсегда сбросившего с себя многовековой гнет,— это, как справедливо указывают авторы III тома в послесловии, «подтверждение неумолимого поступательного развития человечества к его светлому будущему, коммунизму» (стр. 619).

Нет никакого сомнения, что рецензируемое издание окажет большую помощь не только специалистам-полонистам, но и преподавателям истории вузов и средней школы, пропагандистам и агитаторам, студентам исторических факультетов, всем, кто интересуется историей Польской Народной Республики.

П. М. Калениченко,
И. Д. Кундюба

«Новая история». Том второй. 1789—1870. Под редакцией И. С. Галкина, Н. А. Ерофеева, М. И. Михайлова, А. Л. Нарочницкого, Ф. В. Потемкина (ответственный редактор). Академия наук СССР. Институт истории. М. Соцэкгиз. 1958. 848 стр. Тираж 100 000. Цена 15 руб. 80 коп.

Двадцать пять лет назад ЦК ВКП(б) и Советское правительство приняли постановление о преподавании гражданской истории в средней и высшей школах. Это постановление способствовало подъему исторического образования в СССР. Тогда же, в 1934 г., перед советскими учеными была поставлена ответственная задача— создать учебники по истории для средней и высшей школ. В 1939 г. Институтом истории АН СССР был выпущен первый том учебника «Новая история» для исторических факультетов университетов и педагогических институтов, охватывающий период 1789—1870 гг., а вслед за тем и второй том (1871—1918 гг.).

В этих учебниках наряду с несомненными достоинствами имелись и большие недостатки: фактически в них излагалась история только таких крупных стран, как Англия, Франция, США, Германия, крайне слабо раскрывалась роль народных масс, преувеличивалось значение деятельности отдельных личностей и т. д.

В 1951 г. вышел первый том учебника («Новая история», ч. 1), в котором был освещен период от Английской буржуазной революции середины XVII в. до Французской буржуазной революции конца XVIII века. Рецензии, опубликованные в журналах «Большевик» и «Вопросы истории» в 1952 г., отметив положительные стороны учебника, раскрыли и присущие ему недостатки: непоследовательность в освещении буржуазных революций, недооценка вопросов периодизации, объективистское изложение некоторых событий и т. п. При переиздании учебника в 1953 г. авторский коллектив учел ряд замечаний.

Студенты и преподаватели исторических факультетов с нетерпением ожидали выхода в свет последующих томов «Новой истории». Ждать пришлось долго. Только в кон-

це 1958 г. Институт истории АН СССР выпустил второй том, охватывающий период 1789—1870 годов. Этот труд является крупным шагом вперед по сравнению с прошлыми изданиями.

Одним из основных пороков учебника 1939 г. был пресловутый «европоцентризм»: за исключением США и Японии, в нем излагалась история лишь европейских стран, а по существу, только Англии, Франции и Германии. В учебнике 1958 г. с этим недостатком решительно покончено. В частности, в книге значительное место отводится очень сложной и интересной истории Италии. Должное внимание уделено истории народов Балканского полуострова и славянских стран Центральной и Восточной Европы. Удовлетворяя давно назревшей потребности, авторы включили в новый учебник две главы, посвященные Латинской Америке. По сравнению с предшествующими изданиями в рецензируемом томе материал по отдельным странам и проблемам распределен более или менее равномерно, нет той гипертрофии истории Англии и Франции, которая наблюдалась в прошлом.

В вопросах периодизации как рассматриваемого времени в целом, так и истории отдельных стран в рецензируемом труде значительно меньше изъянов, чем в учебниках 1939 и 1951—1953 годов. Весь материал книги разбит в соответствии с принятыми для этого периода внутренними хронологическими рамками на четыре части (1789—1815, 1815—1847, 1848—1849 и 50—60-е годы XIX века). Особенно удачно распределен материал в третьей части, которую авторы справедливо начинают с рассказа о возникновении научного коммунизма и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и завершают главой о влиянии революций 1848—1849 гг. во Франции, Германии и Италии на другие страны Европы. Структура четвертой части представляется менее оправданной. По нашему мнению, следовало начать изложение с глав, посвященных объединению Германии, Италии и образованию Австро-Венгрии, а потом уже освещать историю Англии 50—60-х годов и Второй империи во Франции. Такое построение позволило бы поставить на первый план те проблемы, которые были основными для Европы начала второй половины XIX в., то есть завершение важнейших вопросов, выдвинутых в период революций 1848—1849 годов.

Учебник написан в целом на высоком идейно-теоретическом и научном уровне.

Излагая историю 1789—1870 гг., авторский коллектив стремился показать ограниченность буржуазных революций, их коренную противоположность революции пролетарской. В учебнике в должной мере учтены замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова на конспект учебника новой истории, в частности то, что основной осью учебника новой истории должна быть идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической[1]. Ограниченность буржуазных революций, означавших лишь смену одной формы эксплуатации другой, особенно удачно показана в книге на примере Французской революции конца XVIII века.

В то же время в рецензируемой книге, в отличие от учебника 1939 г., освещены и те благоприятные последствия, которые буржуазные революции, несмотря на всю их ограниченность, имели для народных масс. В главах по истории Франции, Германии, Италии, Испании авторы подчеркивают, что победа капитализма над феодальным строем имела прогрессивное значение и способствовала развитию борьбы народных масс за свое социальное и национальное (в некоторых странах) освобождение.

Авторы приложили много стараний, чтобы показать историю конца XVIII—XIX в. как историю производителей материальных благ, трудящихся масс, раскрыть сущность классовой борьбы в эпоху подымающегося капитализма. В главе о Великой французской буржуазной революции подчеркнуто, что подлинным героем борьбы против феодализма как внутри, так и вне страны был народ. Утверждение, что народные массы «придали революции ту силу и размах, без которых была бы невозможна ее победа» (стр. 62), в книге убедительно обосновано. На богатом фактическом материале раскрывается роль трудящихся в борьбе с наполеоновским игом в Европе, значение участия народа в революциях 1848 г. и в ряде других крупнейших событий рассматриваемого периода.

Большое место в рецензируемом труде занимает изложение истории формирования, развития и борьбы рабочего класса с буржуазией. В книге проанализированы постепенное складывание идеологии пролетариата, борьба рабочего класса за свое освобождение — от первых, неосознанных, стихий-

[1] См. И. Сталин, С. Киров, А. Жданов. Замечания о конспекте учебника новой истории. Сборник «К изучению истории». М. 1946, стр. 24.

ных выступлений до организованного движения и создания пролетарских партий. Однако особенности формирования рабочего класса в различных странах, причины господства тех или иных взглядов в его среде раскрыты авторами недостаточно.

При освещении истории рабочего движения в книге иногда допускаются преувеличения. Неправильно, например, говорить о «всемирно-историческом» характере восстания лионских ткачей 1831 г. (стр. 251). От подобных преувеличений следует отказаться.

Досадно, что авторы не нашли ярких красок для изображения положения рабочего класса в XIX веке. Почти во всех главах звучит стандартная фраза: «Положение рабочего класса было очень тяжелым».

В учебнике, где достаточно полно раскрыта роль народных масс в истории, нет колоритных, запоминающихся портретов наиболее значительных государственных деятелей (вспомним, например, яркие характеристики, которые дал К. Маркс в своем памфлете о Пальмерстоне). В книге названо много имен, но политические деятели не показаны живыми участниками событий. Бледно, невыразительно охарактеризованы Робеспьер, Марат, Гарибальди, Бебель, Вильгельм Либкнехт и другие.

Нельзя не отметить стремления авторского коллектива при работе над учебником учесть и обобщить достижения как отечественной, так и зарубежной прогрессивной историографии. В поле зрения авторов находятся многие важные новейшие исследования. Например, в вопросе о левом крыле чартизма в Англии авторы отказались от прежнего примитивного представления о партиях «физической» и «моральной» силы и их лидерах. В главах по истории США, в частности по таким вопросам, как роль негров в гражданской войне и Реконструкции, использованы труды современных прогрессивных американских ученых. Стремление авторского коллектива идти в ногу с историографией особенно ощущается в учебнике в вопросах о деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса, I Интернационале и др.

Следует подчеркнуть полезность кратких историографических отступлений, разоблачающих порочные концепции буржуазных историков по тем или иным проблемам. Учитывая существующую еще у студентов недооценку значения историографии, этим материалам необходимо было уделить больше места.

Заслуживают внимания отделы «Источники и литература». Здесь читатель найдет сведения не только о крупных исследованиях, но и о ряде ценных статей, разбросанных в различных журналах и сборниках. В то же время вряд ли стоило включать в соответствующие списки работы, являющиеся библиографической редкостью. Необходим и более тщательный отбор литературы. Устаревшие или слабые в научном отношении книги и статьи не следует рекомендовать студентам. Списки литературы в учебнике должны быть пополнены названиями пособий для учителей, издаваемых Учпедгизом.

Напрасно авторы отказались от именного указателя (он имелся в учебнике 1939 г.). Полезны были бы также предметный и географический указатели, схемы и диаграммы в тексте.

★

Перейдем к анализу отдельных глав и разделов книги.

Учебник открывается главой по истории Французской буржуазной революции конца XVIII века. Авторы главы А. З. Манфред и Ф. В. Потемкин дали четкую периодизацию революции, что придало изложению материала ясный и стройный характер. Краткий, но в то же время достаточно полный рассказ о событиях умело, без перегрузки увязан с важнейшими теоретическими положениями. В соответствии с известными ленинскими замечаниями в учебнике проанализирована историко-экономическая основа военной доблести французов в 1792—1793 гг. и последующих побед французской армии.

В главах о Франции периода термидорианской реакции и Директории (автор — А. И. Молок) и времени консульства и империи (авторы — А. И. Молок и Л. Г. Бескровный) раскрыты сущность контрреволюционной диктатуры крупной буржуазии, захватнический характер ее войн и прогрессивность направленных против французского ига национально-освободительных движений. Наполеоновские войны четко охарактеризованы как захватнические, но в то же время отмечено их известное прогрессивное значение, поскольку они содействовали расшатыванию феодального строя в Италии, Германии и некоторых других странах Европы. Вместе с тем в книге правильно подчеркнуто, что прогрессивное значение на-

полеоновских войн было лишь их побочным результатом (стр. 87).

К сожалению, при освещении внутренней жизни Франции того периода, в частности движения Бабефа, автору соответствующей главы изменяет чувство историзма. Упрекая Бабефа и бабувистов в том, что им было чуждо понимание ведущей роли рабочего класса в борьбе за коммунизм (стр. 71), он должен был сказать, что Бабеф и его последователи не могли видеть этой роли, поскольку формирование рабочего класса в то время только начиналось. Нам хотелось бы особенно подчеркнуть это обстоятельство, так как практика преподавания в вузах показывает, что нередко студенты, отмечая непонимание роли рабочего класса теми или иными деятелями пролетарского движения домарксова периода, забывают о конкретной исторической обстановке, в которой эти деятели жили.

В главах, излагающих историю Франции 1814—1848 гг. (авторы — А. И. Молок и Ф. В. Потемкин), сообщаются основные факты из экономической и политической истории того периода, большое внимание уделяется вопросам как дворянской и буржуазной идеологии, так и идеологии формирующегося рабочего класса, раскрываются классовая сущность июльской монархии и предпосылки буржуазной революции 1848 г., четко характеризуется революционная ситуация 1847—1848 годов. Авторы посвящают много страниц положению и борьбе трудящихся масс — пролетариата и крестьянства — в период июльской монархии, рабочим восстаниям в Лионе в 1831 и 1834 гг., республиканскому движению 30-х годов XIX века.

Однако непростительно мало внимания уделено в этом разделе утопическому социализму Сен-Симона и Фурье. В книге даже не упоминается о том, что В. И. Ленин называл французский социализм одним из источников марксизма. Страдает схематизмом и изложение теоретических взглядов великих французских социалистов-утопистов Небольшой отрывок из знаменитой «Притчи» Сен-Симона или «Нового мира, индустриального и социэтарного» Фурье значительно оживил бы учебник. Следует помнить указание Энгельса о том, что «Фурье является не только критиком, но и сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен» [2]. Эта оценка с известными оговорками может быть применена и к творчеству Сен-Симона и его учеников.

В подразделе «Реформистские социалистические и коммунистические учения 30—40-х годов XIX в.», как и в предшествующих подразделах — «Теодор Дезами», «Жан-Жак Пийо»,— необходимо было шире раскрыть глубочайший смысл высказывания Энгельса о том, что «в 1847 г. социализм был мелкобуржуазным движением, коммунизм — рабочим движением» [3].

В освещении вопросов внешней политики Франции заметно отсутствие единого принципа. В главах, касающихся периода 1814—1848 гг., почти ничего не говорится о направлениях внешней политики страны, в то время как внешней политике Второй империи посвящены особые разделы.

Общеизвестно, что империя Наполеона III проводила активную и в то же время авантюристическую внешнюю политику. Однако у студентов может сложиться неправильное представление, будто в предшествующие десятилетия капиталистическая Франция стояла в стороне от внешнеполитических и колониальных дел. А ведь именно в 30—40-х годах Франция вела продолжительную разбойничью войну, итогом которой было завоевание Алжира [4]. Характеристика французской колониальной политики в Северной Африке являлась первейшей обязанностью авторов.

Глава «Революция 1848 г. и Вторая республика во Франции» (автор — А. И. Молок) раскрывает сложную картину революционных событий. Характеризуя события основных этапов революции, автор показывает и ее особенности, отличавшие революцию 1848 г. от Великой французской буржуазной революции и от июльской революции 1830 года. «Свергая буржуазную монархию,— пишет он,— передовые рабочие Парижа и других промышленных городов Франции стремились к созданию такой республики, которая бы не только дала народу политические свободы, но и освободила трудящихся от гнета капитала» (стр. 441). Эта отличительная черта революции 1848 г. убедительно раскрывается на обширном фактическом материале (выступление народных масс в Париже 15 мая, июньское восстание парижских рабочих). Хотелось бы только получить более четкое разъяснение тезиса

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 263.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1-я, стр. 307.

[4] Об этом упомянуто лишь в главе о международных отношениях в 1815—1847 годах.

о том, что революция развивалась по нисходящей линии (стр. 449). Одно лишь упоминание об этом ничего не дает читателю.

К сожалению, о задачах революции говорится только в самом конце главы, при подведении итогов (так, впрочем, сделано и во всех остальных главах по истории революций 1848—1849 гг.). Целесообразнее было бы сказать об этом в начале изложения и проследить решение этих задач в ходе революции. На наш взгляд, в данной главе нужно было показать историческое значение работ К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», ту роль, которую сыграли эти выдающиеся произведения научного коммунизма для правильного понимания смысла революционных событий во Франции. В учебнике же место, где говорится об этих работах, выбрано неудачно — глава о революции 1848 г. в Германии.

Английской истории уделено в учебнике меньше места, чем истории Франции, что едва ли правильно, так как с 1815 г. Англия являлась «головной» страной. В главе «Англия в конце XVIII — начале XIX в.» (автор — Н. А. Ерофеев) широко показаны демократическое движение в стране в тот период, отклики в английском народе на Французскую буржуазную революцию, роль английской буржуазии в борьбе против Франции, ее обогащение на этой войне. Значительное внимание отведено положению трудящихся масс, на которых всей тяжестью легло бремя войны.

Однако, пространно изложив взгляды Э. Бёрка и Т. Мальтуса, автор ничего конкретного не говорит о воззрениях В. Годвина и Т. Пэйна. В качестве единственной заслуги этих мыслителей-демократов указано только на то, что они дали «уничтожающий ответ» контрреволюционеру Бёрку (стр. 112).

Богатому содержанием периоду бурного тридцатилетия в истории Англии (1815—1847 гг.) в учебнике уделяется, на наш взгляд, мало внимания. Об этих событиях повествуется в главе, носящей название «Англия и ее колониальная политика в 1815—1848 гг. Чартистское движение» (автор — Н. А. Ерофеев). Как видим, в заголовке делается упор на вопросы колониальной политики Англии, однако содержание главы не отвечает ее заглавию: лишь один подраздел посвящен «колониальной агрессии», некоторые же стороны английской колониальной политики, как, например, в отношении Канады, остаются неосвещенными. В сущности, читатель ничего не узнает и о положении Ирландии с начала XIX в. до середины 40-х годов.

Ряд существенных вопросов истории Англии 30—40-х годов изложен скороговоркой. Так, только декларируется, что чартистское движение непосредственно заставило правящие круги Англии пойти на некоторые уступки рабочим в 40-е годы. Подраздел (из нескольких фраз) «Билль о 10-часовом рабочем дне» (стр. 226) является типичным примером неудовлетворительного решения важной проблемы. Жаль, что автор обходит молчанием такой важный вопрос, как отношение чартистской ассоциации и рядовых чартистов к грандиозной стачке 1842 г. (стр. 225), не освещает спорную среди историков проблему: можно ли считать парламентскую реформу 1832 г. своеобразной формой буржуазно-демократической революции (или завершением революции XVII в.)? Целесообразно было бы также материал о чартистском движении изложить целиком в 13-й главе, не деля этот вопрос по формальному признаку между 13-й и 32-й главами.

Последняя глава по истории Англии (автор — А. С. Черняев) повествует о 50—60-х годах. Здесь раскрывается экономическое развитие Англии в период ее хозяйственного расцвета, показываются особенности рабочего движения: его застой, упадок, смена революционного чартизма тред-юнионизмом. Но, правильно трактуя эти вопросы, автор не упомянул о том, что основой «сказочного обогащения» английской буржуазии была эксплуатация принадлежавших Англии огромных колоний. Нам представляется, что в главе чрезмерно много внимания уделяется некоторым второстепенным вопросам; например, о деятельности Хунты рассказывается с излишними подробностями (стр. 558—559). Значение и размах стачечной борьбы 50-х годов явно переоценены (стр. 557). Формулировка на стр. 563 подводит к неправильному выводу, что реформа 1867 г. была «существенным завоеванием рабочего класса». Действительно, эта избирательная реформа являлась вынужденной уступкой господствующих классов пролетариату, результатом его упорной борьбы, но широким массам английских рабочих она ничего не дала. Поэтому такая формулировка неправомерна.

Истории Италии в книге посвящено че-

тыре главы (автор — К. Ф. Мизиано). Известно, что в наших общих курсах по новой истории об Италии говорится обычно очень бегло. В учебнике издания 1939 г., например, ей отведено всего 24 страницы. В нынешнем издании история Италии освещена на 57 страницах, и это вполне справедливо. Большой интерес советских людей к современной Италии, к жизни и борьбе ее главной Коммунистической партии вызывает потребность в глубоком познании исторического прошлого итальянского народа.

В целом главы об Италии написаны квалифицированно. Но существует один важный вопрос, в правильности толкования которого на страницах рецензируемого труда можно усомниться. Это вопрос о роли народных масс в национально-государственном объединении Италии.

К. Ф. Мизиано отстаивает тезис о «решающей» роли народных масс в деле итальянского объединения. «Вопреки утверждениям буржуазной историографии,— пишет автор,— Италия в отличие от Германии не была воссоединена сверху, династическими войнами и маневрами либералов. Объединению Италии содействовали в различной степени оба течения национально-освободительного движения. Однако громадную, решающую роль сыграли самоотверженная борьба народных масс, революционная энергия их вождей — буржуазных демократов, наиболее выдающимися представителями которых являлись Гарибальди и Мадзини» (стр. 619—620).

Этот тезис содержит, на наш взгляд, явные преувеличения, не согласующиеся с конкретной исторической действительностью. Бесспорно, что революционно-демократические группировки, возглавленные Гарибальди, Мадзини, Пизакане, сыграли очень важную роль в национально-объединительном движении и наложили глубокий отпечаток на весь его ход. Вспомним хотя бы о событиях 1859—1860 годов. Но несомненно и то, что в целом участие народных масс в Рисорджименто было недостаточным. Рисорджименто имело узкую социальную базу, руководство делом объединения страны захватили в свои руки либеральные группировки формировавшейся промышленной и торговой буржуазии, а также тяготевшего к реформам землевладельческого дворянства, сплотившиеся вокруг Савойской династии [5]. Эти консервативные социальные силы, лидером и идеологом которых был Кавур, «мыслили единую Италию как расширение пределов пьемонтского государства и владений династии, не как национальное движение «снизу», а как королевское завоевание» [6].

Руководимое в основном либерально-монархическими политиками типа Кавура национальное и государственное объединение Италии не привело к коренному обновлению экономической и социальной структуры итальянского общества. «Утверждение господствующих капиталистических классов и создание национального буржуазного государства произошли без разрушения революционным движением масс старых, феодальных порядков и, в частности, без демократической крестьянской революции в деревне...» [7]. Такие итоги Рисорджименто были обусловлены прежде всего слабостью революционно-демократического лагеря, его оторванностью от масс, недостаточным участием самих масс в национально-объединительном движении. Можно ли после этого говорить о «решающей» роли народных масс в объединении Италии?

Не случайно современные итальянские прогрессивные ученые, следуя указаниям Антонио Грамши и основываясь на изучении конкретного материала, весьма сдержанно оценивают степень участия народных масс в Рисорджименто. Так, Руджеро Гриеко писал в 1950 г., что Рисорджименто «не являлось народным движением» [8]. Другой видный итальянский исследователь, коммунист Велио Спано, придерживается той точки зрения, что «народ не был главным героем движения за воссоединение», что «трудящиеся массы в большинстве своем не участвовали в этом движении», а передовые демократы, соратники Мадзини и Гарибальди, были в Италии «героическим авангардом, но изолированным от народа» [9].

Мы отнюдь не считаем, что эти суждения итальянских исследователей должны

---

[5] См. Джорджо Амендола. Борьба Итальянской коммунистической партии за единство рабочего класса. «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 101.

[6] Antonio Gramsci. Il Risorgimento. Torino. 1949, p. 46.

[7] «Основные положения программного заявления Итальянской коммунистической партии». Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии. М. 1957, стр. 173.

[8] Руджеро Гриеко. Аграрный вопрос и борьба за землю в Италии. М. 1955, стр. 65.

[9] Велио Спано. Октябрьская революция и рабочее движение в Италии. «Коммунист», 1957, № 16, стр. 60.

быть безоговорочно приняты советскими историками. Наоборот, по нашему мнению, столь категорически сформулированный тезис о том, что Рисорджименто «не было народным движением», несколько грешит против исторической правды. Но мы полагаем, что гораздо менее отвечает исторической правде тезис о «решающей» роли народных масс в итальянском национально-объединительном движении. Советские историки на основе тщательного изучения конкретного материала должны высказать свое мнение по этой весьма сложной и важной проблеме.

Освещение истории Германии начинается с небольшой, но содержательной главы, рассказывающей о положении страны в конце XVIII — начале XIX в. (автор — М. И. Михайлов). Кратко, без излишних подробностей показано, что экономическая отсталость и политическая раздробленность Германии наложили отпечаток на ее социальный строй, классовую структуру и идеологию. Однако, выдвигая правильный тезис об измене господствующих классов национальным интересам страны, автор не раскрывает причины этой измены. Ничего не говорится в главе о влиянии континентальной блокады на германскую экономику. Упоминая об упразднении Наполеоном 112 мелких государств, М. И. Михайлов, как кажется нам, должен был отметить, что, хотя Наполеон руководствовался интересами французской буржуазии, это мероприятие имело в известной степени прогрессивное по своим объективным последствиям значение, так как уменьшало раздробленность Германии.

В главе о Германии 1815—1847 гг. автор ее, С. Б. Кан, излагает вопросы развития германского капитализма, особенности перестройки народного хозяйства по капиталистическому пути, начало борьбы немецкого рабочего класса за свое освобождение, формирование его идеологии. Автору удалось раскрыть характер идеологической борьбы 40-х годов, показать специфику революционной ситуации 1847—1848 гг. в Германии.

К сожалению, в главе нет выводов о задачах назревавшей в стране революции. Об этом сообщается только в конце следующей главы — «Революция 1848 г. в Германии. Деятельность Маркса и Энгельса в 1848—1850 гг.» (автор — М. И. Михайлов). Такой порядок изложения материала нельзя считать удачным. По нашему мнению, о задачах революции в Германии нужно было сказать до освещения самой революции и объяснить, почему ее главным вопросом стало объединение страны, а не аграрная проблема (ко времени революции 1848 г., несмотря на то, что феодальный строй еще господствовал в Германии, вопрос о ее развитии по капиталистическому пути был уже решен). В учебнике отсутствует четкая периодизация революции 1848 г. в Германии и не показано, что, как и во Франции, она развивалась по нисходящей линии.

Неудачен подраздел «Классики марксизма-ленинизма об итогах революции». Здесь скороговоркой, в нескольких фразах, повествуется об этом важнейшем вопросе. Вот пример такой отписки: «Ряд важных выводов сделали Маркс и Энгельс по вопросам тактики пролетарской борьбы, по вопросу о союзе рабочего класса и крестьянства, о вооруженном восстании как искусстве, о необходимости слома буржуазной государственной машины, о диктатуре пролетариата, о непрерывной революции и т. д.» (стр. 485).

В центре внимания И. С. Галкина, автора главы об объединении Германии, находятся две проблемы: объединение страны (автор употребляет два термина: объединение и воссоединение) «сверху» под руководством Пруссии и дальнейшее развитие рабочего движения в 50—60-е годы, завершившееся образованием Германской социал-демократической партии. Все вопросы, связанные с объединением Германии, получили правильное освещение. В разрешении же второй проблемы можно отметить некоторые недостатки. Автор отводит слишком мало места, всего лишь несколько строк (стр. 602—603), анализу программы Германской социал-демократической партии. Историческое значение ее создания не раскрыто должным образом. Следовало бы подчеркнуть, что Германская СДП была первой политической партией немецкого рабочего класса (автор же пишет о сравнительно позднем ее образовании (стр. 603), что необходимо ему для объяснения слабости германского пролетариата, который не сумел помешать объединению Германии «сверху»). Не отмечено в главе, что социал-демократы резко отмежевались от лассальянцев. Социал-демократическая партия не только разделяла принципы Интернационала, но и рекомендовала своим членам вступать в его ряды (хотя присоединение партии к иностранной

рганизации запрещалось прусскими законами).

Четыре главы учебника посвящены стории Габсбургской монархии (авторы — . Исламов, В. Л. Исраэлян, С. Б. Кан Е. И. Рубинштейн). В этом разделе уделено много внимания положению и борьбе народных масс Венгрии и Чехии, особенностям национально-освободительного движения в этих странах, правильно подчеркнута непоследовательность и предательство ворянских и буржуазных руководителей нтиавстрийских выступлений.

Освещение истории Венгрии коренным бразом отличается от неудовлетворительного изложения этой темы в учебнике здания 1939 года. В рецензируемом труде рко и доходчиво рассказывается о республиканском движении в Венгрии 90-х годов XVIII в. (стр. 140—142). Однако авторы е пытаются ответить на вопрос, почему то движение приобрело такой размах Венгрии, а не в относительно более разитой Чехии или Австрии.

Существенным пробелом «австрийских» глав является то, что в них фактически е приводится никаких сведений по истории Хорватии, Словении, Далмации, Воеводины и Трансильвании до 1848 года. Не упомянуто даже об «иллирийском движении», хотя без «иллиризма» невозможно понять особенностей развития южнославянских земель Австрии в первой половине XIX века.

Три главы по истории Испании написаны одним автором (Э. Рапп-Лантарон) и отличаются единым творческим «почерком». В центре внимания в них находятся пять буржуазных революций, пережитых этим государством в XIX веке. Автор умело показывает слабость испанской буржуазии, е страх перед народными массами, ярко характеризует роль народа в борьбе с наполеоновским игом.

Недоумение вызывает трактовка в учебнике истории Португалии. В главе 16-й дается лишь фрагмент из истории этой страны. У читателя может даже сложиться впечатление, будто после 1823 г. абсолютизм был раз и навсегда восстановлен в Португалии, хотя уже во второй половине 0-х годов здесь разыгрались новые крупные события (включая и интервенцию английских войск), которые необходимо было хотя бы кратко осветить.

В главах по истории Соединенных Штатов Америки (авторы — М. Н. Захарова и М. М. Малкин) рассмотрены все центральные проблемы истории США 1789—1877 годов.

Большое внимание уделено событиям гражданской войны. Характер ее как буржуазно-демократической революции, в результате которой было ликвидировано рабство и одержал победу «американский» путь развития капитализма в сельском хозяйстве, раскрыт на конкретном фактическом материале. Вполне обоснованно звучит вывод о том, что «рабочие, фермеры и негры составляли основную движущую силу революции при гегемонии прогрессивной буржуазии» (стр. 710).

Вместе с тем главам по истории США присущи некоторые недостатки. Неправильно, например, утверждение, что в Канзасе в 1858 г. победили фермеры (стр. 697). Любопытно, что эти победившие фермеры уже в 1859 г. восстали (стр. 698—699). Не вполне ясно и конкретно охарактеризованы сторонники и противники рабства. В учебнике не упомянуто, что буржуазия «Новой Англии» была связана с южными штатами, так как на ее предприятиях перерабатывался южный хлопок. Чересчур бегло описан ход боев, не указано, где находилась столица южан, не говорится о масштабах боев и чрезвычайно больших потерях в людях, понесенных обеими сторонами. При изложении событий периода Реконструкции следовало бы привести больше материала по истории этого времени.

Существенным пробелом является и то, что в книге не разоблачен экспансионистский характер доктрины Монро.

Учебник не только знакомит читателя с историей крупных государств Европы, а также США, но и содержит необходимые сведения о так называемых малых европейских и американских странах. Видное место в нем по праву занимают главы, посвященные народам Балканского полуострова (автор — С. А. Никитин). Материалы, приведенные здесь, позволяют понять основные особенности развития балканских народов, реакционную роль военно-феодального турецкого режима, тормозившего их социально-экономический рост. Главное внимание — и совершенно справедливо — уделяется борьбе этих народов против турецкого и иного гнета, за национальное освобождение. Автор показывает и роль России, которая, ведя борьбу с Турцией в своих интересах, в то же время объек-

тивно способствовала освободительному движению на Балканах.

Разделы этих глав написаны С. А. Никитиным неровно. В частности, параграфы о Черногории кое-где перегружены излишними подробностями. Сербское восстание 1804—1813 гг. показано только в плане национально-освободительной борьбы. На самом деле особенности социально-экономического развития Сербии, где господствующим классом были турецкие помещики, а угнетенным — сербские крестьяне, предопределило то, что восстание одновременно носило характер антифеодальной революции. В учебнике об этом не сообщается, хотя автор упоминает о некоторых социально-экономических переменах в Сербии после первого восстания (например, о переходе земли турецких помещиков в руки сербских крестьян).

История падения феодально-крепостнического польского государства и борьба польского народа за свое национальное и социальное освобождение — вот те главные вопросы, о которых рассказывается в главах по истории Польши (авторы — А. Я. Манусевич и И. М. Белявская).

Следует приветствовать, что в полном соответствии с историческими фактами в учебнике дается положительная оценка восстания 1830 г., которое «являлось выражением борьбы польского народа против политического и национального гнета со стороны царизма» (стр. 334).

Нельзя, однако, не указать на некоторые недостатки «польских» глав. В них нигде не делается попытки поставить вопрос об условиях формирования польской буржуазии и ее роли в истории государства. Между тем эта проблема получила освещение в работах современных историков Польши. Без анализа происхождения польской буржуазии, ее места в обществе многие вопросы национально-освободительного движения остаются невыясненными: почему, например, польская буржуазия не выступила в качестве революционной силы, почему во главе всех национально-освободительных восстаний стояли шляхетские, а не буржуазные революционеры? На все эти вопросы учебник, к сожалению, не дает ответа.

Истории Бельгии, Голландии, Швейцарии и Скандинавских стран отведено две главы (авторы — К. Э. Кирова и Я. Я. Зутис). Об откликах на события революции 1848 г. в этих странах говорится в главе «Влияние революций 1848—1849 гг. во Франции, Германии и Италии на другие страны Европы» (автор — В. Ф. Семенов). Читатель найдет здесь ряд интересных сведений как по политической, так и по социально-экономической истории. Правда, при освещении истории Скандинавии авторы иногда увлекаются изложением второстепенных подробностей о жизни и деятельности королей (стр. 373), о роли же народных масс сообщают общо и глухо.

Нельзя не отметить в качестве серьезного недостатка учебника фрагментарности глав по истории Латинской Америки (автор — С. Брандао). Более чем бегло описан такой важный этап в жизни ее народов, как освободительная борьба конца XVIII — начала XIX в. (всего 8 стр.). Автор ограничивается затем еще более кратким обзором некоторых событий, происходивших лишь в двух латиноамериканских странах.

Пожалуй, еще больший просчет допущен в отношении таких стран, как Канада и Австралия, играющих ныне немаловажную роль на международной арене и в мировой экономике. Совершенно недопустимо, чтобы студенты, оканчивающие исторические факультеты, не имели представления об истории Канады и Австралии. Между тем учебник ограничивается беглым упоминанием о предоставлении автономии Канаде в 60-е годы. В книге нет, например, никаких сведений о крупном антианглийском восстании в Канаде в 1837 году. Примерно так же обстоит дело в отношении Австралии (см. стр. 228 и 554). Даже борьба австралийских золотоискателей не нашла отражения на страницах книги.

Главы по истории международных отношений (автор — А. Л. Нарочницкий) освещают большую и сложную тему. История международных отношений трактуется автором в тесной связи с революционным и национальным движениями в Европе, а также с экономическими факторами.

Однако автор, к сожалению, как правило, проходит мимо вопросов, связанных со взаимоотношениями европейских держав и стран Америки и Дальнего Востока. Так, в учебнике нет сведений об англо-американских конфликтах, хотя в конце 30-х и начале 40-х годов прошлого столетия обе стороны даже вступили в фазу приготовления к войне друг с другом [10].

---

[10] См. H. C. Allen. Great Britain and the United States. London. 1954, p. 390—413.

Очень бегло освещен вопрос об отношении России к объединению Италии. Комментируя русско-французское соглашение от 3 марта 1859 г., автор пишет: «Этим соглашением Россия содействовала ослаблению позиций Австрии в Италии, хоть царь отнюдь не желал объединения Италии путем лишения престола мелких итальянских государей» (стр. 731). Эти слова, по нашему мнению, неполно отражают отношение царской России к объединению страны. Верно, что царь не был энтузиастом итальянского объединения, тем более достигнутого революционным путем. Из страха перед революцией он поддерживал «легитимные» притязания отдельных итальянских государей (особенно короля неаполитанского). Однако объективно русская дипломатия в 1859—1861 гг. способствовала успеху объединения Италии.

Подчеркнуть объективно положительную роль России в этом вопросе тем более важно, что ныне некоторые итальянские буржуазные авторы, фальсифицирующие историю в угоду «европейской» и «атлантической» политике, заявляют, будто Италия обязана своим единством и независимостью только поддержке со стороны Франции и Англии, которые якобы сотрудничали с итальянским национальным движением на почве борьбы против «панславизма», возглавляемого Россией [11].

В этой связи особенно уместно было бы показать отношение к итальянскому объединению со стороны передовых общественных сил России.

Положительной оценки заслуживают главы «Маркс и Энгельс. Возникновение научного коммунизма. Союз коммунистов» (написана Е. А. Степановой) и «Деятельность Маркса и Энгельса в 50—60-х годах XIX в. Международное товарищество рабочих (I Интернационал)» (автор — И. А. Бах).

На основе обширного и интересного фактического материала авторам удалось нарисовать яркие образы основоположников научного коммунизма, показать их тесную связь с пролетарским движением, твердую веру в торжество всемирной победы рабочего класса. В главе раскрыто также историческое значение I Интернационала, сыгравшего столь значительную роль в международном рабочем движении.

В учебник включена глава, посвященная развитию техники и естествознания (автор — В. С. Виргинский). Ее название не вполне соответствует содержанию, так как речь здесь идет не только о технике, но и о науке.

Учебник завершается главой «Основные итоги развития стран Европы и Америки в 1789—1871 гг.», призванной резюмировать важнейшие выводы всей книги. Эта глава восполняет некоторый недостаток обобщений в предшествующих разделах.

Объем рецензируемой книги (53 п. л.) не может не вызвать тревоги. При переизданиях необходимо добиться сокращения материала, посвященного второстепенным сюжетам. Вместе с тем в отдельных случаях было бы полезным пойти по линии увеличения объема некоторых глав.

В этой связи неизбежно встает важный вопрос — о месте, которое должны занять в учебнике проблемы истории культуры. Бесспорно, что в настоящее время студенты исторических факультетов получают слабую подготовку по истории мировой культуры. До последнего времени наши учебники почти не содержали соответствующих материалов. В нескольких главах рецензируемого труда, как, например, в главах по истории Австрийской империи и истории ряда малых стран, с этой неправильной традицией наконец покончено. Однако вопросы истории культуры полностью обходятся при изложении прошлого Франции, Англии и многих других государств.

Нам представляется, что в последующие издания следует включать указанные материалы, по крайней мере, в тех случаях, когда произведения литературы, живописи, музыки и т. п. приобретали большое общественно-политическое значение (чартистская поэзия в Англии, французская проза и живопись XIX в., музыка Дж. Верди, принятая «на вооружение» движением Рисорджименто и т. д.).

Подводя итоги, следует отметить, что коллективом авторов проделана большая, целеустремленная творческая работа. Книга с полным правом может быть рекомендована самым широким кругам советской общественности, относящимся с большим интересом и вниманием к изучению прошлого народов зарубежных стран.

К. Б. Виноградов, А. С. Корнеев, М. Н. Кузьмин, С. М. Стецкевич

---

[11] См. «L'Unità», 3 мая 1959 года.

СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН РАБОТЫ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил большие и ответственные задачи перед всеми работниками общественных наук. Он призвал их к созданию фундаментальных трудов, обобщающих закономерности общественного развития, к всемерному усилению идеологической работы, которая должна быть направлена на успешное решение задач развернутого коммунистического строительства.

В свете решений съезда составлен семилетний план головного археологического учреждения нашей страны — Института археологии АН СССР.

В предстоящем семилетии институт будет работать над следующими основными проблемами, объединенными единым направлением: история докапиталистических обществ и генезис капитализма; происхождение человека и история первобытного общества; вопросы этногенеза и формирования наций; основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений; генезис феодализма и развитие различных форм феодальных отношений.

Эти проблемы лежали в основе плана института и в предшествующие годы, что позволяет установить необходимую преемственность. Однако современные задачи потребовали пересмотра проблематики института, конкретизации ее, выделения наиболее значительных вопросов при изучении общих закономерностей развития человеческого общества. Для этого из плана были устранены мелкие, случайные темы, не связанные непосредственно с решением основных задач.

В плане каждая проблема объединяет ряд различных тем. Ввиду того, что некоторые исследования будут проводиться на базе полевых работ, организованных на обширных территориях, они потребуют концентрации всех археологических сил на наиболее важных участках. Поэтому план предусматривает также активное участие других научных учреждений и отдельных специалистов, не работающих в институте, в такого рода исследованиях.

Проблема «Происхождение человека и история первобытного общества» охватывает темы, имеющие большое значение для выяснения на конкретных археологических, антропологических и этнографических материалах общих вопросов формирования и развития первобытных обществ, прежде всего на территории СССР. Дальнейшая глубокая разработка таких вопросов, как происхождение человека, начало его производительной деятельности, расселение людей, эволюция хозяйства и общества, развитие культуры на протяжении многих сотен тысячелетий, позволит подойти к созданию подлинно научного освещения всей истории первобытного общества, поможет на новой, обогащенной фактами основе разработать марксистско-ленинскую периодизацию этого древнейшего и наиболее длительного периода истории. Вместе с тем определение конкретных особенностей развития первобытного общества на различных территориях создает серьезную базу для изучения процесса сложения этнических общностей, племен и племенных союзов как основы для формирования позднейших народностей.

По данной проблеме будет разрабатываться семь тем. Тема «Палеолит СССР и зарубежных стран» предусматривает подведение итогов исследований советских археологов в области древнекаменного века на территории СССР и других стран Европы и Азии. В трудах, запланированных по данной теме, будут освещены вопросы становления человека и человеческого общества, история древнейшего населения нашей страны и созданной им культуры, показаны общие закономерности и своеобразные черты культурно-исторического процесса на территории СССР. Ряд этих вопросов должен найти разрешение в монографии кандидата исторических наук А. Н. Рогаче-

за «Палеолит Средне-Русской возвышенности», в сборнике «Палеолит юга СССР» (авторы — доктор исторических наук А. П. Окладников, кандидаты исторических наук В. П. Любин, Е. А. Векилова и др.). Заметно расширится исследовательская деятельность советских археологов по общим вопросам палеолита с привлечением всех известных материалов, как советских, так и зарубежных. Запланирован специальный сборник «Палеолит зарубежных стран», в который войдут статьи доктора исторических наук П. И. Борисковского, кандидатов исторических наук В П. Любина и А. Н. Рогачева.

Следующие две темы посвящены древнейшей истории северных и восточных областей нашей страны. Одна из задач по разработке этих тем — освещение этнических процессов и истории культуры многочисленных племен и народов лесной полосы Европейской части СССР, включая Прибалтику, Урал и Приуралье. Другая важная задача — показать основные этапы исторического процесса в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти исследования должны быть выполнены с учетом данных о зарубежном Дальнем Востоке: Китае, Японии, Кореи, а также американском континенте. В трудах ученых будут раскрыты вопросы формирования современных народов, населяющих Дальний Восток, и их древних культурных связей.

Доктор исторических наук А. Я. Брюсов будет работать над темой «История заселения и движения населения на севере Европейской части СССР в эпоху неолита и бронзы». Кандидат исторических наук В. Н. Чернецов предполагает написать монографию «Неолитические памятники Урала и Западной Сибири как источник истории расселения древнейших племен». В 1960 г. должна быть закончена работа доктора исторических наук А. П. Окладникова «Каменный век Дальнего Востока». Усилиями большого авторского коллектива (доктора исторических наук А. П. Окладников и М. П. Грязнов, кандидаты исторических наук Н. Н. Гурина, Л. Я. Крижевская и др.) будет создан коллективный труд «Древняя история Енисея и Ангары».

Тема «Древнейшие земледельческие племена на территории СССР» потребует изучения важнейших явлений энеолита — переходного периода от каменного к бронзовому веку, таких, как распространение скотоводства, происхождение и начальный период земледелия на территории СССР. Открытия последних лет, доказавшие большую древность первых земледельческих очагов Средней Азии, Кавказа и Днепро-Днестровского района, говорят о необходимости пересмотра сложившихся ранее представлений об экономике и уровне культурного развития энеолитических племен указанных территорий. Важным является вопрос о связях населения нашей страны с Передней Азией, Месопотамией и Иранским нагорьем, осуществлявшихся через Среднюю Азию, Кавказ и Западное Причерноморье.

Особо следует подчеркнуть значение данной темы для создания прочной системы относительной и абсолютной хронологии древней истории нашей страны.

Институтом запланированы работы по локальным и хронологическим вариантам энеолита юго-запада СССР (доктор исторических наук Т. С. Пассек), энеолиту и бронзовому веку Северного Кавказа (кандидаты исторических наук А. А. Формозов, Р. М. Мунчаев и В. И. Марковин), древнейшим земледельческим культурам Туркмении (кандидат исторических наук В. М. Массон, И. Н. Хлопин).

Органическим продолжением этой темы является следующая — «Бронзовый век». Этот важный период древней истории нашей страны характеризуется дальнейшим развитием и распространением экономических достижений энеолитической эпохи, усложнением социальной структуры, формированием больших этнических и культурных общностей, сыгравших значительную роль в этногенезе народов как нашей страны, так и стран Центральной Европы. Особо выделены вопросы археологических культур «шнуровой керамики» (в самом широком понимании их), имеющие важное значение для разработки индоевропейской проблемы — одной из значительнейших проблем древней истории.

Тема делится на два раздела. Первый посвящен бронзовому веку Восточной Европы и включает монографии по энеолиту и бронзовому веку Поволжья (кандидат исторических наук Н. Я. Мерперт), бронзовому веку Белоруссии (И. И. Артеменко) и др.; по второму разделу («Бронзовый век Сибири и Средней Азии») будут написаны работы по древней истории Восточного Забайкалья, Сибири и Казахстана (доктор исторических наук М. П. Грязнов, кандидаты исторических наук

С. С. Черников Ю. С. Гришин, В. С. Сорокин) и др.

В связи с изучением экономической базы бронзового века запланированы специальные труды по металлургии (доктор технических наук С. И. Руденко, кандидат исторических наук А. А. Иессен и др.) и животноводству (доктор биологических наук В. И. Цалкин, кандидат исторических наук Н. Я. Мерперт).

Шестая тема охватывает вопросы экономического, социального, этнического и культурного развития племен раннего железного века на территории нашей страны. Они будут разрешаться на основе археологических и письменных материалов о скифских и сарматских племенах, а также о племенах более отдаленных областей. Разработка темы предусматривает детальную характеристику производительных сил (скотоводства, земледелия, охоты, металлургии и т. д.), реконструкцию социальных отношений, исследование вопроса о возникновении государства у скифов и причинах его падения. Будут освещены взаимосвязи племен и влияние культурных и торговых связей на их социальный строй и культуру.

Запланированные по данной теме работы посвящены культуре скифов Северного Причерноморья (доктор исторических наук М. И. Артамонов), ранним кочевникам Нижнего Поволжья (кандидат исторических наук В. П. Шилов), истории сарматов (кандидаты исторических наук К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова), скифо-сарматским памятникам Подонья (кандидаты исторических наук С. И. Капошина, П. Д. Либеров, Д. Б. Шелов), племенам Западной Скифии (кандидаты исторических наук А. И. Мелюкова и Н. Н. Погребова). Ряд сотрудников под руководством доктора исторических наук А. П. Смирнова исследует историю племен лесной зоны Восточной Европы в железном веке.

Тема «Древние славяне и их соседи в I тыс. н. э.» предусматривает разработку сложных и до сего времени малоисследованных вопросов древнейшей истории племен, сыгравших основную роль в формировании восточных славян и других этнических групп Восточной Европы. Специалисты подвергнут всестороннему анализу археологические памятники, изучение которых уже ведется и будет расширено в годы семилетки.

Исследованием памятников Черняховской культуры — одной из наиболее значительных культур раннего средневековья Восточной Европы — займутся кандидаты исторических наук М. А. Тиханова, В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович. Специальная работа будет посвящена восточнопольским славянским племенам (кандидат исторических наук Ю. В. Кухаренко).

Научное освещение проблемы «Происхождение человека и история первобытного общества» потребует проведения напряженных полевых исследований, значительного накопления новых материалов. В связи с этим институт планирует регулярные экспедиции. Будет продолжено изучение памятников палеолита в Костенковско-Боршевском районе, Воронежской области, в Крыму и на Кавказе. Памятники неолита и бронзового века изучат Юго-Западная, Северо-Кавказская, Южно-Туркменская, Саратовская, Белорусская, Уральская и другие экспедиции. Особое внимание будет уделено исследованию необъятных просторов Сибири и Дальнего Востока, где развернут свои работы Дальневосточная, Красноярская, Байкальская, Западно-Сибирская экспедиции.

Вторая проблема семилетнего плана института посвящена вопросам этногенеза и формирования наций. Археологическому материалу принадлежит здесь значительное место. Конечно, использование его сопряжено с большими трудностями, в частности, в связи с тем, что не решен ряд спорных вопросов о соотношении археологических источников и этноса. И все же изучение формирования и древнейшей истории конкретных человеческих групп, легших в основу больших языковых семей, немыслимо без археологии. Без постановки основных этногенических проблем невозможна дальнейшая историзация археологии, историческое осмысление эпох, предшествовавших появлению письменности. В силу этого, несмотря на все трудности, исследование этих проблем должно занять должное место в деятельности археологов.

Естественно, особое внимание должно быть уделено этногеническому процессу на территории СССР.

На предстоящее семилетие институтом запланирован ряд работ по этой тематике. Среди них следует отметить монографии члена-корреспондента АН СССР П. Н. Третьякова «Финно-угры, балтийцы и славяне в Восточной Европе», кандида-

та исторических наук Е. И. Крупнова «Племена Чечено-Ингушетии в раннем железном веке», кандидата исторических наук Г. Б. Федорова «Население Нижнего Дуная и Днестра в I тыс. н. э.».

Работы по этой проблеме будут основываться на материалах полевых исследований Северо-Кавказской, Прибалтийской, Средне-Русской, Средне-Днестровской, Молдавской и других экспедиций. Естественно, работа должна будет координироваться с лингвистами и этнографами.

Третья проблема — «Основные этапы и закономерности развития рабовладельческих отношений». На основе марксистско-ленинского учения о развитии общества ученым предстоит выяснить ряд принципиальных вопросов, связанных с возникновением и развитием рабовладельческой формации, со своеобразием рабовладельческих обществ на территории нашей страны и ролью их в истории народов СССР. Исследования в данной области позволяют глубже понять общие закономерности в развитии рабовладельческой формации и, следовательно, будут способствовать разоблачению буржуазных историков, отрицающих существование этих закономерностей.

При освещении истории народов нашей страны особенно важно раскрытие взаимоотношений рабовладельческих обществ Причерноморья, Закавказья и Средней Азии с племенным миром. Это будет способствовать решению сложной проблемы перехода от первобытнообщинной формации к классовому обществу конкретных групп населения нашей территории.

Всестороннее изучение проблемы предусматривает также активное участие советских археологов в разработке общих вопросов складывания и развития античных обществ и их культуры непосредственно в странах Средиземноморья и Востока. Советские археологи уже начали большие полевые исследования в Средиземноморье; в годы семилетки они будут продолжены и расширены.

Данная проблема включает ряд больших тем.

Первая из них — «Античное производство». Здесь важно выяснить процесс производства, эволюцию и удельный вес отдельных отраслей в общей структуре хозяйства, систему организации труда, а также характер использования рабочей силы в процессе исторического развития рабовладельческих обществ.

В особую тему выделены вопросы античной культуры на территории Народной Республики Албании. Это обусловлено необходимостью всестороннего изучения и полного введения в научный оборот результатов больших полевых исследований, проводимых совместно с коллективом археологов-антиковедов Института археологии и археологов Тиранского университета. Исследования должны охватить ряд античных городов на территории Албании. Они успешно начаты в 1958 г. раскопками Аполлонии Иллирийской под руководством С. Ислями и доктора искусствоведческих наук В. Д. Блаватского. В годы семилетки масштабы раскопок этого замечательного города и других античных памятников Албании увеличатся.

Результатом полевых работ в Албании должно явиться создание к концу семилетки большого коллективного труда албанских и советских ученых «Аполлония Иллирийская» (С. Ислями, Х. Цека, С. Анамали, доктора искусствоведческих наук В. Д. Блаватский и М. М. Кобылина, кандидаты исторических наук И. Т. Кругликова, Д. Б. Шелов, И. Б. Зеест, Г. А. Цветаева, Н. А. Онайко и др.).

Следующая тема — «История античной культуры». Сюда входит исследование античного градостроительства, архитектуры, искусства, фортификации, изучение истории культов, письменности и других разделов культуры в их историческом развитии; выяснение локальных особенностей античной культуры и взаимоотношений между эллинскими культурными центрами и племенным миром. Учеными будут написаны монографии, посвященные Пантикапею (В. Д. Блаватский), Милету (М. М. Кобылина), культуре городов Боспора (доктор исторических наук В. Ф. Гайдукевич), Ольвии (доктор исторических наук Т. Н. Книпович) и др.

В связи с разработкой указанных тем будет предпринят ряд крупных экспедиций. Помимо уже упомянутой Албанской экспедиции, планируется продолжение раскопок Фанагории, Танаиса, Ольвии, Илурата и т. д. Дальнейшее развитие получат подводные археологические исследования, начатые в последние годы В. Д. Блаватским.

Проблему генезиса феодализма и развития различных форм феодальных отношений институт предполагает разрабатывать совместно с Институтом истории.

Общей задачей при разработке этой проблемы является всестороннее исследование процесса возникновения феодальных отношений и выяснение особенностей этого процесса как в странах, где господствовал рабовладельческий строй, так и в областях, в которых феодализм возник в недрах разлагавшегося первобытнообщинного строя. С этим связан ряд весьма значительных и сложных вопросов, таких, как возникновение и развитие феодальных отношений у восточных славян, формирование и история древнерусского государства, развитие его экономики и культуры.

Особое внимание будет уделено общим вопросам складывания древнерусского государства, возникновения и развития русского средневекового города, изучению градостроительства, городских ремесел и культуры.

Впервые большое место в плане отводится исследованиям по истории древнерусской деревни.

По разделу «Русская деревня IX—XIII вв.» запланированы монографии: «Восточные славяне накануне образования Русского государства» (кандидат исторических наук И. И. Ляпушкин), «Русская деревня Смоленской земли» (кандидат исторических наук В. В. Седов) и др. Древнерусскому городу посвящен ряд исследований. Всемирно известные раскопки в Новгороде найдут отражение в коллективном труде «Великий Новгород» (руководитель — доктор исторических наук А. В. Арциховский), в монографии «Ремесло древнего Новгорода» (кандидат исторических наук Б. А. Колчин). Ряд монографий расскажет о Черниговской земле (академик Б. А. Рыбаков), о Переяславле-Русском (доктор исторических наук М. К. Каргер), о культуре Северо-Восточной Руси (доктор исторических наук Н. Н. Воронин). В связи с этим будут проведены раскопки многих селищ и городов: Москвы, Чернигова, Новгорода, Любеча, Изяславля, Торопца, Друцка, Новогрудка, Белоозера, Юрьева, Переяславля-Залесского и др.

Тема «Кочевники и их взаимосвязи с оседлыми племенами» посвящена вопросам истории гуннов и авар. Огромная роль этих больших кочевнических групп в истории Центральной и Средней Азии и Восточной Европы хорошо известна. Но памятники их изучены настолько мало, что археологические комплексы, характерные для гуннов, авар и т. д., до сих пор не определены. Между тем это необходимо не только для исследования экономики и социального строя самих кочевников, но и для решения ряда общеисторических вопросов (пути движения гуннов, подвластная им территория, взаимоотношения их с оседлыми племенами и с государствами Востока и Запада и т. п.).

Среди работ, запланированных по этой теме, следует отметить монографию доктора технических наук С. И. Руденко «Могилы гуннских шаньюев в Ноин-Уле», в которой впервые получат полное научное освещение замечательные находки в знаменитом гуннском некрополе на севере Монголии.

Третья тема четвертой проблемы посвящена средневековым городам и городской культуре восточных и южных районов СССР. Исследования, проведенные в последние годы советскими археологами в Забайкалье, Средней Азии, на Кавказе, на Средней Волге, уже привели к значительным открытиям в области изучения средневековых городов. Данные этих открытий должны быть в полной мере введены в научный оборот. До сих пор еще остаются неизученными история городов Золотой Орды и ее культура. По этой теме институт планирует организацию раскопок одной из столиц Золотой Орды — Сарая-Берке (Поволжская экспедиция) — и создание трудов, посвященных истории золотоордынской культуры, коллективный труд доктора исторических наук А. П. Смирнова и кандидата исторических наук Г. А. Федорова-Давыдова «Золотоордынская культура»).

Таковы в целом задачи семилетнего плана Института археологии по основным проблемам.

Институтом особо выделены работы общего характера, охватывающие ряд проблем и эпох. Среди них следует отметить сборник «Археологические исследования в СССР», в котором будут подведены итоги как полевым исследованиям, так и историческим построениям советских археологов (руководитель — академик Б. А. Рыбаков). Основные проблемы археологии эпохи бронзы осветит монография члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева «Бронзовый век СССР». К концу семилетки должна быть завершена книга академика Б. А. Рыбакова «Язычество у славян». Запланированы также

общие работы по археологии Закавказья (руководитель — кандидат исторических наук Е. И. Иессен), Средней Азии (руководитель — кандидат исторических наук А. М. Беленицкий), Дальнего Востока (руководитель — доктор исторических наук А. П. Окладников) и др.

Значительное место в семилетнем плане занимают анализ источников и создание прочной источниковедческой базы для широких обобщений. Основным звеном источниковедческой работы явится «Свод археологических источников СССР», подготовка первых выпусков которого активно ведется сейчас в институте. «Свод археологических источников СССР» — это систематизированное издание археологических материалов. Он должен ввести в научный оборот огромные археологические богатства, накопленные в результате нескольких десятилетий полевых исследований. При этом материал подвергнется тщательной и всесторонней источниковедческой обработке. Тем самым источниковедческая база работ по древней и средневековой истории всех народов СССР (в том числе народов, не имевших до Октябрьской революции своей письменности) намного обогатится. «Свод» будет включать в себя полную археологическую карту СССР, типологическую классификацию археологических памятников, характеристику древних культур, обоснование датировок и синхронистические таблицы, библиографию.

Работа над «Сводом» рассчитана на 20 лет. В 1960 г. будут сданы в печать первые выпуски «Свода», а к концу семилетия будет издано и подготовлено к изданию около 30 выпусков.

Значительное внимание советские археологи уделят критике буржуазной идеологии, борьбе против всякого рода извращений истории человечества. В связи с этим запланированы и специальные труды, где подвергаются критическому разбору теории реакционных буржуазных археологов. Среди них следует отметить монографию кандидата исторических наук А. Л. Монгайта, содержащую критический анализ истории и современного состояния археологии Западной Европы, которая должна быть завершена к концу семилетия, работу академика Б. А. Рыбакова «Норманская теория в свете пересмотра источников по истории Киевской Руси» (совместно с Институтом истории АН СССР), сборники «К критике буржуазных теорий по вопросам древнейшей истории индоевропейцев» (доктор исторических наук А. Я. Брюсов и др.— совместно с Институтом языкознания), «Оценка монгольского нашествия в современной буржуазной литературе» (доктор исторических наук А. П. Смирнов, кандидаты исторических наук Е. И. Крупнов, Г. А. Федоров-Давыдов — совместно с Институтом истории АН СССР), «Спорные вопросы становления человеческого общества» (доктор исторических наук А. П. Окладников, кандидаты исторических наук А. А. Формозов, Д. А. Крайнов — совместно с Институтом этнографии АН СССР).

В предстоящем семилетии институт планирует создание ряда книг, которые должны дать широкому кругу читателей-неспециалистов представление о проблематике, методах и достижениях советских археологов. Запланированы популярные работы по темам: история земледелия и скотоводства, история обработки металлов, история городов, история краев и областей, история оружия, скифские племена и их памятники.

Исследовательский план института на предстоящее семилетие предусматривает внедрение новой методики и новых технических средств в полевую и лабораторную практику. В свете решений XXI съезда КПСС, в которых выражена забота о техническом подъеме в нашей стране и всестороннем развитии естественных наук в 1959—1965 гг., советские археологи особое внимание уделят внедрению новых методов, использованию достижений естественных наук, укреплению контакта с ними и постановке совместных исследований.

Институт предполагает широко применять современные методы аэрофотосъемки, геофизические методы и другие для археологических разведок. Это позволит изучить громадные территории и значительно сэкономить средства, которые можно использовать для проведения дополнительных раскопок.

В связи с укрупнением экспедиций и концентрацией значительных сил археологов на основных объектах планируется максимальное использование техники при трудоемких земляных работах.

Методы естественных наук помогают археологам в установлении абсолютных и относительных дат. В Институте археологии работы будут проводиться по трем основ-

ным направлениям: 1) радио-карбонный метод (в Институте археологии создана лаборатория, которая с 1959 г. приступает к серийному исследованию по определению возраста органических остатков из археологических раскопок); 2) метод палеомагнетизма, который в отличие от радио-карбонного метода пригоден для определения абсолютных дат эпох раннего железа, античности и средневековья, объектом его анализов является керамика — наиболее массовый археологический материал; 3) дендрохронология. Этот метод в определенных случаях позволяет устанавливать абсолютные даты с точностью до одного года. Он особенно важен при определении хронологии памятников, отличающихся хорошей сохранностью древесины. К настоящему времени метод дендрохронологии разработан; с 1959 г. планируется широкое внедрение его. Прежде всего будет произведена обработка материалов Новгорода, Старой Ладоги, Белоозера, Пскова, продолжение изучения пазырыкских материалов и т. д.

В области научной обработки археологических материалов большие перспективы открыло внедрение в нашу науку таких аналитических методов, как структурный, спектральный, пыльцевой анализы и т. д. Эти методы позволяют исследовать важнейшие моменты технологии древних производств. Соответствующие лаборатории в Институте археологии созданы. Планируется применение современных методов на практике. В связи с этим начиная с 1959 г. поставлен ряд заданий по истории цветной и черной металлургии, истории керамики, стеклоделия и т. д., которые будут выполняться археологами (доктором исторических наук А. П. Окладниковым, доктором технических наук С. И. Руденко, кандидатом исторических наук А. А. Иессен, кандидатом исторических наук Б. А. Колчиным, кандидатом исторических наук Б. Г. Тихоновым и др.) совместно с химиками и физиками (кандидатом химических наук И. В. Богдановой-Березовской, Т. Б. Коробовой и др.).

Следует остановиться на работах по моделированию древних орудий и оружия (палеолит — неолит), которые позволят значительно уточнить наши представления о технике и производительности труда в древности. В этой области планируется дальнейшее расширение работ доктора исторических наук С. А. Семенова.

Выполнение семилетнего плана потребует напряженной творческой деятельности всего коллектива института, четкости, правильной расстановки сил, концентрации их на наиболее важных участках. Естественно, что сложные исторические проблемы не могут быть разрешены силами одного Института археологии. Успех может быть достигнут лишь при условии постоянной координации и творческого содружества с другими археологическими учреждениями и представителями смежных дисциплин. Поэтому план предусматривает координацию работ по конкретным темам с археологическими научно-исследовательскими учреждениями союзных и автономных республик, многочисленными университетами и музеями, а также лингвистами, антропологами, этнографами и историками. Решение ряда больших тем потребует сотрудничества с нашими зарубежными коллегами, прежде всего с археологами стран народной демократии.

Вместе со всеми деятелями советской науки коллектив Института археологии не пожалеет сил, чтобы с честью выполнить свой план и быть достойным участником всенародного строительства коммунизма.

Н. Я. Мерперт

ПЛАН НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР НА 1959—1965 годы

В свете решений XXI съезда КПСС Институт востоковедения Академии наук СССР разработал проект проблемно-тематического плана научно-исследовательских работ на 1959—1965 годы.

Запланирован ряд коллективных научных исследований по актуальным проблемам современного развития Востока. Большое значение придается изучению социалистического строительства в странах народной демократии Востока. До последнего времени в разработке этих проблем имелись существенные пробелы и недостатки. Не было создано серьезных трудов, освещающих вопросы строительства социализма в народно-демократических государствах Азии, хотя исследование конкретных методов и форм социалистического строительства, безусловно, представляет теперь огромный теоретический и практический интерес.

Перед коллективом научных сотрудников стоит важная задача глубокого изучения национально-освободительного движения и борьбы народных масс за установление строя народной демократии; роли рабочего класса, коммунистических и рабочих партий в мобилизации народных масс на строительство социализма; основных этапов истории экономического развития; значения опыта и помощи СССР в деле социалистического строительства; роли социалистических стран Азии в борьбе за сохранение и упрочение мира и т. д. Центральным трудом в разработке этой тематики явится коллективная монография «Строительство социализма в народно-демократических странах Востока» (совместно с Институтом китаеведения АН СССР). В 1959 г. сдаются в издательство работы: «Рабочий класс Кореи — руководящая сила революции и строительства народно-демократического государства» (Г. Ф. Ким); «15 лет Демократической Республики Вьетнам»; «Развитие строя народной демократии в МНР» и др. В последующие годы семилетки будут завершены коллективные монографии «КНДР на путях строительства социализма», «40 лет Монгольской народной революции» и др. В 1960 г. коллектив научных сотрудников сектора Кореи совместно с учеными КНДР завершит книгу «Экономический строй КНДР».

Другим направлением научно-исследовательской деятельности института является «Национально-освободительная борьба народов против колониализма и развитие стран Востока, вставших на путь независимости». Здесь определено шесть проблем: национально-освободительная борьба народов колониальных стран в дооктябрьский период; аграрный вопрос и крестьянское движение в странах Востока; национальный вопрос в странах Азии и Африки; кризис и распад колониальной системы империализма и колониальная политика империалистических государств на современном этапе; экономическое, политическое и культурное развитие стран Востока, вставших на путь независимости; взаимоотношения СССР и других государств социалистического лагеря со странами Востока.

Первая тема этого направления представлена двумя работами: «Освободительная борьба афганского народа против английских захватчиков (1838—1842 гг.)» и «История национально-освободительного движения в Египте до первой мировой империалистической войны».

Среди запланированных исследований по аграрному вопросу и крестьянскому движению в странах Востока в первую очередь следует назвать коллективную монографию «Послевоенные аграрные реформы в странах Востока и борьба крестьянства за землю», в создании которой принимают участие научные сотрудники многих секторов института. В 1959 г. должны быть закончены работы: «Аграрный вопрос в современной Индии» (Г. Г. Котовский); «Аграрный вопрос и крестьянское движение на Филиппинах» (Г. И. Левинсон); в последующие годы— «Аграрные отношения в Пакистане»; «Аграрные отношения в ОАР»; «Аграрный вопрос в Южной Корее»; «Аграрный вопрос в Индонезии после второй мировой войны» и др.

Национальный вопрос в странах Востока представлен в плане общеинститутской коллективной монографией, завершаемой в 1964 г., «Национальный вопрос в странах Азии и Африки». Кроме того, будут подготовлены труды: «Национальный вопрос в современной Индии» (А. М. Дьяков); «Вопросы формирования корейской нации» (Ф. И. Куликова); «Национальный вопрос в Бирме» (В. Ф. Васильев).

По проблеме кризиса и распада коло-

ниальной системы институтом планируется целый ряд работ, причем некоторые из них явятся обобщающими исследованиями, охватывающими большинство стран Востока. Здесь прежде всего необходимо отметить труд «Особенности современного колониализма в странах Азии и Африки» (авторским коллективом руководят Г. Л. Бондаревский и В. И. Павлов). Готовятся также коллективные монографии об экспансии империализма на Арабском Востоке, в Юго-Восточной Азии. Из индивидуальных монографий можно назвать такие, как «Японские монополии после второй мировой войны» (М. И. Лукьянова), «Новые формы проникновения иностранного монополистического капитала в экономику Индии» (С. М. Мельман) и др.

Вопросам экономического, политического и культурного развития стран Востока, вставших на путь независимого развития, посвящаются коллективные сборники: «15 лет Республики Индонезии»; «Современная Индия» (к 15-летию независимости); «Развитие госкапитализма в Индии» и ряд других работ. Институт намечает ежегодно издавать конъюнктурные обзоры по экономическому положению стран Востока.

Проблемы взаимоотношений СССР и других государств социалистического лагеря со странами Востока разрабатываются в двух крупных коллективных трудах: монографии «Борьба слаборазвитых стран Востока за экономическую независимость и страны социалистического лагеря» (руководители — Р. А. Ульяновский, Б. М. Данциг и Г. М. Прохоров) и сборнике «Осуществление перехода к коммунизму в СССР и страны Востока (к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции)» (ответственные редакторы: члены-корреспонденты АН СССР Б. Г. Гафуров и А. А. Губер).

Новейшая история стран зарубежного Востока — одно из основных направлений в работе института в предстоящем семилетии. Предусматривается написание трудов, характеризующих социально-экономические и общественно-политические процессы в отдельных странах зарубежного Востока в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Так, в 1959 г. будут завершены «Очерки новейшей истории Бирмы (1917—1947 гг.)», «Очерки новейшей истории Таиланда», «Очерки новейшей истории Цейлона». Кроме того, за семилетие будут подготовлены: «Очерки новейшей истории Индонезии (1945—1957 гг.)»; «Новейшая история Марокко», «Очерки новейшей истории Турции (1929—1939 гг.)»; «Новейшая история Непала», а также очерки новейшей истории Ирана, Туниса и других стран Азии.

Проблема «Африка в колониальной системе империализма и национально-освободительное движение африканских народов» потребует изучения большого круга вопросов. Намечены работы, посвященные современному экономическому и политическому положению африканских стран. В них наряду с показом движения африканских народов за свое освобождение будет дан анализ борьбы империалистических стран за Африку. В 1959 г. будут закончены сборники «Расовая дискриминация в странах Африки», «Африканские колонии в годы второй мировой войны» и исследование А. Ю. Шпирта «Сырьевые ресурсы стран Африки в экономике современного империализма». Планом намечено издание книги Л. Г. Гукасяна «Обострение империалистических противоречий в борьбе за Африку», а также коллективная монография объемом в 50 авторских листов «Очерки новой и новейшей истории Африки».

Институт до самого последнего времени совершенно недостаточно освещал рабочее движение в странах Востока. Слабо изучались также идеологическая борьба пролетариата и деятельность массовых рабочих организаций. Планом института предусмотрено увеличение количества монографий по вопросам рабочего движения. Будут изданы коллективный сборник «Коммунистические партии в борьбе за национальное освобождение и укрепление независимости стран Азии и Африки», завершаемый в 1962 г., и монографическая работа «Рабочее движение в странах Востока после второй мировой войны», окончание которой планируется на 1963 год. За семилетие выйдут в свет также монографии: «Деятельность международных рабочих организаций в странах Азии после второй мировой войны», «Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме в 1918—1930 гг.», «Рабочее движение в Японии после второй мировой войны», «Социалистическая партия в послевоенной Японии», «Положение рабочего класса в современной Индии»,— а также очерки по истории рабочего движения в Индии и Корее.

В документах XX и XXI съездов КПСС отмечалось важное значение глубокого изучения международных отношений на Востоке на современном этапе. Научные исследования в этом направлении призваны

скрыть принципиальные отличия внешней олитики Советского Союза, политики братской помощи слаборазвитым странам Востока, от колонизаторской политики империалистических держав в отношении этих стран. Сотрудники института готовят ряд исследований, освещающих эти проблемы. Сюда входят: сборник «Борьба народов Востока за мир и ослабление международной напряженности», коллективные монографии «Экспансия японского империализма в страны Юго-Восточной Азии после второй мировой войны» и «Очерки русско-иранских отношений до 1917 г.», монография . Т. Эйдуса «Советско-японские отношения после второй мировой войны». К концу семилетки будут завершены коллективные работы: «Внешняя политика Японии после второй мировой войны», «Внешняя политика Пакистана» и др., монография . Н. Узянова «Страны Юго-Восточной Азии и Россия в конце XIX в.».

Предусматривается изучение закономерностей развития человеческого общества и его культуры до эпохи империализма. Это направление представлено в плане следующими проблемами: древняя, средневековая и новая история стран зарубежного Востока; история культуры, литературы и искусства стран Востока до эпохи империализма; письменные источники народов Востока и их место в истории мировой культуры. Первая проблема ставит целью раскрытие в монографических трудах общих для всех стран Востока закономерностей развития, а также особенностей их исторического развития.

В план включены коллективные монографии «Генезис феодализма в странах Востока» и «Генезис капитализма в странах Востока». В качестве руководителей авторских коллективов по разработке этих тем привлекаются известные ученые-востоковеды: академик Н. И. Конрад, член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская, Б. Н. Заходер, А. Л. Гальперин, И. П. Петрушевский, К. А. Антонова и др.

Предусматривается подготовка книг по истории многих стран Востока, а также ряд исследований по проблеме «История культуры, литературы и искусства стран Востока до эпохи империализма».

Следующим направлением является изучение общественной мысли народов зарубежного Востока как в прошлом, так и в настоящем. В институте будут подготовлены коллективные работы: сборник «Современный ревизионизм и правые социалистические партии в странах Востока», монографии: «Идеологии современного национально-освободительного движения стран Востока» (руководители — члены-корреспонденты АН СССР Б. Г. Гафуров, М. Д. Каммари, а также В. Я. Аболтин, Р. А. Ульяновский, С. Н. Григорян, Ян Хин Шун и А. Д. Литман), «Основные направления индийского национализма в новейшее время» (руководители — А. М. Дьяков и Р. А. Ульяновский), «Основные концепции в зарубежной историографии Востока» (руководитель — академик В. В. Струве), «Борьба прогрессивных и реакционных течений в общественной мысли Пакистана и ее исторические корни» (Л. Р. Гордон-Полонская).

По разделу «История востоковедческой науки» намечается в первую очередь переиздание избранных трудов виднейших ученых-востоковедов. В течение 1959—1963 гг. будут подготовлены к печати: двухтомник избранных произведений академика Б. Я. Владимирцова; II—V тома избранных произведений академика В. А. Гордлевского; пятитомное издание избранных произведений члена-корреспондента АН СССР Е. Э. Бертельса и др. И. П. Петрушевским в этом году будет подготовлена к переизданию с добавлением неопубликованной главы и комментарием работа академика В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского завоевания». Планируется подготовка коллективных сборников на тему «Современная историческая наука в странах зарубежного Востока». В план включена подготовка коллективной монографии «Очерки по истории русского востоковедения», работа члена-корреспондента АН СССР А. Н. Кононова «История русской тюркологии, биобиблиографический словарь русских тюркологов» (т. 1, до 1917 г.) и ряд других.

Серьезное значение институт придает изучению языков народов Востока и в первую очередь языков Южной Индии, Южного Китая и Юго-Восточной Азии, которые ранее мало изучались или совсем не изучались в СССР.

Семилетний план Института востоковедения предполагает завершение и сдачу в печать более двухсот трудов общим объемом свыше 5 тыс. авторских листов. Предстоит огромная, напряженная работа, для выполнения которой институт располагает квалифицированными научными сотрудниками.

П. А. Бровцинов

ОБСУЖДЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНА РАБОТЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» НА 1959—1965 ГОДЫ

На заседании Ученого совета Института истории АН СССР был рассмотрен перспективный план публикаций журнала «Вопросы истории» на 1959—1965 годы.

С сообщением по этому вопросу выступил главный редактор журнала С. Ф. Найда. Издательский план работы редакции на предстоящее семилетие, сказал он, составлен в свете требований и задач, которые вытекают из решений XXI съезда КПСС, указаний Бюро Отделения исторических наук АН СССР, с учетом планов научно-исследовательских институтов, входящих в Отделение. Докладчик отметил, что семилетний, а также годовой планы желательно обсудить осенью в секторах института с тем, чтобы его сотрудники более детально ознакомились с планами, внесли свои предложения и коррективы, рекомендовали авторов по тем или иным темам.

Сотрудники института, отметил докладчик, принимают активное участие в журнале. Из 527 авторов, выступивших на его страницах с апреля 1957 по июль 1959 г., 127 являются работниками данного учреждения. Но этого недостаточно. Надо добиться, чтобы сотрудники института принимали еще более активное участие в подготовке статей, в частности историографического характера, очень нужных, но весьма трудоемких для тех, кто их пишет.

Редакция, подчеркнул С. Ф. Найда, надеется, что сотрудники института и впредь будут активно участвовать в работе журнала. Институт должен стать подлинной опорой журнала «Вопросы истории» как в разработке и освещении всех коренных проблем истории СССР и всемирной истории, так и в решении других задач. В первую очередь помощь журналу должна быть оказана в исследовании и освещении истории советского общества, а также в публикации важнейших проблемных статей по истории КПСС, международного рабочего и коммунистического движения, истории Коминтерна, статей, разоблачающих современный ревизионизм, фальсификаторов истории.

Не менее важная задача журнала состоит в том, чтобы систематически публиковать историографические статьи как по отечественной, так и по зарубежной истории, что позволит привлечь внимание советских ученых к этому до сих пор еще отстающему участку нашей исторической науки. Наконец, третья задача заключается в систем[illegible]тической обстоятельной информации о со[illegible]стоянии исторической науки в СССР и за его пределами, в проведении дискуссий по важнейшим вопросам истории и, в частно[illegible]сти, истории СССР советского периода новейшей истории. К сожалению, материа[illegible]лы этого раздела еще не полностью отве[illegible]чают требованиям, которые предъявляют [illegible]ним читатели.

Бюро Отделения исторических наук ре[illegible]комендовало редакции предусмотреть [illegible]перспективном плане информацию сами[illegible] авторов о своих трудах, а также рецензиро[illegible]вание отдельных наиболее крупных рабо[illegible] по истории. Как советские, так и прогре[illegible]сивные зарубежные ученые, безусловно, [illegible]интересом встретят широкую информаци[illegible] об исследованиях советских историков, ма[illegible]материалы, подводящие итоги и показываю[illegible]щие достижения нашей исторической науки. Следовательно, журналу нужны историо[illegible]графические статьи, которые давали бы от[illegible]веты на вопросы: какие проблемы совет[illegible]скими учеными разрешены, какие еще тре[illegible]буют дальнейшего изучения; какие дискус[illegible]сии в ближайшее время следует в связи [illegible]этим провести; какие задачи и перспективн[illegible]стоят перед советской исторической наукой. Но успешно решить эти задачи можно лиш[illegible] в том случае, если все наши научные и на[illegible]учно-преподавательские кадры примут са[illegible]мое горячее участие в жизни и работе жур[illegible]нала: будут писать для него статьи, дават[illegible] советы, критиковать недостатки, вносит[illegible] предложения.

С. Ф. Найда подчеркнул, что редакция рассчитывает на самое активное участие [illegible] журнале научных сотрудников всех друг[illegible] учреждений, объединяемых Отделением исторических наук: институтов археоло[illegible]гии, этнографии, востоковедения, китаеве[illegible]дения, истории искусства, на участие ра[illegible]ботников соответствующих институтов [illegible] секторов академий наук союзных респуб[illegible]лик, филиалов АН СССР. Столь ж[illegible] активным должно быть участие в жур[illegible]нале научно-преподавательских кадро[illegible] вузов (историков КПСС, историков на[illegible]родов СССР и всемирной истории). Приня[illegible]ты меры для привлечения к сотрудничеств[illegible] в журнале учителей истории средних школ[illegible] партийных и советских работников, в част[illegible]ности работников министерств, совнархозо[illegible]

и т. д. Редакция прилагает усилия к тому, чтобы сделать еще более широким сотрудничество в журнале зарубежных историков и общественных деятелей, прежде всего из стран народной демократии.

Ученые союзных республик, а также Российской Федерации ждут квалифицированной помощи. Ее могут и должны оказать им историки, работающие в центре, путем публикации результатов своих исследований, обобщения достижений исторической науки.

Товарищи, выступавшие в прениях, подробно анализировали перспективный план работы журнала и высказали ряд серьезных замечаний, пожеланий и предложений.

И. Б. Берхин отметил, что он приветствует обсуждение Ученым советом института основных направлений издательского плана журнала. Он полагает, что необходимо серьезное обсуждение всех задач, стоящих перед советской исторической наукой, и определение основных проблем, требующих первостепенного изучения и освещения в печати. Оратор поддержал мнение докладчика о том, чтобы обсуждение плана было продолжено в секторах института, после чего Ученый совет сможет вернуться к данному вопросу. По мнению И. Б. Берхина, перспективный план страдает рядом серьезных недостатков. Прежде всего он носит слишком общий характер. Следовало бы, например, конкретизировать проблему «Борьба народных масс СССР за социалистическую индустриализацию страны» (раздел «История строительства социализма и коммунизма в СССР»), выделить то, что уже сделано в этом направлении, и то, что еще ждет изучения и последующего освещения в журнале. То же самое относится к проблемам «Борьба народных масс СССР за коллективизацию сельского хозяйства» и «Ленинская национальная политика и создание СССР».

И. Б. Берхин считает, что журнал призван в первую очередь публиковать материалы, обобщающие опыт социалистического строительства в СССР и странах народной демократии. Статьи такого рода слабо представлены в плане. Этот раздел требует расширения. В частности, в него должны быть включены проблемы «Три лозунга по крестьянскому вопросу», «Ленинский кооперативный план», при решении которых в свое время были допущены догматизм и искажения, а также такие темы, как «Основные черты переходного этапа от капитализма к социализму в СССР», и другие, по которым у нас еще нет обобщающих работ. Политические проблемы, как указал И. Б. Берхин, получили в плане более полное освещение, но и здесь не все учтено. Отсутствуют вопросы развития Советского государства, его хозяйственной и культурно-воспитательной деятельности на отдельных этапах социалистического строительства.

И. Б. Берхин предложил далее включить в план серию статей, показывающих, как решались в нашей стране такие крупнейшие социальные проблемы, как ликвидация эксплуататорских классов, безработицы. Публикация подобных материалов имеет огромную политическую актуальность.

Журнал должен шире освещать историю КПСС, в частности борьбу Коммунистической партии за индустриализацию и коллективизацию страны, за укрепление Советов, руководящую роль партии в борьбе за строительство коммунизма. Что же касается чисто внутрипартийных тем, например, «Борьба КПСС против антиленинских группировок» и др., то, по мнению И. Б. Берхина, они должны находить отражение на страницах журнала «Вопросы истории КПСС».

А. С. Нифонтов согласился с точкой зрения И. Б. Берхина и отметил, что отдельные формулировки разделов, направлений и проблем плана недостаточно продуманы, а в ряде случаев вызывают недоумение. Например, по заголовку «Из истории развития феодальных отношений в России» трудно определить, проблема это или направление. Ведь раздел охватывает весь феодальный период. То же самое можно сказать и в отношении таких формулировок, как «Из истории государственно-монополистического капитализма в России», «Из истории двух русских буржуазно-демократических революций». Следовало бы конкретизировать эти названия. А. С. Нифонтов предложил, чтобы секторы института рекомендовали для включения в план проблемы, представляющиеся им наиболее целесообразными. Далее оратор обратил внимание редакции на отсутствие в плане тем, связанных с юбилейными датами, например, забыта дата столетия реформы 1861 г., в связи с которой необходимо поместить в журнале ряд материалов.

А. С. Нифонтов одобрил инициативу редколлегии журнала, которая впервые за многие годы вынесла на обсуждение Ученого совета института свой перспективный план.

Д. А. Чугаев сказал, что по характеру публикуемых материалов журнал «Вопросы истории» до сих пор мало чем отличался от журналов «История СССР» и «Новая и новейшая история». Между тем у него есть свой профиль, согласно которому он должен в первую очередь заниматься разработкой теоретических вопросов исторической науки, ее историей. Этим проблемам, к сожалению, в плане не отведено места. Упущены также вопросы источниковедения. По мнению Д. А. Чугаева, сотрудникам института нужно провести большую научную работу с тем, чтобы пополнить портфель редакции статьями, посвященными важнейшим проблемам, освещающим развитие тех или иных исторических концепций, историю науки, перспективы ее развития.

Н. И. Саморуков в своем выступлении отметил, что обсуждение на Ученом совете перспективного плана редакции своевременно и его надо всячески приветствовать. Это тем более важно, что «Вопросы истории», став органом Отделения исторических наук, оказались в какой-то степени оторванными от Института истории. Сейчас у журнала более определенное лицо, чем в прошлом, однако четкого профиля он еще не приобрел. Это отразилось и на плане, который страдает схоластичностью и является перечнем слишком общих проблем. Предстоит их конкретизация. С этой целью Н. И. Саморуков предложил незамедлительно приступить к обсуждению плана в секторах института с тем, чтобы последние рекомендовали редакции темы статей, а по возможности и авторов.

По мнению Н. И. Саморукова, журнал должен больше обращаться к истории прошлого, так как актуальны проблемы не только современной эпохи. В последнее время, например, в буржуазной исторической литературе идеализируется Римская империя. Многие реакционные историки даже полагают, что социальные сдвиги современности являются повторением или продолжением того, что происходило в Риме. Наша задача — разоблачать подобные измышления фальсификаторов. Больше внимания журнал должен уделять освещению научной жизни за рубежом, привлекая к сотрудничеству на своих страницах прогрессивных историков Запада. Необходимо заказывать им статьи на темы, интересующие нашу научную общественность. Кроме того, «Вопросы истории» должны лучше информировать советского читателя о новинках зарубежной литературы.

Далее Н. И. Саморуков отметил, что за время, прошедшее после окончания второй мировой войны, свершились колоссальные общественные сдвиги, возник и быстро развивается могучий лагерь социализма. Советским ученым еще предстоит создать учебники по всеобщей истории и истории СССР, отражающие события послевоенного периода. Было бы желательно, чтобы журнал «Вопросы истории» поднял этот вопрос на своих страницах. Такие материалы привлекли бы внимание не только советских, но и зарубежных историков. Институт, располагающий квалифицированными кадрами, мог бы принять в таком обсуждении самое активное участие.

Н. А. Смирнов считает, что составление подробного семилетнего плана для ежемесячного журнала — задача чрезвычайно сложная и вряд ли такой план может удовлетворить всех. Поэтому предложенный на обсуждение проект следует считать лишь примерной наметкой проблем, по которым журнал собирается выступить. С точки зрения Н. А. Смирнова, раздел библиографии редакция должна планировать с учетом профиля журнала. На его страницах следует рецензировать только те книги, в которых затрагиваются важные проблемы.

Кроме семилетнего плана, у редакции есть план на 1960 год. В противоположность первому последний должен быть более конкретным, с указанием в нем статей, которые намечается опубликовать в предстоящем году. Секторы института окажут редакции помощь, обсудив не только проблемы семилетнего, но и темы годового плана. При этом они, несомненно, выскажут свои пожелания, сделают заявки. Таким образом, за многими товарищами можно будет закрепить определенные темы, работу над которыми они будут считать своей обязанностью. Особо желательно участие в журнале академиков, членов-корреспондентов АН СССР, докторов наук, которые прежде всего могли бы выступить по коренным вопросам истории.

В. Г. Трухановский подчеркнул, что обсуждение перспективного плана редакции, а также обстановка и дух, в которой оно происходило, произвели на него отрадное впечатление. Положителен, по его мнению, факт, приведенный в сообщении С. Ф. Найда, о большом количестве сотрудников института, выступивших на страницах «Вопросов истории». К сожалению, однако, в течение ряда лет не было тесного контакта между институтом в целом и журналом.

В. Г. Трухановский обратил внимание присутствующих на деловые предложения относительно необходимости обсуждения плана в секторах института. Следует стремиться к тому, чтобы сделать более прочной непосредственную связь между отделами журнала и соответствующими секторами института.

В заключительном слове С. Ф. Найда поблагодарил участников обсуждения за внимание к работе журнала. Все замечания по плану, сказал он, будут внимательно изучены редакцией. Отметив необходимость более тесного сотрудничества института и журнала, С. Ф. Найда выразил надежду на то, что в будущем будет достигнута договоренность о конкретных формах таких контактов.

Ученый совет Института истории в своем решении рекомендовал редколлегии журнала принять за основу представленный на обсуждение проект перспективного плана. Основное внимание в нем следует обратить на разработку наиболее актуальных вопросов, особенно по истории советского общества (Великой Отечественной войны, рабочего класса, колхозного крестьянства, государственного строительства, патриотического движения), а также международного рабочего и коммунистического движения. Секторы института совместно с редакцией журнала, говорится в решении, должны обсудить в ближайшее время перспективный план публикаций на 1959—1965 гг., а также тематический план на 1960 год. В решении указывалось также на возможность в необходимых случаях включать в план работы сотрудников института написание для журнала отдельных статей на наиболее актуальные темы.

Л. П. БОРИСОВ

О РАБОТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ *

(К 25-летию постановления ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР»)

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В июле 1918 г. по постановлению Совнаркома РСФСР, подписанному В. И. Лениным, был основан Воронежский государственный университет. В число первых четырех его факультетов вошел и историко-филологический, готовивший преподавателей для средних школ, воспитателей дошкольных учреждений, а также руководящих работников отделов народного образования. На факультете работали тогда видные ученые, часть которых прибыла в Воронеж после закрытия Юрьевского университета.

1 июня 1921 г. в связи с реорганизацией университета историко-филологический факультет был закрыт. Преподавание гуманитарных наук сосредоточилось на педагогическом факультете, организованном в составе Воронежского университета 1 декабря 1921 года.

В 1931 г. педагогический факультет выделился из состава университета и на его базе создан Воронежский государственный педагогический институт. С этого времени вплоть до 1940 г. в университете не было гуманитарного факультета.

В 1940 г., реализуя постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах, Наркомпрос РСФСР открыл в Воронежском университете исторический факультет, который весной 1941 г. был реорганизован в историко-филологический. Кроме кафедры истории, на факультете возникли кафедры русского языка и русской литературы.

1941/42 учебный год, несмотря на большие трудности, обусловленные военной обстановкой, был успешно закончен. Когда же фронт приблизился непосредственно к городу, работа университета в Воронеже прекратилась. Новый, 1942/43 учебный год историко-филологический факультет начал в г. Елабуге, а осенью 1943 г. он был переведен в Липецк.

* О работе других исторических факультетов государственных университетов см. №№ 7, 10.

В сентябре 1944 г. историко-филологический факультет возвратился в Воронеж, и 9 мая 1945 г. состоялся выпуск студентов первого набора, досрочно окончивших факультет.

В 1946/47 учебном году историко-филологический факультет перешел на пятилетний срок обучения. На факультете была создана кафедра истории СССР. С 1949/50 учебного года историко-филологический факультет стал готовить научные кадры. Была открыта аспирантура по кафедрам всеобщей истории, истории СССР, русского языка и русской литературы.

На кафедре истории СССР (зав. кафедрой — доцент Е. Г. Шуляковский) особое внимание уделяется изучению истории Воронежской и смежных с нею областей, вопросам историографии и общественно-политического движения в России и его связи с движением братских славянских народов.

Основным направлением исследовательской работы кафедры истории СССР является краеведение. Кафедра стала центром краеведческой работы в Воронежской области. По ее инициативе был организован ряд научных конференций, посвященных истории Воронежа и Воронежской области, истории первой русской и Великой Октябрьской социалистической революций на этой территории. К участию в конференциях были привлечены работники педагогического института, архивов и музеев Воронежа и области, учителя, пропагандисты, студенты, рабочие — участники революционного движения.

Было подготовлено к печати и издано несколько книг и брошюр по краеведению [1]. Кандидатские диссертации, защищенные преподавателями и аспирантами кафедры, посвящены истории Воронежской и смежных с нею областей [2].

Большое место в краеведческой работе кафедры истории СССР занимают вопросы археологии. С 1948 г. под руководством доцента А. Н. Москаленко ведутся систематические исследования археологических памятников Воронежской области. В этой работе активное участие принимают студенты — члены археологического кружка. Полевые исследования ведутся в двух направлениях: сбор материалов к археологической карте Воронежской области и изучение памятников славянской (борщевской) культуры VIII—X вв. нашей эры.

За период с 1949 по 1958 г. было обнаружено около двух десятков памятников эпохи бронзы, раскопано первое поселение с культурным слоем раннего железного века, изучены славянские городища VIII—X вв. н. э. (городище у с. Архангельское, Гремяченского района, и городище у х. Титчиха, Давыдовского района). Исследование славянских городищ позволило поставить под сомнение установившееся мнение о якобы большой примитивности борщевской культуры. Впервые получены данные о системе планировки поселков, об устройстве укреплений [3].

---

[1] «Из истории Воронежской области» (Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г.). Воронеж. 1954; «Революционное движение в Воронежской губернии 1905—1907 годов». Сборник документов и материалов. Воронеж. 1955; «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917—1918 годов». Сборник документов и материалов. Воронеж. 1957; Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. Воронеж. 1953; А. Н. Москаленко. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж. 1955. О. А. Бавыкина и П. П. Тяжелов участвовали в создании книги «Воронежские большевики в революции 1905—1907 годов». Воронеж. 1955. Ряд статей, посвященных истории Воронежской и соседних с нею областей, опубликован работниками кафедры в «Трудах» Воронежского государственного университета (тт. 25, 29, 1954; тт. 38, 42, вып. 3, 1955; т. 59, вып. исторический, 1957; т. 51, вып. 1, 1958).

[2] Г. М. Птушкин. Развитие капиталистических отношений в деревне Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX века; М. М. Шевченко. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права; О. А. Бавыкина. Рабочее движение в Воронеже в 1905 году; П. П. Тяжелов. Крестьянское движение в Воронежской губернии в период революции 1905—1907 гг.; О. Ф. Шапоналова. Культурное строительство в Центрально-Черноземной области в годы первой пятилетки; И. А. Падалкин. Колхозное крестьянство Воронежской области в годы Отечественной войны.

[3] Результаты археологических исследований нашли отражение в работе А. Н. Москаленко о древних памятниках Верхнего и Среднего Дона и в ряде ее статей: «Памятники эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону» («Краткие сообщения» ИИМК АН СССР, вып. 43, 1952); «Архангельское (Голышевское) городище» («Краткие сообщения» ИИМК АН СССР, вып. 48, 1952); «Некоторые итоги работы на Архангельском городище Воронежской области в 1952—1953 гг.» (сборник «Из истории Воронежской области». Воронеж. 1954); «Памятники скифского времени на Среднем Дону» («Краткие сообщения» Института археологии АН СССР, вып. 4, 1955, и «Biblioteca classica Orientalis», Heft 4, 1957, Academie Verlag — Berlin).

Итогом кропотливой и серьезной работы, роделанной кафедрой истории СССР Воронежского государственного университета течение 10 лет по изучению истории области, является большой (40 печатных листов) коллективный труд «Очерки истории Воронежского края (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)», подготовленный к печати.

Вопросы историографии и развития общественно-политического движения в России и его связи с движением братских славянских народов служат предметом исследования членов кафедры истории СССР. этой области работают доценты . И. Бортников, Е. Г. Шуляковский, . П. Лысцов.

А. И. Бортников изучает русско-польские революционные связи в первой половине IX века. По этому вопросу им опубликован ряд статей в «Трудах» Воронежского государственного университета [4]. Вопросами русско-польских революционных связей занимался и Е. Г. Шуляковский [5].

В настоящее время сотрудники кафедры истории СССР, вдохновляемые историческими решениями XXI съезда КПСС, приступили к написанию коллективной монографии «Очерки истории Воронежской области в годы Советской власти».

Научно-исследовательская работа кафедры всеобщей истории ведется по следующим направлениям: отечественная историография по всеобщей истории; социально-экономическая и культурная история славянских народов в средние века и новое время; история международного рабочего движения в новое и новейшее время. Эти основные проблемы, в свою очередь, подразделяются на отдельные темы, коллективно разрабатываемые членами кафедры.

Занимаясь вопросами историографии, кафедра обратилась к изучению проблем всеобщей истории в освещении русских революционных демократов. В разработке этих проблем приняли участие проф. И. Н. Бороздин (зав. кафедрой), доценты С. Н. Бенклиев, В. А. Дунаевский, И. Я. Разумникова, З. Н. Степанова, аспиранты (в настоящее время преподаватели вузов) В. М. Тупикин, В. В. Гусев.

Члены кафедры проявляют интерес к прогрессивным направлениям исторической науки в России 30—50-х годов XIX века. Ряд интересных исследований опубликовали И. Н. Бороздин, В. В. Гусев, аспирантка И. И. Романова [6]. З. Н. Степанова посвятила свою статью взглядам Т. Н. Грановского на историю Востока («Т. Н. Грановский о Востоке». «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 51, вып. 1, 1958). Вопросу о кризисе исторической науки и его отражении в отечественной историографии посвящена кандидатская диссертация В. А. Афонюшкина «Д. М. Петрушевский как историк Англии» (1955). На темы, в равной степени относящиеся и к историографическому и к славяноведческому направлению, написаны кандидатские диссертации Н. Т. Сапроновой — «Захарий Стоянов как историк и политический деятель» (Воронеж. 1955) и Е. А. Югансона — «Проблема польского национально-освободительного движения 1863—1864 гг. в русской исторической литературе и публицистике» (Воронеж. 1955).

Кафедра всеобщей истории уделяет внимание изучению социально-экономической и культурной истории южных и западных славян в средние века и новое время. Доцент А. Е. Москаленко исследовал средневековую историю народов Югославии. Им защищена диссертация на тему «Социально-экономический и политический строй г. Сплита в XIII—XIV вв.», а также опубликован ряд статей [7]. Историей социально-

---

[4] «Декабристы и польское национально-освободительное движение»; «Из истории отношения русских революционных демократов 40-х гг. XIX в. к украинскому национально-освободительному движению»; «Петрашевцы и польское национально-освободительное движение»; «К истории русско-польских революционных связей в 30-х гг. XIX в.».

[5] Е. Г. Шуляковский. Из истории участия трудящихся поляков в борьбе за власть Советов в Воронежской губернии. «Славянский сборник», вып. 1. Воронеж. 1958; его же. Участие белорусского народа в освободительной войне 1648—1654 гг. «Вопросы истории», 1954, № 5.

[6] И. Н. Бороздин. П. Н. Кудрявцев как историк древнего мира. «Вестник древней истории», 1951, № 2; его же. Изучение истории древнего мира в 30—40-х гг. XIX в. «Очерки истории исторической науки в СССР», Т. 1. М. 1955; его же. К вопросу об ученых разногласиях медиевистов 40—50-х гг. XIX в. «Средние века», вып. VI, 1955; его же. Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии. «Византийский временник». Т. XI, 1956.

[7] А. Е. Москаленко. Ремесло и промыслы в Сплите в XIII—XIV вв. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 38, 1955; его же. Из истории классовой борьбы в далматинских городах во второй половине XIV — начале XV в. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 42, вып. 3, 1955; его же. К во-

экономического развития далматинских городов занимается Н. П. Мананчикова, которая работает над кандидатской диссертацией «Общественный строй Дубровника в XIII—XV вв.». Она опубликовала статью «Ремесла, сельское хозяйство и торговля Дубровника по данным статута 1272 г.» («Славянский сборник». Вып. 1. Воронеж. 1958).

Проблемы социально-экономического развития средневековой Сербии разрабатывает С. П. Боброва, защитившая кандидатскую диссертацию на тему «Феодальное землевладение в Сербии в XIII — первой половине XIV в.» (Воронеж. 1956) и опубликовавшая ряд статей [8].

Истории Сербии в новое время посвящена статья И. Н. Бороздина «Н. Г. Чернышевский о сербском народе» («Славянский сборник». Вып. 1. 1958), тесно связанная с исследованиями автора по истории русской общественно-исторической мысли.

Историей чешского народа занимается Г. И. Липатникова, написавшая диссертацию «Пражский университет и общественная жизнь Чехии в XIV и в начале XV века» (Воронеж. 1953), а также несколько статей [9].

Кандидат исторических наук Л. В. Волкова-Кржеминская изучает историю развития польской общественной мысли XVI века. Ею опубликованы статьи: «Прогрессивные польские публицисты XVI в. о современной им действительности» («Ученые записки» Института славяноведения. Т. XIV, 1956) и «Социально-политические взгляды Яна Кохановского» («Славянский сборник». Вып. 1. 1958).

Со славянской тематикой кафедры всеобщей истории тесно связана работа сотрудников кафедры иностранных языков преподавателей-латинистов В. Г. Журавля и С. А. Рыковой, над средневековыми источниками по истории славянских народов. В. Г. Журавель осуществил перевод на русский язык Дубровницкого статута 1272 г., отрывки из которого опубликованы в «Славянском сборнике» Воронежского государственного университета (Вып. 1. 1958). С. А. Рыкова перевела и опубликовала отрывки из интереснейшего источника XV в.— «Описания Дубровника Филиппа де Диверсиса» («Славянский сборник». Вып. 1. Воронеж. 1958).

На кафедре изучается история международного рабочего движения в новое и новейшее время. В работах по этой тематике приняли участие доценты П. М. Гапонов, И. Я. Разумникова, преподаватели Ф. С. Грин и Н. И. Кудрявцева. П. М. Гапонов работает над монографией «Борьба Карла Либкнехта против милитаризма и реакции». Он опубликовал ряд статей, связанных с этой темой [10]. И. Я. Разумникова написала статью «К вопросу об отношении Клары Цеткин к Великой Октябрьской социалистической революции» («Труды» Воронежского государственного университета. Т. 59, 1957).

Кроме исследований, осуществляемых коллективно членами кафедры, надо отметить работы доцентов С. Н. Бенклиева и А. И. Немировского по истории древнего Рима, В. А. Дунаевского по истории Франции XIX века. С. Н. Бенклиев опубликовал ряд статей, связанных с проблемой кризиса римской демократии и заговора Катилины [11]. А. И. Немировский работает над мо-

просу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. «Византийский временник». Т. XIII, 1958; его же. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в. «Славянский сборник», Вып. 1. Воронеж. 1958.

[8] С. П. Боброва. Ремесло в сербском поместье в XIII—первой половине XIV в. по данным хрисовулов. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 59, 1957; ее же. К вопросу о землевладении в Сербии XIII—XIV вв. «Славянский сборник». Вып. 1. 1958.

[9] Г. И. Липатникова. К вопросу о социальном составе студентов Пражского университета в конце XIV — начале XV в. «Ученые записки» Института славяноведения. Т. XV, 1957; ее же. К истории основания Пражского университета. «Славянский сборник». Вып. 1. 1958.

[10] П. М. Гапонов. Карл Либкнехт о роли монополий в милитаризации Германии. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 47, 1957; его же. Антимилитаристские выступления Карла Либкнехта накануне первой мировой войны. «Вопросы истории», 1957, № 2; его же. Антивоенные выступления германского рабочего класса в 1912—1914 гг. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 51. 1958; его же. Карл Либкнехт и Великая Октябрьская социалистическая революция. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 59, 1957.

[11] С. Н. Бенклиев. Античные источники о заговоре Катилины. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 16, 1948; его же. Заговор Катилины в русской историографии. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 20, 1950; его же. Кризис римской демократии. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 38, 1955, и др.

нографией о генезисе Римского государства. Им опубликована статья «Научное наследие Маркса и изучение древней истории» («Вестник древней истории», 1958, № 2).

В. А. Дунаевский опубликовал несколько статей, посвященных истории Третьей республики во Франции [12].

Научные работники исторического отделения историко-филологического факультета часто выступают с рецензиями в периодической печати, принимают активное участие в обсуждении учебных программ и учебников, решении научно-теоретических проблем, постоянно читают лекции на заводах, в рабочих клубах, школах, лекториях, в колхозах области. Кафедрами факультета был проведен ряд специальных научных конференций. Так, кафедры всеобщей истории и истории СССР организовали две конференции (1949 и 1957 гг.) по истории славянских народов и конференцию по вопросам историографии. В работе этих конференций приняли участие представители Института славяноведения, Института истории АН СССР, Славянского комитета СССР, представители высших учебных заведений.

Кафедры историко-филологического факультета Воронежского университета находятся в постоянном контакте с научными институтами АН СССР — Институтом истории, Институтом славяноведения, Институтом истории материальной культуры, Академией наук Украинской ССР, Академией наук Туркменской ССР, с Московским, Ленинградским, Азербайджанским, Казанским, Свердловским, Одесским и другими университетами и институтами страны. Члены кафедр факультета принимают участие в сессиях, пленумах, конференциях и совещаниях АН СССР, Академии наук Украинской ССР, Министерства высшего образования, Академии педагогических наук РСФСР и др.

На всем протяжении своей деятельности историко-филологический факультет успешно справляется со своей основной задачей — подготовкой квалифицированных кадров преподавателей и научных работников, преданных Родине, великому делу коммунизма.

Только за послевоенные годы факультет подготовил и выпустил свыше 700 молодых специалистов. Из них многие работают учителями, заведующими учебной частью и директорами средних школ, сотрудниками музеев, архивов, издательств, газет, находятся на партийной, комсомольской и советской работе. Факультет подготовил 28 кандидатов наук. Более 40 человек — выпускников факультета — ведут преподавание в высших учебных заведениях.

В октябре 1955 г. студенческий коллектив историко-филологического факультета значительно пополнился в связи с объединением с историческим факультетом педагогического института и открытием вечернего отделения. Увеличился и профессорско-преподавательский состав факультета. Всего на историко-филологическом факультете Воронежского университета в настоящее время учится около 2 тыс. студентов, из них 550 — на стационаре, 109 — на вечернем и 1 300 — на заочном отделениях. На факультете имеется пять кафедр: истории СССР, всеобщей истории, русской литературы, русского языка и иностранных языков. На кафедрах работают 3 профессора, 34 кандидата наук (из них 25 доцентов), 18 преподавателей.

Реализуя исторические решения XXI съезда КПСС и принятый сессией Верховного Совета СССР Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР, профессорско-преподавательский коллектив факультета все свои усилия направляет к тому, чтобы максимально повысить качество учебно-воспитательной и научной работы, теснее связать ее с практикой коммунистического строительства. В свете решений XXI съезда КПСС пересматриваются ныне действующие учебные программы, содержание и методика практических занятий, тематика контрольных, курсовых и дипломных работ, внесены коррективы в планы научных исследований, разрабатываются новые спецкурсы и спецсеминары, составляются методические и учебные пособия и т. д. В нынешнем учебном году на первый курс дневного, вечернего и заочного отделений факультета принято около 300 студентов, которые занимаются по новому учебному плану, утвержденному Министерством высшего образования СССР. По-новому перестроен учебный план также для студентов второго и частично

[12] В. А. Дунаевский. Борьба за республику во Французском национальном собрании (октябрь 1873 — декабрь 1874 г.). «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 20, 1950; его же. Борьба партий в Национальном собрании и выработка французской конституции 1875 г. М. 1950; его же. К вопросу о принятии французской конституции 1875 г. в Национальном собрании. «Труды» Воронежского государственного университета. Т. 29, 1954.

старших курсов. Уже в этом году студенты пятого курса стационара и шестого курса вечернего отделения будут проходить стажерскую педпрактику в городских и сельских школах.

Все эти и ряд других мероприятий, которые сейчас проводятся на факультете, имеют своей главной целью обеспечить подготовку высококвалифицированных специалистов — активных строителей коммунистического общества.

М. М. Шевченко

КИРГИЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

До Октябрьской революции в Киргизии не было ни одной общеобразовательной национальной средней школы, не говоря уже о высших учебных заведениях. Только с установлением Советской власти началось развитие народного образования. В начале 30-х годов киргизские средние школы дали первые выпуски.

Бурное развитие народного хозяйства в годы первой пятилетки потребовало создания в Киргизии высшей школы. 13 января 1932 г. правительство Киргизской республики решило открыть во Фрунзе два высших учебных заведения: педагогический и зооветеринарный институты.

На основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. в Киргизском пединституте было коренным образом перестроено преподавание исторических дисциплин. Общественно-экономический факультет начал готовить учителей истории для общеобразовательной средней школы. Вскоре этот факультет был переименован в исторический.

Создание факультета явилось важным шагом в развитии исторического образования и разработке истории киргизского народа. В 1951 г. на базе Киргизского государственного педагогического института был создан Киргизский государственный университет. Его исторический факультет за 25 лет своей деятельности подготовил свыше 1 100 учителей истории, из них около 60% — лица киргизской национальности.

Факультет сыграл большую роль в развитии исторической науки в Киргизии. Некоторые вопросы ее истории изучались и до революции отдельными русскими учеными. После победы Великого Октября прошлое киргизского народа начало изучаться систематически. В 1920—1930 гг. проблемы истории Киргизии привлекают внимание более широкого круга историков Москвы, Ленинграда, Ташкента. В те годы научные работы в этой области вели профессор М. Е. Массон, А. И. Тереножкин, М. П. Грязнов, М. В. Воеводский и другие ученые. В 1927 г. во Фрунзе русским востоковедом академиком В. В. Бартольдом был издан труд «Киргизы» (в 1943 г. вышел вторым изданием). В 1932 г. начал свою работу в Киргизии видный советский историк профессор А. Н. Бернштам.

Исследования истории края, проводимые учеными Москвы и Ленинграда, способствовали развертыванию научной работы местных кадров на историческом факультете Киргизского университета.

В 1937 г. факультет организовал археологическую экспедицию с целью изучения древних памятников Киргизии. Тогда же работники его кафедр Г. Г. Куранов, Б. Д. Джамгерчинов, С. И. Ильясов, А. Г. Зима, А. Х. Хасанов, Г. Т. Зайцев, Г. Е. Федоров, В. Е. Кутарева, Я. А. Чубуков приступили к изучению истории Киргизии XIX—XX веков.

В 1935—1941 гг. были опубликованы отдельные очерки, сборники документов и исследования по истории республики. Вышел в свет подготовленный Г. Г. Курановым сборник документов «ЦК ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии» (Фрунзе, 1937). Он же подготовил несколько очерков по истории края с древнейших времен до наших дней[1]. Были опубликованы статьи А. И. Тереножкина «Археологические разведки по р. Чу в 1939 г.» («Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6) и «К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии» («Вестник древней истории», 1938, № 1), М. В.

[1] Г. Г. Куранов. Далекое прошлое киргизского народа. Сборник «XV лет Киргизской ССР». Фрунзе. 1941; его же. Киргизия — колония русского царизма (там же); его же. Восстание 1916 г. (там же); его же. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила киргизский народ (там же); его же. Гражданская война в Киргизии (там же); его же. Образование Киргизской Автономной Советской Социалистической Республики (там же); его же. От автономной к союзной республике (там же).

Воеводского и М. П. Грязнова «Усуньские могильники на территории Киргизской ССР» («Вестник древней истории», 1938, № 3—4) и т. д. Прошлому края были посвящены труды А. Н. Бернштама [2]. Тогда же вышли в свет работы А. Ниалло «Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии» (Фрунзе. 1941), И. А. Чубукова «Революционная борьба в северных районах Киргизии 1917—1918 гг.» (Фрунзе. 1941), Б. М. Зима «Иссык-Кульские жертвенники» (Фрунзе. 1941).

Однако исследование истории Киргизии в довоенный период не могло быть поставлено достаточно широко из-за недостатка местных кадров.

В послевоенные годы, когда выросли кадры местных историков, научная работа по истории республики значительно расширилась. Она осуществляется большим коллективом местных ученых, а также рядом специалистов Москвы и Ленинграда.

Изучение древних и средневековых периодов в истории Киргизии вели А. Н. Бернштам, А. К. Кибиров, П. Н. Кожемяко и другие. Ими разработана периодизация и исследованы многие вопросы начиная с древнейших времен до конца XVIII века [3].

Б. Д. Джамгерчиновым проведена значительная работа по исследованию истории киргизов XIX — начала XX века. В своих трудах «К вопросу о присоединении Киргизии к России» («Известия» Киргизского филиала Академии наук СССР. Вып. 7. 1947), «О прогрессивном значении присоединения Киргизии к России» («Труды» Института истории АН Киргизской ССР. Вып. III. 1956), «Важный этап из истории киргизского народа» (Фрунзе. 1957) Б. Д. Джамгерчинов раскрывает прогрессивное значение присоединения Средней Азии, в том числе Киргизии, к России. В настоящее время Б. Д. Джамгерчинов по этой теме готовит к печати монографию.

Проблеме истории Киргизии XIX — начала XX в. посвящены научные исследования К. У. Усенбаева «Присоединение Южной Киргизии к России»; А. Х. Хасанова «О взаимоотношениях между киргизским и русским народами в XIX веке»; К. Г. Забирова «Аграрные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в.», А. Ф. Лачко «Аграрная политика царизма в Киргизии в период столыпинской реакции»; А. А. Чукубаева «История культуры киргизского народа конца XIX — начала XX в.». Некоторые итоги научных изысканий этих исследователей опубликованы [4].

---

[2] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л. 1940; его же. К исторической топографии Чуйской долины. «Вестник древней истории», 1940, № 2; его же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе. 1941, и др.

[3] А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. «Известия» Киргизского филиала Академии наук СССР. Вып. II—III. Фрунзе. 1945; его же. Из итогов изучения древней истории Киргизстана. «Известия» Киргизского филиала АН СССР. Вып. VII. Фрунзе. 1947; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «Материалы и исследования по археологии СССР». Т. 26. 1952; А. К. Кибиров. О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра. «Труды» Института истории Академии наук Киргизской ССР. Вып. 1. Фрунзе. 1955; его же. Археологические памятники Чаткала. «Труды» Института языка и литературы и Института истории Академии наук Киргизской ССР. Вып. V. Фрунзе. 1956; Б. М. Зима. Из истории изучения наскальных изображений Киргизии. «Труды» Института истории Академии наук Киргизской ССР. Вып. IV. Фрунзе. 1958; П. Н. Кожемяко. Из истории раннесредневековых поселений Чуйской долины (там же).

[4] К. У. Усенбаев. О характере национальных движений в Южной Киргизии в 1873—1876 гг. «Труды» Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Киргизского филиала АН СССР. Вып. IV. 1954; его же. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России. «Труды» Института истории АН Киргизской ССР. Вып. 1. 1955; А. Х. Хасанов. О характере национальных движений в Киргизии в 50—60-е гг. XIX века. «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. 3. 1954; его же. Взаимоотношения южных киргизов с Россией в период восстания 1873—1874 гг. «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. VI. 1958; К. Г. Забиров. Влияние русского переселенческого движения на земельные отношения в Киргизии (1881—1905 гг.). «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. VI. 1958; А. Ф. Лачко. Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце XIX — начале XX в. «Труды» ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР. Вып. III. 1952; его же. О влиянии первой русской революции 1905—1907 гг. на характер национальных движений в Киргизии начала XX века. «Труды» ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР. Вып. IV. 1954; А. А. Чукубаев. Социально-экономическая и политическая обстановка и развитие общественной мысли в Киргизии во второй половине XIX — начале XX в. «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. IV. 1955; его же. Токтогул. Фрунзе. 1959.

Силами республиканской Академии наук и университета разрабатываются следующие проблемы: феодальные отношения у киргизов XIV—XVIII вв.; общественно-экономический строй киргизов в период Кокандского ханства; общественный строй киргизов конца XIX — начала XX в.; земельные отношения в Киргизии во второй половине XIX — начале XX в.; история культуры киргизского народа XIX—начала XX века. При изучении первой проблемы обнаружены весьма интересные документальные данные о киргизах XIV—XVI вв., что позволяет сделать новые выводы по истории киргизов того времени.

Важнейшей задачей местных ученых является исследование истории Киргизии советской эпохи. Однако следует признать, что научным работам по советскому периоду продолжительное время уделялось мало внимания из-за недостатка местных кадров и увлечения древностью, что особенно характерно было для довоенных лет. Например, по истории Киргизии периода Октябрьской революции и гражданской войны были опубликованы лишь отдельные краткие очерки, брошюры [5] и популярные статьи в периодической печати в связи с юбилейными и памятными датами. Некоторое освещение революционные события в Киргизии 1917—1920 гг. нашли в довоенных сборниках документов [6].

В послевоенные годы значительно продвинулась разработка истории советского общества в Киргизии. Этому способствовали создание филиала Академии наук СССР (1943 г.), Киргизского государственного университета (1951 г.), преобразование Киргизского филиала АН СССР в Академию наук Киргизской ССР (1954 г.) и создание при ней Института истории. Выросли национальные кадры ученых. Если в 1940 г. в республике работал лишь один кандидат исторических наук, то ныне 46 историков имеют ученые степени и звания, среди которых 32 — киргизской национальности. К их числу принадлежит известный исследователь истории киргизского народа, действ тельный член АН Киргизской СС Б. Д. Джамгерчинов.

В настоящее время по истории советско общества разрабатывается свыше 40 те среди которых: «Победа Великой Октябр ской социалистической революции в Кирг зии», «Гражданская война в Киргизии «Новая экономическая политика и ее осущ ствление в Киргизии», «Укрепление и разв тие союза рабочего класса и крестьянств Киргизии (1917—1936 гг.)», «Культурно строительство в Киргизии (1918—1930 гг.) «Развитие народного хозяйства в Киргизи в 1926—1929 гг.», «Расцвет социалистич ской культуры киргизского народа (1930- 1958 гг.)», «Роль Советов в развитии соци листической экономики в Киргизии (1926- 1936 гг.)», «История электрификации Ки гизии», «Оседание кочевых и полукочевы хозяйств в Киргизии», «Трудящиеся Кирг зии в борьбе за развитие промышленност в годы второй и третьей пятилеток», «Ист рия профсоюзного движения в Киргизии «Рабочий класс Киргизии в борьбе за ра витие промышленности в послевоенный п риод» и др.

Большое внимание уделяется исследов нию истории Октябрьской революции гражданской войны в республике. По это проблеме опубликовано свыше 20 трудов

[5] А. Н. Зорин. Революционное движение в Киргизии. Фрунзе. 1931; Г. Г. Куранов. Великая Октябрьская социалистическая революция освободила киргизский народ. «XV лет Киргизской ССР»; его же. Гражданская война в Киргизии. Там же; А. Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе. 1941; Я. А. Чубуков. Революционная борьба в северных районах Киргизии. Фрунзе. 1941.

[6] «Крестьянское движение в 1917 г.». Сборник документов. М.-Л. 1927.

[7] А. Г. Зима. Киргизия в период Вел кой Октябрьской социалистической револ ции. «Известия» Киргизского филиала А СССР. Вып. VII. 1947; ее же. Великая О тябрьская социалистическая революция борьба трудящихся Киргизии за победу упрочение власти Советов. Сборник «XX лет Киргизской ССР»; ее же. Кирг зия в период подготовки и проведени Великой Октябрьской социалистической р волюции (апрель 1917—1918 гг.); «Истор Киргизии». Т. II. Фрунзе. 1956; В. Е. К тарева. Основные этапы гражданск войны в Киргизии (1918—1920 гг.). Фрунз 1947; Б. Э. Элебаев. Заметки из ист рии борьбы большевиков за власть Совет в Пишпеке. «Труды» Киргизского госуда ственного педагогического института. Т. I вып. 2. 1948; его же. Классовая борьба Северной Киргизии накануне свержения ц ризма и в период борьбы за Советску власть (1916 — конец 1918 г.). «Ученые з писки» исторического факультета Кирги ского государственного университета. Вып. 1954; его же. Очерк разгрома беловодско мятежа 1918 г. «Ученые записки» историч ского факультета Киргизского государств ного университета. Вып. VI. 195 С. Б. Жантуаров. Октябрьская револ ция и гражданская война в Киргизии. Фру зе. 1957; П. П. Никишов. Борьба с ба мачеством на юге Киргизии. Фрунзе. 195 его же. Киргизия в период иностранн

В них освещаются ход революционных событий, братская помощь великого русского народа киргизам в борьбе за власть Советов, руководящая роль В. И. Ленина и Коммунистической партии в борьбе народов России за победу социалистической революции, в том числе и в Киргизии.

Кроме названных работ, изданы два сборника статей, посвященных 30-летию Советской власти в Киргизии и 25-летию Киргизской Республики [8], труды по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. [9] и по другим вопросам.

Крупным событием в жизни историков республики явилось издание двухтомной «Истории Киргизии» [10] и аналогичного учебного пособия для средней школы [11], подготовленных коллективами историков университета и АН Киргизской ССР. Многовековая история киргизского народа впервые получила последовательное изложение с древнейших времен до наших дней. Создание учебника позволило наладить в школах республики изучение истории киргизского народа.

Научная работа и издательская деятельность усилились в связи с XX и XXI съездами КПСС и 40-летним юбилеем Великой Октябрьской социалистической революции. Историки и архивисты выявили большое число новых документов и материалов, относящихся к периоду Октябрьской революции и гражданской войны, к истории культурного строительства в Киргизии и т. п. В честь 40-летнего юбилея Октября опубликованы сборник статей «Формирование и развитие киргизской социалистической нации» (Фрунзе. 1957), «Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии» (Фрунзе. 1957), сборники документов и материалов «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.)» (Фрунзе, 1957) и «Культурное строительство в Киргизии (1918—1929 гг.)» (Фрунзе, 1957). В 1957—1958 гг. киргизскими историками был издан ряд книг [12] и научных статей по советскому периоду.

Успехи в области гражданской истории позволили расширить исследование истории Коммунистической партии Киргизии. Деятельность историков республики в этой области направляется Киргизским филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, созданным в 1950 году. В настоящее время большой коллектив историков филиала, университета и АН Киргизской ССР работает над созданием «Очерков истории Коммунистической партии Киргизии». Кроме того, коллективом сотрудников филиала и Центрального партархива республики ведется выявление документов по истории Коммунистической партии Киргизии. В результате этой работы была издана первая часть сборника документов «Комму-

---

военной интервенции и гражданской войны. «История Киргизии». Т. II; К. И. Малышев. Борьба за Советы в Киргизии и Туркестане. Фрунзе. 1958.

[8] «Киргизия за 30 лет Советской власти». Фрунзе. 1948; «25 лет Киргизской ССР». Фрунзе. 1951.

[9] С. К. Керимбаев. Патриотизм трудящихся Киргизии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Фрунзе. 1952; А. Казанский. Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Фрунзе. 1954; А. А. Чокушев. Патриотизм воинов Советской Киргизии на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. 3. 1954; его же. Экономика Киргизии в первые годы Великой Отечественной войны Советского Союза. «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. IV. 1955; его же. Помощь трудящихся Советской Киргизии фронту в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. VI. 1958.

[10] «История Киргизии». Т. I. Под ред. М. П. Вяткина, Б. Д. Джамгерчинова и А. П. Окладникова. Фрунзе. 1956; «История Киргизии». Т. II. Под ред. С. И. Ильясова, М. П. Кима и С. Т. Табышалиева. Фрунзе. 1956 (см. «История Киргизии». Рецензия И. Гришкова, А. Каца, Х. Мусина, И. Склярова. «Вопросы истории», 1957, № 8).

[11] «История Киргизии». Учебное пособие для средней школы. Под ред. А. Г. Зима, А. К. Кибирова, В. М. Петровец. Фрунзе. 1957.

[12] А. Э. Измайлов. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет (1917—1957). Фрунзе. 1957; А. Маматюсупов. Переломные годы в сельском хозяйстве (Из истории колхозного движения в республике). Фрунзе. 1957; И. П. Мужиков, А. К. Каниметов, Р. П. Маречек. История чехословацкого кооператива «Интергельпо». Фрунзе. 1957; Б. О. Оморов. К вопросу о развитии союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в Киргизии. Фрунзе. 1957 (на киргизском языке); К. Орозалиев. Торжество ленинской национальной политики. Фрунзе. 1957 (на киргизском языке); П. И. Ухванов. Земельно-водная реформа в Киргизии в 1921—1922 гг. Фрунзе. 1957.

нистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Обкома и ЦК. 1924—1957 гг.». В настоящее время подготовлена к печати вторая часть сборника. Подбираются документы для тематических сборников о комсомоле Киргизии, о деятельности Коммунистической партии Киргизии в период Великой Отечественной войны и др.

Помимо исследований в области истории киргизского народа, некоторые ученые ведут научные изыскания по отдельным темам истории СССР и истории зарубежных стран.

В. М. Петровец написала несколько статей по истории русской журналистики периода подготовки и отмены крепостного права [13]. А. А. Арзыматов опубликовал интересные статьи по вопросу истории русской дипломатии XVII века [14]. И. Е. Семенов работает в области историографии зарубежных стран в новое время [15].

Историческая наука в Киргизии за 25 лет достигла заметных успехов. Ее рост говорит о выдающихся достижениях культуры киргизского народа за годы Советской власти.

Выполняя решения XXI съезда партии, историки Киргизского университета намечают осуществить ряд мероприятий для усиления научной работы, для улучшения дела подготовки молодых специалистов. С этой целью предприняты практические шаги по созданию специальных курсов и разработке специальных семинаров по циклу истории Киргизии, главным образом советского периода. История киргизского народа исследована еще далеко не достаточно, поэтому специальные курсы и семинары служат не только делу углубления знаний студентов и повышения их научной подготовки, но и способствуют изучению еще мало исследованных вопросов.

В решениях XXI съезда КПСС перед общественными науками поставлена задача— всемерно способствовать повышению коммунистической сознательности нашего народа. На выполнение ее направлен перспективный план научно-исследовательской работы на 1959—1965 годы.

Историки университета по поручению Киргизского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС разрабатывают отдельные главы очерков по истории Коммунистической партии Киргизии: «Киргизская областная организация ВКП(б) в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР (1933—1937 гг.)» (Т. И. Исаков, А. А. Мейер), «Коммунистическая партия Киргизии в борьбе за упрочение и развитие социалистического общества, за постепенный переход к коммунизму (1937 г.— июнь 1941 г.)» (Б. М. Зима).

Б. Ч. Чокушов пишет монографию «Коммунистическая партия Киргизии в годы Великой Отечественной войны», А. К. Каниметов изучает тему «Культурная революция в Киргизии», С. А. Аттокуров исследует экономическое развитие Киргизии в годы Советской власти. Коллективом авторов создается монография об истории столицы Киргизии — городе Фрунзе — и др.

Намечены к изданию учебники и учебные пособия для высшей и средней школы республики. Коллективом авторов составляется «Хрестоматия по истории Киргизии с древнейших времен до 1917 г.». Осуществляются работы по подготовке к изданию учебных пособий для исторических факультетов вузов республики: «Историография Киргизии», «История Киргизии XIX века», «История Киргизии. Эпоха социализма».

Республика богата выдающимися памятниками глубокой древности и средневековья. С целью популяризации культурного наследства киргизского народа ныне подготавливаются к изданию «Альбом памятников старины Киргизии» (для средней школы) и очерк «Искусство древней Киргизии».

XXI съезд Коммунистической партии поставил ответственную задачу перед историками Советского Союза, в том числе и Киргизии,— обогащать советскую науку новыми трудами по истории нашей великой Родины, помогать партии воспитывать народ в духе коммунизма, разоблачать любые происки ревизионистов и буржуазных реакционеров. Киргизские историки прилагают все усилия, чтобы выполнить это почетное задание партии.

Б. М. Зима

---

[13] «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. VI. 1958.

[14] «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. III, 1954, вып. V и VI, 1958; «Скандинавский сборник». Т. I. Таллин. 1956.

[15] «Ученые записки» исторического факультета Киргизского государственного университета. Вып. IV. 1955, вып. V и VI. 1958.

НОВЫЕ КНИГИ ГОСПОЛИТИЗДАТА ПО ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современный этап в развитии нашей страны характеризуется исключительной интенсивностью внешнеполитической инициативы, небывалым размахом мероприятий Советского государства, направленных на решение самой жгучей проблемы наших дней, волнующей все народы земного шара,— сохранение и укрепление мира. Огромное внимание международным вопросам уделил исторический XXI съезд КПСС, подчеркнувший, что успешное выполнение семилетнего плана СССР, новые экономические победы всех стран лагеря социализма создадут реальные условия для того, чтобы навсегда исключить мировую войну из жизни человечества. В связи с этим вполне понятен интерес, который проявляют советские люди к вопросам международного положения нашей страны, к внешней политике Коммунистической партии и Советского правительства, осуществляющих на практике великие ленинские идеи мирного сосуществования и соревнования двух общественных систем.

В удовлетворении этих запросов советского читателя важную роль призван играть Госполитиздат. И, пожалуй, основной отличительной чертой плана выпуска литературы, составленного Государственным издательством политической литературы на 1960 г., является то, что он принят на основе тщательного учета пожеланий широких слоев читателей, партийных, научных и книготорговых работников после обсуждения более чем в тридцати крупнейших городах и промышленных центрах страны.

Среди целого ряда новых книг Госполитиздата по международной тематике особого внимания заслуживает книга «Жить в мире и дружбе!». Это сборник материалов о пребывании Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США 15—27 сентября 1959 года. В книге собраны выступления главы Советского правительства на XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, перед представителями деловых кругов США, на пресс-конференциях, по телевидению, беседы с профсоюзными лидерами и рядовыми американцами, а также другие материалы. Речи и выступления товарища Н. С. Хрущева во время исторического визита в Соединенные Штаты дают замечательный пример развития и обогащения ленинских идей борьбы за мир, блестящий образец защиты коренных принципов марксизма-ленинизма. Книга «Жить в мире и дружбе!», в которой творчески разработаны основные проблемы миролюбивой внешней политики СССР, встречена читателями с большим интересом.

Продолжается издание научных трудов, посвященных истории отношений СССР с другими странами и положению в зарубежных государствах. Развернутый анализ значительного и вместе с тем почти не исследованного в нашей литературе периода англо-советских отношений содержит монография Ф. Д. Волкова «Англо-советские отношения 1924—1929 гг.». Интересный фактический материал найдут советские историки, преподаватели, пропагандисты в работах Ю. М. Мельникова «США и гитлеровская Германия», Б. Я. Дорофеева и А. А. Углова «Современная Австралия», К. Иванова и З. Шейниса «Государство Израиль, его положение и политика» (выпущенную ныне по просьбе читателей вторым изданием), Б. Баянова «Народная Корея на пути к социализму» и других.

Можно отметить ряд интересных массовых изданий по международной тематике. Среди них брошюра А. Маркова «Спутник и современность», в которой автором сделана попытка в публицистической форме, с привлечением обширного исторического и документального материала осмыслить новые изменения в расстановке сил на мировой арене.

На читателей, интересующихся историей и современными проблемами стран народной демократии, рассчитаны брошюры А. Шерстюка «Расцветает народная Болгария», З. Мирского «Румыния наших дней» и Р. Стрельникова «Албания станет цветущим садом», приуроченные к 15-летию народной власти в этих странах. В 1960 г. выйдут брошюры к юбилеям социалистических стран: Чехословакии, Венгрии, КНДР, Вьетнама.

Значительно увеличено по сравнению с прошлыми годами издание ценных документальных и архивных источников. В ряду этих книг — «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Сборник является как бы продолжением изданного в 1957 г. двухтом-

ника «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны». Переписка и записи бесед советских и иностранных представителей печатаются в сборнике о советско-французских отношениях в подавляющем большинстве впервые. Недавно выпущены «Локарнская конференция 1925 г. Документы» и «Новые документы из истории Мюнхена». Последнее издание, осуществленное совместно министерствами иностранных дел СССР и Чехословацкой Республики, проливает новый свет на историю позорного сговора западных держав с Гитлером осенью 1938 года.

Широко известную историческую справку Совинформбюро «Фальсификаторы истории» тематически продолжает изданная в 1959 г. хорошо документированная справка МИД СССР и МИД ГДР «Правда о политике западных держав в германском вопросе. Об ответственности западных держав за нарушение Потсдамского соглашения и возрождение германского милитаризма». В справке убедительно показана ответственность США, Англии и Франции за возрождение милитаристских сил на западе Германии. В книге содержится много фактов и примеров о последовательной борьбе Советского Союза и ГДР за разрешение германской проблемы на миролюбивой и демократической основе.

К 20-й годовщине начала второй мировой войны В. М. Хвостов и А. М. Некрич подготовили брошюру «Как возникла вторая мировая война».

Госполитиздат продолжает выпуск книг, характеризующих укрепление братских отношений между социалистическими странами. Среди них сборники материалов о пребывании партийно-правительственных делегаций СССР в Албании, Польше и др.

К 90-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС готовится большой сборник ленинских работ о внешней политике Советского государства. Читатель получит систематизированные в одной книге произведения В. И. Ленина, в которых разработаны основные принципы советской внешней политики, вопросы борьбы за мир, против империалистической реакции. Издание послужит ценным пособием для партийных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Монография Н. Н. Иноземцева «Очерк внешней политики США в эпоху империализма» основана на обширных материалах и охватывает более чем 50-летний период. Находится в производстве работа Н. Н. Молчанова «Внешняя политика Франции, 1944—1954 гг.».

На научных и дипломатических работников, журналистов рассчитана подготовляемая к печати книга В. А. Матвеева «Капиталистическая печать Англии». Ранее были выпущены книги Н. И. Живейнова «Капиталистическая пресса США» и «Современная пресса Канады». Все эти работы в публицистической форме разоблачают механизм лживой буржуазной пропаганды.

Л. И. Нарочницкая в монографии «Россия и войны Пруссии за объединение Германии «сверху» в 60-х годах XIX века» на большом документальном материале раскрывает важный и малоизученный этап в истории русско-германских отношений, когда юнкерско-буржуазная Пруссия при поддержке европейской реакции «железом и кровью» прокладывала путь к созданию в центре Европы агрессивного, милитаристского государства.

Среди массовых брошюр следует упомянуть работу В. Ли «Помощь верных друзей. Как страны социализма помогают слаборазвитым странам» и недавно вышедшую из печати брошюру Б. Леонтьева «Жить без войны (Исключить мировую войну из жизни общества)».

Большой интерес для всех, кто занимается историей советской внешней политики, представляет многотомная публикация дипломатических документов СССР. Очередные — IV и V — тома содержат в значительной части впервые публикуемые материалы о внешнеполитической деятельности Советского государства в первые годы после окончания иностранной военной интервенции и гражданской войны. Будет также продолжено издание тематических сборников МИД СССР.

В начале 1960 г. подписчики получат первый том «Истории дипломатии». В 1960 г. намечен также выпуск II и III томов. Интерес к новому изданию чрезвычайно велик. Оно содержит большое количество новых материалов по истории дипломатии стран Америки, Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Госполитиздат приступает к выпуску подготовляемого коллективом ученых Института международных отношений и мировой экономики трехтомника «Международные отношения после второй мировой войны». Впервые предпринимается подго-

овка учебных пособий по новейшей исто-
рии Англии, Франции, Китая.

Госполитиздат намечает публикацию не-
кольких трудов по истории основных эта-
пов внешней политики СССР. Уже опубли-
кована книга С. М. Майорова «Борьба
Советской России за выход из империали-
стической войны», в которой дан подробный
анализ дипломатической истории Брестско-
го мира. В ряду этих книг — работа
С. Ю. Выгодского «Внешняя политика
СССР в 1924—1929 гг.», основанная на но-
вых архивных документах, коллективный
труд «Внешняя политика СССР в канун
Великой Отечественной войны».

В. И. Ленину как руководителю внешней
политики СССР посвящена новая брошюра
Ю. П. Францева. В книге будет подробно
проанализирована внешнеполитическая дея-
тельность В. И. Ленина, разработавшего ос-
новные принципы советской внешней поли-
тики и на протяжении ряда лет повседнев-
но руководившего ею. Особое внимание в
этой работе, выпускаемой к 90-летию со дня
рождения великого вождя, будет уделено
раскрытию великой жизненной силы ленин-
ских идей борьбы за мир.

Разоблачению реакционной, агрессив-
ной идеологии и политики империализма по-
служат работы «Антикоммунизм — идеоло-
гическое оружие колонизаторов», «Пропа-
гандистская машина американского импе-
риализма», «Новые планы «объединения Ев-
ропы» на службе империалистической реак-
ции».

Ценный фактический материал даст чи-
тателю брошюра Ю. Фадеева «Под маской
доброго соседа», в сжатой форме характе-
ризующая кровавую историю колониализма
США в Латинской Америке. В той же се-
рии — «Беседы о международной обстанов-
ке» — выйдут брошюры С. Датлина «Чер-
ный континент рвет цепи рабства» (о борь-
бе африканских народов за свободу и неза-
висимость). Новая серия брошюр видных
советских журналистов расскажет об обста-
новке в Греции, Ираке, на Кубе и в ряде
других стран.

В связи с многочисленными пожеланиями
читателей Госполитиздат впервые пред-
принимает выпуск серии брошюр «Совет-
ским друзьям о моей стране». В редакцию
уже начинают поступать рукописи от вид-
ных зарубежных писателей и публицистов,
рассказывающих советским людям об исто-
рии, современном положении и актуальных
политических проблемах своих стран. Эти
брошюры дадут значительный познавате-
льный материал для преподавателей, пропа-
гандистов, лекторов.

Содержание плана 1960 г. свидетель-
ствует о некоторых новых чертах в дея-
тельности Госполитиздата. Издательство
стремится расширить свою читательскую
аудиторию, своевременно освещать наибо-
лее актуальные вопросы современного меж-
дународного положения.

В заключение следует сказать, что еще
не все книги Госполитиздата по междуна-
родной тематике удовлетворяют возросшие
запросы читателей. Серьезные трудности
создает параллелизм в работе между Гос-
политиздатом и Географгизом, издатель-
ствами ИМО, «Знание», восточной литера-
туры и др. Параллелизм приводит в ряде
случаев к одновременному выпуску схо-
дных по темам книг и брошюр.

Давно назрела необходимость наладить
деловые связи между всеми издательства-
ми, занимающимися выпуском книг по но-
вейшей истории, внешней политике СССР и
международным отношениям, серьезно об-
судить качество и основные направления
выпуска этой литературы.

В. С. Байков, О. В. Вадеев

«СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Главная редакция «Большой Советской
Энциклопедии» и Отделение исторических
наук Академии наук СССР приступили к
подготовке «Советской Исторической Энци-
клопедии» в 12 томах. Это издание явится
справочным пособием, дающим марксист-
ское освещение основных вопросов отече-
ственной и зарубежной истории с древней-
ших времен до наших дней. Оно рассчитано
на научных работников, преподавателей
высшей и средней школ, партийный и совет-
ский актив, на студентов, а также на ши-
рокий круг читателей, интересующихся исто-
рией.

Новая энциклопедия призвана широко пропагандировать важнейшие положения марксистско-ленинской исторической науки, разоблачать реакционную буржуазную историографию, находящуюся на службе у империализма.

В «Советской Исторической Энциклопедии» будет до 30 тыс. статей. Около трети из них предполагается уделить отечественной истории, остальные — истории зарубежных стран.

Специальные статьи, посвященные К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. И. Ленину, расскажут о взглядах основоположников марксизма-ленинизма на историю и историческую науку.

Ряд статей в «СИЭ» даст характеристику общественно-экономических формаций, осветит основные этапы истории древних и современных государств.

В томах энциклопедии читатель найдет специальные статьи о Парижской коммуне, Великой Октябрьской социалистической революции, первой, второй и третьей гражданских революционных войнах в Китае, об Иранской революции 1905—1911 гг., Индийском национальном восстании 1857—1859 гг. и др. Видное место займет материал о народных героях, о политических и государственных деятелях различных исторических периодов и политических направлений.

В издании будет широко представлена военная и дипломатическая история (очерки общего характера, об отдельных войнах, военных кампаниях, дипломатических акциях и деятелях). В энциклопедию войдут биографии выдающихся полководцев и флотоводцев.

Значительное место в «СИЭ» отводится истории международного рабочего и демократического движения, его выдающимся представителям. В статьях «Интернационал I», «Интернационал II», «Коммунистический Интернационал», «Пролетарский интернационализм» прослеживается история борьбы за международное пролетарское единство. Специальные статьи будут посвящены истории коммунистических и рабочих партий и крупнейшим деятелям революционного рабочего движения. Важное место в этом цикле займет история Коммунистической партии Советского Союза. Большой справочный материал будет дан по истории коммунистических партий союзных республик.

Определенный интерес представят статьи о социал-демократических партиях различных стран, а также о политических партия других направлений (консервативная и ли беральная партии в Великобритании, хри стианско-демократический союз в ФРГ, де мократическая и республиканская партии США и т. д.).

В исторических очерках о Советском Сою зе и о других странах социалистическог лагеря будут раскрыты успехи СССР строительстве коммунизма и достижени стран народной демократии в социалисти ческом строительстве. Специальные стать посвящаются семилетнему плану развити народного хозяйства СССР, народнохозяй ственным планам Китайской Народной Ре публики и других стран социалистическо лагеря.

В «Советской Исторической Энциклоп дии» более широкое освещение, чем в дру гих подобных изданиях, получит истори народов Востока (почти 40% общего коли чества материалов по зарубежным государ ствам).

Серьезное внимание в энциклопедии уд ляется историографии. Читатель получит н обходимые справочные данные о развити исторической науки (истории, историогр фии, археологии, этнографии, славяновед ния, востоковедения, византиноведени и т. п.), о вспомогательных исторически дисциплинах (нумизматике, палеографи и т. п.).

В статьях по историографии найдет отр жение борьба марксистско-ленинской иде логии с буржуазной и ревизионистско идеологией. Энциклопедия осветит достиж ния советской и зарубежной историческо науки. Историографические справки, кот рые будут даны в очерках о союзных ре публиках, познакомят читателя с новым данными по историографии союзных респ блик. В статьях о крупнейших историка читатель найдет не только биографически сведения, но и характеристику их основны работ и методов научного исследования.

Несомненный интерес представят очерк о различных исторических школах и напра лениях (историческая школа права в Ге мании, краковская, кембриджская, оксфор ская и другие школы), об отдельных сове ских и зарубежных историках, а также исторических источниках (летописи, «Ру ская правда», «Варварские правды» и т. п о важнейших исторических научно-исслед вательских учреждениях различных стра архивах, крупнейших исторических период ческих изданиях. В издание войдут стат

об историческом жанре в литературе, исторической теме в музыке и т. п.

«Советская Историческая Энциклопедия» призвана дать строго систематизированный круг знаний. Наряду со сравнительно большими обзорными статьями в ней будут помещены и небольшие очерки-справки по конкретным вопросам. Планируется также дать обширную библиографию, исторические карты (до 1 200 текстовых карт и схем и 100 цветных карт на издание), портреты (до 3 тыс.). Все статьи будут расположены в алфавитном порядке. Это позволит читателю быстро получить любую справку по интересующему его вопросу.

Издательство «БСЭ» предполагает выпустить I том «Советской Исторической Энциклопедии» в 1960 г., а затем публиковать не менее 2—3 томов ежегодно.

В. Б. Иванов

РУКОПИСНЫЕ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В марте 1959 г. на заседании Археографической комиссии при Отделении исторических наук Академии наук СССР был заслушан доклад начальника архивного отдела Управления внутренних дел Калининского областного исполнительного комитета М. А. Ильина о древних рукописях, собранных в Государственном архиве Калининской области. Это собрание по своему объему и ценности является одной из самых замечательных областных коллекций.

Создание коллекции связано с историей Тверского музея, возникшего в 1866 году. Музей, а позднее и Тверская губернская архивная комиссия (была образована в 1884 г.) провели значительную работу по сбору рукописных книг. Большинство их было собрано в музее. Часть рукописей — 307 номеров — описана известным филологом М. Н. Сперанским[1]. Рукописи, находившиеся в архивной комиссии, не имели научного описания. После революции коллекция музея пополнилась рукописями духовных учреждений: Тверской духовной семинарии, ризницы тверского Спас-Преображенского собора, библиотеки тверского архиепископа, церквей и монастырей.

В 1922 г. рукописные книги Тверского музея были переданы в Государственный архив. При этом небольшая часть рукописей (55) осталась в музее, а некоторые (27) попали в Фундаментальную библиотеку Тверского государственного педагогического института.

Рукописи, собранные Губернской архивной комиссией, вместе с фондом комиссии также поступили в Государственный архив и в 1950 г. были присоединены частично к основной коллекции. Кроме того, последняя пополнилась несколькими рукописными книгами, полученными Государственным архивом в последние годы от частных лиц.

Таким образом, в Калининском государственном архиве в настоящее время насчитывается 1 565 рукописных книг.

Это рукописное собрание представляет большую научную ценность. Историк, литературовед, историк русского искусства и быта, лингвист найдут в этой коллекции интересные и новые сведения, в частности по истории Твери и бывшей Тверской губернии начиная с древнейших времен и до конца XIX века.

Большую группу составляют рукописи исторического, историко-экономического, историко-юридического характера, а также сочинения по естествознанию, географии и путешествиям. Среди них списки, относящиеся к XVII в.: «Хронограф», «История о Казанском царстве», «Степенная книга», «Космография» и «Индекс» о книгах ложных. Имеется несколько списков XVII—XVIII вв. Уложения 1649 г. с новоуказанными статьями.

Заслуживает внимания рукопись под названием «История китайская» — список второй половины XVIII столетия, в которой дается краткое изложение китайской истории с древнейших времен, характеристика экономического, военного и политического положения Китая в первой трети XVIII века. По-видимому, список составлен с доклада С. Л. Владиславича-Рагузинского.

[1] М. Н. Сперанский. Описание рукописей Тверского музея. Вып. I. М. 1891; вып. II. Тверь. 1904.

возглавлявшего русское посольство в Китае в 1725—1728 годах.

Значительный интерес представляют также рукописи по истории Тверского края. К ним относятся: «Писцовая книга города Твери 1709 г.», «Выпись из писцовых книг 1685 г. о Тверской Ямской слободе», «Переписная книга Бежецкого уезда 1709 г.». Следует упомянуть списки писцовых книг городов и уездов Тверского края, хранящиеся в фонде Тверской архивной комиссии.

В коллекции имеются списки с редких печатных трудов XVIII столетия: «Краткий Российский летописец с родословием» М. В. Ломоносова с печатного издания 1760 г.; «Московская или Российская история XVII века» с печатной немецкой книги Тренера 1741 года. На наш взгляд, две последние рукописи представляют интерес для исследователя, изучающего распространение исторических знаний в России в XVIII веке.

Для историка Твери большое значение как первоисточник имеет «Топографическое и историческое описание городов Тверской губернии» (1784—1786 гг.). В нем даны сведения о населении уездных городов Тверской губернии (социальный состав, имущественное положение), материал по топографии тверских городов, данные о количестве промышленных предприятий и производимых ими товарах, о торговле и ее размерах. Этот документ наряду с известным «Генеральным соображением по Тверской губернии» (относится к тому же времени) является важным источником по истории Тверского края XVIII столетия.

Для истории Твери конца XVIII — начала XIX в. значительный интерес представляют дневник тверского купца Михаила Тюльпина, содержащий записи с 1762 по 1823 г., и памятная книга купцов Томиловых XVIII столетия. Особенно ценна рукопись М. Тюльпина, дающая сведения о ценах на товары, о строительстве Твери, о характере построек и их расположении в городе. В дневнике М. Тюльпина имеются воспоминания о состоянии города Твери в 1812 г., об эвакуации в Бежецк и т. д.

Из других рукописей необходимо отметить собрание писем Екатерины II, Павла I и Марии Федоровны к адмиралу Александру фон Крузу. В 40 письмах за 1769—1790 гг. на русском, немецком и французском языках извещалось о наградах, давались предписания о маневрах флота в Балтийском море и др. Подписи — автографы Екатерины II, Павла I и Марии Федоровны.

Значительную группу (около 150 рукописей) составляют рукописи историко-литературного содержания XVII—XIX веков. К ним относится и известная древнерусская литература. В этом отношении интересен сборник третьей четверти XVII века. Вот его краткое содержание: сказание о разорении Рязани Батыем и о Евпатии Коловрате, о взятии Азова казаками, о нашествии Темир-Аксака на Москву; выписи из хронографа (о царствовании Федора Ивановича, Бориса Годунова, Григория Отрепьева), повести о Белом Клобуке и о двух посольствах; путешествие Трифона Коробейникова; повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием (с указанием тайнописью имени автора — Василий); повесть о бесноватой Соломонии, о взятии Царьграда турками; сказание о премудром бражнике; повесть об Акире.

В списках конца XVII—начала XVIII в. имеются такие переводные сборники, как «Проблемата», содержащий короткие басни-рассказы. В отдельных рукописях встречаются списки сатирических произведений: «О бражнике», «Калязинская челобитная», «О Ерше Ершовиче», «Азбука о голом и небогатом человеке», «О Ереме и Фоме», басни Эзопа.

Наряду с этим жанром в сборниках XVIII в. встречаются и другие, например «Бытовая повесть о Савве Грудцыне», а также памятник петровского времени, первенец русского оригинального романа — «История о Российском матросе Василии Кириоцком». Имеются произведения, которые можно рассматривать как прообразы исторического романа: «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Сказание об основании Отроча Монастыря». Эти рукописи не только связывают древнюю литературу с новой, но и отражают огромные социально-экономические сдвиги на Руси в XVII—XVIII веках.

В сборниках XVIII в. имеются также переводные авантюрные романы: о Брунцвике, о Петре «Златые ключи», о Францыне Венециане, о Бове Королевиче, о гишпанском дворянине Долторне и другие.

Большой интерес представляют три сборника, принадлежавшие трем поколениям одной фамилии — Межевским (отцу, сыну и внуку), служителям Петровского Ростовского монастыря. Первый сборник второй четверти XVIII в. содержит «Повесть о

акире премудром», «Повесть об Илье Муромце и Соловье Разбойнике», «О двух купцах», «Об Аполлоне Тирском», «Повесть з Зерцала Великого». Во втором сборнике, написанном около 1738 г., содержится писок «Истории о Российском матросе Василии Кириоцком». В третьем сборнике, относящемся ко второй половине XVIII столетия, помещены переводные авантюрные романы: «Повесть о Палинционе и Милине», «История о Евдоне и Берфе», «Повесть о Василии Златовласом и Полиметре».

В собрании имеется несколько десятков рукописей XVIII—XIX вв. с песнями, кантатами и другими стихотворными формами. Стихи и песни, помещенные в них, частично являются списками произведений русских поэтов второй половины XVIII и первой половины XIX столетия, взятыми из печатных изданий. Однако в подобных сборниках имеется и фольклор — песни лирические, исторические, например: о северной войне, про «Очаковску пальбу». В сборниках встречаются списки произведений известных русских поэтов: Ломоносова, Сумарокова, Державина, Пушкина, Лермонтова и других.

Из отдельных рукописей этой группы следует отметить список 1833 г. «Горе от ума» Грибоедова и часть «Путешествия из С. Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (список первой четверти XIX в.), трагедию М. И. Лажечникова «Опричник» с его авторскими пометками (список 1844 г.).

Среди рукописей церковно-богословских, легендарно-апокрифических, религиозно-поучительных и церковно-служебных представляют интерес проповеди, слова, полемические произведения. Имеются певческие рукописи на крюковых и линейных нотах, святцы, синодики. Здесь хранится и древнейшая рукопись всей коллекции — Ирмологий XIV в., написанный на пергаменте.

Значительный интерес для палеографов и искусствоведов представляют церковные книги: несколько списков Евангелия XV—XVI вв., сборник проповедей с миниатюрами, толковое евангелие, пожертвованное Никоном Тверскому Федоровскому монастырю.

В собрании имеется также несколько рукописей «Жития Михаила Тверского и Арсения Тверского», написанных в XVI—XVII вв., описания тверских монастырей (в частности, повесть об основании Тверского Отроча монастыря, Нилово-Столобенской пустыни и др.), церковные летописи, рассказы о библейских и евангельских мифах, апокрифы; наиболее древние из рукописей относятся к XV веку.

Архив закончил описание рукописей, в котором указаны инвентарный номер (а также старые инвентарные номера по музею и описанию М. Н. Сперанского), заглавие или название, время написания, формат, количество листов, тип письма, кратко изложено содержание, записи владельцев рукописи или других лиц, описаны переплет и общее состояние рукописи. Главное место в описании занимает изложение содержания рукописей. Для облегчения пользования описанием составлена картотека на все рукописи.

Члены Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР выразили пожелание о быстрейшем издании описания этой ценной коллекции.

И. Д. Анашкин

Хроникальные заметки

Журнал «Советская археология» — орган Института археологии АН СССР. Его основная цель — разработка важнейших проблем древнейшего прошлого нашей страны в связи с новыми археологическими открытиями. Журнал систематически печатает материалы по археологии СССР (с палеолита до XVII в.), нумизматике, сфрагистике, эпиграфике, палеографии и метрологии. В журнале публикуются статьи по теоретическим проблемам, работы обобщающего характера, материалы по методике полевых исследований. Большое место занимают публикации вновь открытых археологических памятников и обзоры деятельности крупнейших экспедиций, таких, как Новгородская, Хорезмская, Пянджикентская, Кармирблурская, Советско-Албанская и др. В 1960 г. в журнале будут опубликованы статьи крупнейших советских археологов. Редакция планирует освещение важнейших исторических и археологических проблем по истории первобытного общества, античного Причерноморья, по археологии и истории Древней Руси и других феодальных государств на территории

СССР. Много внимания журнал уделит археологии Средней Азии, Кавказа и Сибири.

Журнал стремится укреплять связи с прогрессивными археологами зарубежных стран. В журнале печатаются статьи археологов Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии. Опубликованы статьи по вопросам археологии Китайской Народной Республики.

В журнале имеется особый раздел «В помощь учителю и краеведу». В этом разделе печатаются статьи, помогающие учителям использовать археологический материал для иллюстраций на уроках истории. Здесь же публикуются методические пособия по музейному делу и по вопросам краеведения.

Редакция журнала намечает в 1960 г. напечатать статьи по вопросам преподавания археологии в университетах.

Раздел «Критика и библиография» освещает вопросы зарубежной археологии. Здесь помещаются рецензии на важнейшие археологические работы зарубежных археологов и обзоры археологических открытий. Редакция стремится печатать критические статьи и рецензии по вопросам методологии археологической науки.

◆ В материалах Государственного архива Ростовской области среди документов Донского жандармского управления обнаружена справка департамента полиции, в которой сообщаются сведения о революционной и общественной деятельности Надежды Константиновны Крупской в 1895—1908 годах. За революционно-пропагандистскую деятельность в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» царская охранка в 1896 г. арестовывает Н. К. Крупскую. «...Дознанием установлено,— говорится в документе,— что Ульянова устраивала рабочие кружки, причем была посредницей между рабочими и интеллигенцией, давая первым руководителей». В 1901 г., находясь за границей, Надежда Константиновна принимала участие в подготовке II съезда РСДРП.

«Проживая со второй половины 1901 года за границей,— сообщал департамент полиции,— она под именем «Кати» вела из разных заграничных городов оживленную конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимала центральное положение в заграничной организации «Искры». В декабре 1908 года Ульянова принимала участие в общерусской конференции социал-демократической рабочей партии в Париже».

◆ В Ростовском областном государственном архиве найден редкий документ— письмо, написанное в 1899 г. верховным судьей эфиопского государства П. М. Власову — чрезвычайному послу России в Эфиопии. Обращают на себя внимание дружественные слова, полные сердечности, которыми начинается письмо эфиопского государственного деятеля: «Любовно приветствую Вас, говоря: Мир Вам!». Письмо относится к тому периоду, когда народ Эфиопии вел героическую освободительную войну против итальянских захватчиков. Как известно, русский народ, демократическая общественность страны сочувственно относились к самоотверженной борьбе эфиопского народа, оказывали ему большую материальную помощь. Кроме письма верховного судьи Эфиопии, в Ростовском архиве хранятся подлинные письма на амхарском языке негуса Менелика II, предшественника нынешнего императора Эфиопии Хайле Селассие I, и других государственных деятелей эфиопского государства конца XIX века.

◆ Научными сотрудниками Вильнюсского государственного университета имени В. Капсукаса при разборе рукописей архива университетской библиотеки обнаружен отчет русской геолого-географической экспедиции по изучению среднеазиатских водных путей, которая была предпринята летом 1879 года. Рукопись содержит неизвестный науке документальный материал о бассейне и дельте Аму-Дарьи, о геологическом строении и социально-экономическом положении Кара-Калпакии в середине прошлого века. Авторам рукописи принадлежит смелое научное обоснование возможности поворота Аму-Дарьи в Узбой. «Обводнение сухого русла Узбоя,— заключают исследователи,— создаст на берегах реки богатые оазисы, а новый путь по Аму-Дарье свяжет Россию с Туркестаном, послужит развитию русско-азиатской торговли». В рукописи содержится также ряд интересных сведений по истории экономических и политических отношений между народами России и Кара-Калпакии, Бухары, Хивы, о социальном положении различных слоев местного населения, этнографии.

◆ Сотрудниками Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, участвовавшими в экспедиции в Пермской области, найдено большое количество древних рукописей. Среди них жития русских князей, старинные стихи и повести, певческие и учебные книги. В обложку одной из книг вклеен отрывок анонимного письма, датированного 1740 г., в котором крепостные угрожают поджечь дом помещика и убить его самого. Всего участниками научной экспедиции собрано более 60 рукописей.

◆ Известная библиография Н. М. Ченцова «Восстание декабристов» вышла в свет в 1929 году. За истекшее тридцатилетие (1928—1958) по этому вопросу опубликовано много работ, новых ценных документов, научно-популярной и художественной литературы. Возникла необходимость учесть все эти издания. В настоящее время Государственная публичная историческая библиотека (составители Р. Г. Эймонтова и А. А. Соленникова) вместе с Государственной библиотекой иностранной литературы и другими республиканскими библиотеками под руководством академика М. В. Нечкиной подготовили библиографический указатель, хронологически продолжив библиографию Н. М. Ченцова. В новом указателе учтена советская и зарубежная литература, вышедшая за последние тридцать лет.

осполнены также пропуски в библиогра-
ии Н. М. Ченцова. Всего зарегистрирова-
о в указателе 3 500 названий. Библиогра-
ия выйдет в свет в начале 1960 года.

◆ В городе Витебске во время земля-
ых работ найдены берестяная грамота, а
акже предметы украшения и керамика
I—XIII веков. Грамота представляет
ольшой интерес для науки. Она свиде-
ельствует о том, что уже в древности
Белоруссии существовала высокая куль-
ура и была распространена письменность.

◆ Объединенная археографическая
кспедиция Института русской литературы
библиотеки Академии наук СССР обна-
ужила в северных районах Карельской
ССР свыше 50 старинных рукописных
ниг. Среди них список патриотической
овести конца XVI — начала XVII в. «Об
зовском осадном сидении», текст посла-
ия протопопа Аввакума царю Алексею
ихайловичу из Пустозерска и многие
ругие.

◆ Интересное открытие сделали науч-
ые сотрудники Института истории и
рхеологии Академии наук Узбекистана.
х внимание давно привлекали остатки
репостных стен, разбросанные в различ-
ых районах республики. Было известно,
о много веков назад Бухарский и Ма-
ый оазисы были окружены оборони-
льными стенами. Многолетние исследо-
ания развалин позволили выдвинуть тео-
ию о существовании Великой Средне-
иатской стены. Теперь эта теория под-
ерждена. Исследуя отдельные участки
ены, узбекские ученые установили, что
и сооружались вокруг оазисов и затем
ыкались между собой. В известном тру-
е десятого века «История Бухары»
ухаммеда Нер-шахи имеется упоминание
стене, окружавшей Бухарский оазис.
от единственный источник, служивший
ленным для ориентации, отмечает, что
ена была создана в VII—IX веках.
аскопки, произведенные узбекскими
ториками и археологами, позволили вы-
снить историю стены более точно. Она
ыла сооружена в античные времена, а
VIII веке подвергалась реставрации. Ре-
льтаты исследования важны для истори-
еской науки. Они проливают свет на мно-
е стороны экономики и культуры древ-
ых народов Средней Азии.

◆ Закончились раскопки памятника
евнего Хорезма — города Хазараспа,
чезнувшего много веков назад. Раскопки
оизводила археолого-этнографическая
спедиция Академии наук СССР под ру-
оводством чл.-корр. АН СССР С. П. Тол-
ова.

Хазарасп, расположенный на пересече-
ии караванных путей из Хивы в Китай,
ндию и на Ближний Восток, являлся
жными воротами древнего Хорезма. От-
ыты строения из кирпича, водопровод, обо-
онительные сооружения, свидетельствую-
ие о высоком строительном искусстве жи-
телей города. Раскопки подтвердили мысль советских ученых о широко развитых экономических и культурных связях древнего Хорезма с различными странами мира. Среди найденных предметов огромный интерес представляют фрагменты фарфоровых изделий китайского производства, указывающие на связи Хорезма с Китаем.

◆ В древние времена обширная территория, где сейчас раскинулась уссурийская тайга, не была лесной глушью. Свыше тысячи лет назад здесь, в могущественной стране Бохай, ключом била жизнь. По свидетельству древнекитайских хроник, «Бохай являлся одним из самых цветущих государств на берегу Восточного моря, страною просвещения и ученых». У бохайцев была высокая по тем временам культура, сильный флот, письменность. Но в 926 г. страна пала под ударами кочевых племен киданей. Города и селения были уничтожены, многие из них сметены с лица земли. Исследователи Приморского края — Арсеньев, Буссе и другие — настойчиво искали памятники этой древней страны. Им удалось обнаружить в разных местах Приморья несколько разрушенных городищ. Но широких археологических раскопок никто не предпринимал. Год назад Дальневосточный филиал Академии наук СССР решил снарядить экспедицию для раскопок в долине реки Чапигоу, в 50 километрах юго-западнее Уссурийска. Сейчас экспедиция возвратилась во Владивосток. Исследован архитектурный памятник Бохайского государства — буддийский храм. В долине реки Чапигоу впервые в науке обнаружен также целый комплекс исторических памятников времен Бохая: неподалеку от храма археологи нашли поселение бохайцев, а на сопках, окружающих гору Копыто,— древние захоронения. Ученые обратили внимание на то, что в долине Чапигоу растет много одичавших абрикосов, вишен, льна. По их предположению, эти дикие растения произошли от культурных сортов, разводимых бохайцами. Интересен буддийский храм, расположенный на плоской вершине горы. Здание строго ориентировано по Полярной звезде. Удивляют также размеры его двора: он занимал все плоскогорье сопки — почти гектар, был вымощен базальтом и обнесен каменной стеной, защищенной черепичной крышей. Раскопки будут продолжены.

◆ В окрестностях Катта-Кургана (Самаркандская область) найдены десятки доисторических горнорудных выработок. При обследовании их были обнаружены развалины Рабинджана — столицы одноименного рабовладельческого государства, существовавшего в бронзовом веке в среднем течении реки Зеравшан. До сих пор о Рабинджане было известно весьма немногое, в частности то, что две с половиной тысячи лет назад город был завоеван персидским царем Киром, а в 328 г. до нашей эры разрушен воинами Александра Македонского.

ОБЗОР РАБОТ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ ЗА 1958 год

В 1958 г. отмечалось несколько важных исторических дат, связанных с новейшей историей Чехословакии, с развитием чешской и словацкой наций. Хотя события, годовщины которых отмечались, и отделены между собой значительными периодами времени, они все же тесно связаны друг с другом.

Возникновение Чехословацкой Республики в 1918 г., крах буржуазной Чехословакии в Мюнхене в 1938 г. и полное поражение буржуазного путча в феврале 1948 г. являются теми историческими событиями, которые показывают, как буржуазия потеряла свое значение в истории чехословацкого народа, изменив национальным интересам, и что только пролетариат, руководимый Коммунистической партией, смог обеспечить национальную независимость на путях строительства социалистического и коммунистического общества.

Работа чехословацких историков, нацеленная на освещение этих трех выдающихся годовщин, явилась как бы логическим продолжением исследований 1957 г., главным образом связанных с трудами, посвященными 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции [1].

Одну из крупнейших в Чехословакии научных конференций в связи с 40-летием Октябрьской революции подготовили институты Чехословацкой Академии наук. Материалы конференции вошли в обширный сборник, посвященный значению Великой Октябрьской социалистической революции для Чехословакии [2]. Архивными работниками подготовлен сборник документов, хранящихся главным образом в Государственном центральном архиве в Праге, о непосредственных откликах на Октябрьскую революцию в чешских землях [3].

В сборнике «1917—1921 гг. в Остравской области» показано влияние Великого Октября на подъем борьбы рабочего класса [4].

Эти издания являются своего рода прологом к истории возникновения Чехословацкой Республики. Без всемирно-исторического примера великого Октября не было бы и могучего международного движения против войны, за мир и свободу народов, не было бы и Чехословакии. Разумеется, причины распада Австро-Венгерской монархии коренились в объективных условиях неравномерного социально-экономического развития отдельных стран и наций Австро-Венгрии. Этому вопросу посвящена статья Я. Кржижека [5], который показал, что распад Австро-Венгрии явился следствием объективного развития империализма.

Возникновение Чехословацкой Республики было проявлением исторической закономерности и, несомненно, явилось важным рубежом в чехословацкой истории. Но плодами национально-освободительной борьбы народа воспользовалась буржуазия. Вновь возникшее государство стало не социалистической республикой, как этого требовал ра-

---

[1] См. Й. Мацек. Чехословацкая историческая наука в 1957 году. «Вопросы истории», 1958, № 6.

[2] «Velká říjnová socialistická revoluce v dějinách a kultuře Československa». Sborník prací k 40. vyročí Velké říjnové socialistické revoluce. Praha. 1958.

[3] «Ohlas Velké říjnové socialistické revoluce v českých zemích a arhivních dokumentech». «Sborník archivních prací», VIII, 1958.

[4] «Léta 1917—1921 na Ostravsku». Sborník tři prací k dějinám delnického hnutí. Opava. Slezský studijní ústav, 1957; Zvl. příloha «Slezského sborníku», 1957, № 4; J. Kolejka. K otázce ohlasu Říjnové revoluce a úkolů proletariátu u nas v letech 1917—1918 (s. 5—21); Kolektiv pracovníků Státního archivu v Opavě. Třidní boje na Ostravsku v letech 1917—1921 (s. 25—57); A. Pilch. Z dějin bojů polské dělnické třídy v Těšinském Slezsku a v ostravsko-karvinském reviru v letech 1918—1920 (s. 61—83).

[5] J. Křižek. Příspěvek k dějinám rozpadu Rakouska—Uherska a vzniku Československa. Журнал «Příspěvky k dějinám KSČ». 1958, № 5, стр. 13—120.

бочий класс, а вместе с ним и массы трудящихся, а буржуазной республикой[6]. Главную причину того, почему борьба чешских и словацких рабочих не увенчалась победой, чехословацкие историки единодушно усматривают в субъективном факторе — в отсутствии настоящего, подлинного вождя рабочего класса, последовательно марксистско-ленинского штаба революции, в отсутствии в то время Коммунистической партии Чехословакии. Лидеры чешской социал-демократии в решительный момент изменили революционному народу, оказались полностью в плену ревизионистских воззрений австрийской социал-демократии. Они отвергли опыт большевиков, игнорировали марксистско-ленинское учение и в результате этого оказались не во главе трудового народа и рабочего класса, а в хвосте у буржуазии.

В сборнике, подготовленном Институтом истории Чехословацкой АН[7], помещены статьи, содержащие неизвестный до сих пор материал из чехословацких и зарубежных архивов. Однако сборник представляет скорее механическое соединение отдельных исследований, чем целенаправленный труд по освещению коренных проблем темы.

Истории национальных комитетов и разоблачению антинародной политики чешской буржуазии на примере Моравии и Силезии посвящена статья В. Пеши[8].

В работах словацкого историка Л. Голотика «Октябрьская революция и национально-освободительное движение Словакии в 1917—1918 гг.» и «Возникновение Чехословакии и его значение для словацкого народа»[9] раскрывается влияние Великой Октябрьской социалистической революции на словацкое национально-освободительное движение, показывается прогрессивное значение образования Чехословацкой Республики для словацкого народа.

Буржуазные правящие круги включили Чехословакию в систему империалистических держав, связали судьбы чехословацкого народа с буржуазией США, Англии и Франции[10]. С момента зарождения самостоятельной республики чешская и словацкая буржуазия встала на путь измены национальным интересам.

Институт истории в октябре 1958 г. посвятил свою научную сессию[11] одновременно проблемам мюнхенского сговора и возникновения Чехословакии. Доклады и выступления на конференции давали глубокий анализ этой взаимозависимости. И. Веселы в своей обобщающей статье проанализировал причины возникновения Чехословакии в связи с дальнейшим развитием буржуазного государства вплоть до 1938 года[12]. Историки Военно-политической академии посвятили обеим датам сборник «Путь к Мюнхену»[13].

Непосредственно оценке мюнхенских событий была посвящена международная конференция, организованная в 1958 г. недавно основанным Институтом международной политики.

В книге Й. С. Гаека[14] история Мюнхена излагается на широком фоне международных отношений. Вместе с тем автор объяснил внутренние причины мюнхенского предательства. Он показал, что чехословацкая буржуазия не решалась опереться на Советский Союз, ориентировалась на западные государства и шаг за шагом отступала перед фашистами.

Только Коммунистическая партия Чехословакии последовательно мобилизовывала народ на сопротивление и разъясняла ему значение дружеской помощи Советского

---

[6] K. Pichlík. Vznik československé republiky. Журнал «Nová mysl», 1958, стр. 884—897.

[7] «Ke vzniku ČSR». Sborník statí k 40. výročí vzniku ČSR. Praha. 1958.

[8] V. Peša. Národní výbory v roce 1918 na Moravě a ve Slezsku. (Příspěvek k 40. výročí vzniku ČSR.) «Časopis Matice moravske» (далее ČMM) 1958. Вып. 77.

[9] L'Holotik. Oktobrová revolúcia a národnooslobodzovacie hnutie na Slovensku v rokoch 1917—1918. Bratislava. 1958; его же. Vznik Československa a jeho význam pre slovenský národ. Přednesené na konferencii k 40. výročiu vzniku ČSR a 20. výročiu Mnichova, ktorú usporiadal HÚ ČSAV v dňoch 23—24. 9. 1958. v Prahe. Журнал «Historický časopis» (далее HČ). 1958. VI, стр. 487—502.

[10] Интересы отечественного и иностранного капитала в Чехословакии показывают документы, подобранные А. Коцманом. См. «Vznik ČSR ve světle zájmů domácího a zahraničního kapitálu». «Sborník archivních prací». 1958, № 2.

[11] См. информацию о научной сессии в «Вопросах истории», 1952, № 12; 1959, № 1, а также в журнале «Československý časopis historický» (далее ČSČH). 1959. I. VIII.

[12] И. Веселы. О причинах возникновения и гибели буржуазного чехословацкого государства. «Вопросы истории», 1958, № 11.

[13] «Cesta k Mnichovu». Sborník statí k 40. výročí vznika ČSR a 20 výročí Mnichova. Praha. 1958.

[14] J. S. Hájek. Mnichov. Praha. 1958.

Союза. Однако буржуазия довела свое черное дело до конца. Она предала национальную независимость. Именно поэтому вопрос о мюнхенском сговоре имеет в Чехословакии столь серьезное значение, а анализ этих событий позволяет сделать выводы о правильности современного развития народно-демократической Чехословакии, идущей к социализму под руководством рабочего класса во главе с Коммунистической партией. Книга Й. С. Гаека до сих пор является наиболее целеустремленным и поучительным обзором событий 1938 года.

Годовщина мюнхенских событий содействовала необычайному оживлению работы по исследованию истории Мюнхена, которой чехословацкая историография до сих пор не уделяла должного внимания. Если посмотреть библиографию опубликованных до последнего времени исследований по данной теме [15], то нетрудно заметить, сколько вопросов ждет еще своего решения. Впрочем, необходимо отметить, что определенные недостатки нашей историографии о мюнхенском сговоре были обусловлены весьма слабой документальной базой, доступной для отечественных исследователей. Но этот недостаток, очевидно, будет постепенно устранен.

Результатом успешного сотрудничества советских и чехословацких архивистов и историков явился совместный сборник новых документов по истории мюнхенского сговора [16].

К этой книге непосредственно примыкают два тома «Мюнхен в документах» [17]. Первая часть содержит важнейшие материалы, опубликованные ранее в немецких, английских и советских изданиях. Кроме того, в сборник включен ряд неопубликованных источников из архива Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики. Первый том показывает главным образом предательство западных держав по отношению к Чехословакии, второй освещает внутреннее развитие страны в 1938 — начале 1939 г., изобличает измену чешской и словацкой буржуазии чехословацкому народу. В сборник вошло большое количество не публиковавшихся ранее документов из центральных чехословацких архивов и статей из чехословацких и зарубежных газет.

Были опубликованы и другие исследования по истории мюнхенских событий. Я. Пахта показал предательскую политику социал-демократов в период Мюнхена [18].

Р. Квачек выступил с подробным исследованием о злополучной миссии Ренсимена в Чехословакии в 1938 году [19]. Значительный интерес представляет статья словацкого историка М. Фило о мощной антифашистской демонстрации в Восточной Словакии 31 июля 1938 г., которую подготовила Коммунистическая партия Словакии [20].

Вышедшие работы вместе с тем наглядно показывают, сколько еще потребуется усилий, чтобы подробно изучить могучее народное движение в защиту республики, которым руководили чехословацкие коммунисты.

Третьей выдающейся исторической датой, отмеченной в 1958 г., было десятилетие февральских событий 1948 г. в Чехословакии. К этой годовщине вышел подготовленный Институтом истории Коммунистической партии Чехословакии сборник документов [21], освещающих причины и значение февральских событий. Важнейшим научным событием, бесспорно, было издание книги И. Веселы «Хроника февральских дней 1948 года» [22]. Хотя автор и дал своему труду очень скромное название, но в нем показано больше, чем значится в заголовке. И. Веселы, правильно исходя в своей работе из тезиса о перерастании в Чехословакии народно-демократической революции в социалистическую, раскрыл в этой связи историческое место февраля 1948 года.

Отвергая клевету буржуазной публицистики, автор подробно документировал искреннее стремление Коммунистической

---

[15] L. Lipták. Československá historiografia o Mnichové. «HČ», 1958, № 2.

[16] «Новые документы из истории Мюнхена». Под редакцией В. Ф. Клочко, Н. И. Костюнина, Я. Кржижека, Ф. Пишека, В. Сояка, И. Н. Земскова. М. 1958; см. рецензию Ю. В. Борисова на указанный сборник. «Вопросы истории», 1958, № 11.

[17] «Mnichov v dokumentech». T. I. Zrada západních mocností na Československu; t. 2. Zrada české a slovenské buržoasie na československém lidu Praha. 1958.

[18] J. Pachta. Několik svědectví o Mnichovu. «Příspěvky k dějinám KSČ». 1958, № 5.

[19] R. Kvaček. Osudná mise. Praha. 1958.

[20] M. Filo. Manifestácia pracujúceho ľudu východného Slovenska proti fašizmu a za obranu republiky v Košiciach roku 1939. «HČ», 1958, стр. 503—523.

[21] «Únor 1948». Sborník dokumentů. Red. Ústav dějin KSČ. Praha. 1958.

[22] J. Veselý. Kronika únorových dnů 1948. Praha. 1958.

артии Чехословакии обеспечить строитель-тво социализма в своей стране мирным пу-ем и ее готовность к тесному сотрудниче-тву с буржуазными демократическими артиями в рамках Национального фронта. I. Веселы удачно показал внутриполитиче-кое развитие Чехословакии на фоне ме-ждународных событий и убедительно разо-лачил систематическое давление западных мпериалистических держав на буржуазные олитические партии, в особенности на их идеров. Но, как отмечается в книге, опи-аясь на боевую решимость рабочего клас-а и революционную активность трудящих-я, КПЧ отразила наступление реакции ротив социализма. С февраля 1948 г., как одчеркивал Клемент Готвальд, в Чехосло-акии не было силы, которая могла бы за-ержать чехословацкий народ на его пути социализму.

И. Веселы использовал большое количе-тво источников. К сожалению, он не со-роводил изложение критическим научным ппаратом, что, бесспорно, еще более по-ысило бы значение его труда. Книга И. Ве-елы является выдающимся вкладом в изу-ение исторического значения февральских обытий и одной из удачных работ в обла-ти новейшей истории Чехословакии.

Следует упомянуть и о некоторых других, аиболее важных частных исследованиях о еврале 1948 года. Последствия и значение евральской победы для словацкого рабо-его класса осветил Л. Заяц [23]. Тесная связь евральских событий с Конституцией мая, основным Законом современной Че-ословакии, была предметом обсуждения а научной конференции историков права, атериалы которой изданы отдельным сбор-иком [24].

Анализу политики Коммунистической пар-ии Чехословакии перед февралем 1948 г. освящена статья Я. Козака [25]. Опираясь а большое количество архивных докумен-ов, автор показал неуклонную борьбу КПЧ а завоевание на свою сторону большин-тва народа в конце 1947 — начале 1948 го-а. Разоблачению интриг руководства на-одной и народно-социалистической партий и вместе с тем показу борьбы КПЧ против них посвящены специальные исследования М. Климеша и М. Заховала [26]. Освещение борьбы за чехословацкую армию во время февральских событий 1948 г. дано в статье Й. Навратила [27].

Можно надеяться, что большое количество исторических работ, опубликованных в связи с 10-летием февральской победы 1948 г., будет содействовать дальнейшему развитию исследований в области истории возникновения и развития народной демократии в Чехословацкой Республике.

★

Из общих работ по истории Чехословакии необходимо упомянуть о первом томе «Обзора чехословацкой истории» [28]. Это издание охватывает период с древнейших времен до конца эпохи феодализма (1848 г.) и представляет наиболее обширное и цельное научное изложение истории Чехословакии. Впервые с марксистской точки зрения систематически излагается экономическое, социальное, политическое и культурное развитие не только в чешских землях, но и в Словакии. Словацкая история является в книге не механическим добавлением к чешской истории (как это нередко бывало в прошлом), а равноценной составной частью исторического процесса. Авторы дали последовательную критику буржуазной историографии, обширный обзор источников и литературы.

В связи с исключительной важностью «Обзора чехословацкой истории» его первый том издан в виде макета и будет обсуждаться на дискуссии, которая поможет устранить некоторые недочеты, как, например, определенную неравномерность в изложении разных периодов, отсутствие единства стиля, фактические неточности, недостаточное внимание к истории науки и техники. Но, несмотря на эти пробелы, первый том «Обзора» является бесспорным вкладом в науку, который будет способствовать решению ряда теоретических вопросов и развитию принципиальных дискуссий.

---

[23] L. Zajac. Slovenské robotníctvo v oji za víťazný február 1948. Bratislava. 958.

[24] «Ústava 9. května v deseti letech ocialistické výstavby ČSR». Sborník refe-átů a diskusních příspěvků. Praha. 1958.

[25] J. Kozák. K objasnění postupu ÚV SČ v boji za získání většiny národa v obdobi před únorem 1948. «Příspěvky k ějinám KSČ». № 2.

[26] M. Klimeš, M. Zachoval. Příspěvky k problematice Únorových událostí v únoru 1948. «ČSČH», 1958, стр. 186—223; их же. Vývoj národné fronty do února 1948. «Nová mysl», 1958, стр. 104—121.

[27] J. Navrátil. K otázce boje o politický charakter čs. armády v predúnorovém období. Журнал «Historie a vojenstvi», 1958, стр. 393—432.

[28] «Přehled československých dějin». Díl. 1. Do roku 1848. Praha. 1958.

В 1958 г. продолжалась публикация новых томов учебников истории для высшей школы, в частности по истории Чехословакии в период национального возрождения [29] и в эпоху капитализма [30].

В области исторической библиографии необходимо отметить два произведения словацких историков. Весьма ценным источником для изучения новейшей истории Словакии является библиография словацких газет и журналов, выходивших до 1918 года [31]. Библиография произведений Людовита Штура [32] будет не только пособием для изучения жизни и творчества наиболее выдающегося словацкого деятеля XIX в., но явится также руководством при изучении истории словацкого национального возрождения и развития капитализма в Словакии.

Успешно продолжается публикация путеводителей по архивным фондам. Чехословацкие и зарубежные исследователи получили путеводители по государственным архивам в Праге [33], Тржебони [34], Пльзне [35], а также по архиву словацкого города Кремнице [36]. В изучении истории чешской литературы, а также политической истории XIX в. большую пользу окажет список литературного наследства и корреспонденции, хранящиеся в архиве Национального музея [37]. Для медиевистов представляет интерес опись рукописей микуловской дитрихштейнской библиотеки [38].

В области вспомогательных исторических наук следует упомянуть учебник для высшей школы по палеографии, написанный известным чехословацким специалистом И. Шебанеком [39]. Значительную научную ценность имеет двухтомная работа о развитии латинского шрифта, которую написал Ф. Музика [40]. В области нумизматики завершено издание четвертого тома обширного описания находок монет в Чехии, Моравии и Силезии [41].

Изучению городской дипломатики посвящено небольшое исследование о развитии городской канцелярии в Братиславе до 1526 года [42].

Был опубликован новый том фундаментального издания «Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moravia» [43]. Из богатого фонда государственного так называемого «Коронного архива» А. Гаас издал каталог писем за 1438—1526 годы [44].

После длительного перерыва появились исследования по истории управления [45].

Из новинок археологической литературы следует обратить внимание на попытку создать синхронную хронологическую таблицу древней истории Чехословакии, предпринятую коллективом археологов под руководством Я. Неуступного [46], а также на работы К. Жебера о Чехословакии в период палеолита и Б. Новотного по истории Словакии в эпоху неолита [47]. А. Турек,

---

[29] F. Kutnar. Doba národního obrození 1781—1848. Přehled dějin Československa v epoše feudalismu, 4. část. Praha. 1957.

[30] F. Červinka. Přehled dějin Československa v epoše kapitalismu. II. 1849—1918. Praha. 1958.

[31] M. Potemra. Bibliografia slovenských novín a časopisov do roku 1918. «Martin Matica slovenská», 1958.

[32] Ján V. Ormis. Bibliografia L'udovíta Stúra. «Martin Matica slovenská», 1958.

[33] «Státní archiv v Praze». Průvodce po archivních fondech. Zpracovali I. Holl, J. Choráňová, J. Lameš, L. Lancinger, V. Šolle. Praha. 1958.

[34] «Státní archiv v Třeboni». Průvodce po archivních fondech. Sv. 2. Zpracovali: V. Hadač, J. Hanesch, V. Hašek. Praha. 1958.

[35] «Státní archiv v Plzni». Průvodce po archivních fondech. Zpracovali: F. Fabian, V. Němec, V. Pochmanová. Praha. 1958.

[36] T. Lamoš. Archiv mesta Kremnice. Sprievodca po fondoch a zbierkach. Bratislava. 1957.

[37] F. Baťha. Seznam literarních pozůstalostí a korespondenci v literárním archivu Národního musea. Praha. 1958.

[38] V. Dokoupil. Soupis rukopisů mikulovské dietrichsteinské knihovny. Praha. 1958.

[39] J. Šebánek. Paleografie. Pomocné vědy historické, díl. 1. Praha. 1958.

[40] F. Muzika. Krásné písmo ve vývoji latinky. I, II. díl. Praha. 1958.

[41] «Nálezy mincí v Čechách, na Moravě a ve Slezsku». Redigovala Em. Nohejlová — Prátová. Díl. 4. Praha. 1958.

[42] D. Lehotská. Vývoj bratislavskej mestskej kancelarie do roku 1526. «Historické štúdie», 1958.

[43] «Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae». Pars VII. 1358—1363. Fasc. 3. 1360—1361. Ed. B. Mendl et M. Linhartová. Praha. 1958.

[44] A. Haas. Katalog listin z let 1438—1526. Praha. 1958.

[45] J. Macek, V. Žáček. Krajská správa v čes. zemich a její archivní fondy (1605—1868). Praha. 1958; J. Kočis. Přehled vývoja župnej správy na Slovensku do roku 1945. «Sbornik archivních prací», 1958.

[46] «Grafická relativní chronologie pravěku Československa». Autoři: J. Břeň, I. Hásek, J. Hralová, J. Neústupný, A. Točík, R. Turek. «Časopis Národního musea», odd. věd. spol. 1958, № 1.

[47] K. Žebera. Československo ve starší době kamenné. Praha. 1958; B. Novotny. Slovensko v mladšej dobe kamennej, Bratislava. 1958

известный специалист по славянской археологии, проанализировал находки из славянских могил в Южной Чехии и сделал попытку определить район расселения чешских племен [48]. Ценным вкладом в изучение экономической истории является исследование Я. Кудрнача о древнеславянском зерновом хозяйстве в чешских землях [49].

В области истории феодализма внимание историков по традиции было сосредоточено на гуситском революционном движении. Наиболее выдающимся вкладом в изучение этого славного периода чешской истории явился изданный в 1958 г. сборник о международном влиянии гуситского движения [50].

В 1958 г. появился краткий обзор последних находок рукописей Я. Гуса, вышло исследование о его проповедях [51]. Я. Кейрж написал книгу о жизни Кутной горы, крупнейшего во время гусизма после Праги города, богатого центра горной промышленности [52].

А. Салач посвятил свое исследование интересному и до сих пор в значительной мере не выясненному вопросу о сношениях чешских калишников с Византией в 1452 г. в связи с планом объединения обеих церквей [53]. Р. Ржичан написал обзорную историю «Общины братьев», возникшей в 1457 году [54]. Однако автор слишком явно проявил свое религиозное мировоззрение, полностью игнорировал классовый подход к развитию секты, а позднее и церкви. В силу этого работа Р. Ржичана является скорее собранием давно известных фактов, чем научным исследованием.

Одним из результатов и последствий гуситского движения было необычайное распространение чешского языка, причем не только в чешских землях, но и за рубежом. И при венгерском дворе и в венгерской канцелярии чешский язык использовался не только при переписке с Чехией, но также и в документах, посылавшихся в словацкие районы венгерского королевства. Об этом рассказывается в интересной статье Я. Мацурека [55].

В 1958 г. появилось исследование о турецком господстве в Словакии во второй половине XVI века. Э. Тейнил [56] тщательно проанализировал турецкие и венгерские источники и обрисовал административные и военные порядки в Филакове, ставшем во второй половине XVI в. центром турецкого санджака в Словакии.

В прошлогоднем обзоре я упомянул о дискуссии чехословацких историков по проблемам первоначального накопления капитала и так называемого вторичного закрепощения. В 1958 г. в ходе этой дискуссии была опубликована статья Й. Вальки [57].

В 1958 г. чехословацкая историография обогатилась тремя работами по периоду XVII—XVIII вв., который относится до сих пор к наименее изученным отрезкам чехословацкой истории. А. Климе удалось кратко изложить необычайно сложную проблематику исторического развития Чехии после битвы у Белой Горы [58]. Автор сосредоточил внимание на развитии экономических отношений в деревне и первых мануфактур. А. Клима удачно обрисовал активную роль чешского народа не только в борьбе за ликвидацию феодального угнетения, но и в обогащении культуры.

В противовес буржуазным защитникам барокко А. Клима правильно уделил основное внимание народному творчеству, проследил развитие чешской культуры от эпохи гусизма до национального возрождения.

---

[48] R. Turek. Slovanské mohyly v jižních Čechách. Praha. 1958. (Печатается в серии «Fontes archelogici pragenses. Sectio praehistorica». Vol. 1); его же. Die frühmittelalterlichen Stämmegebiete in Böhmen. Praha. 1957.

[49] J. Kudrnáč. Staroslovanské obilnářství v českých zemích. «Památky archeologické», 1958.

[50] «Mezinárodní ohlas husitství». Praha. 1958.

[51] F. M. Bartoš. Posledních deset let husovského studia. «Česká literatura». 1958, стр. 448—451; A. Schmidtová. K Husovým kázáním Vos estis salterre. Listy filologické», 1958, стр. 80—84.

[52] J. Kejř. Právni život v husitské Kutné Hoře. Praha. 1958.

[53] A. Salač. Constantinople et Prague en 1452. (Pourparlers en vue d'une union des Eglises). Praha. 1958. (Печатается в серии «Rozpravy ČSAV», roč 68, řada SV, seš. 11).

[54] R. Říčan. Dějiny Jednoty bratrské. Praha. 1957.

[55] J. Macůrek. K otázce české listiny a české kanceláře na dvoře uherském v 2. pol. 15. století (v letech 1486—1490). «HČ», 1958, стр. 560—569.

[56] E. Tejnil. K dějinám tureckého panstva na Slovensku. «Historické štúdie», 1958.

[57] J. Válka. Druhé nevolnictví a původní akumulace v 16. stol. (Několik poznámek k článkům A. Míky. (ČŠČH», 1958, стр. 316—324. См. критический обзор Ю. Ф. Иванова в журнале «Вопросы истории», 1959, № 7.

[58] A. Klíma. Čechy v období temna. Praha. 1958.

Все это позволяет сказать, что книга А. Климы является бесспорным достижением чехословацкой историографии и заполняет пробел в наших знаниях этого периода. В дальнейшем в работах по истории после 1620 г., по нашему мнению, необходимо обратить внимание на историю городов.

Ценным вкладом в изучение творчества Я. А. Коменского явилась монография Я. Попеловой [59] о социальных взглядах Я. А. Коменского. В центре внимания автора — анализ недавно обнаруженного произведения «Общие советы об улучшении дел людских», в котором Я. А. Коменский наиболее отчетливо сформулировал свои общественные воззрения.

Третьим произведением, посвященным XVII в., является монография Й. Полишенского о политике Нидерландов в отношении чешского государства [60]. В книге использован богатый материал из чехословацких и зарубежных архивов. Впервые предпринята попытка осветить нидерландскую политику в отношении чешского восстания 1618 года. Однако автор не сумел в полной мере овладеть обширным материалом и литературой, помещая нередко рядом важнейшие и третьестепенные факты. Этим, а также излишне подробным изложением несущественных деталей Й. Полишенский снизил значение книги, заслуживающей в целом высокой оценки.

З. Тихая опубликовала ценные литературные источники, которые можно использовать для анализа внутриполитической истории Чехии [61].

Следует отметить также несколько частных исследований: о социальной структуре одной словацкой области в XVIII в. [62], о связях крепостных Моравии и Словакии [63], о металлургической промышленности Словакии в XVIII веке [64].

Ряд работ посвящен истории словацкого возрождения [65].

Все яснее становится необходимость подкрепить изучение чешского и словацкого национального возрождения анализом экономического развития. После издания работ Я. Пурша пока имеются лишь частные исследования по отдельным областям либо по определенным промышленным отраслям. Такой характер носит книга Я. Йозы, посвященная истории мануфактур и первых текстильных фабрик в Либерецкой области [66]. Однако, если учесть, что Либерец был в первой половине XIX в. передовым центром промышленного производства в Чехии, автор мог бы сделать более широкие выводы как в отношении периодизации переходного периода от мануфактурного к фабричному производству, так и в отношении формирования рабочего класса.

Л. Карникова [67] в своей работе показала значение добычи угля в промышленном развитии Чехии до середины XIX века. Она отметила, что коренной поворот в добыче угля связан с промышленной революцией и приходится на 30-е годы XIX века. В результате промышленной революции отдельные области были охвачены экономическим кризисом [68], который наряду с неурожаем и голодом [69] создал революционную ситуацию накануне 1848 года.

Важной публикацией, освещающей события 1848 г. в Праге, явился сборник документов Славянского съезда [70].

---

[59] J. Popelová. Jana Amose Komenského cesta k všenápravě. Praha. 1958.

[60] J. Polišenský. Nizozemská politika a Bílá hora. Praha. 1958.

[61] «Verše bolesti, posměchu i vzdoru. Z časové poesie lidové a pololidové 17. a 18. století». K vydání připravila a úvod napsala Z. Tichá. Praha. 1958; «Satira na čtyří stavy». K vydáni připravila Z. Tichá. Praha. 1958.

[62] A. Špiesz. Sociálne rozvrstvenie obyvatelstva nitranskej stolice v polovici 18. storočia. «HČ», 1958, стр. 48—71.

[63] J. Obršlík. Sťahovanie moravských poddaných na Slovensko koncom 17. a v prvej polovici 18. stor. «Historické štúdie», 1958.

[64] Š. Kazimír. Stav a rozmiestnenie železiarskeho priemyslu na Slovensku v druhej polovici 18. stor. «Historické štúdie», 1958.

[65] J. Tibenský, J. Papánek — J. Sklenár. Obrancovia slovenskej národnosti v XVIII. storočí. «Martin Osveta», 1958; J. Húčko. Výchovno-vzdelávacia činnost buditelóv ludu na počiatku slovenského národného obrodenia. «Historické štúdie», 1958.

[66] J. Joza. Z minulosti textilního průmyslu v Libereckém kraji (Počátky tovární výroby ve vlnařském průmyslu v Liberci). Liberec. 1958.

[67] L. Kárníková. Úloha uhlí v průmyslovém rozvoji Čech do poloviny 19. století. Praha. 1958 («Rozpravy ČSAV». Řada SV, roč. 68, 1958, seš. 127).

[68] M. Myška. Sociální důsledky krize plátenické výroby v jesenické oblasti v předvečer revoluce r. 1848. «Slezský sborník. 1958, № 56.

[69] A. Grobelný. Hladová léta ve Slezsku 1846—1856. «Slezský sborník», 1958, № 56.

[70] «Slovanský sjezd v Praze roku 1848». Sbírka dokumentů. K vydání připravil V. Žáček s použitím materiálů sebraného spol. se Zd. Tobolkou. Praha. 1958.

Наиболее выдающейся новинкой по истории национального возрождения, бесспорно, является книга К. Косика [71] о чешской радикальной демократии, в которой автор последовательно критикует буржуазную историографию. Причину распада движения радикальной демократии (наибольшее внимание автор уделяет К. Сабине и Е. Арнольду) К. Косик видит в последствиях промышленной революции, промышленного переворота, который изменил социальную базу радикальной демократии, мелкую буржуазию. Очевидно, не все положения К. Косика встретят общее признание, тем не менее автор проявил научную, творческую смелость.

В 1958 г. после долгого перерыва вновь появились исследования по истории рабочего движения. З. Шолле выступил со статьей о значении и методе изучения забастовочного движения [72]. Он указал на необходимость комплексного подхода к исследованию стачек и установления их связи с закономерностями социально-экономического развития. Я. Коржалка [73] высказал свои соображения об изучении истории рабочего движения в отдельных странах, дав также обзор достигнутых результатов.

Из опубликованных источников по истории рабочего движения прежде всего необходимо отметить двухтомную работу фольклористов В. Карбусицкого и В. Плетки [74]. Напечатанные ими песни, бесспорно, явятся фундаментальным собранием творчества рабочих в прошлом. Эти песни являются вместе с тем чрезвычайно богатым и свежим источником по истории рабочего движения.

Изучению первоначального периода чешского рабочего движения весьма помогут вновь изданные воспоминания Фр. Мыртеса и Л. Запотоцкого [75]. Определенный интерес также представляют воспоминания В. Киндла [76] о рабочем движении с конца XIX в. до 1918 года.

Из отдельных книг наиболее важной является работа М. Реймана «Из истории первых лет чешского рабочего движения» [77]. В 1958 г. вышел и ряд других исследований по истории рабочего движения [78].

Научное исследование истории сельскохозяйственного производства и крестьянского движения в XIX в. проводится в целом по-прежнему совершенно недостаточно. Большую работу в этой области ведет Ю. Кржижек [79]. В своем новом труде он, опираясь на обширный статистический материал, осветил развитие сахароваренного производства в чешских землях в 80-х годах XIX в., показал классовую и социальную дифференциацию крестьянства, проанализировал буржуазное крестьянское движение. Автор впервые дал более глубокий анализ основных теоретических вопросов, связанных с развитием капитализма в чешском земледелии.

Весьма ценное исследование по истории XIX в. завершил в 1958 г. Я. Пурш [80]. Он сосредоточил свое внимание на кульминационном периоде национального движения в 1868—1871 годах. В то время протест против абсолютистской монархии, классового и национального угнетения вылился в грандиозные массовые демонстрации. Автор дал обобщенный обзор этого движения, проанализировал причины его возник-

---

[71] K. Kosík. Česká radikální demokracie. Příspěvek k dějinám názorových sporů v české společnosti 19. století. Praha. 1958.

[72] Z. Šolle. O významu a metodě studia stávek. «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, № 2.

[73] J. Kořalka. K nynejšímu stavu a možnostem regionálního zpracování dějin dělnického hnutí v českých zemích. «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, № 2.

[74] V. Karbusický, V. Pletka. Dělnické písně. 1—2 díl. Praha. 1958.

[75] «Vzpomínky Františka Myrtesa a Ladislava Zápotockého na začátky našeho dělnického hnutí». «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, № 2.

[76] V. Kindl. Než vzešel den. Praha. 1958.

[77] M. Reiman. Z prvních dob českého dělnického hnutí. Praha. 1958.

[78] J. Cach. Otázky vychovy a vzdělání v počátcích českého dělnického hnutí. Příspěvek k dějinám výchovy, školství a pedagogiky v českých zemích v druhé polovině XIX. stol. Praha. 1958; Z Konečný. Dělnické politické spolky na Ostravsku před první světovou válkou. II. Politický spolek Spravedlnost pro Moravu a Slezsko. «Slezský sborník», 1958, стр. 1—27; K. Goláň. Organizačný rozmach robotníckeho hnutia v Bratislave v prvej polovici deviat'desiatych rokov 19. storočia. «HČ», 1958, стр. 524—539; B. Lehár. Příspěvek k revolučnímu hnutí zlínského dělnictva v roce 1918 (Ke 40. výročí hnutí dělnictva Bat'ových závodů). «Zprávy Krajského vlastivedného ústavu v Gottwaldově», 1958.

[79] J. Křižek. Krise cukrovarnictví v českých zemích v osmdesátých letech minulého století její význam pro vzrůst rolnického hnutí. «ČSČH», 1956, стр. 270—298; 1957, стр. 473—506; 1958, стр. 46—59.

[80] J. Purš. Tábory v českých zemích v letech 1868—1871 (Příspěvek k problematice národního hnutí). «ČSČH», 1958, стр. 234—266, 446—470, 661—690.

новения, состав демонстрантов и пришел к выводу, что эти выступления явились важным этапом в истории развития чешской нации. Следует отметить как удачное дополнение к исследованию Я. Пурша статью Я. Янака о митинговом движении в Моравии в 1868—1874 годах [81].

Вековые дружеские связи между чешским и словацким народами в конце XIX—начале XX в. исследовал Я. Яблоницкий [82].

★

Истории буржуазной Чехословацкой республики в 1958 г. было посвящено много работ. Наиболее выдающейся из них, бесспорно, является монография Л. Голотика «Легенда о Штефанике и возникновение Чехословацкой республики» [83]. Эта обширная монография основана на новом архивном материале и большом количестве литературы. Автору удалось опровергнуть представление о научной деятельности М. Р. Штефаника во Франции и французских колониях, показать, что он был совершенно чужд родной словацкой среде, став французским подданным и ревностным слугой французской буржуазии.

М. Р. Штефаник использовал чешских и словацких солдат только в своих личных целях и во имя задач, поставленных перед ним французскими властями. Именно поэтому он с таким усердием организовывал контрреволюционную борьбу чехословацких легионеров против молодой Советской республики. Тем самым М. Р. Штефаник поставил чехословацких солдат и вновь возникшее государство на службу империализму. Поэтому буржуазия и создала культ Штефаника, используя легенду о нем прежде всего в борьбе против пролетариата и коммунистического движения, против всего прогрессивного. Монография Л. Голотика относится к числу наиболее успешных публикаций в Чехословакии за последнее время.

В. Вавра исследовал вопрос о подготовке контрреволюционного мятежа чехословацких легионеров против Советской России [84]. Однако все еще необходимо более основательно разоблачить контрреволюционное содержание борьбы легионеров, объективно служивших интересам империалистического лагеря.

В работе Ст. Штвертецкого показано значение борьбы чехословацких красноармейцев-коммунистов, а также состоявшегося в мае 1918 г. в Москве съезда чехословацких коммунистов [85], которые вступили в Красную Армию, чтобы защищать первую социалистическую страну в мире. Сборник воспоминаний красноармейцев-словаков [86] переносит нас на необъятные просторы Советской России, где в борьбе против Деникина, Колчака и интервентов словацкие коммунисты приобретали боевую закалку.

В 1958 г. были изданы протоколы Учредительного и Объединенного съезда КПЧ (1921 г.) [87]. Ценным пособием является сборник документов «Революционная молодежь Словакии в борьбе за будущее» [88]. Истории возникновения КПЧ и первых лет ее борьбы посвящены исследования В. Менцла «Политическая борьба КПЧ и ее развитие в 1921—1924 гг.» и И. Веселы «Из первых боев КПЧ» [89]. И. Веселы написал также книгу по истории восстания в Боке Которской [90].

Некоторые проблемы послевоенного кризиса 1921—1923 гг. рассматриваются в книге Я. Коутека [91]. Анализу внешней политики чехословацкой буржуазии в период рурского кризиса 1923 г. посвящена статья В. Оливовой [92].

Историю крупной забастовки в Остров-

---

[81] J. Janák. Táborové hnutí na Moravě v letech 1868—1874. «ČMM», 1958, № 77.

[82] J. Jablonický. Príspevok k československým vztahom od konca 19. stor. do roku 1914. «Historické štúdie», 1958.

[83] L. Holotík. Štefanikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava. 1958.

[84] V. Vávra. Klamná cesta. Příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. Praha. 1958.

[85] St. Štvrtecký. Sjazd československých komunistov v Moskve v máji 1918. «Príspěvky k dějinám KSČ, 1958, № 5.

[86] «Bojová pieseň znela. Spomienky slovenskych červenarmejcov účastníkov Velkej októbrovej socialistickej revolúcie a občianskej vojny v sovietskom Rusku (1917—1921)». Red. Ústav dejín KSS. Bratislava. 1958.

[87] «Protokoly sjezdu KSČ». I. Ustavující a slučovací sjezd KSČ roku 1921. Praha. 1958.

[88] «Revolučná mládež na Slovensku v boji o dnešok». Sborník dokumentov o boji komunistickej mládeže proti kapitalizmu v rokoch 1921—1938. Bratislava. 1958.

[89] V. Mencl. Politické boje KSČ a její vývoj v letech 1921—1924. Praha. 1958; J. Veselý. Z prvních bojů KSČ (1921—1924). Praha. 1958.

[90] J. Veselý. Povstáni v Boce Kotorské. Historická kronika. Praha. 1958.

[91] J. Koutek. ČSR v období poválečné hospodářské krise (1921—1923). Praha. 1958.

[92] V. Olivová. Československá diplomacie v době rurské krise roku 1923, «ČSČH», 1958, стр. 59—70.

ской области в 1925 г. описал О. Каня[93]. В Словакии наибольшей эксплуатации со стороны буржуазии подвергался сельскохозяйственный пролетариат. Статья словацкого историка З. Голотиковой[94] освещает его тяжелое положение в 1920—1929 годах. Антинародные действия буржуазного правительства в его борьбе против революционного движения в стране разоблачаются в работе Р. Фоустки «О фашизации законодательства буржуазной Чехословацкой республики»[95].

Коммунистическая партия, возглавив рабочий класс, разбила все попытки осуществить фашизацию страны. С момента захвата власти фашистами в Германии особое значение приобрела проводимая коммунистами политика единого фронта, в котором объединились все демократические, антифашистские силы. Исследованию этого важного периода в истории Коммунистической партии Чехословакии посвящена книга Л. Коваржа «КПЧ в борьбе за единый фронт против фашизма»[96]. Коммунистической партии удалось объединить в борьбе против фашизма не только чешский и словацкий рабочий класс, но и трудящихся венгерской национальности, проживавших в Чехословакии. Исследование Д. Чизмадии[97] освещает этот вопрос. Однако Д. Чизмадия не избежал серьезных ошибок, состоящих главным образом в том, что он некритически подошел к оценке некоторых деятелей венгерской социал-демократии.

Более глубокому познанию исторического развития Чехословацкой республики в 1918—1938 гг. будут содействовать также две книги в области политической экономии: Р. Вагнера — о капиталистических монополиях в Чехословакии[98] и Ф. Сточеса[99], в которой дан анализ земледельческого производства в буржуазной Чехословакии. Эти книги свидетельствуют о первых успехах чехословацких экономистов и показывают, какую большую пользу принесет марксистской историографии дальнейшее развитие политической экономии в Чехословакии.

В 1958 г. вышел в свет второй том фундаментального труда В. Краля по экономической истории чешских земель в период фашистской оккупации[100]. В первой части В. Краль подробно показал, как большинство чешских банковских и промышленных концернов стало добычей немецких монополий, особенно треста так называемых заводов Геринга. Во второй части автор анализирует положение чешских концернов, не поглощенных непосредственно германскими объединениями.

Не имея возможности изложить в данном обзоре все положения книги В. Краля, я хотел бы обратить внимание на то, что автор рассматривает не только экономическую сторону проблемы. Он сознает, что правильная оценка интересов чешской крупной буржуазии необходима для общей оценки роли буржуазии в период оккупации и в 1945 г., во время национальной и демократической революции. Благодаря этому монография В. Краля приобретает важное значение для понимания сложных событий, завершившихся майской революцией 1945 г. и связанных с окончательным поражением буржуазии в народно-демократической Чехословакии.

В 1958 г. широко развернулось изучение национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов против оккупантов. Тем самым более подробно освещаются корни национальной и демократической революции. Правда, пока речь идет лишь о небольших монографиях и статьях, но их ценность не вызывает сомнения. В одной из них освещена борьба нелегальной Коммунистической партии Чехословакии, стоявшей во главе национально-освободительной борьбы, за создание антифашистского народного фронта в 1941—1942 годах[101]. Я. Тесарж в статье «К некоторым вопросам изучения истории партизанского

---

[93] O. Káňa. Stávka horníků, kovodělníků a lučebníků na Ostravsku na jaře roku 1925. «Slezský sborník», 1958, № 56.

[94] Z. Holotíková. Mzdové pomery deputátnikov na Slovensku v rokoch 1920—1929. «HČ», 1958, стр. 369—404.

[95] R. N. Foustka. Otázka fašisace zákonodárství buržoasni Československé republiky. Praha. 1958 («Rozpravy ČSAV», řada SV, roč. 68, 1958, seš. 8).

[96] L. Kovář. KSČ v boji za jednotnou frontu proti fašismu. Praha. 1958.

[97] D. Csizmadia. Maďarský pracujúcí lud v ČSR v boji proti nastupujúcemu fašizmu v rokoch 1934—1935. «HČ», 1958, стр. 338—368.

[98] R. Wagner. Panství kapitalistických monopolů v Československu. Praha. 1958.

[99] F. Stočes. Postavení zemědělské malovýroby za kapitalisticke ČSR. Praha. 1958.

[100] V. Král. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích 1938—1945. 2. díl. Praha. 1958.

[101] J. Hříbek. Boj KSČ za vytvoření protifašisticke národní fronty v českých zemích. (Od. 2. pololetí roku 1941 do 2. pololetí roký 1942). «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, № 5.

движения»[102] подчеркнул историческую роль этого движения в чешских землях и определил некоторые из нерешенных проблем исторической науки в области изучения истории партизанского движения. По истории партизанского движения в Моравии в 1944—1945 гг. опубликованы некоторые документы[103].

Наиболее обширную научную работу о партизанском движении в Чехии написал Ч. Аморт[104]. Он осветил деятельность партизан Подбрдской области, показал значение партизанского движения на всей территории Чехословакии.

В дальнейшем важно проследить еще более четко связи партизан со всем чешским народом в период оккупации, всесторонне раскрыть значение партизанского движения в национальной и демократической революции.

И. Станек в книге «Измена и падение. Глинковские сепаратисты и так называемое Словацкое государство»[105] показал борьбу против оккупантов и словацких фашистов. Кульминационным пунктом народного движения явилось словацкое народное восстание 1944 года. Важной чертой этого первого этапа национальной и демократической революции была международная солидарность антифашистских сил[106].

Решающую роль в освобождении Чехословакии сыграла героическая Советская Армия. В ее рядах сражался 1-й Чехословацкий армейский корпус. Наиболее тяжелыми битвами, которые вел чехословацкий корпус, были бои у Липтовского Микулаше и в Малой Фатрже[107]. Они показали, что чехословацкие воины мужественно помогали своим советским братьям в борьбе против фашистских полчищ.

О замечательных успехах, достигнутых в развитии Словакии при народной власти, ярко говорят сухие на первый взгляд цифры и сведения об экономике и культуре Словакии в 1945—1957 годах[108].

Историческим событием 1958 г. явился XI съезд Коммунистической партии Чехословакии, который подвел итоги социалистических преобразований в стране. Съезд выдвинул новую грандиозную задачу — завершить строительство социализма в Чехословакии. «Задача завершения социалистического строительства,— как отметил в докладе на съезде первый секретарь ЦК КПЧ А. Новотный,— выражает волю трудящихся сделать Чехословацкую Республику еще богаче и сильнее и увеличить наш вклад в борьбу за мир и социализм во всем мире»[109].

Всех своих поистине замечательных успехов чехословацкий народ добился благодаря тому, что его усилия направляла Коммунистическая партия, прочно связанная с трудовым народом. «Наша партия,— заявил А. Новотный,— смело боролась со всеми недостатками и всегда учитывала потребности народа и республики. Она всегда была верна марксизму-ленинизму и честно выполняла свои интернациональные задачи»[110].

К XI съезду КПЧ были выпущены два сборника: «Чехословакия между IX—XI съездами КПЧ» и «От X к XI съезду КПЧ»[111],— содержащие документы и материалы, отражающие деятельность Коммунистической партии Чехословакии в экономической, политической и культурной областях. Эти сборники являются неоценимым пособием для изучения истории КПЧ, истории строительства социализма в Чехословакии.

★

Из работ по всеобщей истории следует упомянуть научные труды о связях между чехословацким и соседними народами.

В чехословацкой историографии имеется уже немало исследований по истории чехо-

---

[102] J. Tesař. K některým otázkám historické práce o dějinách partizánského hnutí, «Historie a vojenství», 1958, стр. 253—286.

[103] J. Klenovský. Dokumenty k partyzánskému hnutí na Moravě v letech 1944 az 1945. (ČMM, 1958, roč. 77, № 1-2).

[104] Č. Amort. Partyzáni na Podbrdsku. K historii národněosvobozeneckého boje českého lidu v letech 1939—1945. Praha. 1958.

[105] I. Staněk. Zrada a pád. Hlinkovští separatisté a tak zvaný Slovenský stát. Praha. 1958.

[106] J. Doležal. Bulharští antifašisté ve Slovenském národním povstaní. «Historie a vojenství», 1958, str. 120—135.

[107] B. Klípa. K bojům I. čs. armádního sboru v SSSR u Liptovského Mikuláše. «Historie a vojenství», 1958, str. 57—119; его же. Boj I. čs. armádního sboru v SSSR na Malé Fatře. «Historie a vojenství», 1958, стр. 205—252.

[108] «Slovensko 1945—1957». Hospodársky a kultúrny rozvoj. Bratislava, 1958.

[109] А. Новотный. Отчетный доклад XI съезду Коммунистической партии Чехословакии о деятельности Центрального Комитета и главные задачи текущего момента. Журнал «Коммунист», 1958, № 9, стр. 61.

[110] Там же, стр. 63.

[111] «Československo mezi IX.—XI. sjezdem KSČ». Praha. 1958; «Od desátého do jedenáctého sjezdu KSČ». Usnesení a dokumenty ÚV KSČ. Praha. 1958.

словацко-русских и чехословацко-советских отношений. В 1958 г. Чехословацко-советский институт издал сборник, посвященный чехословацко-русским отношениям в период национального возрождения и в XIX веке [112].

В сборнике показано, что симпатии чешского народа к русским братьям проявились уже во время пребывания русских войск в Моравии в 1805 году. Борьба декабристов также нашла живой отклик в Чехии, в особенности потому, что среди декабристов был и чех В. И. Враницкий. Существенно помог сближению украинского и чешского народов К. В. Зап во время своего пребывания в Галиции. Любовь к русскому народу помогла передовым представителям чешской общественности проводить различие между русским народом и реакционной политикой царизма. В сборнике помещен ряд интересных исследований на отдельные темы. Вместе с тем он показывает необходимость подготовить уже в ближайшее время обстоятельную обобщающую работу о советско-чехословацких отношениях в прошлом и настоящем.

Характер частного исследования носит сборник о влиянии русского реализма на развитие чешской литературы [113]. Важному событию в истории чехословацко-советских отношений — пятнадцатилетию заключения договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Чехословакией — посвятили свои статьи В. Котык и Я. Шедивый [114].

Ценным вкладом в изучение чехословацко-германских отношений является сборник статей, изданный чехословацко-германской исторической комиссией [115].

Из других трудов по всеобщей истории можно назвать лишь отдельные статьи и исследования. Й. Мацек показал, что П. Пэсслер играл выдающуюся роль не только в тирольской крестьянской войне, но в 1526 г. являлся высшим гетманом крестьянских армий, боровшихся в Пинцгау (Зальцбург) с феодалами [116]. Работа З. Млынаржа посвящена анализу программы «заговора равных» Бабефа в 1797 году [117]. О современном западногерманском империализме, его экономической базе и о реваншистских тенденциях опубликованы две статьи А. Шнейдарека [118]. Обзорную книгу о международном положении народного Китая после второй мировой войны написал Й. Штепановский [119].

★

Научная продукция 1958 г. в Чехословакии была обильной. Особенно следует отметить, что чехословацкие историки содействовали своими трудами изучению важных исторических событий, которые стояли в центре внимания всего народа. Тем самым чехословацкая историография содействовала социалистическому воспитанию трудящихся. В будущем, однако, необходимо больше внимания уделять теоретическим и методологическим проблемам, подготовке обобщающих работ. Надо отметить, что в исторической науке в Чехословакии все еще преобладает значительная распыленность, проявляющаяся в публикации мелких статей по частным темам.

В связи с этим возникает опасность позитивистской фактографии, которая может затормозить дальнейшее успешное развитие марксистской историографии в Чехословакии. Позитивистскому культу фактов марксисты должны всегда противопоставлять как единственно правильный метод анализа фактов наряду с глубоким решением теоретических проблем, основанным на творческом изучении произведений классиков марксизма-ленинизма. Для того, чтобы историческая наука в Чехословакии стала в еще большей степени помощником партии в деле завершения строительства социализма, еще активнее боролась против агрессии буржуазной идеологии и разобла-

[112] «Kapitoly z dějin vzájemných vztahů národů ČSR a SSSR». Sborník prací vydaných péčí Československo-sovětského institutu ČSAV. Praha. 1958.

[113] «Čtvero setkání s ruským realismem» (Příspěvek k dějinám ruskočeských literárních vztahů). Napsali E. Heřmanová, I. Svatoňová, J. Táborská, L. Zadražil. Praha. 1958.

[114] V. Kotyk, J. Sědivý. 15 let čs.—sovětské smlouvy. Praha. 1958; V. Kotyk. K historii vzniku československo-sovětské smlouvy. «Nová mysl», 1958, стр. 1087—1101.

[115] «Aus 500 Jahren deutsch-tschechoslowakischen Geschichte». Berlin 1958.

[116] J. Macek. Petr Pässler v tyrolské a salcburské válce. «ČSČH», 1958, стр. 3—32.

[117] Z. Mlynář. Politický program «Spiknutí rovných» v posledních letech Velké francouzské revoluce (Ke 160. výročí popravy vůdce spiknutí Graccha Babeufa. Журнал «Stát a právo», 1957, стр. 5—43.

[118] A. Šnejdárek. Německý imperialismus proti ČSR. Praha. 1958; его же. Německý imperialismus v současném kapitalistickém světě. «Nová mysl», 1958, стр. 329—341.

[119] J. Štěpanovský. Mezinárodní postavení Číny po druhé světové válce. Praha. 1958.

чала ревизионистские тенденции, чехословацким историкам необходимо еще глубже изучать марксистско-ленинскую теорию, осуществлять последовательный анализ источников на основе принципиального диалектико-материалистического подхода.

Научные результаты чехословацкой историографии в 1958 г. позволяют нам надеяться, что в будущем чехословацкие историки станут еще более активной и действенной силой в идеологической жизни своей страны.

Йозеф Мацек,
член-корреспондент Чехословацкой Академии наук, директор Института истории Чехословацкой АН

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ КИТАЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Изучением истории Китая в Чехословакии в первую очередь занимается Институт востоковедения Чехословацкой Академии наук. Его сотрудники-китаеведы, уделяя основное внимание литературно-исторической и лингвистической области, разрабатывают и историю Китая.

Основатель китаеведения в Чехословакии — академик Ярослав Прушек. Он начал свою научную деятельность с исследования истории нашествия гуннов, аваров, татар и других кочевников на Европу. Эта работа натолкнула его на мысль приступить к изучению истории восточной Азии и китайского языка. В 20-х годах Я. Прушек написал труд о древнейшем поселении в Северном Китае, о племенах Ти и Жунь. Позднее он защитил в Карловом университете в Праге диссертацию «Ти и китайские государства с XI по IV столетие до н. э.».

В начале 30-х годов Я. Прушек поехал в Китай, намереваясь посвятить себя занятиям по экономической и социальной истории страны. Но при изучении источников его увлекла средневековая народная литература, которая наряду с современной китайской литературой стала основной областью его научной деятельности.

Тем не менее в последующие годы академик Я. Прушек неоднократно возвращался к историческим сюжетам, написав ряд исследований: «Три учения об обществе в Китае» (Прага. 1940), «Конфуций, его время и теории» (введение к переводу «Изречений Конфуция». Прага. 1940), «Несколько замечаний о применении пороха в Китае» («Archiv Orientálni», 1952, № 20), а также много статей и рецензий. Его перу принадлежат работы «История Китая до 1279 г.» (в «Истории человечества». Т. I. Прага. 1940) и «Китайский народ в борьбе за свободу» (Прага. 1949).

Я. Прушек нашел последователей в лице своих многочисленных учеников. А. Палат исследует экономическую и социальную историю эпохи Сун, а также некоторые вопросы современной китайской истории, как, например, взаимоотношения между ханьской нацией и национальными меньшинствами. Ему принадлежит труд «Очерк общественного устройства в эпоху Северной Сун по роману «Шуйхучуань». А. Палат завершает свою работу «Ван Ань-ши и его время».

Т. Покора преимущественно изучает древнюю китайскую историю и философию. Им написано исследование о выдающемся философе эпохи Хань — Вань Чуне. Кандидатскую диссертацию автор посвятил другому философу эпохи Хань — Хуань Таню. Перу Т. Покоры принадлежат также такие работы, как «Русская революция 1905 года и Китай» («Sovětská historie», 1955, № 6), «Свод законов Ли Куя — двойная фальсификация» («Ar. Or.», 1959, № 1), «Коменский в Китае» («Acta Comeniana», 1958, № 2). Подготовлена к печати книга Т. Покоры, З. Слупки и В. Стамбергера «На рубеже старого и нового Китая. Движение 4 мая 1919 года».

Новейшей историей Китая занимается также Й. Фасс, автор исследования о буржуазно-демократической революции 1911 г. в Китае, а также работ о деятельности китайских революционеров в провинции Хубэй и о восстании в Учане в 1911 году.

Наряду с Институтом востоковедения современную китайскую историю изучает Институт международной политики и экономики. Его сотрудник Й. Штепановски

написал книгу «Международное положение Китая после второй мировой войны» (Прага. 1958)

Большое внимание уделяется истории Китая на кафедре филологии и истории Дальнего Востока филологического факультета Карлова университета, где подготавливаются кадры молодых китаеведов. Студенты, специализирующиеся по этой кафедре, слушают двухлетний курс истории Китая. Те же, кто посвящает себя изучению китайской истории, получают дополнительную подготовку.

Чехословацкие китаеведы уверены, что в содружестве с китайскими и советскими специалистами они значительно расширят исследование истории Китая в Чехословацкой Республике.

Йозеф Фасс

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ КИТАЕВЕДЕНИЯ

С 7 по 12 сентября с. г. в Кембридже (Англия) проходила очередная (XII) международная конференция по проблемам китаеведения.

На конференции присутствовало около 140 ученых из 15 стран: Англии, ГДР, Голландии, Дании, Италии, Польши, СССР, США, Турции, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Японии. Советскую науку представляла делегация в составе 13 человек: Ю. И. Березиной, Е. В. Виноградовой, В. П. Журавлевой, Б. Н. Занегина, Б. С. Исаенко, А. И. Картуновой, Ю. А. Левады, М. И. Сладковского, Н. В. Солнцевой, В. Ф. Сорокина, Г. Д. Сухарчука, Н. К. Чеканова, М. Е. Шнейдера. Академия наук Китайской Народной Республики приняла приглашение организаторов конференции и назначила делегацию из 5 человек во главе с профессором Хоу Вай-лу. Однако английские власти воспрепятствовали приезду китайских ученых в Кембридж, задержав им выдачу виз.

Наряду с большим количеством молодых научных работников, преподавателей и аспирантов различных стран в конференции приняли участие видные ученые: английская синология была представлена доктором А. Вэйли, профессорами Е. Г. Пулеблэнком, В. Саймоном, Х. Дабсом, П. ван дер Пуном, докторами В. Парселлом, Б. Шиндлером, Д. С. Твитчетом, Д. Чиннери, Д. Д. Хэнаном, Д. Грэйем и др.; от Чехословакии присутствовали академик Л. Прушек и Т. Покора; от Польши — профессор Я. Хмелевский; большая группа китаеведов приехала из Голландии, включая профессора А. Ф. П. Хулсвэ; Францию представляли Ж. Шэно, Р. Рульман, Ж. Жернэ, А. Рыгалов и др.; Италию — профессор И. Л. Ланчиотти, доктор П. Корадини, профессор М. Бенедиктер и др.; ФРГ — профессора В. Франке, В. Зойберлих и др.; Данию — профессор С. Егерод; США — профессора Дж. Юнг, Чжан Синьбао; Японию — профессора Это Синкити и Мурамацу Юдзи.

В отличие от большинства предшествующих конференций в Кембридже не была заранее установлена генеральная тема. Это обстоятельство (кстати сказать, встреченное с одобрением большинством участников конференции) позволило докладчикам свободно избрать темы своих сообщений.

Конференция заслушала 21 доклад [1]: 8 — по истории, 6 — языку, 5 — литературоведению, 1 — некоторым проблемам права и 1 — о преподавании китайского языка в начальной и средней школе. Таким образом, по своему направлению она была преимущественно историко-филологической, причем некоторые лингвистические и литературоведческие доклады по предмету или цели исследования также являлись историческими. По-прежнему в программе почти отсутствовали доклады о современном Китае и по проблемам экономики, что, на наш взгляд, следует расценивать как серьезный пробел в работе конференции [2].

Вместе с тем представленные конференции доклады на исторические темы позволяют сделать вывод о росте интереса исследователей к более близким к современ-

---

[1] Кроме того, были прочитаны две лекции: о китайской керамике (Чжэн Дэ-кунь) и китайской музыке (Л. Е. Р. Пиккен).

[2] Предложенный советской делегацией доклад Г. Д. Сухарчука «Опыт массового ирригационного строительства в КНР» не был включен в программу конференции.

ности периодам, в частности к истории Китая нового времени: из 8 докладов 4 были посвящены именно этому периоду. Характерно, что для докладов были избраны важнейшие события новой истории: движение за реформы в конце XIX в., восстание няньцзюней, восстание Ихэтуань. По этим вопросам и развернулись наиболее оживленные прения.

По предложению организаторов конференции на первом заседании был зачитан доклад «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и иностранные державы», автор которого советский ученый, доктор исторических наук С. Л. Тихвинский не смог прибыть в Англию ввиду отсутствия визы. В дискуссии по докладу приняла участие большая группа китаеведов. Некоторые из участников обсуждения (М. П. Бакстон, Ло Хуэй-мин, Д. Грэй, С. Бредт), возражая С. Л. Тихвинскому, пытались обелить захватническую британскую политику в Китае конца XIX в., изобразить ее, вопреки фактам, как политику, направленную не на раздел страны, а на превращение ее в «современное капиталистическое государство». Так, М. П. Бакстон утверждал, будто правительство Англии не имело агрессивных намерений в Китае и осуществляло здесь «спокойную и консервативную» политику. По мнению Д. Грэя, Англия менее других империалистических держав стремилась к разделу страны, так как область своих интересов она не ограничивала каким-либо одним из ее районов При этом основной сферой британских интересов являлась якобы торговля, а готовность английского правительства к разделу Китая была проявлена лишь под давлением других держав [3].

Несостоятельность данной концепции совершенно очевидна. Как показал в своей недавно вышедшей из печати книге С. Л. Тихвинский [4], Англия стремилась не к возрождению Китая в качестве сильного самостоятельного государства, а к установлению безраздельного господства в этой стране путем полного подчинения пекинского правительства и передачи под контроль англичан китайских сухопутных, морских и полицейских сил. В этой связи становится понятной тенденциозность и другого тезиса английских историков, а именно, что цели Великобритании в Китае якобы не противоречили целям китайских реформаторов. На самом деле, как видно из доклада, между требованиями реформаторов, стремившихся к развитию отечественной промышленности, и империалистическими вожделениями английских капиталистов, преследовавших цели экономического закабаления страны, не было и не могло быть ничего общего.

В поддержку положений, выдвинутых в докладе С. Л. Тихвинского, выступили Ж. Шэно (Франция), Ю. Мурамацу (Япония), М. И. Сладковский (СССР).

Ци Ю (Франция) сделал сообщение на тему «Чжень Гуань-инь — предшественник движения за реформы». С докладом «Современное состояние знаний о Боксерском (?!) восстании» [5] выступил английский китаевед — специалист по новой истории Китая В. Парселл.

Как известно, в исторической литературе существуют две оценки этого важного этапа национально-освободительной борьбы китайского народа. Советские историки и историки КНР рассматривают движение Ихэтуань как проявление народного протеста против империалистической агрессии и феодального гнета. Поддержка восстания цинским правительством объяснялась попыткой внутренней реакции отвлечь от себя народный гнев и направить его против иностранцев. Эта концепция отчетливо обоснована в книге Цзинь Цзя-жуя «Движение Ихэтуань», вышедшей в 1957 г. в Шанхае [6].

В. Парселл не разделяет данной точки зрения. Он исходит из общепринятого среди буржуазных историков взгляда, что движение Ихэтуань было инспирировано правящей верхушкой Китая с целью оказать давление на иностранцев. Разумеется, такая ложная посылка лишила автора возможности правильно понять причины народного выступления. Другим слабым местом доклада явилось отсутствие анализа документов повстанцев.

С возражениями против неверной трактовки восстания Ихэтуань выступили Я. Прушек (Чехословакия), Ж. Шэно (Франция) и другие участники конференции.

Оживленно дискутировался в прениях до-

---

[3] Несколько позже Д. Грэй, отвечая на возражения советского китаеведа М. И. Сладковского, вынужден был оговориться, что он не имел в виду оправдывать британский империализм в целом.

[4] С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй. М. 1959, стр. 281—292.

[5] Так в западноевропейской литературе неправильно называют восстание Ихэтуань.

[6] См. рецензию на это издание в журнале «Вопросы истории», 1959, № 2.

клад Н. К. Чеканова «К вопросу о периодизации восстания няньцзюней 1853—1868 гг.». Предложенная автором периодизация не вызвала возражений. Внимание участников конференции было сосредоточено на вопросах о характере и причинах поражения восстания. Немецкий историк В. Франке (Гамбург, ФРГ), например, отрицал классовый характер движения и его антифеодальную направленность. Он утверждал, что няньцзюни не отличались от «традиционных тайных сект» и не пользовались поддержкой населения. Свой тезис В. Франке аргументировал главным образом тем, что у повстанцев якобы не было положительной социальной программы. В действительности няньцзюни уже в 1855 г., то есть через два года после начала восстания, выдвинули определенные демократические требования, изложив их в обращении руководителя восстания Чжан Ло-сина к народу. Позднее, в 1864 г., они, как известно, взяли на себя задачу восстановления тайпинского государства, о чем писал в своей автобиографии вождь восточных няньцзюней Лай Вэнь-гуан.

Другие участники дискуссии — Парселл, Грэй, Бакстон, Ло Хуэй-мин (Англия) — пытались поставить под сомнение тезис доклада о том, что вмешательство капиталистических держав во внутренние дела Китая послужило одной из причин поражения восстания. Однако оппонентам не удалось опровергнуть приведенные в докладе факты, свидетельствующие о том, что иностранная интервенция проводилась в целях подавления восставших. В докладах Т. Гримма (ФРГ) «Некоторые аспекты чжентри провинции Цзянси в период Мин» и Д. С. Твитчета (Кембридж) «Родовая организация и социальные изменения в периоды Сун и Мин» были приведены интересные фактические материалы из источников. Однако авторы не дали в своих исследованиях анализа общественно-экономических отношений, и поэтому им не удалось сделать правильные выводы о месте изучаемых явлений в историческом процессе того времени.

Истории общественной мысли Китая посвятил свой доклад Т. Покора (Чехословакия) — «Новые данные по поводу проникновения буддизма в Китай». Изучив и сопоставив большое количество западноевропейских работ по этому вопросу, а также некоторые первоисточники, Т. Покора пришел к выводу, что первое знакомство китайцев с буддизмом произошло, видимо, в период военных походов У-ди (II—I вв. до н. э.) в Центральную Азию. При этом автор считает, что путь в Китай буддизму проложили йоги, чьи магические приемы «более привлекали простой народ, нежели абстрактные принципы буддийских теорий».

К истории общественной мысли относился также доклад известного французского специалиста по философии буддизма Ж. Жернэ «Поиски истины в Китае в V—III вв. до н. э.».

Завуалированной объективистской фразеологией, попыткой бросить тень на достижения КНР явился доклад К. Грюлля (ФРГ) «Некоторые основные идеи в современном уголовном праве Китая». Докладчик пытался путем формального сопоставления текстов и отдельных формулировок, взятых из законов КНР и гоминьдановского Китая, поставить на одну доску абсолютно несопоставимые вещи. Выводы автора были крайне легковесными, так как он не располагал какими-либо материалами о юридической практике КНР.

Как отмечалось выше, ряд литературоведческих и лингвистических докладов примыкал по своей тематике к группе исторических докладов.

Так, сообщение Ярослава Прушека (Чехословакия) было посвящено выяснению социального значения обличительного романа начала XX в. «Путешествие Лао Цяня» китайского писателя Лю Э. Английский литературовед П. Хэнан в своем докладе убедительно показал влияние китайской драмы на известный роман Минского периода «Цзинь, Пин, Мэй». В частности, докладчик отметил факты заимствования автором романа фрагментов из пьес Минского периода, а также использования в романе некоторых характерных для драмы персонажей и стилистических приемов.

Артур Вэйли ознакомил конференцию со своими последними переводами «Оды о Хань Пэне» и дал обзор различных точек зрения по датировке этого памятника средневековой китайской литературы.

Советский литературовед В. Ф. Сорокин сделал доклад о литературных и теоретических взглядах Мао Дуня начала 20-х годов.

С докладами по китайскому языкознанию выступило 6 человек. В основном были затронуты различные проблемы древнего китайского языка и вопросы методики исследования текстов исторических памятников. К таким докладам принадлежало сообщение профессора Е. Г. Пулеблэнка «Истори-

ческий метод и лингвистическое исследование в приложении к классическому китайскому языку», а также сообщение У Шичана (Англия) о языке средневекового китайского романа «Хунлоумын» («Сон в Красном Тереме»). Автор второго сообщения подверг критике исследование этого памятника, выполненное Б. Карлгреном, и убедительно показал несостоятельность выводов последнего. Выступивший в прениях по докладу А. Вэйли указал на необходимость критического отношения к методу Б. Карлгрена и советовал больше опираться на научные результаты работ китайских ученых. Темой доклада голландского лингвиста Д. Мулдера явились вопросы морфологии отрицаний в древнем китайском языке. Я. Хмелевский (Польша) выступил с сообщением о ранних заимствованиях в китайском языке. Советский лингвист Б. С. Исаенко сообщил о результатах своего исследования слов со связанным значением в современном китайском языке. Доклад советского лингвиста Н. В. Солнцевой также был посвящен современному китайскому языку («Проблема морфологии в китайском языке»).

В сообщении Б. Н. Занегина о преподавании китайского языка в советской начальной и средней школе было показано, что преподавание китайского языка имеет давнюю традицию в СССР. Автор привел последние данные, характеризующие организацию и первые результаты преподавания китайского языка в школах Советского Союза. Сообщение вызвало оживленную дискуссию (выступило более 10 человек). Был поднят вопрос об унификации транскрипции китайских иероглифов во всех странах.

На заключительном заседании конференция приняла резолюцию, в которой содержалась рекомендация включить в повестку дня XIII конференции вопрос о возможности применения фонетического алфавита, существующего в КНР, для транскрибирования китайских иероглифов во всех странах. В связи с этим делегатам конференции в Кембридже было рекомендовано рассмотреть в своих странах вопросы, связанные с переходом на китайскую транскрипцию.

На заключительном заседании конференция рассмотрела организационные вопросы. Представитель советской делегации от имени Президиума Академии наук СССР повторил приглашение Академии провести XIII международную конференцию синологов в августе 1960 г. в СССР. Это приглашение было положительно встречено присутствующими.

На заседании по предложению Я. Прушека, Ж. Шэно и П. Хэнана была единогласно принята резолюция, в которой выражалось сожаление по поводу того, что делегация Китайской Народной Республики не смогла прибыть на конференцию.

Б. Н. Занегин,
Н. К. Константинов

Хроникальные заметки

В сентябре с. г. в Праге состоялся III съезд чехословацких историков. На съезде были заслушаны и обсуждены доклады: «Задачи исторической науки в период завершения строительства социализма», «Чехословацкая историческая наука с 1945 г. и перспективы ее дальнейшего развития», «Фальсификация чехословацкой истории в западной историографии», «Историческая роль рабочего класса в борьбе за свободу чешского и словацкого народов».

В Чехословацкой Республике вышел в свет первый том издаваемого Чехословацкой Академией наук исторического сборника «Historica». Сборник, который будет выпускаться ежегодно, имеет своей целью знакомить отечественных и зарубежных читателей с важнейшими результатами работы чехословацких ученых во всех областях исторической науки, расширить научные связи чехословацких историков с зарубежными. В сборнике предполагается публиковать исследования по общеисторическим, методологическим и другим проблемам. Каждый том будет содержать также разделы критики, библиографии и хроники научной жизни в Чехословакии. Наиболее важные статьи сборника публикуются на русском, английском, французском, немецком и других языках.

В первом томе сборника помещены статьи Й. Поулика о результатах археологических исследований, относящихся к эпохе Великоморавской державы, Ф. Грауса из истории раннего феодализма, П. Раткоша, изучившего важный венгерский документ XIV в., Й. Мацека о начале крестьянской войны в

Тироле, Я. Патоцки о результатах изучения жизни и творчества Яна Коменского, А. Шнейдарека по истории мюнхенского предательства и др.

Во втором томе сборника предполагается опубликовать статьи о так называемом «втором закрепощении» в Богемии, из истории Великоморавской державы, о промышленной революции в чешских землях и др.

◆ В 1959 г. в Польской Народной Республике был создан Военно-исторический институт. В его задачу входит исследование истории второй мировой войны. В институте работают в настоящее время четыре сектора: истории Народного Войска Польского; истории вооруженной борьбы в период оккупации; истории польских вооруженных сил на Западе; истории предвоенной польской армии и сентябрьской кампании 1939 года. Предполагается, что результатом исследований будет многотомное издание «История Освободительной войны польского народа в 1939—1945 гг.». В настоящее время в институте ведется интенсивная работа по подготовке к печати книги «Освободительная война польского народа в 1939—1945 гг. Основные проблемы», которая выйдет в свет в 1960 году.

В составе института работает также сектор войн прошлого, который готовит к печати «Очерк военного дела в Польше до 1864 г.».

◆ В Польской Народной Республике готовится 10-томная публикация «Источники по истории рабочего класса польских земель». В сборники войдут документы властей, рапорты фабричных инспекторов, листовки и др. материалы. Публикация охватывает период от 60-х годов XIX в. до нынешних дней. Подготовкой документов занимается специальная комиссия при Институте истории ПАН. В июле 1959 г. будут сданы в издательство первые два тома издания, охватывающие 1864—1900 гг. (земли Королевства Польского). Заканчивается работа над III томом, в который войдут материалы других польских земель за те же годы.

◆ В Польской Народной Республике в связи с тысячелетием польского государства издается «Географический словарь средневековой Польши». Основу для словаря составляют исторические источники (податные документы начала XVI в., более ранние хроники и материалы). В словаре дается социально-экономическая характеристика населенных пунктов вплоть до XVI века. Первый том посвящен Силезии.

◆ Ученые Польской Народной Республики проводят большие археологические изыскания в Поморье. Установлено, что решающую роль в развитии крупнейших городских поселений этого района в VII—XII вв. играли славяне. Вопреки утверждениям буржуазных историков доказано, что Поморье было заселено не норманнами, а славянскими племенами. Среди находок особый интерес представляет славянская ладья, обнаруженная на берегу озера Леба вблизи Щецина и относящаяся к X—XII векам. Интересно, что эта ладья была еще в довоенный период обнаружена германскими археологами, но затем снова засыпана, чтобы скрыть от науки эту находку.

◆ В Китайской Народной Республике готовится издание энциклопедии, написанной в эпоху династии Тан (618—907 гг.). Она дает ценный материал для изучения древней истории Китая. Энциклопедия состоит из 100 томов и содержит 48 разделов, в том числе история, литература, география, астрономия, земледелие и т. д. Для создания этой энциклопедии китайские ученые того времени использовали 1 400 книг, большая часть которых не дошла до нас.

◆ Институт археологии Словацкой Академии наук совместно с чешскими и венгерскими археологами начал раскопки в районе Вышеграда (Южная Словакия), подлежащем затоплению в связи со строительством на Дунае совместной венгерско-чехословацкой ГЭС. Здесь были открыты остатки четырех римских сторожевых башен и лагерей двух римских легионов. Около 400 лет этот район был границей Римской империи. Найдены также остатки сельских поселений эпохи раннего каменного века, кладбища и поселения эпохи бронзы и железа. Постоянная археологическая экспедиция будет работать в этом районе до 1962 года.

◆ Египетскими учеными в Марокко обнаружены арабские рукописи, которые датированы первой половиной VIII в. н. э. Автором одной из них является арабский поэт Аль-Хафиз. Манускрипт написан на пергаменте и представляет собой описание жизни древнего Багдада. Второй документ рассказывает о жизни арабской аристократии, законах, обычаях и верованиях арабов в VII в. н. э. Датированная 808 г. н. э., эта рукопись является самой древней из всех известных до сих пор образцов литературы Востока, написанных на бумаге.

О КОНКУРСЕ НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ в 1960 году

Отделение исторических наук Академии наук СССР сообщает, что в 1960 г. состоится присуждение премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, в размере 10 000 рублей. Премия присуждается советским ученым за лучшие работы по этнографии и антропологии, а также географии Восточной, Юго-Восточной Азии и Океании.

В конкурсе могут участвовать: отдельные лица, персонально; коллективы авторов, выполнившие выдвигаемую на соискание премии научную работу.

Право выдвижения кандидатов на соискание премии предоставлено: научным учреждениям СССР и союзных республик (научно-исследовательским институтам), высшим учебным заведениям, научным обществам, действительным членам и членам-корреспондентам АН СССР.

Организации и отдельные лица, выдвинувшие кандидатов на соискание премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая, должны представить в Отделение исторических наук АН СССР (Москва, Г-19, Волхонка, 14) к 1 апреля 1960 г. следующие документы и материалы с надписью: «На соискание премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая»:

а) опубликованную научную работу в трех экземплярах. Примечание. Ранее премированные работы на конкурс не принимаются;

б) материалы обсуждения научной общественностью, отзывы или опубликованные рецензии;

в) автореферат научного труда объемом до 0,25 авт. листа;

г) краткие биографические сведения о соискателе с перечнем его основных научных работ.

Отделение исторических наук АН СССР

內 容

論 文

德意志民主共和国十周年……德意志民主共和国总理奥托·格罗提渥
在开展共产主义建設时期党的領导作用的增长……盖·季·奥比契金
莫斯科工人参加农业急剧高涨方面的工作（1953—1957）……莎·丽·沙特希娜
俄国无产阶級在1914—1916年的革命斗爭……伊·伊·明茨院士
中华人民共和国在解决民族問題方面的成就……Чен Синь-минь（中华人民共和国）

討論与商榷

談俄国封建主义的"兴盛"和"沒落"阶段……伊·瓦·庫兹涅佐夫

編史学

研究1917—1932年国民經济委員会史的若干总結……弗·季·德罗比日夫、T.A.伊格納田科
关于美国資产阶級历史学中現代流派的問題……格·阿普帖凱尔（美国）
1853—1868的捻軍起义……尼·科·契卡諾夫

情 报

摘自俄罗斯領地制史……亚·亚·季明

書 評

历史科学在苏联

苏联科学院攷古学研究所的七年工作計划……尼·雅·莫尔彼尔
苏联科学院东方学研究所1959—1965年的科学研究計划……巴·安·布罗文齐諾夫
"历史問題"杂志編輯部1959—1965年远景編輯工作計划的討論。論国立
大学历史係的工作……列·彼·波里索夫
国立政治出版社关于苏联对外政策和国际关係的新書……弗·謝·貝科夫、奥·維·巴捷耶夫
"苏联历史百科全書"……瓦·波·伊凡諾夫
加里宁州国立档案館的手稿收藏品……伊·季·阿納什金

历史科学在海外

捷克斯洛伐克历史家1958年的工作概論……捷克科学院通訊院士、捷克科学院历史研究所所长
約瑟夫·馬采克
在捷克斯洛伐克对中国历史的研究……約瑟夫·法斯（捷克斯洛伐克）
第十二次国际中国学問題会議……波·尼·查涅京、尼·康·康士坦丁諾夫
談苏联科学院1960年米克卢霍—馬克拉伊奖金竞賽会

CONTENTS

Articles: **Otto Grotewohl, Chairman of the GDR Council of Ministers.** Ten Years of the German Democratic Republic; **G. D. Obichkin.** The Party's Growing Guiding Role in the Period of Comprehensive Communist Construction; **S. L. Shathina.** The Moscow Workers' Part in the Sharp Upswing in Agriculture (1953-57); **Academician I. I. Mints.** The Russian Proletariat's Revolutionary Struggle in 1914-16; **Chang Hsin-min** (CPR). The CPR's Successes in the Solution of the National Question. Discussions. **I. V. Kuznetsov.** The Rise and Fall of Feudalism in Russia. Historiography. **V. Z. Drobizhev and T. A. Ignatenko.** Some Results of the Study of the History of the People's Economic Councils in 1917-32; **H. Aptheker** (U.S.A.). A propos of the Recent Trends in U.S. Bourgeois Historiography; **N. A. Chekanov.** The Nien Rebellion of 1853-68. Reports. **A. A. Zimin.** The History of Landed Property in Russia. Historical Science in U. S. S. R. **N. Y. Merpert.** The Seven-Year Plan of Work of the Archeological Institute of the U.S.S.R. Academy of Sciences; **P. A. Brovtsinov.** The Scientific Research Plan of the Institute of Oriental Studies of the U.S.S.R. Academy of Sciences for 1959-65; **L. P. Borisov.** The Discussion of the Long-Range Plan of Work of the "Problems of History" Editorial Board for 1959-65. On the Work of the History Departments of State Universities. **V. K. Baikov and O. Vadeyev.** New Gospolitizdat (State Publishers of Political Literature) Books on the U.S.S.R.'s Foreign Policy and International Relations; **V. B. Ivanov.** The Soviet Encyclopedia of History; **I. D. Anashkin.** Collections of Manuscripts of the Kalinin Region State Archives. Historical Science Abroad. On the Entries for the N. N. Miklukho-Maklai Prizes of the U.S.S.R. Academy of Sciences for 1960.

SOMMAIRE

Articles: **Otto Grotewohl, Président du Conseil des ministres de la R.D.A.** Le 10-e anniversaire de la République Démocratique Allemande; **G. D. Obitchkin.** L'élévation du rôle du parti en tant qu'éducateur dans la période de l'édification en grand du communisme; **S. L. Chatkhina.** Participation des ouvriers de Moscou au progrès rapide de l'agriculture (1953—1957); **I. I. Mints, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** La lutte révolutionnaire du prolétariat de la Russie en 1914—1916; **Chang Hsin-min** (Chine). Les succès de la R.P.C. dans la résolution de la question des nationalités. Discussions et délibérations: **I. V. Kouznétsov.** A propos des stades « ascendant » et « descendant » du féodalisme en Russie. Historiographie: **V. Z. Drobijev, T. A. Ignatenko.** Quelques bilans des études de l'histoire des conseils de l'économie nationale en 1917—1932; **H. Aptheker (U.S.A.).** Sur la question des courants d'aujourd'hui dans l'historiographie bourgeoise des U.S.A.; **N. K. Tchékanov.** L'insurrection de Nien en 1853—1868. Communications: **A. A. Zimin.** De l'histoire de la propriété foncière en Russie. Critique et bibliographie. Science historique en U.R.S.S.: **N. J. Merpert.** Le plan septennal du travail de l'Institut de l'archéologie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.; **P. A. Brovtsinov.** Le plan des recherches scientifiques de l'Institut des études orientales de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. pour 1959—1965; **L. P. Borissov.** Délibération du plan perspectif du travail de la revue « Voprosy istorii » pour 1959—1965; Sur le travail des facultés historiques des universités d'Etat; **V. S. Baikov, O. V. Vadéev.** Nouveaux livres des Editions politiques de l'Etat sur les questions de la politique extérieure de l'U.R.S.S. et des relations internationales; **V. B. Ivanov.** « Encyclopédie historique soviétique »; **I. D. Anachkin.** Collection des manuscrits de l'archive d'Etat de la région de Kalinin. Science historique à l'étranger. Sur la compétition de la prime N. N. Miklukho-Maklai de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.

INHALT

Artikel: **Otto Grotewohl, Vorsitzender des Ministerrats der DDR.** 10 Jahre Deutsche Demokratische Republik; **G. D. Obitschkin.** Die Zunahme der führenden Rolle der Partei in der Periode des entfalteten Aufbaus des Kommunismus; **S. L. Schatchina.** Der Anteil der Moskauer Arbeiter am steilen Aufschwung der Landwirtschaft (1953—1957); **Akademiemitglied I. I. Minz.** Der revolutionäre Kampf des russischen Proletariats in den Jahren 1914—1916; **Chang Hsin-min** (China). Die Erfolge der Volksrepublik China bei der Lösung der nationalen Frage. Diskussionen und Besprechungen: **I. W. Kusnezow.** Über das „aufsteigende" und „absteigende" Stadium des Feudalismus in Rußland. Historiographie: **W. E. Drobishew, T. A. Ignatenko.** Einige Ergebnisse des Studiums der Geschichte der Volkswirtschaftsräte in den Jahren 1917—1932; **H. Apotheker** (USA). Zur Frage der modernen Strömungen in der bürgerlichen Historiographie der USA; **N. K. Tschekanow.** Der Nien-Aufstand 1853—1868. Mitteilungen: **A. A. Simin.** Aus der Geschichte des Landadel-Grundbesitzes in Rußland. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **N. J. Merpert.** Der Siebenjahrplan des Archäologie-Instituts der Akademie der Wissenschaften der UdSSR; **P. A. Browzinow.** Der Plan wissenschaftlicher Forschungsarbeiten des Instituts für Orientalistik der Akademie der Wissenschaften der UdSSR in den Jahren 1959—1965; **L. P. Borissow.** Besprechung des Perspektivarbeitsplans der Redaktion der Zeitschrift „Woprossy istorii" für 1959—1965; Über die Tätigkeit der historischen Fakultäten an den Staatsuniversitäten; **W. S. Baikow, O. W. Wadejew.** Neue Bücher des Staatsverlags für politische Literatur zu Fragen der Außenpolitik der UdSSR und den internationalen Beziehungen; **W. W. Iwanow.** „Die sowjetische Geschichts-Enzyklopädie"; **I. D. Anaschkin.** Handschriftensammlungen im Staatlichen Archiv des Gebiets Kalinin. Die Geschichtswissenschaft im Ausland. Über die Bewerbung um die N.-N.-Miklucho-Maklai-Prämie der Akademie der Wissenschaften der UdSSR für das Jahr 1960.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.

А 01002. Подписано к печати 25/X 1959 г. Тираж 28 250 экз.
Изд. № 1599. Заказ № 2307. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.— 19,18 печ. л

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

ІЮ КАЙ-ЯН. **Цинь мо нунминь ньчжэн шимо.** (Крестьянские вой- в конце правления династии Цинь). кин. 1959. 98 стр.

ІИ ШИ-ЮЕ. **Цзиньдай Чжунго ь янцзяо юньдун.** (Антииностран- движения в Китае в период но- истории). Пекин. Жэньминь чу- ьшэ. 1958. 2, 118 стр.

Іи Да-чжао сюаньцзи. (Избранные изведения Ли Да-чжао). Пекин. ньминь чубаньшэ. 1959. 570 стр.

Уань хуэйды усы. (Славное движе- «4 мая» 1919 г.) Пекин. Чжунго нянь чубаньшэ. 1959. 8, 202 стр.

сы юньдун хуэйи лу Чжунго оеюань лиши яньцзюсо ди сонь бянь. (Воспоминания участников жения «4 мая». Сб. сост. 3-й ин- тут истории АН КНР). Пекин. унхуа шуцзюй. 1959. 5, 266 стр.

ІУ СИНЬ. **Цзинь Суй цзефан цюй ьбин канжи доучжэн саньцзи.** рьба народного ополчения осво- денных районов Шаньси и Суй- я против японских захватчиков). нхай. Шанхай жэньминь чубань- 1959, 3, 175 стр.

Іэйго похай хуагун шиляо. (Экс- атация китайских рабочих-эми- нтов в Америке). Пекин. 164 стр.

уаньюй Сицзан вэньти вэньсюань. орник документов по тибетскому росу). Вып. 1. Пекин. 1959. 75 стр.

ИМИТРОВ М. **Любен Каравелов.** графия. София. Изд-во на БАН. 9. 408 с.

ЕЛКОВ В. ИВ. **Градът в Тракия Дакия през късната античност -VI в.** Проучвания и материали. ия. Изд-во на БАН. 1959. 288 с.

LIVA P. **Pannonie a počátky kri- římského imperia.** Praha. ČSAV. 9. 357 s.

ROBELNÝ A. **Češi a Poláci ve sku a letech 1848—1867.** Přípra- studie z dějin národního a dělnické- hnutí. Ostrava. KN. 1958. 367 s.

RBOVA P. **Hlavní otázky vzniku a oje českého strojírenství do roku 8.** Praha. NČSAV. 1959. 319 s.

ERDYCH V. **Mauthausen.** K histo- odboje vězňů v koncentračním tábo- Mauthausen. Praha. NV. 1959. s.

ACHORSKI A. **Stanisław August tyk.** Warszawa. KIW. 1959. 432 s.

oznik polityczny i gospodarczy. 8. Warszawa. PWG. 1958. 1403 s.

TUROWSKI J. **Utopia społeczna Ludwika Królikowskiego 1799—1878.** Warszawa. Pax. 1959. 243 s.

WÓJCIK Z. **Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza.** Warszawa. PWN. 1959, 279 s.

KARPIŃSKI A., RAKOWSKI M. **Gospodarka Polski natle gospodarki świata.** Wyd. 2, uzupełn. i rozszerz. Warszawa. KIW. 1959. 300 s.

Crestomaţie pentru studiul istoriei statului şi dreptului R.P.R. Vol. 2. Feodalismul I. Intocmită de Pascu Şt. şi Hanga V. Bucureşti. ES. 1958. 871 p.

Documente privitoare la economia ţării romîneşti. 1800—1850. Culese de J. Gojocaru. Bucureşti. Ed. ştiinţifică. 1958. Vol. I. VI, 487 p.; vol. II. 487—1076 p.

DAN M. **Sub flamura táborului.** Bucureşti. Ed. tineretului. 1959. 344 p.

ZIMM A. **Die Entwicklung des Industriestandortes Berlin.** Tendenzen der geogr. Lokalisation bei den Berliner Industriezweigen von überrörtlicher Bedeutung sowie die territoriale Stadtentwicklung bis 1945. Berlin. Deutsch. Verl. der Wissenschaften. 1959. 228 S.

LATOUCHE R. **Le film de l'histoire médiévale en France, 843—1328.** Paris. Arthaud. 1959. 412 p.

BERTIER DE SAUVIGNY G. de. **Metternich et son temps.** Paris. Hachette. 1959. 272 p.

BERSIHAND R. **Histoire du Japon des origines à nos jours.** Paris. Payot. 1959. 492 p.

L'étranger. Pt. 1—2. Bruxelles. Éd. de la Librairie encyclopédique. 1958. 402, 592 p.

The Concise Encyclopedia of World History. Ed. by J. Bowle. London. Hutchinson. 1958. 511 p.

RICHARDS D. **Britain under the Tudors and Stuarts.** London. Longmans, Green. 1958. XI, 402 p.

PETRIE CH. **The Jacobite Movement.** London. Eyre and Spottiswoode. 1959. 499 p.

McCORD N. **The Anti-corn law league. 1838—1846.** London. Allen and Unwin. 1958. 226 p.

PINKNEY D. H. **Napoleon III and the rebuilding of Paris.** Princeton (N. Y.). Princeton univ. press. 1958. X, 245 p.

BRUCE M. **The Shaping of the Modern World. 1870—1914.** New York. Random house. 1958. XIII, 970 p.

JOLL J., editor. **The Decline of the Third Republic.** London. 1959. 125 p.

Цена 7 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1960 год
НА ЖУРНАЛЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Названия журналов	Количество номеров в год	Подписная цена на год
ОБЩЕАКАДЕМИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ		
Вестник Академии наук СССР	12	96
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	518—40
Доклады Академии наук СССР (с 6 коленкоровыми папками с тиснением)	36	542—40
Известия Карельского и Кольского филиалов АН СССР	4	28
Известия Сибирского Отделения АН СССР	12	84
Природа	12	84
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ		
Вестник древней истории	4	96
Вопросы истории	12	84
Исторический архив (без переплета)	6	90
Исторический архив (в переплете)	6	99
История СССР	6	72
Новая и новейшая история	6	60
Советская археология	4	100
Советская этнография	6	108
Проблемы востоковедения	6	96
Советское государство и право	12	144
Вопросы языкознания	6	72
Русская литература	4	40
Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка	6	54

Подписка принимается в пунктах подписки «Союзпечати», почтамтах, конторах и отделениях связи, общественными уполномоченными на предприятиях и в учреждениях, в научно-исследовательских институтах и учебных заведениях.

Подписка принимается также магазинами «Академкнига» и конторой «Академкнига» по адресу: **Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10.**

«АКАДЕМКНИГА»